ТАЙНЫ РОССИИ

БОРИС ПРИНИШНИКОВ

НЕЗРИМАЯ ПАУТИНА

ОГПУ – НКВД ПРОТИВ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Благодаря собранному бесценному материалу по истории русской белой эмиграции в борьбе с органами ОГПУ-НКВД, события, происходящие в 20–30-е годы, воспринимаются в книге с поразительной достоверностью.

Эта книга читается как остросюжетный исторический детектив и не оставит равнодушным читателя.

- Борис Прянишников
  - Предисловие
  - От автора
  - Часть первая
    - Под Курском
    - Юность Дёжки
    - Путь с песней
    - В стане белых
    - Армия в изгнании
    - С песней в чужих краях
    - Русский Берлин
    - Русский Париж
    - А. П. Кутепов
    - А. А. Якушев
    - Б. В. Савинков И Опперпут
    - Гибель Б. Савинкова
    - «Трест»
    - Якушев с миссией в эмиграции
    - Якушев в Париже
    - «Трест» и поляки
    - Генерал Н. М. Потапов
    - Первый поход четы Шульц
    - «Трест» и евразийцы
    - «Трест» просит денег
    - Якушев у Кутепова
    - С. Рейли и Красноштановы
    - Гибель С. Рейли
    - В. В. Шульгин в сетях «Треста»
    - Стауниц и Мария Захарченко
    - Исчезновение генерала Монкевица
    - «Трест» перезрел
    - Саморазоблачение «Треста»
    - Бумаги Опперпута
    - После разоблачений

- Союз национальных террористов
- Опперпут руководит террором
- Гибель М. Захарченко и Ю. Петерса
- Взрыв на Мойке
- Показательный суд над террористами
- Конец Радковича
- Охота на Бухарина
- В поисках Опперпута
- Размышления о белом терроре
- Второй «Трест»
- Кутепов и де Роберти
- Похищение генерала Кутепова
- Заметание следов

○ Часть вторая

- Генерал Е. К. Миллер
- Наследство А. П. Кутепова
- Тайная организация в Софии
- «Внутренняя линия» во Франции
- Национальный Союз Нового Поколения
- Переписка из двух углов
- Генерал П. Н. Шатилов
- Несостоявшиеся дуэли
- Идеология «Внутренней Линии»
- Цели и задачи «Внутренней линии»
- «Внутренняя линия» в действии
- Моя поездка к Е. К. Миллеру
- Борьба в подполье
- Кризис на верхах РОВСа
- Генерал Эрдели и «организация»
- Е. К. Миллер в окружении Скоблиных
- «Внешняя линия» РОВСа
- Неудачный поход эмиссаров
- Полковник Х. обвиняет генерала ХХ
- Скоблин и финны
- «Бунт маршалов»
- Е. К. Миллер и НСНП
- Дело Линицкого-Коморовского
- Расследование сенатора Трегубова
- Борьба Е. К. Миллера с «Внутренней линией»
- Международная обстановка и РОВС
- Последнее лето Е. К. Миллера
- Похищение Е. К. Миллера
- Неудавшееся алиби
- Разоблачение «Внутренней линии»

        - «Внутренняя линия» обороняется
        - Интервью Шатилова
        - Акции против руководителей НТСНП
        - Французское следствие
        - Архив в доме Скоблиных
        - Советское дно Парижа
        - Комиссия генерала Эрдели
        - Генерал Ф. Ф. Абрамов
        - Братья Солоневичи, Фосс и Раскольников
        - Скоблин и «дело» Тухачевского
        - На скамье подсудимых
        - «Гаврский след»
        - Вердикт
        - Конец Плевицкой
    - Эпилог
        - 1. Микрофон в кабинете генерала Миллера
        - 2. Конец Кусонского
        - 3. Последний путь С. Ц. Добровольского
        - 4. Конец генералов Шатилова и Абрамова
        - 5. Фосс и гестапо
        - 6. Тайны «Внутренней линии»
        - 7. Легендарная Плевицкая
    - Иллюстрации
    - Библиография
        - Книги
        - Брошюры
        - Документы
        - Статьи в газетах и журналах
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108

Борис Прянишников
Незримая паутина

Предисловие

Публикуемая книга является уникальной во многих отношениях. Во-первых, благодаря бесценному материалу по истории русской белой эмиграции и борьбе органов ОГПУ-НКВД с ней. Во-вторых, благодаря поразительной, до сих пор, ничем не достигнутой глубине анализа происходящих в 20–30-е годы прошлого века в Европе событий, и, конечно, главное, благодаря яркой личности самого автора, непосредственного участника описываемых событий, вне всякого сомнения, являющегося одной из крупнейших фигур русского антикоммунистического сопротивления.

Борис Витальевич Прянишников, казак станицы Новочеркасской, родился 21 июля 1902 г. в семье потомственных дворян Области Войска Донского. Его бабка, Мария Михайловна, урожденная Ушакова, и дед, Яков Павлович, выпускник юридического факультета Московского университета во второй половине XIX века и в начале XX века владели крупным имением в семнадцати верстах от станции Чертково Юго-Восточных железных дорог.

Отец Бориса, Виталий Яковлевич Прянишников, офицер царской армии, женился на Марии Николаевне, урожденной Мухиной. Она скончалась от чахотки, когда Борису было всего четыре года. Год спустя отец женился на Софье Ивановне, урожденной Дударевой. У них появились свои дети, сводный брат Бориса — Георгий, Надежда и Мария. Вскоре после начала Первой мировой войны полковник Прянишников был сильно контужен под Остроленкой и отчислен от службы в тыл. В станице Нижней — Чиркской он командовал Четвертым Донским запасным полком.

В 1917 году Борис был кадетом пятого класса Донского императора Александра III кадетского корпуса в Новочеркасске. Когда в ноябре 1917 года в Ростове-на-Дону вспыхнуло восстание большевиков, захвативших город, Борис со своими друзьями-одноклассниками, Андреем Решетовским и Александром Горбачевым, бежали из корпуса на фронт. На станции Кизитеренка они присоединились к юнкерам-артиллеристам, бежавшим из Петрограда после октябрьского переворота. Восстание ростовских большевиков было подавлено, но в первом же бою от смертельной раны погиб Александр Горбачев.

Летом 1918 года, против воли отца, Борис использовал каникулы для борьбы с большевиками. Тайно покинув дом, на повозке, груженной снарядами для Добровольческой армии

генерала Деникина, он добрался до станицы Мечетинской. Здесь он вступил добровольцем в Партизанский пеший казачий полк, впоследствии переименованный в Алексеевский. Командовал им тогда полковник П. К. Писарев, приятель отца Бориса по совместной службе, в дальнейшем генерал и командир Сводного корпуса в Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

Проделав с полком второй Кубанский поход от Лежанки до Ставрополя и Невинномысской, Борис вернулся в Новочеркасск и с некоторым опозданием приступил к занятиям в шестом классе корпуса. За участие в походе он был награжден Георгиевской медалью 4-й степени.

После отступления генерала Деникина и оставления Новочеркасска кадеты Донского корпуса XXXI выпуска все как один поступили в Атаманское военное училище. В это время Борис дважды переболел тифом, а после окончательного разгрома Деникина вместе со всем училищем был эвакуирован в Крым. Здесь он участвовал в боях в составе армии генерала Врангеля. В начале августа 1920 г. под Каховкой Б. В. Прянишников был легко ранен, но остался в строю, за что был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. После эвакуации врангелевской армии из Крыма в ноябре 1920 г. вместе с ее остатками Борис оказался на пустынном острове Лемнос в Средиземном море. Затем он переезжает с училищем в городок Ямбол в южной Болгарии. 12 июня 1922 г. в числе других 170 юнкеров Борис был произведен в свой первый офицерский чин.

В 1925 году он переезжает во Францию. «Телом я был тут, но душой — всегда в России, — вспоминал Б. В. Прянишников, — я унес ее с собой в сердце своем. Каждая новая трагическая весть с Родины волновала и ставила все тот же вопрос: „Что делать?“[1]

Являясь членом крупнейшей военной белоэмигрантской организации Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), Прянишников болезненно переживал многочисленные неудачи РОВСа в организации „активных действий“ (т. е. диверсионно-террористических и повстанческих) против советской власти. Как и другие многочисленные представители русской эмигрантской молодежи, он пришел к мысли о необходимости создания новых независимых от РОВСа организаций, которые могли бы критически переосмыслить неудачи белых, наметить новые способы борьбы с большевиками.

Самими крупными из этих молодежных организаций были движение „евразийцев“ и будущий Народно-Трудовой Союз (НТС), одним из членов которого в феврале 1933 г. становится Борис Прянишников. Эта организация была создана на базе Русского национального студенческого объединения и

Национального союза русской молодежи в декабре 1931 г. и первоначально называлась Национальный союз нового поколения.

Началась бурная политическая деятельность Бориса. Он энергично работает в руководстве НТС, в 1941 г. переезжает в Германию, где работает корректором в газете „Новое слово“, а также редактирует журнал „Посев“ (до 1946 г.) и газету „Эхо“ в 1947–1949 гг. В конце войны Прянишников является членом власовского Комитета освобождения народов России (КОНР) под своим литературным псевдонимом В. Лисовский.

В 1950 г. Прянишников переезжает в США, помогает в работе над мемуарами Роману Гулю. В это время он принимает самое активное участие во „внутрисоюзной“ грызне среди членов НТС в эмиграции. В 1954 г. он выходит из организации, в начале 60-х полностью порывает со своими бывшими товарищами по антикоммунистической борьбе. При этом на протяжении всей своей жизни Б. В. Пряшников считал одной из своих главных задач — публичное разоблачение действий советской агентуры ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ в среде русской эмиграции. Он опубликовал на эту тему большую серию статей, а в 1979 г. в США издал и в 1993 г. в Санкт-Петербурге переиздал данную книгу за счет, как он сам утверждал, своих скромных средств.

Свои разоблачения он основывал как на результатах собственных исследований в роли своеобразного „частного детектива“, так и на многочисленных архивных документах, которые были либо переданы в его распоряжение непосредственными участниками событий, либо выявлены им в богатейших коллекциях различных архивов. В том числе в архиве Гуверовского института Станфордского университета (США). Естественно, что книги Бориса Прянишникова, основанные на свидетельствах с „той стороны“, при несомненной убедительности общей картины событий, несвободны от некоторых ошибок и неточностей. Как отмечал безвременно ушедший из жизни петербургский историк Виктор Георгиевич Бортневский: „Прямые персональные обвинения в работе на советскую разведку генералов Ф. Ф. Абрамова и П. Н. Шатилова, офицеров Фосса, Закржевского и других не выглядят достоверными, основанными на беспристрастном анализе фактического материала. Очевидно, что сознательная работа на какую-либо разведку и недостаточная бдительность, недооценка противника, служебная халатность, излишняя доверчивость к подчиненным все-таки не одно и то же. И соответственно этому люди, виновные в этих деяниях, должны быть по-разному очерчены историей, вне зависимости от имевших место последствий“.

Постараемся хотя бы вкратце привести некоторые новые факты, которыми, к сожалению, не располагал Прянишников к моменту написания книги. Это прежде всего, относится к похищению генералов Кутепова и Миллера. Решение похитить первого и вывезти его в Москву было принято Сталиным летом 1929 года.

Похищение Кутепова стало одним из первых серьезных заданий, порученных Спецгруппе при ИНО ОПТУ, руководителем которой был Яков Серебрянский. (Формально Спецгруппа была образована в начале 1930 года после заседания Политбюро ЦК ВКП(б), посвященного возможной войне).

То, что похищение Кутепова было поручено Серебрянскому и его людям, было далеко не случайным. К 1930 году Серебрянский уже считался опытным разведчиком-нелегалом. В органах госбезопасности он начал работать еще в 1920 году во время похода Красной армии в Персию. А в ИНО пришел в 1923 году и сразу же был направлен в Палестину в качестве заместителя нелегального резидента Я. Блюмкина. Через год, сменив Блюмкина на посту резидента, он смог проникнуть в боевое сионистское движение, а также завербовать большую группу эмигрантов — уроженцев России: А. Ананьева (он же Кауфман), Ю. Волкова, Р. Эске-Рачковского, Н. Захарова, А. Турыжникова и ряд других. Позднее именно они и составили костяк Спецгруппы. В 1925–1928 годах Серебрянский успешно работал в качестве нелегального резидента в Бельгии и во Франции, а в апреле 1929 года был назначен начальником 1-го отделения (нелегальная разведка) ИНО ОГПУ.

В начале января 1930 г. вместе с двумя своими сотрудниками А. Н. Турыжниковым и Р. Эске-Рачковским он выехал в Париж…

Утром в воскресенье 26 января 1930 года Кутепов в 10 часов 30 минут вышел из своей квартиры в доме № 26 по рю Русселе, сказав жене, что направляется на панихиду по генералу Каульбарсу в церковь „Союза галлиполийцев“, а перед этим встретится с одним хорошо известным ему человеком. Но на панихиду генерал так и не пришел.

В 3 часа дня обеспокоенная семья Кутепова подняла тревогу и заявила об исчезновении генерала в полицию. Подозревая возможность похищения Кутепова, французские власти срочно известили пограничные пункты, порты и аэропорты. Но все оказалось напрасным. Больше Кутепова никто никогда не ввдел. Расследование, проведенное французской полицией, установило, что Кутепов был похищен около 11 часов на углу рю Удино и рю Русселе. По версии полиции, двое неизвестных в желтых пальто неожиданно схватили проходившего мимо генерала и втолкнули

в стоявший рядом серо-зеленый автомобиль. На происходящее спокойно смотрел находившийся на углу полицейский, который затем сел в автомобиль рядом с водителем, после чего похитители уехали в сторону бульвара Инвалидов. Вслед за автомобилем поехало и находившееся рядом красное такси. Присутствие человека, одетого в полицейскую форму, дало повод случайному свидетелю Огюсту Стеймницу, уборщику католической клиники св. Иоанна, расположенной на рю Удино, считать произошедшее обычным полицейским арестом.

Но на самом деле все было несколько по-другому. На Кутепова чекистов вывел агент ОГПУ генерал Дьяконов, о котором стоит рассказать чуть подробнее. Участник русско-японской войны и выпускник 1905 года Николаевской академии Генерального штаба, генерал-майор Павел Павлович Дьяконов во время Первой мировой войны был помощником российского военного атташе в Лондоне и исполнял свои обязанности вплоть до мая 1920 года, когда русская военная миссия в Великобритании была закрыта. После этого оказавшийся не у дел генерал переехал на постоянное место жительство в Париж. Но будучи» эмиграции, Дьяконов никогда не высказывал враждебного отношения к новой власти в России, что, впрочем, — и неудивительно, поскольку в вождях белого движения он разочаровался довольно быстро. Желая вернуться на родину, Дьяконов на встречах с советскими представителями неоднократно говорил о том, что хотел бы выехать в Советский Союз. Но все его просьбы оставались без ответа. В марте 1924 года Дьяконов в очередной раз пришел в советское полпредство в Париже и, обращаясь к дежурному коменданту, сказал, что хотел бы встретиться с полпредом по поводу известных ему данных о заговоре против СССР. Слово «заговор» произвело магическое действие, и Дьяконова пригласили в отдельный кабинет, где он написал следующее письмо:

«Настоящим заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам Союза Советских Социалистических Республик и его правительства.

П. Дьяконов,

Париж, март 1924 г.»

Письмо Дьяконова попало к начальнику ИНО ОГПУ Трилиссеру, который принял, наконец, решение направить к генералу своего оперативного сотрудника Дмитрия Михайловича Смирнова. Их встреча состоялась в мае 1924 года в Лондоне. Во время разговора Дьяконов заверил собеседника в своей

преданности Советской власти и написал следующее обязательство:

«Настоящим я заявляю, что будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской Власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней. Желая доказать свою преданность Советскому Правительству я добровольно и сознательно беру на себя обязательство быть секретным осведомителем Советского Правительства о деятельности правых (антисоветских) партий. Равным образом обязуюсь сообщать своевременно о всех прочих контрреволюционных группах, что мне станет известно о их деятельности.

Все директивы, мною получаемые в связи с моей осведомительской работой, обязуюсь исполнять точно и своевременно. О своей деятельности и получаемых мною заданиях обязуюсь хранить полное молчание.

Лондон, 26 мая 1924 г.

Павел Павлович Дьяконов.

Впредь свои сообщения буду подписывать „Виноградов“»

Основным объектом деятельности Дьяконова как агента ОГПУ стал образованный в сентябре 1924 года РОВС. Кроме того, используя связи Дьяконова во французском Генштабе, ИНО ОГПУ довел до сведения французской разведки данные о профашистски настроенных русских генералах и офицерах. Но главным заданием Дьяконова следует считать участие в похищении Кутепова.

Именно с помощью Дьяконова Кутепову написали записку, в которой неизвестное лицо выразило желание встретиться с ним по денежному вопросу. Встреча была назначена на воскресенье. Те два человека в желтых пальто, что запихнули Кутепова в машину, на самом деле были французскими коммунистами и агентами группы Серебрянского. Роль постового исполнил офицер французской полиции (также агент ОГПУ). А в красном такси находились непосредственные руководители операции на месте — Турыжников и Эске-Рачковский. Посадив Кутепова в машину, чекисты проехали весь центр Парижа, после чего повернули к окраине. А когда заволновавшийся Кутепов спросил их: «Куда вы меня везете?», театрально ответили: «Можете говорить по-русски, генерал. Мы — сотрудники ОГПУ СССР». После этого Кутепова усыпили хлороформом, а по другим сведениям, морфием. Однако сердце генерала не выдержало действия препарата, и Кутепов умер вечером 26 января и был тайно похоронен в саду дома, принадлежащего вышеуказанному французскому полицейскому. Впрочем, несмотря на смерть

Кутепова, организатор похищения главы РОВСа Я. Серебрянский 30 марта 1930 года был награжден орденом Красного Знамени.

В Москве с самого начала категорически отрицали причастность своих спецслужб к похищению генерала Кутепова. Так, в газете «Известия» от 3 февраля 1930 года была напечатана заметка, в которой утверждалось, что Кутепов похитил деньги РОВСа и бежал с ними в Южную Америку. И только в 1965 году было сделано неожиданное и, скорее всего, случайное признание. 22 сентября газета «Красная звезда» опубликовала заметку генерал-полковника авиации в запасе Н. Шиманова, в которой говорилось: «…комиссар государственной безопасности 2-го ранга (на самом деле 3-го ранга. — Авт.) Сергей Васильевич Пузицкий… участвовал не только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контрреволюционной организации „Трест“, но и блестяще провел операцию по аресту Кутепова и ряда других белогвардейских организаторов и вдохновителей иностранной интервенции и Гражданской войны». Кстати, эта информация до сих пор остается неподтвержденной. В следственном деле Пузицкого нет ни слова по поводу его участия в похищении Кутепова.

Что же касается генерала Дьяконова, то после исчезновения Кутепова эмигрантская газета «Возрождение» назвала его «чекистским агентом» и прямым участником похищения главы РОВСа. После этого Дьяконову пришлось потратить немало сил и времени, чтобы французский суд, рассмотрев материалы следствия по делу «Генерал Дьяконов против газеты „Возрождение“», признал обвинения необоснованными и — заставил редакцию принести генералу извинения. Агент «Виноградов» продолжал работать на советскую разведку до оккупации Франции немецкими войсками, а в конце мая 1941 года при помощи советского полпредства в Париже вместе с дочерью выехал в СССР. Через месяц после начала Великой Отечественной войны его арестовали, но спустя четыре месяца благодаря заступничеству начальника 1-го (разведывательного) управления НКВД СССР П. Фитина выпустили на свободу. Умер П. П. Дьяконов 28 января 1943 года в Казахстане, куда он был эвакуирован.

Ликвидация Кутепова имела далеко идущие последствия. Во-первых, всем лидерам белой эмиграции было показано, что и за границей они не могут быть гарантированы от насильственной смерти от рук агентов ОГПУ, а полиция и спецслужбы стран пребывания не способны не только обеспечить им защиту, но и даже провести квалифицированное расследование. Во-вторых, РОВС как претендующая на лидерство среди эмигрантов

организация стал гораздо менее влиятельным, поскольку сменивший Кутепова на посту председателя генерал Е. Миллер не пользовался большим авторитетом. И в-третьих, в результате непродуманной, начатой белыми эмигрантами под влиянием эмоций террористической кампании 1927–1928 годов значительные силы эмиграции, нацеленные на борьбу с большевизмом вооруженным путем, были уничтожены. Впрочем, иначе и быть не могло, так как государственные спецслужбы всегда были, да и должны быть неизмеримо сильнее каких бы там ни было террористов.

Приняв дела, Миллер был вынужден констатировать, что похищение Кутепова нанесло РОВСу сильный удар. От боевой организации не осталось почти ничего, так как основная часть боевиков погибла в вылазках на территорию СССР, а оставшиеся были деморализованы разоблачением «Треста» и похищением Кутепова. Единственной действующей боевой единицей была группа боевиков в Чехословакии, которую возглавлял генерал-майор В. Харжевский, тесно сотрудничавший со 2-м отделом польского генштаба. Однако и там не все обстояло благополучно, из-за чего начальник русской секции 2-го отдела полковник Р. Врага несколько раз беседовал с Миллером, указывая на недостатки в работе Харжевского.

Понимая, что неудачи Кутепова были связаны с отсутствием у него опыта конспиративной работы, Миллер первым делом организовал при РОВСе в октябре 1930 года небольшой контрразведывательный отдел. Его начальником стал генерал-майор К. Глобачев, в свое время окончивший Николаевскую академию Генерального штаба по второму разряду и в период Первой мировой войны занимавший посты начальника Охранного отделения в Варшаве и Петрограде. Что же касается тайной деятельности на территории СССР, то Миллер, продолжая генеральную линию Кутепова, перенес основные усилия на создание хорошо законспирированных подпольных ячеек, которые в нужный момент могли бы возглавить вооруженное восстание. Секретную (особую) работу против СССР по предложению Миллера возглавил генерал от кавалерии А. М. Драгомиров, официально занимающий должность генерала для поручений. Специальные курсы по подготовке агентов для заброски в СССР, на которых боевиков обучали стрельбе, изготовлению взрывчатых веществ и т. д., действовали в Париже, Софии и Праге.

В 1934 году при РОВСе была создана организация «Белая идея», задачей которой была нелегальная заброска на территорию СССР террористических и разведывательных групп через

Финляндию (ранее, в 1931 году в СССР были заброшены бывшие офицеры Потто и Потехин, арестованные чекистами благодаря сведениям, полученным парижской резидентурой ИНО ОГПУ, и хорошей работе контрразведки). Руководил организацией капитан Ларионов, который лично отобрал первые 20 человек, прошедших спецподготовку для успешной работы в Советском Союзе. В том же году первые два боевика, Прилуцкий и Насонов, были заброшены в СССР. Однако под Ленинградом их обнаружили и только чудом им удалось вырваться в Финляндию. Но еще двое, Дмитриев и Богданович, в том же году не вернулись из СССР, так как были обезврежены чекистами. Этим активная деятельность организации Ларионова, которого позднее сменил Носанов, и ограничилась, хотя, например, подполковник Николай Зуев до 1938 года четырежды побывал на советской территории и каждый раз благополучно возвращался обратно.

Впрочем, разведывательные возможности Миллера были действительно невелики. И прежде всего из-за ограниченных финансовых ресурсов. Дело в том, что основные денежные средства РОВСа по совету брата Миллера — Карла, бывшего торгового агента в Токио, были вложены в предприятия шведского спичечного короля Ивара Крейгера, считавшегося весьма солидным финансистом. Но на самом деле Крейгер оказался обыкновенным аферистом и строителем финансовых «пирамид», этаким Мавроди начала XX века. И в 1932 году его империя лопнула, а сам он 12 марта застрелился в спальне своей роскошной квартиры на улице Виктора-Эммануила Третьего в Париже. В результате РОВС оказался разоренным — его потери составили 7 миллионов франков.

Кроме того, спецслужбы европейских государств после разоблачения «Треста» и похищения Кутепова скептически относились к возможностям РОВСа и всячески уклонялись от контактов с ним. По этим причинам, как уже говорилось, Миллер был вынужден ограничиться только разведывательной деятельностью, да и то в незначительных размерах.

Другим важным обстоятельством было то, что Миллер в отличие от своих предшественников Врангеля и Кутепова был мало известен и не пользовался популярностью и авторитетом у белой эмиграции, а кроме того, у него не было ясной политической программы. Из-за этого в рядах РОВСа со временем стали возникать склоки и противоречия.

Все это вместе взятое значительно ослабило Союз, но, несмотря на испытываемые трудности, он продолжал оставаться крупнейшей эмигрантской организацией, потенциально опасной для Москвы, особенно в случае военных конфликтов с западными

странами. Поэтому РОВС и его председатель по-прежнему находились под пристальным вниманием советских спецслужб, которые настойчиво внедряли в его ряды свою агентуру. Одним из наиболее важных агентов был генерал-майор Николай Скоблин.

Николай Владимирович Скоблин родился 9 июня 1893 года в городе Нежине в семье отставного полковника. Выбрав военную карьеру, он в 1914 году окончил Чугуевское военное училище и был в чине прапорщика направлен на фронт в 126-й Рыльский пехотный полк. Воевал он отважно, и за храбрость и боевые заслуги был награжден орденом св. Георгия и золотым Георгиевским оружием. Летом 1917 года штабс-капитан Скоблин одним из первых вступил в 1-й Ударный (позднее Корниловский ударный) отряд 8-й армии, где командовал вторым батальоном, а когда началась Гражданская война, он встал на сторону белых.

«В Добровольческой армии с самого начала, — говорится о нем в „Биографическом справочнике высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России“. — В конце 1917 г. — в Корниловском ударном полку под командою полковника Неженцева. Командир роты, командир батальона. В ноябре 1918 г. — полковник и командир Корниловского полка. В Русской армии генерала Врангеля — начальник Корниловской дивизии; в ней же был произведен в генерал-майоры. В Галлиполийском лагере командир Корниловского полка, сформированного из остатков дивизии».

Там же в Галлиполи в июне 1921 года Скоблин женился на известной русской певице Надежде Плевицкой, которая и в Европе пользовалась громадной популярностью среди русских эмигрантов. Вместе с сопровождавшим ее Скоблиным она давала концерты сначала в Болгарии, а потом в Прибалтике и Польше, а также в Берлине, Брюсселе, Праге, Париже и других городах Европы. В 1926 году Плевицкая совершила турне по Америке и в октябре дала в Нью-Йорке серию концертов, на которые пригласила служащих советских внешнеторговых учреждений. Это обстоятельство вызвало изумление и смущение в рядах эмиграции, а в газете «Новое Русское Слово» появилась статья под названием «Глупость или измена?». В ответ на нападки Плевицкая отвечала: «Я артистка и пою для всех. Я вне политики», что не могло понравиться лидерам эмиграции. В результате возмущенный случившимся Врангель под давлением общественного мнения отдал 9 февраля 1927 года приказ об освобождении генерала Скоблина от командования корниловцами. Впрочем, опала Скоблина была недолгой. И в том же 1927 году ближайший помощник Врангеля генерал Шатилов,

пытаясь укрепить влияние председателя РОВСа среди ветеранов Белой армии, убедил его вернуть Скоблина в Корниловский полк. Такова была ситуация, когда в начале сентябре 1930 года Скоблин встретился со своим бывшим подчиненным штабс-капитаном Ковальским.

Сын железнодорожника, Петр Григорьевич Ковальский в 1914 году поступил в Одесское военное училище. В мае 1915 года он был выпущен из училища в чине прапорщика, а уже в июне 1915 года был направлен на фронт.

Воевал Ковальский храбро, был трижды ранен, но всякий раз возвращался в строй. В октябре 1916 года он был уже штабс-капитаном и имел восемь боевых наград. После Февральской революции 26-летний Ковальский вступил в 1-й Ударный отряд 8-й армии, где и познакомился со Скоблиным. В Гражданскую войну он воевал в рядах Добровольческой армии, а после поражения Белого движения оказался в Польше, ще был интернирован. Освободившись из лагеря, он поселился в Лодзи, работал сначала ночным сторожем, а потом техником в строительной конторе. В 1921 году Ковальский пришел в советское полпредство в Варшаве и сказал, что хотел бы вернуться на родину.

Так он начал работать на советскую разведку под псевдонимом «Сильвестров».

В 1924 году Ковальский вернулся в СССР и поступил в распоряжение ИНО ГПУ Украины. А весной 1930 года он был передан в центральный аппарат ИНО ОГПУ и как агент «ЕЖ/10» направлен во Францию для вербовки генерала Скоблина. Основанием для такого решения послужило его старое знакомство со Скоблиным, о котором он писал:

«…Генерал Скоблин — познакомились в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда VIII армии. Скоблин был штабс-капитаном. Мы были большими приятелями. Почти год служили в одном полку — Отдельный ударный отряд, Корниловский ударный полк, Славянский ударный полк, Корниловский ударный полк. После ранения один раз гостил у него в Дебальцево, в другой раз кутили в Харькове в „Астраханке“ в 1919 году…»

Ковальский приехал в Париж 2 сентября и сразу же направился к Скоблину, который явно обрадовался встрече со старым знакомым. Он представил его Плевицкой, благосклонно принявшей друга мужа, что дало Ковальскому возможность еще несколько раз бывать в их доме.

Итогом этих посещений стала вербовка Ковальским не только Скоблина, но и его жены. Что толкнуло Скоблина, в отличие от

других эмигрантов не испытывающего нужды, на сотрудничество с советской разведкой, сказать трудно. Но как бы там ни было, он под диктовку Ковальского написал следующее заявление:

«ЦИК СССР
От Николая Владимировича Скоблина

Заявление

12 лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 г.

Н. Скоблин».

Данное заявление было переправлено в Москву и начальник ИНО А. Артузов наложил на нем следующую резолюцию: «Заведите на Скоблина агентурное личное и рабочее дело под псевдонимом „Фермер — ЕЖ/13“».

21 января 1931 года в Берлине состоялась встреча Скоблина и Плевицкой с представителем Центра. На ней агентам было объявлено, что ЦИК СССР персонально амнистировал их. После этого Скоблин написал обязательство о сотрудничестве с советской разведкой:

«Подписка

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки

Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/131, Берлин.

Б. генерал Николай Владимирович Скоблин».

Точно такое же обязательство написала и Плевицкая.

Новые агенты были переданы на связь легальной парижской резидентуре ИНО ОГПУ. Что до Ковальского, то он 20 января 1931 года попал под подозрение немецкой полиции и был немедленно отправлен в СССР. В дальнейшем его передали в распоряжение ГПУ Украины, а затем и вовсе перевели на гражданскую работу. Сначала он работал в Одессе, потом в Челябинске, а затем устроился в Ворошиловграде старшим бухгалтером в трест «Главхлеб». Там в 1937 году Ковальский был арестован и по обвинению в шпионаже расстрелян. Когда же в 1939 году сотрудники ИНО НКВД в связи с нехваткой опытных вербовщиков предприняли его поиски, то получили из УНКВД по Донецкой области следующую копию обвинительного заключения:

«Из дела-формуляра Ковальского видно, что Ковальский при использовании по линии Иностранного отдела имеет ряд фактов, подозрительных в проведении им разведывательной работы в пользу Польши.

В принадлежности к агентуре польской разведки Ковальский виновным себя не признал.

Ковальский Петр Георгиевич, согласно приказу наркома внутренних дел СССР — Генерального Комиссара Государственной Безопасности тов. Ежова — № 00 495, осужден.

22 ноября 1937 года».

Что же касается Скоблина, то он на протяжении семи лет активно работал на советскую разведку. Не вдаваясь в подробности его деятельности, сошлемся на статью «Конец РОВС», помещенную в 3-м томе «Очерков истории российской внешней разведки», в которой, в частности, говорится:

«По оценке ИНО ОГПУ, через год после вербовки Скоблин „стал одним из лучших источников… довольно четко информировал нас о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, сообщал подробности о поездках Миллера в другие страны“. Гастроли его жены давали возможность Скоблину осуществлять инспекторские проверки периферийных подразделений РОВС и обеспечивать советскую разведку оперативно значимой информацией. С помощью Скоблина были ликвидированы боевые кутеповские дружины, скомпрометирована идея генералов Шатилова и Туркула о создании в РОВС террористического ядра для использования его на

территории СССР. В конечном счете Скоблин стал одним из ближайших помощников Миллера и его поверенным в делах центральной организации РОВС. Когда некоторые члены РОВС стали высказывать подозрения относительно сотрудничества Скоблина с советской разведкой, Миллер решительно выступил в его защиту».

Другим важным агентом, освещавшим деятельность РОВСа, был Сергей Николаевич Третьяков. Он родился 26 августа 1882 года в богатой и именитой московской купеческой семье. Его дед, Сергей Михайлович, был одно время московским городским головой, основал всемирно известную Третьяковскую галерею. Сам Сергей Николаевич был женат на Наталье Мамонтовой, представительнице богатейшего московского рода. Еще молодым, он после окончания Московского университета вошел в семейное торговое дело, на московской бирже занимал одно из первых мест, был основателем и первым председателем Всероссийского Объединения льняных фабрикантов. В общественной жизни Москвы он также играл видную роль и одно время даже являлся гласным городской думы. Во время Первой мировой войны Третьяков занимал пост заместителя председателя московского Военно-промышленного комитета, а после Февральской революции примкнул к кадетам и занял пост председателя Высшего Экономического совещания в правительстве А. Керенского. Арестованный после Октябрьского переворота, Третьяков несколько месяцев провел в тюрьме. Выйдя на свободу весной 1918 года, он выехал сначала в Москву, затем в Харьков, а оттуда — в Париж. Но когда Сибирское правительство адмирала Колчака в конце 1919 года предложило ему занять пост министра торговли и промышленности, он немедленно выехал в Омск. Впрочем, на этой должности; и последующих — заместителя председателя правительства и министра иностранных дел — он пробыл недолго, всего 5 месяцев, и после поражения Колчака вернулся во Францию.

С этого момента для Третьякова началась тяжелая жизнь в эмиграции. Первое время он существовал довольно безбедно, но вскоре деньги кончились и настала острая нужда. Пришлось отказаться от роскошной квартиры и поселиться в крохотном номере дешевой гостиницы в Бийянкуре, около Порт де Сен-Клу. Сам он устроился на работу в журнал «Иллюстрированная Россия», а его жена стала торговать парфюмерией. На почве разочарований и постоянных ссор с женой он запил и даже однажды попытался покончить жизнь самоубийством, приняв большую дозу веронала. От смерти Третьякова спасла его дочь, вовремя вызвавшая «скорую помощь». Именно в это время

Третьяков встретился со своим старым знакомым, инженером Окороковым, когда-то работавшим в омском правительстве в министерстве торговли.

Окороков не скрывал своих контактов с большевиками, что подтолкнуло Третьякова к определенным размышлением. Закончились они тем, что в 1929 году он стал агентом ИНО ОГПУ.

Первоначально поступающая от Третьякова информация не представляла особого интереса. Но с 1933 года, когда перед ним поставили задачу по «разработке» 1-го отдела РОВС (Франция и Бельгия), все изменилось. Получив от советской разведки деньги, Третьяков снял в доме № 29 на рю де Колизе, где размещался штаб РОВСа, три квартиры. Две из них располагались на третьем этаже, причем одна как раз над помещением штаба РОВСа. В третьей квартире на четвертом этаже поселился он сам с семьей. После этого сотрудниками парижской резидентуры в штаб-квартире РОВСа были установлены микрофоны, а аппаратура приема размещена в квартире Третьякова. И начиная с января 1934 года Третьяков регулярно вел записи всех разговоров руководителей РОВСа. Когда же в конце 1934 года в связи с финансовыми трудностями председатель РОВСа генерал Миллер стал подыскивать для штаба более дешевое помещение, Третьяков предложил ему одну из своих квартир на третьем этаже. Цена показалась Миллеру подходящей, и в декабре 1934 года штаб РОВСа переехал на третий этаж. Благодаря этому операция «Информация наших дней» (так в ИНО ОГПУ проходили поступающие от Третьякова данные) благополучно продолжалась до 1940 года.

Сведения, получаемые благодаря Третьякову, были исключительно важными. Благодаря ему были выявлены каналы заброски боевиков РОВСа на территорию СССР и их имена, установлен факт сотрудничества генерала Миллера с французскими и японскими спецслужбами и многое другое. В качестве примера можно привести следующее спецсообщение ИНО руководству НКВД, составленное на основе донесений Третьякова:

> «ИНО Пивного управления государственной безопасности получены сведения, что руководитель террористической работой РОВС в Румынии полк. Жолондовский заявляет, что НКВД… совершенно разгромил всю английскую разведку, ведущуюся из Румынии, и всю румынскую линию Жолондовского. По словам Жолондовского, нарушены все организации всех

> разведок. На Жолондовского произвело впечатление опубликование в советской печати настоящих фамилий двух расстрелянных террористов в Харькове… Жолондовский заявляет, что сейчас со стороны Румынии невозможна работа террористического характера, но в то же время он считает необходимым, чтобы РОВС снова провел террористический акт по какой-либо другой линии против т. Жданова или т. Постышева. Ген. Абрамов… и капитан Фосс… считают, что Жолондовский всех обманывал. Он тратил получаемые от РОВС 5 тыс. франков на свои личные нужды, ведя неприличный образ жизни, и на взятки Мурузову (один из руководителей румынских спецслужб). По словам Абрамова и Фосса, все посылки людей в СССР Жолондовским производились на английские деньги, а счет представляли ген. Миллеру…»

Но, как уже говорилось, в 1937 году в Москве посчитали, что РОВС следует взять под полный контроль, поставив во главе его своего агента. Для этого было решено похитить генерала Миллера, после чего на пост председателя мог претендовать его ближайший соратник генерал Скоблин. За председателем РОВСа было установлено постоянное наблюдение, которое поручили нелегальной резидентуре Я. Серебрянского. Одним из агентов Серебрянского, следившим за Миллером, была Мирей Аббиат (Авиаторша). По указанию Серебрянского «Авиаторша» сняла квартиру рядом с квартирой Миллера, откуда вела наблюдение за председателем РОВСа. Позднее она даже проникла в квартиру Миллера, украла некоторые документы, а также установила микрофон, который позволял прослушивать разговоры генерала.

Однако поскольку резидентура Серебрянского в это время готовила похищение сына Троцкого Льва Седова, операцию по изъятию Миллера (кодовое название «Дед») было решено поручить другим людям. Поэтому в начале сентября 1937 года для организации похищения Миллера, проходившего в НКВД под псевдонимом «Дед», в Париж прибыл заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД Сергей Шпигельглас. На месте ему помогали прибывший из Испании резидент ИНО в Мадриде Александр Орлов, он же Лев Никольский (Фельдбин, псевдоним «Швед») и резидент ИНО во Париже Станислав Глинский («Петр»), работавший во Франции под фамилией Смирнов. В похищении Миллера также участвовали Георгий Косенко (во Франции Кислов, псевдоним «Фин»), Михаил Григорьев («Александр») и Вениамин Гражуль (во Франции Белецкий). Весь план похищения построили на Скоблине, который должен был заманить Миллера

на конспиративную квартиру.

22 сентября 1937 года в 11 часов утра Миллер вышел из штаб-квартиры РОВСа, оставив у начальника канцелярии генерала П. Кусонского конверт, который попросил вскрыть в том случае, если он не вернется. После этого он встретился со Скоблиным, который отвез его на квартиру, где Миллера, дескать, ожидали немецкие офицеры, пожелавшие поговорить с ним. Но там Миллера встретили не немецкие офицеры, а Георгий Косенко и Вениамин Гражуль. Они вкололи Миллеру большую дозу наркотика, после чего поместили в деревянный ящик и на грузовике «Форд-23КВ» советского полпредства перевезли в Гавр.

Там ящик, опечатанный дипломатической печатью, погрузили на пароход «Мария Ульянова», находившийся в порту под разгрузкой партии бараньих шкур. Не дожидаясь окончания разгрузки, пароход немедленно отплыл из Гавра и взял курс на Ленинград. Через неделю, 29 сентября, Миллер был доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД как заключенный № 110.

Но еще вечером 22 сентября генерал П. Кусонский и заместитель председателя РОВС адмирал М. Кедров, обеспокоенные долгим отсутствием Миллера, вскрыли оставленный им конверт и прочитали записку следующего содержания:

«У меня сегодня в 12.30 час. дня рандеву с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он должен везти меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в прибалтийских странах — полковником Штроманом, и с г. Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку.

Генерал Миллер.

22 сентября 1937 г.»

Генерал Скоблин, за которым немедленно послали, сначала отрицал факт встречи с Миллером в этот день, а когда Кедров предложил ему пройти в полицейский участок для дачи показаний, воспользовался моментом и бежал. Исчезновение генерала Миллера вызвало бурную реакцию французских властей. Советскому полпреду во Франции Сурицу был заявлен решительный протест. Французская сторона с первых часов происшествия проницательно утверждала, что генерал был похищен и привезен на борт советского судна, а специальный комиссар Гавра Шавино точно определил время и обстоятельства погрузки Миллера на «Марию Ульянову». Однако французы не хотели портить отношения с СССР, и поэтому Шавино был снят с

должности. Его преемник, комиссар Андре, очевидно еще меньше уважал правительство Народного фронта, так как не только подтвердил заявление Шавино, но и назвал организатора похищения — консула Кислова. Под этим именем, как уже было сказано, работал во Франции Косенко.

Прозвучала даже угроза направить французский эсминец на перехват этого судна в море. Однако полпред СССР во Франции Суриц решительно отверг обвинения и предупредил, что французы понесут ответственность, если их военный корабль остановит в международных водах мирное советское судно и французские военные учинят на нем обыск. В любом случае, утверждал Суриц, генерала Миллера они там не найдут. И французы не решились осуществить свою угрозу. В итоге «Мария Ульянова» спокойно проделала весь путь из Гаврского порта в Ленинград.

Все это время советская сторона продолжала категорически отрицать свою причастность к похищению Миллера. Более тою, был даже распущен слух, что Скоблин являлся агентом гестапо. Для этого в «Правде» от 30 сентября 1937 года было напечатано следующее заявление ТАСС:

> «Все отчетливее выясняются связи Скоблина с гитлеровским гестапо и звериная злоба и ненависть, которую питал Скоблин к Советскому Союзу. Ряд газет приводят заявление директора одного из парижских банков, который сообщил, что… Скоблин располагал крупными средствами и часто менял в банке иностранную валюту. Из заявления банкира вытекает, что источником средств Скоблина являлась гитлеровская Германия».

Однако следствие, проведенное французское полицией, доказало причастность к похищению генерала Миллера Скоблина и его жены Надежды Плевицкой. 24 сентября Плевицкая была арестована по подозрению в соучастии в похищении генерала Миллера и шпионаже в пользу СССР. Суд над ней состоялся в декабре 1938 года, а 14 числа того же месяца был вынесен приговор: 20 лет каторжных работ и 10 лет запрещения проживать во Франции. (Кстати, Скоблина также судили, только заочно. 26 июля 1939 года он был признан виновным в похищении Миллера и приговорен к пожизненной каторге.) Весной 1939 года Плевицкая была отправлена в Центральную тюрьму города Ренн. Вскоре она тяжело заболела и 5 октября 1940 года умерла. Думается, здесь будет уместно привести рассказ председателя Народно-Трудового Союза в 1930–1960

годах Виктора Байдалакова, в котором он, говоря о неком сотруднике гестапо Дедио, вспоминал:

«Он (Дедио. — *Авт.*) во время войны арестовал в Париже С. Н. Третьякова, в квартиру которого шли провода микрофонов из квартиры ниже, в которой помещался штаб управления РОВСа. В квартиру Третьякова и скрылся 22 сентября 1937 года генерал Скоблин, когда генерал Кусонский и адмирал Кедров предложили ему вместе с ними поехать в полицейский комиссариат, чтобы заявить об исчезновении генерала Е. К. Миллера. Допрашивал он и сидевшую в тюрьме Надежду Плевицкую, принесшую перед смертью полную повинную — вместе с генералом Скоблиным долгие годы они состояли на службе большевиков».

Скоблин сумел избежать ареста, но его побег поставил крест на замыслах Москвы сделать своего агента председателем РОВСа. С этой точки зрения подключение Скоблина к похищению Миллера следует расценивать как непростительную ошибку, приведшую к непоправимым последствиям. Важнейший агент НКВД в РОВСе был вынужден долгое время скрываться на конспиративной квартире советской разведки, пока в конце концов его на самолете, арендованном при помощи Орлова, переправили в Испанию. Журналист Л. Млечин при этом утверждает, что непосредственно переброской Скоблина занимался сотрудник ИНО НКВД «Андрей». В Испании следы агента «ЕЖ/13» теряются. По официальной версии он погиб в октябре 1937 года в Барселоне во время бомбежки аэродрома. Сохранилось лишь письмо Скоблина, в котором он просит оказать помощь его жене:

«11. XI.37.

Дорогой товарищ Стах![2] Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза. Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу, и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе. Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 1 журнала „Большевик“ этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья „Большевики на Северном полюсе“ произвела на меня большое впечатление.

В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полетом на полюс задали вопрос: „Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь

садиться? А вдруг сломаешь — пешком-то далеко идти?“ „Если поломаю, сказал Водопьянов, пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ Сталин не бросит человека!“ Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой, подействовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен, и тоже верю, что Товарищ Сталин не бросит человека. Одно только меня опечалило, это 7-го ноября, когда вся наша многомиллионная страна праздновала этот день, а я не мог дать почувствовать „Васеньке“ [3] *о великом празднике. Не успел оглянуться, как снова прошло 2 недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло. От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем „Васеньке“ не дает мне целиком отдаться этому делу. Как Вы полагаете, не следует ли Георгий Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно „Васеньки“? Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти 2 месячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное успокоить. Крепко жму Вашу руку.*

С искренним приветом Ваш (подпись)».

Но, скорее всего, Скоблин до Испании не долетел. Свидетельством тому может служить следующая шифровка из Москвы во Францию:

«Париж
Шведу Яше
28.09.1937
лично

Ваш план принимается. Хозяин просит сделать все возможное, чтобы прошло чисто. Операция не должна иметь следов. У жены должна сохраниться уверенность, что тринадцатый жив и находится дома.

Алексей».

Здесь стоит напомнить, что псевдонимом «Швед» пользовался А. Орлов, «Яша» — Я. Серебрянский, «Алексей» — начальник ИНО НКВД А. Слуцкий.

За проведенную операцию по похищению генерала Миллера («Деда»), а также за проводившуюся параллельно операцию по ликвидации перебежчика Рейсса («Раймонда») ее участники согласно указу ЦИК СССР от 13 ноября 1937 года были награждены орденами «за самоотверженное и успешное выполнение специальных заданий Правительства СССР» (список награжденных был приведен выше).

Похищение Миллера вызвало немало шума и нанесло РОВСу оглушительный удар, от которого он так и не смог оправиться.

Новый председатель генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов, занявший этот пост после исчезновения Миллера, и сменивший его 22 марта 1938 года генерал-лейтенант А. П. Архангельский (1938–1957 гг.), не смогли восстановить авторитет Союза и он окончательно превратился в отжившую свой век организацию.

Как уже говорилось выше, с точки зрения советского руководства генерал Миллер был значимой фигурой белого движения на Западе, потенциально ориентированной на союз с Германией. Возможно, что так оно и было, особенно если учесть развал РОВСа после его похищения. Однако личность самого Миллера на момент его похищения вызывает лишь недоумение. Оставшиеся в архивах документы рисуют образ уже не способного к активным действиям человека, безнадежно старого и, возможно, даже ослабевшего умом. Читатель сам может об этом судить по его письмам из тюрьмы, приведенным в приложении.

Так, 29 сентября 1937 года он во время первого допроса пишет письма в Париж жене и генералу Кусонскому, из которых следует, что пленник Лубянки рассчитывает выйти на свободу. Но вскоре его надежды исчезают, и 4 ноября 1937 года Миллер обращается с заявлением к начальнику тюрьмы, прося по крайней мере послать жене краткое уведомление о том, что он жив. Затем он трижды, 28 декабря 1937 года, 30 марта и 16 апреля 1938 года, пишет записки Н. Ежову, посетившему его в камере 27 декабря, но и эти послания остаются без ответа. Тогда 27 августа 1938 года он пишет Ежову очередное письмо, в котором звучат доселе скрываемые гнев и горечь. После этого реальный жизненный след генерала Миллера обрывается — он превращается в тень, в узника камеры № 110, упоминаемого в документах НКВД под именем Иванова Петра Васильевича.

Решение о расстреле генерала Миллера было принято в мае 1939 года. И совершенно очевидно, что решение это принималось в экстренном порядке. Архивы НКВД не дают ответа на вопрос, почему именно 11 мая 1939 года судьба секретного узника была решена окончательно и бесповоротно. Но догадаться о причине этой поспешности нетрудно. До того времени пост наркома иностранных дел СССР занимал М. Литвинов, который являлся сторонником политического сближения СССР с Англией и Францией и был уверен, что для прочного мира необходим антигитлеровский альянс с этими странами. Учитывая такую политику, НКВД мог предполагать, что старый генерал, похищенный в Париже, может еще понадобиться в качестве той или иной разменной карты при игре с европейскими партнерами. Однако 4 мая 1939 года Литвинов был снят со своей должности, а его место занял В. Молотов.

В результате внешнеполитический курс СССР изменился на 180 градусов. Новый нарком иностранных дел решительно пошел на сближение с Гитлером, и в этом раскладе карт секретному узнику Лубянки уже не было места.

К этому времени наркомом внутренних дел вместо ликвидированного по приказу Сталина Н. Ежова был назначен Л. Берия. Он и подписал первый документ, относящийся к завершению трагической истории генерала Миллера. Очевидно, что указания на этот счет Берия мог получить только от Молотова либо от самого Сталина. После этого он вызвал к себе председателя Военной Коллегии Верховного Суда Ульриха, и в его присутствии дежурный секретарь составил две бумаги, первую из которых, написанную на бланке «Народного Комиссара Внутренних Дел СССР», без номера, но с датой 11 мая 1939 года, подписал сам Берия:

«Только лично.

Начальнику внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР

тов. Миронову

ПРЕДПИСАНИЕ

Предлагаю выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под № 110 коменданту НКВД СССР тов. Блохину.

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР

Л. Берия».

Внизу, видимо, рукою Миронова сделана приписка:

«Арестованного Иванова под № 110 выдал коменданту НКВД. Нач. Внутр. тюрьмы Миронов. 11. V.39».

Наискосок листа идет еще одна надпись, красным карандашом:

«Одного осужденного принял. Блохин. 11. V.39»43.

Второй документ, составленный дежурным секретарем, гласит:

«Предлагается немедленно привести в исполнение приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР над Ивановым Петром Васильевичем, осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года. Председатель В. К. В. Ульрих»

Сбоку документа, тем же Мироновым приписано:

«Выданная личность Иванов под № 110 подтверждаю.

Нач. Вн. тюрьмы Миронов. 11/V.39 г.»

Эта приписка сделана, скорее всего, по особому требованию «сверху», чтобы удостовериться в уничтожении именно ТОГО «Иванова».

Сохранился и третий документ, написанный в тот же, роковой для секретного узника день:

«АКТ

Приговор в отношении сего Иванова, осужденного военной Коллегией Верхсуда СССР приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии:

Комендант НКВД Блохин (подпись)

Н-к внутр. тюрьмы ГУ ГБ НКВД Миронов (подпись)

11/V 39 г.»

Так как этот документ подписан только двумя лицами, то можно утверждать, что один из них и произвел расстрел Миллера. Никого третьего при завершении этого секретного дела не было. Можно даже предположить, что даже комендант НКВД Блохин, непосредственный участник расстрела, не знал, кем именно был этот сожженный в московском крематории «Иванов».

Но сомнений в том, что Петр Васильевич Иванов и есть Евгений Карлович Миллер, быть не может. Все три документа были подколоты к той же стопке бумаг, что и письма самого генерала. На тонкой папке с этими документами осталась пометка: «Материал передавал 5/3 49 г. т. Абакумову (подпись)». Свидетельством является и совпадающий номер камеры (110), и тот факт, что расстрел «Иванова» был произведен по сценарию, который НКВД применял лишь в отношении особо секретных осужденных — тайно, обычно ночью (время расстрела на документа 23 часа 5 мин.) их привозили в крематорий, убивали в подвале, примыкающем к печи, и почти сразу сжигали.

Похищением генерала Миллера закончилась борьба советских спецслужб с наиболее антисоветски настроенными лидерами Белого движения, оказавшимися в эмиграции после Гражданской войны и не пожелавшими сложить оружие. Что касается РОВСа, то, как уже было сказано, он перестал играть лидирующую роль в белой эмиграции, уступив место Национальному союзу нового поколения (НСНП — будущий НТС — Народно-трудовой союз), одним из членов которого и являлся автор данной книги Борис Прянишников, объединившему в своих рядах молодежь 1920-х годов, вышедшую из военных училищ Белой армии и подросших детей эмигрантов первой волны.

А. И. Колпакиди

От автора

Дореволюционная Россия оставила большевикам в наследство опыт Департамента полиции, основанного 6 августа 1880 года и заменившего Третье отделение собственной Его Величества канцелярии. Несмотря на недостаточную подготовленность многих своих сотрудников, Департамент полиции и охранные отделения Министерства внутренних дел во многих городах Российской империи все же были хорошо осведомлены о деятельности оппозиционных политических групп и нередко своевременно пресекали действия революционного подполья.

Сбор сведений от осведомителей и слежка филерами сочетались с провокацией, устраивавшейся не только с целью внести расстройство в планы революционеров, но и для подрыва их духа и воли к борьбе.

В лице знаменитого Евно Азефа царская тайная полиция приобрела весьма ловкого агента, по ее желанию способствовавшего слиянию разрозненных групп подпольщиков в единую партию социалистов-революционеров, что упрощало и облегчало наблюдение за ними. Член Центрального Комитета партии эсеров, глава ее Боевой организации, в течение пятнадцати лет вел двойную жизнь, осведомляя Департамент полиции, предавая в его руки революционеров и расстраивая их террористические акции.

Все же деятельность царской тайной полиции, несомненно доказавшей свое превосходство над организациями революционеров, по своим методам была охранительной и оборонительной. Департамент не ставил перед собой задач захвата руководящих постов во враждебных царскому строю партиях, ему не были свойственны поступательность и агрессивность.

Захватив власть в России и не чувствуя под собой твердой почвы, Ленин задался вопросом: удержат ли власть большевики? Сомнения были велики. Следовательно, нужно было отчаянно бороться за власть со множеством противников, к счастью для Ленина, не объединенных и плохо организованных. Революционная целесообразность подсказала и пути — цель оправдывает средства.

И самым действенным средством стала Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, основанная 7 декабря 1917 года под председательством Феликса Дзержинского.

ВЧК переняла не только опыт Департамента полиции и даже уцелевших в вихрях революции некоторых его сотрудников. Она пошла своим путем, применяя всевозможные средства и приемы борьбы, не только провокацию, шантаж и сыск, но и безудержный жесточайший красный террор.

Террор ВЧК времен Гражданской войны — страшная страница в истории России. По размаху и жестокости Ленин и Дзержинский затмили знаменитого Робеспьера.

Победа в Гражданской войне не внесла успокоения в умы советских вождей. Множество врагов советской власти, в лице побежденных политических партий и организованных остатков белых армий, ушло за рубежи страны. Эмиграция не склонила голов перед узурпаторами и помышляла о борьбе с советской властью.

Сами революционеры, пришедшие к власти из эмиграции, большевики боялись эмигрантов, сотнями тысяч рассеянных по всем странам мира. Кронштадтское восстание матросов Балтийского флота и крестьянские восстания, вспыхнувшие уже после победы над белыми армиями, указывали Ленину на непрочность его режима. Объявив нэп, Ленин укрепил свое положение в стране. Но за границей бушевали эмигранты, опасные своей многочисленностью и организованностью и возможной поддержкой со стороны капиталистических государств.

Немедленно ВЧК, в лице своих КРО и ИНО, занялась активной борьбой с эмиграцией. Проникновение в ее среду, использование ее неустойчивых элементов, применение классических приемов борьбы «плаща и кинжала», шантаж оставшимися в России родственниками, подкуп продажных, идейный увод из стана эмигрантского в лагерь Ленина, дезинформация о положении в стране.

В противоположность царской тайной полиции, применявшей одиночных осведомителей и провокаторов против сравнительно немногочисленных революционеров, ВЧК пошла путем создания целых организаций, как открытых, так и тайных, с целью не только подавить эмиграцию и положить предел ее поползновениям против первого в мире социалистического государства, но и поставить ее себе на службу хотя бы частично.

Конечно, ВЧК в первую очередь интересовали наиболее активные организации эмигрантов. Против них были продуманы и осуществлены совершенно исключительные по своему размаху и наглости провокации, по сравнению с которыми деяния Департамента полиции кажутся детскими игрушками.

Не успела еще эмиграция перейти к активным подпольным

действиям, как соответственно замаскированные агенты ОГПУ начали втягивать ее в свои сети. Подбору провокаторов уделялось исключительное внимание.

Провокатор — обычно человек незаурядного ума, инициативы, широкого политического кругозора, воли, выдержки, расчетливости, изворотливости и терпения.

Внедряясь в организацию, провокатор должен был действовать в русле идей и дел, свойственных данной организации. Так, в монархической среде он выступал доброкачественным идейным монархистом; в республиканской — искренним, убежденным демократом.

История русской антикоммунистической эмиграции богата примерами действий советских органов безопасности. Создавая так называемые «легенды», ОГПУ придерживалось четкого отделения одной «легенды» от другой. В каждой «легенде» действовали другие его агенты. И только даровитый Опперпут составлял исключение: он был участником двух, идейно весьма отличных, «легенд».

Засылка собственных агентов из СССР для захвата и руководства эмигрантскими организациями была сопряжена со значительными трудностями. Поэтому наиболее выгодным было привлечение к осведомительной и провокационной работе видных эмигрантских деятелей с громкими именами в прошлом. В этом деле ОГПУ преуспело в немалой мере. Завербованные эмигранты стремились к захвату командных постов в эмигрантских организациях, навязывая им то некую «новую тактику», то дезинформируя о положении в СССР, то захватывая в свои руки «закрытую работу», то физически уничтожая виднейших своих противников.

Завлечение в ловушку Бориса Савинкова, похищение генералов А. П. Кутепова и Е. К. Миллера — вершины «работы» ОГПУ и НКВД.

Этим главным акциям чекистов и сопровождавшим их обстоятельствам и посвящена моя книга. К сожалению, до сих пор не все тайное стало явным. Но и то, что известно, показывает, как глубоко проникали щупальца и впивались когти чекистов в среду крупнейших и наиболее активных организаций русского Зарубежья.

Советы по сей день хранят в своих архивах тайны многих своих дел. И подводя итоги деятельности чекистов в 1920–1930 годах, следует признать, что удалось им многое. В конечном счете они воочию доказали, насколько их органы, опирающиеся на организацию, технику и финансы мощного тоталитарного государства, сильнее всех вместе взятых эмигрантских

организаций. Если прекрасно организованные разведывательные и контрразведывательные службы капиталистических стран нередко становились жертвами советского шпионажа и провокаций, то что могли противопоставить чекистам эмигранты, не имевшие сколько-нибудь надежной защиты от проникновения агентуры в их среду?

Человеческие жертвы, принесенные на алтарь революционной борьбы с коммунизмом, были велики и, по существу, напрасны. Сколько активистов погибло от руки предателей, известно лишь КГБ.

Но забыть об этих жертвах невозможно. Павшие в неравной борьбе достойны вечной и благодарной памяти. Ради счастья и свободы России они сознательно шли на революционный подвиг и гибли от ударов в спину.

Посвящая эту книгу павшим в революционной борьбе смелым русским людям, автор преклоняет колено перед их безвестными могилами.

Многие годы ушли на сбор материалов для книги: работа в библиотеках, ознакомление с подлинными документами, встречи с участниками и свидетелями, переписка иногда удачная, подчас бесплодная. И проверка одних данных другими.

Автор приносит свою глубокую благодарность Библиотеке Конгресса, Нью-Йоркской Публичной Библиотеке, Хуверовскому Институту в Станфорде, покойным Б. И. Николаевскому, К. В. Деникиной, М. А. Критскому и Р. Врага; Наталии Врага; Андрею Седых, М. А. Павлову и многим другим, помогшим мне, но пожелавшим остаться неизвестными.

Часть первая

Под Курском

У древнего русского города Курска, помеченного в летописи под 1095 годом, гремели пушки. Бились русские против русских, белые против красных. В эти сентябрьские дни 1919 года рвались к Москве полки Добровольческой армии генерала А. И. Деникина, воодушевленные недавно одержанными победами. Среди них — первые и лучшие в армии полки Корниловской ударной пехотной дивизии.

Славное начало было у корниловцев. В страшные дни великой русской смуты, когда под разлагающим влиянием большевистской пропаганды начинался развал еще недавно грозных и могучих полков российской императорской армии, в 8-й армии генерала Корнилова родился добровольческий ударный отряд.

10 июня 1917 года генерал Корнилов, приветствуя три тысячи патриотов, вручил их коленопреклоненному командиру, полковнику Неженцеву, черно-красное знамя, на котором было начертано «1-й Ударный отряд».

В тон знамени — черно-красные погоны. На левом рукаве гимнастерки — голубой щит, на щите череп со скрещенными мечами, под ними граната. Череп белый, щит голубой, граната красная — цвета национального русского флага.

18 июня 1917 года 8-я армия Юго-Западного фронта перешла в свое последнее наступление. После мощной артиллерийской подготовки на самом трудном участке нанесли свой удар корниловцы. Австрийцы дрогнули, им на помощь пришли немцы. Но и немцы были опрокинуты. Успехи корниловцев привели в движение остальные полки наполовину разложившейся 8-й армии. В ее руки перешли Галич, Станиславов, Калуш, она угрожала Львову. Но успехи были мимолетными. Обрушившись на разложенную и потерявшую боеспособность соседнюю 11-ю армию, немцы создали угрозу тылам 8-й армии. И настал постыдный Тарнопольский разгром. Забывшие о долге перед страной, потерявшие дисциплину войска в панике бежали, бросая оружие и склады боеприпасов. Большевистские агитаторы, разжигая настроения уставших от войны солдат, призывали к неповиновению офицерам, братанию с немцами и скорейшему заключению мира.

Не удались генералу Корнилову попытки оздоровить армию и привести ее к победе над Германией. Назначив Корнилова Верховным Главнокомандующим, безвольное Временное правительство А. Ф. Керенского не вняло его настоятельным

советам. Не послушалось оно уговоров собственного военного министра, эсера Б. В. Савинкова. Не поддержав Корнилова и объявив его мятежником, Временное правительство вскоре пало под ударами Ленина и его партии.

Торжество октябрьской революции, залившей кровью страну, вызвало возмущение и отпор со стороны патриотов — части офицерства и молодежи. Развал армии еще больше сплотил корниловцев. Вместе со своим шефом, бежавшим из Быховской тюрьмы, они ушли на Дон, не признавший власти Ленина. Здесь зародилась Добровольческая армия, нашедшая приют и поддержку у Донского атамана генерала А. М. Каледина, предшественника Корнилова по командованию 8-й армией.

Но и Дон не избежал большевистской заразы. Вернулись с фронта распропагандированные большевиками казачьи полки, пошли против своего выборного атамана. Не выдержав позора родного края и всей России, Каледин выстрелом в сердце покончил жизнь самоубийством.

Крошечная Добровольческая армия прошла свой обильно политый кровью путь по степям Дона и Кубани, покинув Ростов-на-Дону под давлением превосходящих сил красной гвардии. Окруженная со всех сторон вражеской стихией большевизма, она отбивалась в тяжелых боях. Многие пали смертью храбрых. В бою под Екатеринодаром вражеской гранатой был сражен генерал Корнилов, надежда и гордость патриотов, погиб командир Корниловского полка полковник Неженцев, отдали жизнь многие добровольцы. Осиротевшую армию принял генерал А. И. Деникин, во главе корниловцев стал полковник А. П. Кутепов. После неудачи под Екатеринодаром поредевшие полки оказались перед выбором — либо распыление, либо борьба до конца, до последнего человека. Выбрали второе.

Ранней весной 1918 года, очнувшись от чар большевизма, донские казаки подняли восстания против большевиков. Добровольческая армия и скитавшийся в Сальских степях казачий отряд походного атамана генерала П. Х. Попова сразу же пришли на помощь восставшим. Гражданская война приняла новый размах, охватив большие пространства Юга России.

После освобождения Дона от красных, отдыха и переформирования, Добровольческая армия проделала второй кубанский поход. Кубанские казаки восторженно приветствовали освободителей. Формировались новые полки, росла мощь Вооруженных Сил Юга России.

В боях на Кубани и в Ставрополье корниловцы покрыли себя неувядаемой славой. Дух Корнилова сопутствовал им всюду, одно слово «корниловцы» воодушевляло соседей и внушало страх

красным полкам.

Бои сменялись боями. Под Ставрополем пал в бою третий командир корниловцев, полковник Индейкин, сменивший Кутепова, после гибели генерала Маркова принявшего 1-ю пехотную дивизию Добровольческой армии. С 1 ноября 1918 года место павшего Индейкина занял молодой капитан Скоблин. В числе первых пришел он летом 1917 года в Ударный отряд 8-й армии.

Николай Владимирович Скоблин родился 9 июня 1893 года в Нежине в семье отставного полковника. В 1914 году он окончил Чугуевское военное училище и вышел на войну в чине прапорщика со 126-м Рыльским пехотным полком. За храбрость и боевые заслуги он вскоре был награжден орденом Св. Георгия и золотым Георгиевским оружием. В 1-м Ударном отряде он командовал вторым батальоном и отличился в боях с австрийцами и немцами во время последнего наступления 8-й армии.

Под водительством Скоблина корниловцы участвовали в очищении Северного Кавказа от красных. В январе 1919 года корниловцы были переброшены в Донецкий каменноугольный бассейн в распоряжение генерала Май-Маевского. Четырехмесячные упорные бои с неизменно численно превосходящими силами красных закончились победой белых.

В мае 1919 года Добровольческая армия под командованием генерала Май-Маевского перешла в наступление на Москву. На направлении главного удара шли всегда корниловцы, развернутые в трехполковую дивизию. И вот они под Курском, под начальством Скоблина. Был он человеком редких военных дарований, которые были так велики, что отсутствие высшего военного образования не мешало ему быть отличным начальником дивизии.

К югу от Курска красное командование подготовило укрепленную полосу окопов полного профиля, заплетенную густыми проволочными заграждениями. Сосредоточив значительные силы, подкрепленные большим количеством артиллерии, красные собирались стойко защищать город.

В ночь с 6 на 7 сентября три бронепоезда белых под командованием полковника Зеленецкого, с потушенными огнями, внезапно для красных ворвались на станцию Курск, обстреляли бронепоезда красных, посеяли панику среди красноармейцев и захватили один из красных бронепоездов. Эта удача весьма облегчила продвижение 1-го и 2-го полков Корниловской дивизии. Красные бежали на север, Курск был взят с ходу.

А чуть раньше, 4 сентября, на участке 2-го полка в селе

Софроновка конная разведка корниловцев под командой капитана П. Д. Литвиненко захватила в плен знаменитую исполнительницу народных песен Надежду Васильевну Плевицкую и ее второго мужа, капитана артиллерии Левицкого, Обоих доставили в штаб 2-го Корниловского полка, которым командовал полковник Яков Антонович Пашкевич.

Храбрый воин, ведавший в 1-м полку учебной командой, Пашкевич был прирожденным отцом-командиром. Выходец из крестьян, был он близок к своим солдатам, тоже в большинстве крестьянам. Сформировав 2-й полк, он принес в него дух основного 1-го полка. Из бывших анархистов-махновцев и пленных красноармейцев он создал войсковую часть, по доблести не уступавшую 1 — му полку. Был он очень верующим человеком и всякое дело начинал крестным знамением.

Юность Дёжки

17 января 1884 года в селе Винниково, Курской губернии, в семье небогатого крестьянина Василия Абрамовича Винникова родилась дочь Надежда. Девочка была двенадцатым и последним ребенком. Звали ее в семье Дёжкой. Семерых младенцев забрала смерть, и только пятерых выпестовала мать Акулина Фроловна. Неграмотная женщина толка в учении не видела. Но детям своим разрешила учиться в сельской школе. Когда Дёжке исполнилось тринадцать лет, получила она похвальный лист об окончании трехлетнего сельского училища.

Мать Дёжки была верующей и богобоязненной женщиной. Детей своих она учила вере в Бога, часто водила их в сельский храм.

В восемнадцати верстах от села Винниково находилась чтимая народом Коренная Пустынь, привлекавшая к себе паломников со всех концов необъятной России. Набожная мать повела Дёжку в монастырь поклониться чудотворному образу Знамения Божьей Матери. Шли они по-апостольски пешком, с котомками за плечами, по временам останавливаясь на отдых. Чудом показался Дёжке монастырский храм с золотыми куполами. Здесь они усердно молились, отбивая земные поклоны. Три дня провели они в монастыре, а затем пошли в Курск. Впервые увидела Дёжка город с его широкими улицами, нарядными магазинами, по-городскому одетыми людьми. Больше всего ее поразил курский собор. После службы отправились в Девичий монастырь, удививший Дёжку молитвенным благолепием, тишиной и уютом келий. И Дёжка твердо решила уйти в монастырь.

Крестьянская жизнь с ее тяжелым трудом была Дёжке не по душе. Тяжелы были снопы в дни жатвы, не любила она пасти грозно шипевших гусей. И в буйной ее душе закипели новые страсти и желания.

Русская деревня всегда славилась задушевной народной песней, то тоскующей, то бурно веселой. Прислушивалась Дёжка к пению своих старших сестер, стала подпевать. А затем, выйдя в поле с подружкой Машуткой, пела сама. Вслушивалась в свой голос, словно чуяла в себе пробуждавшийся Богом дарованный талант.

После нежданной смерти отца отвезла мать Дёжку в Курск и определила ее послушницей в Троицкий девичий монастырь. Радовалось сердце матери, говорившей: «Видно уж Господь Бог направил Дёжку на путь праведный, истинный».

В постах, молитвах и разных повседневных монастырских работах проходили дни Дёжки. Незаметно пробежали два года. Шел Дёжке шестнадцатый год. Не раз выходила она в город продавать писанки и вербочки с яркими цветочками в пользу тихой обители. И увидела Дёжка жизнь городскую, с ее развлечениями и радостями. Да и не все нравилось ей в монастыре, подсмотрела в нем грехи. Глазастой стала, забунтовала ее душа, потянулась она в даль иную.

На пасхальной неделе отпустили Дёжку из монастыря к замужней сестре Дуняше, жившей в Курске. Повела ее Дуняша на гулянье, каталась послушница на карусели. А потом пошли в цирк на Георгиевской площади. Понравились Дёжке юная акробатка и ловкая наездница. Стало ей завидно. И сразу пришло на ум бросить монастырь и стать акробаткой. Переночевала у сестры, а наутро явилась к директору цирка. Тот принял ее в обучение и не спросил, откуда она и кто ее родители.

Узнала мать о пропаже Дёжки. Встревоженная и заплаканная, бегала она по Курску и нашла в цирке. Директору цирка строго выговаривала за то, что берет девушек без ведома родителей. Забрала ее мать домой в деревню. А в монастырь Дёжка возвращаться не пожелала.

Задумала мать образумить и угомонить отбившуюся от рук Дёжку. Присмотрела на селе жениха, но Дёжка наотрез отказала.

Не сиделось Дёжке в родном селе. С теткой Аксиньей уехала поездом в Киев, где жила ее другая сестра Настенька. Побывала в Киево-Печерской лавре, молилась святым угодникам… А Киев — город большой, соблазнов в нем много. Познакомилась и подружилась с жившей по соседству девушкой Надей. А у Нади знакомые студенты и артисты. И свела ее Надя в кафешантан «Аркадия», где гремел военный оркестр, а на эстраде пел женский хор, очень Дёжке понравившийся. Надин знакомый артист Волощенко привел подружек к хозяйке хора, Александре Владимировне Липкиной. Девушки понравились и были приняты в обучение.

В хоре Липкиной все певцы были женатыми, и хор делился на семейных, хористок, учениц и дам, располагавших собой как им заблагорассудится.

Дёжка была в числе шести учениц. Вскоре, одетая в черное платье и по-модному причесанная, вышла она на сцену, дебют сошел удачно.

Пела Дёжка и в отдельных кабинетах. Кому-то первому она отдалась, познав грех, выманивший ее из монастыря. А сколько потом было приключений в отдельных кабинетах, знала только она.

К великому ужасу Дёжки, хор из Киева отправился на гастроли в Курск. Боялась она встреч с родными, отсиживалась в Европейской гостинице. Но потянуло к дому, где жила сестра Дуняша. Нарядная широкополая шляпка и городское платье не уберегли Дёжку от взора Дуняши, случайно вышедшей на улицу. Дуняша зазвала Дёжку к себе в дом. Отлучившись на минуту, Дуняша оставила ее одну в комнате. Этот промах сестры Дёжка тотчас же использовала: выбежала на улицу, кликнула извозчика и укатила в гостиницу.

Накануне отъезда хора в Царицын Дуняша нашла ее в гостинице и вызвала на улицу, где их ожидала заплаканная мать. Бурное объяснение удрученной матери с непутевой дочкой ни к чему не привело. Подошедшая на шум Липкина убеждала Акулину Фроловну, что Дёжка — талант, и будет она хорошей артисткой. И уехала Дёжка в Царицын продолжать начатую карьеру.

Когда развалился хор Липкиной, похищенной богатым персом, ее муж устроил Дёжку в балетную труппу Штейна, выступавшую в киевском «Шато-де-флёр». Год учения, и Дёжка танцует матлот в дивертисменте «Оберек». Матери отписала, разъясняя, что это за штука балет. И в том же письме просила благословения на брак с солистом балета Эдмундом Мячеславовичем Плевицким. Так Дёжка Винникова стала Надеждой Васильевной Плевицкой.

* * *

Перейдя в труппу Минкевича, Плевицкие прибыли в Петербург. Выступала труппа Минкевича в загородном ресторане на Крестовском острове. В столице Плевицкая посещала театры, оперу в Народном доме. В театрах не только развлекалась, но и старательно училась. Прошло пять лет работы в труппе, многому Плевицкая научилась и стала премьершей. Минкевич, бывший оперный артист, ценил талант Плевицкой и убеждал ее петь только народные песни. Плевицкая и сама понимала свою силу. Целиком посвятила себя широкой и глубокой русской народной песне. Слава о ней докатилась до знаменитого московского «Яра». Директор «Яра», купец Судаков, уговорил Плевицкую принять ангажемент в его ресторане.

Москвичи сразу полюбили Плевицкую. Был у нее большой успех. Со всех сторон сыпались выгодные предложения. Подкупала она слушателей своим чистым, звонким и чарующим русским говором. Красавицей она не была. Что-то полутатарское

было в ее облике. Блестящие черные глаза, большой рот, широкие скулы, крутые вздернутые ноздри. С первыми звуками песни преображалось ее лицо, загорались огнем глаза, и казалась она неотразимо красивой.

Осенью 1909 года Плевицкая подписала контракт на Нижегородскую ярмарку к Наумову. Принесла сюда грусть и печаль невеселых, трагичных песен русского народа. Била по струнам человеческой души, пробуждая глубинные чувства людей проникновенным и трогательным исполнением. Когда она пела похоронную песню «Тихо тащится лошадка», убеленный сединами купец заливался слезами. И весь зал оцепенел, слушая с затаенным дыханием потрясающее души пение.

Как-то раз вечером в ресторан Наумова зашел знаменитый тенор Леонид Собинов, гастролировавший в Нижегородской опере. Прослушав песни Плевицкой, Собинов сказал ей: «Вы — талант». И пригласил Плевицкую выступить на благотворительном концерте с участием своим, Николая и Медеи Фигнер и других оперных певцов. На долю Плевицкой выпал огромный успех. Уже после первой песни публика наградила ее бурными рукоплесканиями. А последняя песня была настоящим триумфом. Так Собинов вывел Плевицкую на большую сцену.

Путь с песней

По необъятным просторам России разъезжала с концертами Надежда Плевицкая. Всюду успех. Множится и бежит по всей стране слава. Кружит голову и пьянит сердце всеобщее поклонение восторженных слушателей.

1909 год. Летний театр. Зона в солнечной Ялте. Затем там же — украинская труппа Глазуненко. После «Запорожца за Дунаем» пела Плевицкая. Успех — потрясающий. В «Ялтинском Вестнике» хвалебная статья рецензента, покоренного ее талантом. После второго концерта у Глазуненко командир Конвоя Его Величества князь Ю. И. Трубецкой пригласил Плевицкую петь у министра императорского двора барона Фредерикса.

В гостинице «Россия» у Фредерикса собралось избранное петербургское общество. И высший свет был очарован песнями Плевицкой. А слушавший ее дворцовый комендант В. А. Дедюлин сказал, как жаль, что в это время император Николай Второй не был в Ливадии.

Десять удачных концертов в Ялте у Глазуненко, и в Лету канул московский «Яр». Осенью 1909 года пела Плевицкая в Большом зале Московской консерватории. Бурной овацией наградили ее москвичи.

Появились у нее импресарио. Первым был В. В. Семенов, вторым — В. Д. Резников. Вместе с успехами пришли баснословные для того времени гонорары — за десять концертов в Петербурге и Москве по две с половиной тысячи рублей платил ей с гарантией Резников.

Ставши звездой, Дёжка разбогатела. Обзавелась роскошной квартирой, появились у нее драгоценности, засияли в ушах и на руках бриллианты.

Стала важной персоной. Как-то утром к ней явился одетый в парадный мундир сам московский губернатор, генерал Джунковский. От имени командира Сводного Его Величества полка генерала Комарова он пригласил Плевицкую в Царское Село петь в присутствии императора Николая Второго.

Пела Плевицкая в небольшой гостиной Царскосельского дворца. Сперва волновалась, но государь встретил ее ласковым взглядом. Ободрилась и быстро освоилась с дворцовым великолепием. Только была удивлена, что император был менее величественным, чем окружавшие его генералы и высшие сановники.

Пела Плевицкая по собственному выбору, все, что ей было по душе. Спела даже революционную о мужике-горемыке, попавшем

в Сибирь за недоимки. И закончила концерт заздравной чарой. Поднеся императору золотой кубок, она пела:

— Солнышко красное, просим выпить, светлый Царь,
Так певали с чаркою деды наши встарь!
Ура, ура грянем-те, солдаты,
Да здравствует русский, родимый Государь!

Грянуло громкое «Ура», от волнения у многих засверкали слезы.

Прощаясь с певицей, Николай Второй сказал:

— Спасибо вам, Надежда Васильевна. Слушал вас сегодня с большим удовольствием. Мне говорили, что вы никогда не учились петь. И не учитесь. Оставайтесь такой, как вы есть. Много я слышал ученых соловьев, но они пели для уха, а вы поете для сердца. Самая простая песня в вашем исполнении становится значительной и проникает в сердце.

С той поры не раз пела Плевицкая в Царскосельском дворце. Пела она и царице Александре Федоровне. Пела и великим князьям.

Получила благословение она и от знаменитого певца Федора Ивановича Шаляпина:

— Помогай тебе Бог, Надюша. Пой свои песни, что от земли принесла. У меня таких нет, я — слобожанин, не деревенский.

В Художественном театре познакомилась Плевицкая с прославленным режиссером К. С. Станиславским и его великолепными артистами. Дал ей Станиславский добрые советы, не раз выручавшие ее в трудные моменты.

* * *

Турне 1911 года привело Плевицкую в родной Курск. Пела она в Дворянском собрании. Во втором ряду переполненного зала сидела ее мать, впервые увидевшая дочь на сцене. Пришли из Винникова земляки подивиться на свою ныне знаменитую Дёжку. А за отменный концерт благодарил ее сам курский губернатор.

После концерта побывала Плевицкая в Троицком девичьем монастыре, из которого она убежала. Ласково встретили ее монахини, угощали чаем, расспрашивали об ее успехах и поражавшей воображение карьере. Обошла Плевицкая все кельи, все уголки обители, выглянула на чердаке в то слуховое окно, что доносило до нее соблазны мирской жизни.

В том же 1911 году разбогатевшая Плевицкая купила

прилегавший к родному селу Мороскин лес, куда бегала она с подружкой Машуткой заплетать венки в детские годы. К четырем десятинам леса прихватила еще двадцать десятин пахоты и построила дом из красного леса, который привозили из Ярославской губернии. Не забыла и своего брата-бедняка, выстроила ему новый, крытый железом белый дом, с резными воротами и высоким тесовым забором.

В феврале 1912 года отдыхала на Французской Ривьере. Побывала в Монте-Карло, роскошно одетая в меха. Бросила золотую монетку на номер 17 и выиграла. Поставила еще и выиграла опять. Забрав выигрыш и проигравшегося Плевицкого, вернулась в Больё.

По возвращении в Россию — концерт за концертом. Большой зал Московской консерватории. Дворянское собрание в Петербурге, где редко пустовала царская ложа. Празднование 300-летия династии Романовых в Ярославле. Бородинские торжества. Дворец великой княгини Ольги Александровны на Сергиевской, куда приезжали послушать ее дочери государя.

Вокруг блестящая гвардейская молодежь, гусары, кирасиры, конвойцы. И тут, во дворце на Сергиевской, весной 1914 года Плевицкая встретила того, кто вскоре стал ее женихом. Сообщила новость матери, мать не на шутку огорчилась, но перечить не могла.

Прогремевший в Сараеве выстрел застал Плевицкую в Швейцарии на Невшательском озере. С нею был ее жених, В. А. Шангин, поручик блестящего Кирасирского Ее Величества полка. Спешно уложили вещи, вернулись в Россию.

Шангин, только что окончивший Николаевскую академию Генерального штаба, был назначен начальником штаба 73-й пехотной дивизии генерала Левицкого. Влюбленная Плевицкая поспешила за Шангиным на фронт. В Ковно, куда прибыла 73-я дивизия, она поступила сиделкой в военный госпиталь. А затем, чтобы быть поближе к любимому, добилась разрешения работать санитаркой в дивизионном лазарете.

В январе 1915 года в тяжелых боях в Восточной Пруссии Шангин пал смертью храбрых. Ушел из жизни тот, кто стал для Надежды дороже жизни. Сразу оборвалась ее работа в госпитале. Поспешила в Петроград, к матери Шангина Елене Ивановне. Заперла квартиру на углу фешенебельных Сергиевской и Таврической улиц, где было столько счастливых ночей. Поселилась в водолечебнице доктора Абрамова. Позже, в годы эмиграции, проезжая поездом мимо Амалиенгофа в Восточной Пруссии, стояла у окна вагона и с грустью глядела на большой барский дом, на ели за домом, где остался холмик с белым

деревянным крестом. Видно, крепко полюбила крестьянка Дежка великосветского офицера. Память о нем сохранила при других мужьях.

* * *

Весной 1915 года Плевицкая выступала в Михайловском театре в пользу семей убитых воинов. Спела новую, написанную для концерта песню об умирающем воине, объятом тревогой о семье. Пела изумительно хорошо, растрогала слушателей, щедро бросавших в ковш, с которым она обошла зал. После сбора пожертвований к ней в уборную зашел военный министр генерал В. А Сухомлинов, благодарил за концерт.

* * *

Настал роковой для России 1917 год. Обвалилась многовековая российская монархия. Отвернулась Плевицкая от обреченного на истребление высшего русского общества, от своих аристократических покровителей и почитателей. И запела по-новому, обратив лицо к революционно настроенным толпам, громившим Россию под ленинским лозунгом «Грабь награбленное!»

Хоть и лукавила, что в политике ничего не понимала, и о партиях разных ей и в голову не приходило, хитрая Дежка сразу разобралась, в какой политической тональности петь свои песни. Вихри революции и Гражданской войны, увлекли ее в стан красных. Весной и летом 1918 года выступала она в родном Курске перед бойцами красной армии в театре Пушкинского сада[4]. Позже, когда на юге России рухнула призрачная власть немецкого ставленника гетмана П. П. Скоропадского и когда кончилась временная оккупация Одессы французскими и греческими войсками, очутилась Плевицкая в этом чудесном южнорусском городе.

Для обычно веселой и беспечной Одессы то было страшное время. В городе царил беспощадный красный террор. Свирепствовала чрезвычайка, истреблявшая «контрреволюционеров». Неистовствовал и начальник красного гарнизона Домбровский, бывший царский офицер, авантюрист и проходимец, примазавшийся к ленинцам. Ему деятельно помогал его заместитель матрос Черноморского флота товарищ Шульга, безжалостно топивший в море пойманных морских офицеров.

Свои кровавые дела эстет Домбровский и яркий представитель «красы и гордости революции» дюжий мужик Шульга обставляли культурными развлечениями. Они окружили себя певцами и актерами, каких в Одессе всегда было много Под руководством популярной в Одессе эстрадной певицы Изы Кремер в здании комендатуры устраивались концерты, царило пьяное веселье. Непременной участницей концертов была и Надежда Плевицкая.

Опьяненный вином и замечательным пением Плевицкой, влюбился в нее товарищ Шульга. В угоду новым властителям откликнулась Дёжка взаимностью, расчетливо мимолетной, потонула в медвежьих объятиях большого одесского начальника.

Быстро бежали дни расстрелов, грабежей и концертов с обильным возлиянием. И когда в августе 1919 года к Одессе подошли отряды белых из армии генерала Деникина, Домбровский со своим воинством и Шульга с Плевицкой поспешно бежали на север.

В стане белых

История умалчивает, как и когда, утешившись после гибели Шангина, Плевицкая вышла замуж за штабс-капитана Юрия Левицкого, сына начальника 73-й пехотной дивизии. С ним она и перешла в стан белых вблизи от родного Курска. Любил ли ее Левицкий? Любила ли она Левицкого? Или нужен он ей был для какой-то авантюры?

Едва оглядевшись в штабе 2-го Корниловского полка, обратила она свое благосклонное внимание на его командира, полковника Я. А. Пашкевича. Народной песней, ласковой повадкой, лукавым взором причаровала она его к себе. Брошенный ею Левицкий прозябал в комендантской команде полка, а Плевицкая и Пашкевич предавались любовным утехам в короткие часы, отделявшие один бой от другого.

Боевое счастье изменило белым. Под ударами превосходящих сил красных, начался неудержимый откат армий генерала Деникина от Орла и Царицына к Новороссийску. Мужественно и стойко оборонялись полки Корниловской дивизии, воодушевляемые примером своего начальника полковника Н. В. Скоблина и командиров полков полковников К. П. Гордеенко, Я. А. Пашкевича и есаула Н. В. Милеева. Полки несли большие потери, но бились и с честью выходили из подчас безвыходного положения. Остались позади степи Дона и Кубани. Переплыв по Черному морю из объятого пожарами Новороссийска, остатки армий Деникина укрылись в Крыму. Каким-то чудом маленький отряд генерала Слащева отстоял для них от красных последний клочок русской земли.

* * *

Под водительством генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля белая армия в последний раз пыталась изменить ход истории России, а с нею — и всего мира.

П. Н. Врангель был самым выдающимся и самым талантливым полководцем в стане белых, вождем Божьей милостью. Блестящий кавалерийский генерал, в молодости окончивший Николаевскую академию Генерального штаба, он разгромил красных в тяжелых боях под Ставрополем, нанес им поражение на Северном Кавказе, отличился в сражении на реке Маныч, во главе Кавказской армии овладел Царицыном — «красным Верденом». Отличный стратег, на лету схватывавший

быстро менявшуюся обстановку, Врангель после короткого размышления принимал правильные решения и наносил сокрушающие удары озадаченному, терявшему дух противнику. Громадного роста, затянутый в черную черкеску, он излучал из себя бешеную энергию, волевой напор, веру в победу. Одно его появление перед фронтом полков электризовало офицеров и солдат. В расстроенную поражениями армию Деникина он вдохнул новую веру и в течение немногих недель превратил ее в лучшую армию русской Гражданской войны.

Под его водительством армия вырвалась на просторы Северной Таврии, громя превосходившие ее силы красных. При прорыве из Перекопа опять отличилась Корниловская дивизия. Ею временно командовал Пашкевич, заменивший больного брюшным тифом Скоблина. Незадолго до прорыва у позиций 2-го Корниловского полка был устроен концерт Плевицкой. Собравшимся во рву у импровизированной эстрады корниловцам предстали Пашкевич и Плевицкая. Оркестр грянул встречный марш. А затем пела Плевицкая, как всегда хорошо. Под конец концерта красная артиллерия пустила наудачу несколько снарядов. Испуганную Плевицкую Пашкевич взял под руку и увел в укрытие.

В середине июня 1920 года корниловцы покрыли себя немеркнущей славой. Красное командование решило прорвать расположение белых, выйти из района Большого Токмака в глубокий тыл и одним ударом покончить с армией Врангеля. Уверенный в своей силе конный корпус Жлобы, с приданными ему пехотой и другими конными полками, в течение четырех дней продвигался на юг и юго-восток к Мелитополю. Но красный военачальник не подозревал, какой капкан расставил для него Врангель. Повернутая на восток, утром 20 июня Корниловская дивизия вышла в тыл конной массы Жлобы. При поддержке корниловской артиллерии Пашкевич повел свой 2-й полк сомкнутыми колоннами в атаку на конницу. Обнаружив корниловцев, Жлоба бросил свои конные полки против отличной, дисциплинированной пехоты. Отразив наскок четырех бригад конницы, корниловцы разметали ее и вместе с остальными дивизиями, при поддержке эскадрильи самолетов и бронеавтомобилей, завершили разгром корпуса Жлобы.

Это славное дело окружения конницы пехотой, как редчайший пример военного искусства, преподавалось слушателям Французской академии генерального штаба.

А потом новые, жестокие бои. Опять дрались корниловцы у Большого Токмака. 15 июля не щадивший себя храбрый Пашкевич был смертельно ранен. Плевицкая рыдала, причитала и голосила

по-деревенски. Вскоре утешилась, но к Левицкому не вернулась. Ее новым избранником стал скромный, застенчивый, в любовных делах малоопытный, 26-летний генерал-майор Николай Владимирович Скоблин.

Армия в изгнании

Семь месяцев длилась борьба русской армии Врангеля с превосходящими силами красных. Семь месяцев подвигов, семь месяцев жестоких боев, в которых был смыт позор Новороссийска. Но силы были слишком неравными. Во второй половине октября 1920 года красное командование собрало в Таврии вчетверо превосходящие силы. В кровопролитных боях они сломили сопротивление белых. Арьергардными боями на Крымских перешейках, у Перекопа и Сальково, обескровленные остатки белых дивизий обеспечили эвакуацию из Крыма. Из Евпатории, Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи вышли 126 больших и малых кораблей Черноморского военного и гражданского флота, увозя на чужбину в полную неизвестность 150 тысяч русских изгнанников.

В первые дни ноября необычно выглядели рейд и порт Константинополя. Русские корабли, переполненные голодными людьми, взывали о помощи водой и продовольствием. С них неслись вести о тяжелом состоянии больных и раненых воинов.

Сухо и жестко встретили былых соратников французские оккупационные власти. Забрав в залог русские корабли, они посадили измученную боями армию на полуголодный паек. Разбросали ее по лагерям Чаталджи, Галлиполи и Лемноса, а боевые корабли увели в Бизерту.

Невесело начиналась жизнь на чужбине. Лагерные палатки с их скученностью, холод зимы, недоедание. Но дух борцов за национальную Россию сломлен не был. Обезоруженная, униженная, терпевшая лишения армия сплотилась вокруг своих боевых командиров. Обычно армии не прощают поражений своим главнокомандующим. А Врангель, с честью выведший армию из тяжелых испытаний, за рубежом родной страны стал еще более близким и любимым.

Поредевшие в боях дивизии были в лагерях сведены в полки. В мечтах о новых битвах полки учились ратному делу, крепили дисциплину, превращались в дружные полковые семьи. Белая мечта не умирала. Она светила ярко, согревала сердца, наполняла души надеждами на светлое будущее.

Непререкаемым авторитетом пользовался в Галлиполи суровый генерал Кутепов. Твердой рукой водил он корниловцев, марковцев, дроздовцев и алексеевцев в битвах на родных просторах. А теперь возглавил их на каменистых холмах полуострова, личным примером увлекал подчиненных, своей верой в победу над большевизмом заражал офицеров и солдат

побежденной армии. Галлиполи — чудо духа человеческого, поражавшее каждого, кто к нему прикасался.

На правом фланге Галлиполийского лагеря расположились корниловцы. С ними их командир, генерал Скоблин, поправившийся после ранения в бою под Рогачиком. Теперь он был не один, с ним в палатке жила пленившая его Надежда Плевицкая. А ее бывший муж Юрий Левицкий по-прежнему прозябал в рядах полка неприметным и забытым. В Галлиполи Плевицкая развелась с Левицким.

В июне 1921 года в городе Галлиполи, в узком кругу старших офицеров Корниловского полка, состоялось секретное бракосочетание Плевицкой со Скоблиным. На свадьбе посаженым отцом был генерал Кутепов. Адъютант полка капитан Копецкий приветствовал новобрачных. И, обращаясь к Плевицкой, сказал: «Приняли мы вас, Надежда Васильевна, в нашу полковую среду».

Плевицкая — счастлива и довольна. Счастлив и доволен влюбленный, потерявший голову Скоблин. Счастливы и довольны корниловцы — у них теперь мать-командирша. Не раз она воодушевляюще пела в Галлиполи, согревая теплом своих песен сердца тосковавших по родине воинов.

* * *

Всемерно французы стремились распылить армию и избавиться от хлопот по ее содержанию в лагерях. От их опеки желал освободиться и генерал Врангель. Хлопоты об устройстве частей русской армии в Сербии и Болгарии увенчались успехом. Обе братские страны согласились принять русских воинов. Летом 1921 года с Лемноса и из Галлиполи один за другим уходили корабли, перевозившие белые полки на Балканы.

Корниловцы покидали Галлиполи последними. В ноябре сильный ветер растрепал палатки, выпал снег. Труднее становилась жизнь. Но так же продолжались обычные занятия. У боевых знамен сменялись караулы. Терпеливо ожидали корниловцы своей очереди. Наконец, 27 ноября большой турецкий пароход «Ак-Дениз» принял на борт корниловцев. Плывя по Черному морю, вглядывались они в северную даль, за которой скрывались русские берега.

Небогатая Болгария, побежденная в Первой мировой войне, дала белым воинам все, что могла. Достались корниловцам плохенькие летние казармы болгарской гвардии в селе Горно-Паничерово. Кое-как перезимовали. А весной не знавшие физического труда офицеры брали любую работу, чтобы

прокормить себя и семьи.

Праздник Пасхи в 1922 году провели хорошо. На второй день в полковом театре был спектакль. Пела Плевицкая на радость однополчанам.

Жизнь белых русских в Болгарии омрачалась враждебными действиями болгарских коммунистов. Ободряемые из Москвы и пользуясь свободой при правительстве Стамболийского, коммунисты возбуждали население против русских белых. Нередко раздавались и открытые угрозы. Генерал Скоблин получил несколько анонимок, извещавших, что до 1 мая он будет убит.

Прошел 1922 год. Наступил 1923 год, и 9 июня правительство Стамболийского было свергнуто. Новое правительство профессора Цанкова расправилось с коммунистами и загнало их в подполье. Жить русским стало легче, но зарабатывать на хлеб насущный было по-прежнему трудно. Разбрелись кто куда. Многие стали шахтерами в Пернике.

С каждым новым днем чины армии все больше и больше превращались в профессиональных рабочих. Но полковая спайка оставалась прежней — нерушимо крепкой. В память пребывания в Галлиполи основали Общество галлиполийцев.

Как армия белые полки уже не существовали. 1 сентября 1924 года генерал Врангель объявил о преобразовании армии в Русский Обще-Воинский Союз — РОВС. Изменилось название, а порядки и воинская дисциплина остались прежними.

В прошлое ушли битвы Гражданской войны. Но жажда борьбы оставалась неутолимой. Белая мечта продолжала жить и на чужбине.

С песней в чужих краях

Не сиделось Плевицкой в захолустном Горно-Паничерове. Слишком тесными были рамки скромного полкового театра. Стала выезжать с концертами по Болгарии. Как верный паж, всюду ее сопровождал Скоблин. В угоду ей стал он пренебрегать своими обязанностями, не раз покидая корниловцев в трудные моменты их бытия. По настоянию жены, отпросился он у командира корпуса в заграничный отпуск.

Зимний сезон 1922/1923 года провели Скоблины за пределами Болгарии. Ярким метеором промчалась Плевицкая по эстрадам Прибалтики и Польши, вызывая восхищение слушателей. Бурно приветствовала ее многочисленная русская колония в Праге. 29 марта пела она в берлинском зале имени Бетховена. Зал был полон, овации жаркие. Тут она впервые исполнила ностальгическую песню «Замело тебя снегом, Россия», глубоко взволновавшую души изгнанников, так остро тосковавших по покинутой родине.

Дав в Берлине еще два концерта, Плевицкая отправилась дальше. 12 и 16 мая пела она в Брюсселе, 28 мая — опять в Берлине. 5 июня с исключительным успехом выступала она в Белграде. Триумфальными были большие турне по городам Сербии и Болгарии, закончившиеся в феврале 1924 года.

И под эгидой импрессарио Ю. Боркона — опять Берлин, в зале Блютнера. Пела она в Берлине 26 февраля, 7 марта и 17 апреля. Восторженно принимала ее берлинская русская колония. На страницах газеты «Руль» высокую оценку ее пению дал музыкальный критик Легато.

В эти свои берлинские дни сошлась чета Скоблиных с состоятельным человеком Марком Эйтингтоном и его женой, бывшей московской артисткой. Не раз они бывали гостями в их роскошной квартире на Раухштрассе.

И конечно — Париж. В зале Гаво пела Плевицкая 15 и 24 марта. 2 и 5 апреля выступала она в театре Виктора Гюго перед изысканной аудиторией еще не прожившей своих капиталов и бриллиантов русской аристократии, поселившейся в фешенебельной Ницце. Здесь она впервые спела собственную песню, полную скорби о томящемся под коммунистами русском народе. Патетически произнесенные последние слова песни «И будет Россия опять!» так потрясли слушателей, что несколько дам лишилось чувств. По требованию взволнованной до глубины души публики певица повторила эту песню несколько раз…

Вернулись Скоблины в Болгарию. За опоздание из отпуска

командир корпуса объявил Скоблину строгий выговор.

В ясный день 1 мая 1924 года Скоблины опять расстались с корниловцами и уехали во Францию. 6 июня — концерт в парижском зале Гаво с участием знаменитого квартета Кедровых. Шумный успех. В артистической было весело. Когда в артистическую вошла великая княгиня Ксения Александровна, сестра императора Николая Второго, Плевицкая, соблюдая придворный этикет, умело и тактично представила ей своего нового мужа. Сложив чемоданы, Скоблины отправились в первое турне по Америке. Пела она в Нью-Йорке. Пела и в пользу советских беспризорников, хотя это и было негоже для жены белого генерала.

Вернувшись во Францию, Скоблины поселились в департаменте Вар. В компании с корниловским полковником Гордеенко сняли большую пустовавшую ферму. Горожанин Скоблин не знал сельского хозяйства. А деревенская Дёжка не снизошла до тяжелого труда земледельца. На земле они не работали. Поссорившись с Гордеенко, вместо него пригласили на ферму одного из братьев Скоблина, Феодосия, и офицера-корниловца. Осенью 1925 года Плевицкая пела на вечере галлиполийцев в Париже, устроенном под покровительством великой княгини Анастасии Николаевны, супруги великого князя Николая Николаевича, в созвездии знаменитостей — Преображенской, Мозжухина, Поземковского, квартета Кедровых.

Дом артиста, основанный тенором Дмитрием Смирновым, распахнул свои двери перед Плевицкой. В ноябре девять раз выступала она на его сцене.

29 декабря в зале Гаво она дала свой прощальный, перед отъездом в Америку, концерт в пользу русской учащейся молодежи. В начале января 1926 года радостно и приветливо встретил ее русский Нью-Йорк. Сотрудник «Нового Русского Слова» В. Ильин посетил Скоблиных в отеле «Пенсильвания», получил от Плевицкой в дар «Дёжкин карагод» и задушевное интервью. Первый концерт Плевицкой состоялся в Манхэттенском оперном театре.

12 марта, при участии князя А. Оболенского, пела она русские песни в переполненном Эоллиан Холл. В восторженной рецензии, помещенной 16 марта в «Новом Русском Слове», А. Ступенков писал: «Пела та, которая шаг за шагом прошла с нами весь наш крестный путь изгнания с его лишениями и печалями».

А в октябре русские антикоммунисты Нью-Йорка были крайне изумлены и смущены: в просоветской газете «Русский Голос» появился анонс, приглашавший большевизанов посетить

концерт с участием «рабоче-крестьянской певицы» Н. В. Плевицкой. Сотрудник «Нового Русского Слова» Л. Камышников написал статью, обращенную к Плевицкой: «Глупость или измена?»

Отвечая на протесты, она беспечально и преспокойно возразила:

— Я артистка, и пою для всех. Я вне политики.

Возмущенный А. Ступенков горячо убеждал Скоблина, доказывая недопустимость выступления жены белого генерала перед красной аудиторией. Его доводы натолкнулись на сопротивление Скоблина, упорно защищавшего свою властную жену.

Весть об этом происшествии докатилась до Европы. С ведома великого князя Николая Николаевича, разгневанный Врангель подписал 9 февраля 1927 года приказ об освобождении Скоблина от командования корниловцами.

Весь 1926 год и первые месяцы 1927 года разъезжала Плевицкая с концертами по Америке. Пела в Нью-Йорке, Детройте, Филадельфии и других городах, как всегда, с громадным успехом.

Из странствий по Америке Скоблины вернулись в Париж в мае 1927 года и сразу же принялись за восстановление своей подмоченной репутации. 4 июня в зале Гаво Плевицкая пела в сопровождении балалаечного оркестра Денисова. 2 июля в Обществе Галлиполийцев она услаждала белых офицеров патриотическими песнями. Со слезами на глазах слушали сложенную в эмиграции песню:

Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.

После турне по городам Прибалтики, в конце августа пела она в Кнютанже, Монтаржи, Крезо, Лионе и Марселе. В этих городах французской провинции были крупные группы чинов РОВСа, восторженно ее и Скоблина приветствовавшие. Мало-помалу о происшествии в Нью-Йорке стали забывать. Впрочем, во Франции мало кто слышал о скандальном приключении «рабоче-крестьянской певицы».

На счастье Скоблина, 25 апреля 1928 года от скоротечной чахотки скончался генерал П. Н. Врангель. Приободрившись, Скоблин настоятельно просил Кутепова, ставшего председателем РОВСа, восстановить его в командовании корниловцами. Сам

бывший командир корниловцев, Кутепов не потерял доверия к Скоблину и не придал он особого значения нью-йоркскому происшествию. По его представлению, 8 июля 1928 года великий князь Николай Николаевич подписал приказ о возвращении Скоблина на пост командира корниловцев. Так бескомпромиссный ко всему большевистскому Кутепов реабилитировал чету Скоблиных.

* * *

В отличие от остальных генералов РОВСа, Скоблин нигде и никогда не работал. Стал он тенью своей властной и смекалистой жены, на девять лет его старшей. Муж по положению, был он чем-то вроде ее секретаря. Исполнял все ее капризы и требования, слушался ее как сурового, не терпящего возражений старшего начальника. Иной раз Плевицкая прикидывалась, будто глава в доме не она, а Скоблин. Но знавшие о его подчиненном положении, парижские остряки прозвали Скоблина генералом Плевицким. Скоблин не скрывал, что жил на доходы жены от концертов. Но никто точно не знал, сколько денег добывала она своими концертами. А заработки в обедневшей эмигрантской среде — не чета баснословным гонорарам дореволюционной России, буквально озолотившей Плевицкую.

* * *

Великий русский композитор и пианист Сергей Васильевич. Рахманинов высоко ценил талант Плевицкой. Не раз в Париже они музицировали вместе. В 1926 году Рахманинов аранжировал для хора и оркестра три народные песни из ее репертуара, составившие его 41-й опус. По начальным буквам имен своих любимых дочерей Татьяны и Ирины, дал Рахманинов название издательству «Таир», под маркой которого вышла в свет автобиографическая книжка Плевицкой «Дёжкин карагод». По ее красочным рассказам текст составил известный писатель Иван Лукаш. А вдохновенное, чудесное предисловие «Венец» написал к ней талантливейший Алексей Ремизов. Печаталась книжка в 1925 году в берлинской типографии братьев Гиршбаум. Издание книжки Плевицкой ничего не стоило — все оплатил ее берлинский друг Марк Яковлевич Эйтингтон.

Русский Берлин

В начале двадцатых годов в Берлине поселились многие русские эмигранты. Здесь обосновался центр Высшего Монархического Совета, возглавленный Н. Е. Марковым-Вторым, бывшим лидером монархистов в Государственной Думе.

Демократически настроенную часть эмиграции представляла группа членов кадетской партии, под редакцией И. В. Гессена здесь издавалась интеллигентски корректная газета «Руль». Нашли себе приют в Берлине выброшенные революционной волной из России писатели, поэты, журналисты. Среди них — Андрей Белый, Алексей Толстой, Илья Эренбург, Александр Дроздов и другие.

Как грибы после дождя, возникали многочисленные издательства — «Петрополис», «Медный всадник», «Фаланга», «Слово» и другие. Печатались художественные произведения и множество мемуаров на животрепещущие темы революции в России. Капитально выглядел многотомный «Архив русской революции», издававшийся И. В. Гессеном.

* * *

Русский Берлин того времени прославился как центр движения сменовеховцев. Отступление Ленина от варварства и зверств военного коммунизма к нэпу пробудило у части заграничных русских интеллигентов новые настроения. Появилась вера в неизбежную эволюцию коммунистического режима. Не обошлось тут без оккультного воздействия ВЧК-ОГПУ, неослабно следившего за эмигрантами и умело приспособлявшегося к их тоске по покинутой родине.

В июле 1921 года в Праге была напечатана брошюра «Смена вех» — сборник статей профессоров Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, Ю. Н. Потехина, С. Чахотина и Бобришева-Пушкина. Обращенные лицом к красной Москве, эти интеллигенты призывали эмиграцию к «переоценке ценностей».

26 марта 1922 года в Берлине вышел первый номер газеты «Накануне» под редакцией Ключникова. Программная статья с вопросами, куда идти, что делать, что готовит завтрашний день — совершенно ясно говорила о преклонении этих интеллигентов перед советским строем. Они приняли октябрьскую революцию и были готовы следовать за большевиками, провозгласившими необходимость и неизбежность мировой социальной революции.

В понимании сменовеховцев советская Россия стала Россией просто, и интернациональные задачи коммунистической партии слились с русскими национальными интересами. Утверждая тождество интернационального СССР и национальной России и идеализируя положение в стране, «Накануне» занималось уловлением эмигрантских душ в сети большевизма.

Конечно, среди сменовеховцев были наивные люди и честные мечтатели, клюнувшие на большевистскую удочку. Но руководили ими оппортунисты и сознательные слуги большевиков, занятые разложением эмиграции, особенно ее молодежи, остро переживавшей крах белого движения.

Сердцу большевиков сменовеховство было милым. Побывавшим в Москве профессорам Ключникову и Потехину советские власти оказали ласковый и любезный прием. 19 июля 1922 года «перед судом Москвы» состоялось публичное выступление этих двух сменовеховцев. На их речи правительственные «Известия» откликнулись положительно: «Мы приветствуем всякого приходящего к нам не с камнем за пазухой, а с жертвенной готовностью отдать свои силы родному народу». А партийная «Правда» назидательно поучала: «Пусть они скорее изберут прямой путь и под шаткое строение слов подведут прочный фундамент дел. Тогда, и только тогда, Россия будет их любить и жаловать как своих действительных граждан».

С радостью «Накануне» воспроизвело отклики ведущих советских газет. Затем, один за другим, потянулись сменовеховцы в советскую Россию.

В 1924 году «Накануне» кончило свое недолгое существование. В Каноссу ушли Ключников, журналисты Г. Кирдецов, Я. Лившиц, Устрялов, писатели А. Дроздов, А. Белый, А. Толстой, И. Эренбург и другие. Карьеры в СССР они не сделали, хотя и пытались подвести под себя прочный фундамент дел. Лишь Алексей Толстой и Илья Эренбург, не только оппортунисты, но и подлинные таланты, преуспели в СССР. Оба они удостоились сталинских премий по литературе и были избраны в Верховный Совет СССР.

Кое-кто из сменовеховцев вовремя одумался и в Россию не поехал. Сменовеховство большой пользы большевикам не принесло. И эмиграция не понесла значительного ущерба. Остались лишь неприятные воспоминания о капитуляции небольшой кучки интеллигентов.

* * *

Большевистская революция нещадно уничтожала все препятствия на своем пути. Разлагая уставшую от трехлетней войны царскую армию, Ленин и его сподвижники натравливали солдат на верных воинскому долгу генералов и офицеров. Многие из них были подняты на штыки. Матросы, «краса и гордость революции», сбрасывали своих адмиралов и офицеров в воду или сжигали их в топках кораблей.

Октябрь 1917 года нанес окончательный удар по старой армии. Царские генералы знали, как их ненавидел Ленин. Все же за колесницей победителя побежали те генералы, которым было все равно — кому служить. Знали себе цену эти генералы и офицеры старого русского Генерального штаба. Знали, что и большевистский строй не сможет обойтись без собственных вооруженных сил.

Еще не было Красной армии, но первые ее организаторы уже предоставили себя в распоряжение новых властителей. Генерал-лейтенант М. Д. Бонч-Бруевич, брат первого управляющего делами ленинского совнаркома, расформировывал ставку Верховного Главнокомандующего в Могилеве. Примкнули к режиму генералы Потапов, Парский, Гутор, Клембовский, Зайончковский, полковники Каменев, Вацетис, Егоров, Шапошников. И многие другие. Из 1400 генералов и офицеров царского Генерального штаба 13 полных генералов, 30 генерал-лейтенантов, 113 генерал-майоров и 127 штаб- и обер-офицеров пошли на службу к большевикам добровольно, или были вынуждены, подобно бывшему военному министру Временного правительства генералу Верховскому, следовать за ними под угрозой расстрела.

Это они, под руководством наркомвоена Льва Троцкого, организовали Красную армию и дали победу большевикам над разрозненно действовавшими белыми армиями своих былых братьев по оружию и товарищей по Николаевской академии Генерального штаба.

* * *

Не все было благополучно в зарубежном стане белых. Были генералы, осознавшие, что их ставка на белого коня была грубой ошибкой. Оставшись не у дел, с завистью взирали они на своих удачливых противников, нанесших им сокрушительное поражение. Протянулись к Москве невидимые нити к прежним друзьям по Генеральному штабу.

В 1922 году в Берлине собралась кучка сменивших вехи

офицеров Генерального штаба. Порвав с белыми, они основали военно-научный журнал «Война и мир». Сначала редактором был генерал-лейтенант М. И. Тимонов, выпустивший первые три номера. Затем во главе редакции стал бывший профессор Николаевской академии генерал-лейтенант А. К. Кельчевский. К сменовеховцам присоединились генералы Е. И. Достовалов, В. Борисов, А. Носков, Залесский, Добророльский.

Прияв октябрьскую революцию, эти былые белые генералы уповали на карьеру в СССР. Их журнал, с разрешения советских властей, был допущен к свободному распространению на всем пространстве советской России.

В 1924 году, выпустивши в свет последний 15-й номер журнала, переметнувшиеся к красным генштабисты уехали на родину. Подобно своим штатским коллегам из «Накануне», эти генералы никакой карьеры в СССР не сделали. Как военные специалисты, они большевикам уже не были нужны.

Но генеральское сменовеховство было полезно Ленину, делавшему все для разложения эмиграции. Переход видных генералов на сторону красных наносил моральный удар по белым эмигрантам. Ведь Кельчевский в 1919–1920 годах был начальником штаба Донской армии, а Достовалов — начальником штаба лучшего в Добровольческой армии 1-го корпуса генерала Кутепова.

К счастью для белых эмигрантов, как Кельчевский, так и Достовалов в армии не были ни любимыми, ни популярными.

При наступлении корпуса на Москву Достовалов неизменно разбрасывал полки веером, подставляя их по частям под удары красных. В корпусе ходили слухи, что Достовалов работал на большевиков. Его оперативная деятельность была не по душе начальникам дивизий. Один из них, начальник Марковской пехотной дивизии генерал Тимановский, при встрече с Кутеповым, в присутствии своего начальника штаба полковника А. Г. Биттенбиндера, сказал:

— Если твой начальник штаба Достовалов появится в расположении моей дивизии, я прикажу повесить его.

Недолюбливал Достовалова и Кутепов. Но избавиться от него не мог — Достовалов пользовался доверием генерала Ивана Павловича Романовского, начальника штаба армий генерала Деникина.

В один прекрасный день в штаб Марковской дивизии явилась девица-курсистка в сопровождении офицера, вручившего полковнику Биттенбиндеру приказание Достовалова перебросить ее в тыл красных. Офицеры штаба угостили девицу обедом. Подвыпив, девица разоткровенничалась и поведала офицерам,

что она точно знает расположение и численность всех частей корпуса, нанесенных на оперативной карте Достовалова. Ее откровения вызвали тревогу штабных офицеров. Подозревая недоброе, полковник Биттенбиндер задержал ее и о случившемся донес Достовалову. Но начальник штаба Кутепова еще раз письменно приказал пропустить девицу в красный тыл.

В дни отступления добровольцев от Орла к Ростову, когда у всех было на сердце тяжело, Достовалов сиял словно именинник, отступление и неудачи его не огорчали. После высадки корпуса Кутепова в Галлиполи он открыто перешел на сторону красных.

16 апреля 1922 года Германия и советская Россия заключили в Рапалло мирный договор. В Берлин прибыли советские дипломаты, и Достовалов был принят на службу в полпредство.

Вместе с полпредством в Берлин приехали агенты ОГПУ. Берлин стал важнейшим центром советской разведки в Западной Европе.

Рапалло привело к тесному сотрудничеству рейхсвера с Красной армией. Немецкие части проводили в СССР запрещенные Версальским договором учения. В СССР испытывались новые типы немецкого оружия. Генералы рейхсвера присутствовали на маневрах Красной армии. Красные военачальники знакомились в Германии с немецкой военной наукой и техникой.

Шли годы, менялись условия жизни. Под напором послевоенной инфляции в Германии многие русские эмигранты перекочевали из Берлина в Париж. Русский Берлин численно уменьшился. Не уменьшилось, но увеличилось число советских агентов в Берлине. Протянулись невидимые нити ОГПУ из Берлина во Францию, еще не признававшую советского правительства законной русской властью.

Русский Париж

Париж — город-светоч, столица державы-победительницы в Первой мировой войне, заплатившей за победу многими сотнями тысяч своих сынов. Город, воплотивший в себе великую французскую культуру, влиятельный в мире политический центр.

В ранние двадцатые годы стал Париж столицей русского Зарубежья. Дореволюционная Россия предстала здесь во всем своем былом, но ущербленном величии. Тут поселились великие князья Дома Романовых, уцелевшие в вихрях великой русской смуты. Заседал возглавленный М. Н. Гирсом Совет послов, представленный известными во всем мире русскими дипломатами. Жили бывшие царские министры, сенаторы, члены Государственного Совета, депутаты Государственной Думы, деятели безвременно скончавшегося Временного демократического правительства, проигравшего Россию партии Ленина.

Глубоко переживали эмигранты трагедию России, обвал многовековой монархии, гибель едва народившейся, хилой русской демократии. Кипели в политических страстях остатки разбитых большевиками политических партий — монархисты, кадеты, октябристы, социалисты-революционеры, меньшевики и иные. Бывшие сановники и генералы писали мемуары, обличая противников и соперников, укоряя в ошибках единомышленников и понося инакомысливших. С трагизмом в голосе все спрашивали: как все это могло случиться? Кто же виноват?

Множество новых организаций — политических, общественных, культурных, научных, профессиональных, благотворительных и иных — возникло в русском Зарубежье. Самые важные были в Париже. Не дремали и ленинцы, обеспокоенные мощью и влиянием многочисленных эмигрантов. В их толщу они протолкнули свои организации, и первой из них был построенный на тоске по России Союз Возвращения на Родину.

Блистал русский Париж культурными силами. Театры, оперные труппы Агренева-Славянского и Церетели. Духовная академия. Писатели И. Бунин, Д. Мережковский, А. Куприн, И. Шмелев, Б. Зайцев, И. Лукаш и иные. Художники К. Коровин, А. Бенуа, Билибин и другие. Изумительный русский балет С. Дягилева, танцовщики Нижинский и Фокин, балерины Анна Павлова, Кшесинская, Карсавина и множество других громких имен. Академическая группа с известными всему миру учеными. Толстые журналы, талантливые критики В. Ходасевич и

Г. Адамович. Книжные издательства. Большие ежедневные газеты «Последние Новости» П. Милюкова и «Возрождение» с десятками тысяч читателей. Иные газеты и журналы, то возникавшие на эмигрантской ниве, то вскоре погибавшие под тяжестью непосильных расходов.

Русское Зарубежье — Россия в миниатюре, бережно и благоговейно хранившая все лучшее от России царской, хранительница ее культуры и духовных ценностей.

У этой зарубежной России была своя безоружная, но крепко спаянная армия — Русский Обще-Воинский Союз, объединивший в своих рядах десятки тысяч белых воинов.

Обескровленная в мировой войне, Франция остро нуждалась в рабочих руках на своих заводах, фабриках и шахтах. Она охотно принимала к себе белых офицеров и солдат, нашедших временный приют на Балканах. Потянулись во Францию тысячи офицеров, солдат и казаков. Рассеялись они по всему лику Франции. Многие осели в Париже и его окрестностях. Тяжело трудились, не жалуясь на тяготы жизни в чужой стране. Генералы, командовавшие в России армиями и корпусами, полковники, командовавшие полками, сели за руль такси. Три тысячи офицеров стали шоферами такси. Металлургия Эльзас-Лотарингии, шахты Деказевилля, автомобильные заводы Ситроэна и Рено в Париже, множество больших и малых предприятий по всей стране дали работу бездомным изгнанникам, борцам за свободу и честь России.

В Париже и в провинции жили чины РОВСа крепко спаянными группами. Тосковали по покинутой родине, мечтали о свержении власти большевиков, жаждали борьбы с ними. Жили сперва беспочвенными надеждами на весенние походы… С каждым годом все больше и больше таяли эти надежды. Нужно было искать иные пути и способы борьбы.

Двадцатые годы в русском Зарубежье ознаменовались возрождением и расцветом монархических идей, поблекших было в годы революции и Гражданской войны. Монархисты-легитимисты, верные установленному императором Павлом Первым закону о престолонаследии, последовали за великим князем Кириллом Владимировичем, объявившим себя местоблюстителем царского престола за рубежом. Вскоре Кирилл Владимирович был провозглашен императором Всероссийским.

Но многие монархисты не могли простить контр-адмиралу Кириллу Владимировичу измену трону, когда он, с красным бантом на груди, явился 1 марта 1917 года к зданию Государственной Думы и предоставил офицеров и матросов своего Гвардейского Экипажа в распоряжение революционной

власти, вынудившей императора Николая Второго отречься от престола.

Взоры большинства монархически настроенных эмигрантов обратились к великому князю Николаю Николаевичу, бывшему в 1914–1915 годах Верховным Главнокомандующим русских армий. Популярный не только в русской среде, но и в политических кругах Франции, благодарной России за помощь в трагические дни битвы на Марне, великий князь жил тогда уединенно на французской Ривьере в своем имении в Антибе. Бывшие государственные деятели России и различные эмигрантские организации не раз обращались к нему с просьбами возглавить национальное антибольшевистское движение. Но всякий раз Николай Николаевич решительно отказывался. Он считал, что после всех революционных событий члены императорской фамилии должны воздерживаться от политической деятельности.

Тем временем, по тайным каналам, из России шли вести о подпольном монархическом движении, мало-помалу наращивавшем свою мощь и распространявшем свое влияние по всей стране… Взволновались лидеры монархистов в Берлине и Париже. Движению нужен был авторитетный и популярный вождь. Им мог быть только великий князь Николай Николаевич.

* * *

В марте 1923 года из Белграда в Антиб приехал генерал А. П. Кутепов. Его первая беседа с великим князем была краткой. Николай Николаевич даже не пожелал говорить о своем участии в эмигрантских делах. Твердый и решительный, Кутепов добился второй аудиенции. Горячо доказывал, что великий князь никак не может уклониться от своего долга перед Россией. На сей раз Кутепов преуспел, Николай Николаевич согласился.

Довольный Кутепов вернулся в Белград, где исполнял обязанности помощника П. Н. Врангеля, Главнокомандующего русской армией в изгнании. А 3 мая 1923 года великий князь покинул Антиб и поселился в имении Шуаньи под Парижем. Под его верховным водительством началось объединение шестнадцати эмигрантских организаций. Намечались планы, назначались деятели на разные должности. Нужен был и руководитель тайной работы против большевиков.

Выбор Николая Николаевича пал на Кутепова. В начале 1924 года он вызвал его в Париж и предложил ему руководство революционной борьбой с большевиками. Боевой генерал был озадачен. Он отдавал себе отчет в трудностях нового,

незнакомого ему дела, к которому подготовлен не был. После разговора с великим князем зашел Кутепов в кафе «Ренессанс», что неподалеку от театра «Комеди Франсэз». Сел за столик, заказал чашку кофе и, мучимый сомнениями, размышлял над предложением великого князя. Словно невзначай в кафе появился генерал Шатилов, бывший помощник Главнокомандующего. Разговорились. Шатилов узнал о предложении великого князя. Узнал и о решении Кутепова, принятом после размышлений над чашкой кофе. Кутепов отдал себя в распоряжение великого князя и немедленно сообщил об этом П. Н. Врангелю.

* * *

Врангель, опасавшийся новой азефовщины, в успех подпольной работы не верил. Огорченный решением своего помощника, 21 марта 1924 года Врангель отдал приказ об освобождении Кутепова от его обязанностей. В приказе Врангель писал: «Дорогой Александр Павлович! Ныне общее руководство национальным делом ведется уже не мною. Ты выходишь из моего непосредственного подчинения и не будешь руководить теми, кого неизменно водил в бой и закаливал их в Галлиполи». Так Врангель подчеркнул, что нет ничего общего между РОВСом и тайной деятельностью, доверенной Кутепову великим князем.

Для ограждения РОВСа от политических страстей в момент, когда нараставшее монархическое движение распалось на легитимистов кирилловского толка и сторонников великого князя Николая Николаевича, 8 сентября 1923 года генерал Врангель издал приказ № 82, запрещавший чинам РОВСа вступать в политические организации. Одновременно, как председатель РОВСа, Врангель вошел в подчинение Николаю Николаевичу. После кончины Врангеля в апреле 1928 года, генерал Кутепов занял пост председателя РОВСа. Не прошло еще и года, как скончался великий князь Николай Николаевич. И Кутепову выпало на долю верховное возглавление русской национальной эмиграции и ее наиболее активных революционных борцов с коммунизмом.

А. П. Кутепов

Александр Павлович Кутепов родился 16 сентября 1882 года в Череповце в семье лесничего. Учился в классической гимназии в Архангельске. С детских лет мечтал о военной службе. По окончании шести классов поступил в Петербургское юнкерское училище и в 1904 году окончил его фельдфебелем. В этом году началась русско-японская война. По праву Кутепов мог выбрать блестящий и удобный по стоянке полк, в далеком от войны тылу. Но он избрал 85-й Выборгский императора Германского Вильгельма Второго пехотный полк, отправленный в действующую армию. В полку начал службу в команде разведчиков. Скромный, всегда подтянутый, физически крепкий, коренастый и ладно сложенный подпоручик был на войне как у себя дома. В одном из первых своих ночных дел внезапным нападением разогнал японскую заставу и захватил пулемет. За отличия в боях на полях Маньчжурии был награжден орденом св. Владимира с мечами и бантом.

После войны поручик Кутепов был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк. Учебную команду полка Кутепов сделал образцовой. На нее равнялись другие полки Петербургского военного округа.

Требовательный к себе и к другим, Кутепов строго наказывал солдат за нарушения порядка и дисциплины. Его боялись, но и уважали. Был он заботлив о солдате. По праздникам водил солдат по музеям, посещал солдатские вечеринки. Слыл в полку как самый строгий и исполнительный офицер.

В 1914 году штабс-капитан Кутепов вышел на фронт командиром 4-й роты преображенцев. 20 августа в бою с австрийцами около Люблина был ранен в левую ногу. До ранения успел отразить наступавших австрийцев. В ноябре вернулся в полк, а в марте 1915 года был ранен в правую ногу. В третий раз был ранен в горячем бою с немцами под Влодавой в июле. С раной в паху продолжал командовать до тех пор, пока не были опрокинуты просочившиеся в тыл немцы. За этот бой был награжден орденом св. Георгия.

В 1916 году во время летнего наступления армий Юго-Западного фронта капитан Кутепов командовал вторым батальоном преображенцев, занимавшим участок на реке Стоход. В жестоком бою Кутепов выбил немцев из леса Свинюхи и удержал его под бешеным огнем немецкой артиллерии. За этот бой Кутепов получил Георгиевское оружие и чин полковника.

Храбрый и волевой, не терявшийся в опасные и трудные

моменты, чернобородый Кутепов заслужил доверие солдат. Верили в него не только однополчане. И из соседних полков прибегали солдаты удостовериться — здесь ли «черный капитан», знали, что с ним неустойки не будет.

В роковой для России 1917 год, после приказа № 1, завелись в полках советы солдатских депутатов. Пала дисциплина, солдаты не повиновались офицерам. Пораженческая пропаганда большевиков разваливала армию. В эти черные для России дни Кутепов стал командиром Преображенского полка. Личным примером и авторитетом он удерживал полк от развала. В позорные тарнопольские дни у деревни Мшаны преображенцы нанесли немцам удар, отбросили их и спасли тяжелую артиллерию 8-й армии.

Настал день, когда разбежался и Преображенский полк. Кутепов уехал на Дон и вступил в Добровольческую армию генерала Корнилова.

24 декабря 1917 года Кутепов был назначен начальником гарнизона в Таганроге. Здесь он сформировал небольшой офицерский отряд и в течение месяца отбивался от многочисленных красногвардейцев Сиверса.

В первый кубанский поход Кутепов ушел командиром третьей роты Первого офицерского полка. В бою под Екатеринодаром пал командир корниловцев полковник Неженцев. И в свой предсмертный час Корнилов назначил Кутепова командиром Корниловского полка.

В начале второго кубанского похода в бою под Шаблиевкой был убит начальник 1-й дивизии генерал Марков. Кутепову пришлось расстаться с корниловцами и, по приказу Деникина, возглавить 1-ю дивизию. С ней он прошел по степям Кубани, громя красных на всем пути от Тихорецкой до Екатеринодара. После занятия Новороссийска был Черноморским военным губернатором. Впервые в жизни столкнулся с делами гражданскими. Опыта не имел, но с задачей справился, наладил порядок, преодолел разруху.

В январе 1919 года Деникин назначил его командиром 1-го армейского корпуса. После победы Деникина на Маныче корпус Кутепова бился в Донецком бассейне. Одержал ряд блистательных побед. Взял Харьков, Курск, Орел. После победы под Харьковом был произведен в чин генерал-лейтенанта. Когда военное счастье изменило белым, умело руководил отступлением корпуса от Орла до Новороссийска.

После ухода в Крым духом не сломился. Обосновавшись со штабом в Симферополе, немедленно стал приводить в порядок поредевшие полки.

Подавленный неудачами, в марте 1920 года Деникин решил уйти с поста Главнокомандующего ВСЮР. Встал вопрос о замене. Взволнованные командиры полков продолжали доверять Деникину. Некоторые говорили Кутепову, что хотели бы его назначения главнокомандующим. Не будучи честолюбивым, Кутепов ответил:

— Считаю, что Врангель талантливее меня. Он лучше меня справится с нашим тяжелым положением. Я буду настаивать на кандидатуре генерала Врангеля.

Собравшийся под председательством генерала А. М. Драгомирова военный совет принял отставку Деникина и согласился с кандидатурой Врангеля. 22 марта Деникин назначил Врангеля своим преемником.

А потом беспрерывные бои в Таврии, конец обреченного Крыма, уход на чужбину, чудо возрождения воинского духа на каменистых полях Галлиполи.

* * *

В Галлиполи Кутепов не раз говорил:

— Наша борьба с большевиками не кончена. Для борьбы нужны люди с выдержкой, сильные духом и телом.

В Душановце, под Белградом, после высылки из Болгарии, напряженно думал он о продолжении борьбы с коммунизмом. Иных путей, кроме революционных, он не видел. Военный до мозга костей, опыта в политике и революционной борьбе не имел. Стал изучать политические и социальные вопросы. Учился новому делу. Мечтал о пробуждении национальных сил в подъяремной России.

По соседству в Топчидере в небольшой вилле жил генерал Врангель. С ним Кутепов виделся часто на прогулках. Поделился он своими революционными намерениями с Врангелем. Умудренный печальным опытом эсеров, которых предавал царской тайной полиции знаменитый провокатор Азеф, Врангель намерений Кутепова не одобрил. На том и начались их крупные нелады, печалившие белых воинов.

Железный генерал в прошлом, стал Кутепов и железным революционером. Монархист по убеждениям, он был готов честно сотрудничать с людьми иных политических верований. Для него благо России — превыше всего. В его деловом кабинете и на дому бывали деятели различных направлений. С ними он находил общий язык.

Был противником имущественной реставрации, стоял за

передачу земли во владение крестьянам. Мало-помалу вырабатывал свою политическую программу. Постепенно превращался в крупную политическую силу. С ним был не только РОВС, безгранично ему веривший. Его поддерживали «Возрождение» и другие зарубежные газеты, многие организации, им восторгалась молодежь.

Из среды белых воинов и эмигрантской молодежи выходили добровольцы-революционеры, жаждавшие подвигов. Из них сложилась Боевая организация Кутепова. Нужные для опасного дела сильные духом и телом нашлись. С ними Кутепов начал свой последний поход.

А. А. Якушев

В ноябре 1921 года сотрудник Народного комиссариата внешней торговли Александр Александрович Якушев был командирован по делам из Москвы в Швецию и Норвегию. Проездом через Ревель он посетил Юрия Александровича Артамонова, бывшего своего ученика по Императорскому Александровскому лицею. Якушев привез Артамонову письмо от его тетки, Варвары Николаевны Страшкевич.

В присутствии Всеволода Ивановича Щелгачева, представителя генерала Врангеля в Ревеле, Якушев охотно рассказывал о положении в России. Своим собеседникам он поведал о возникновении в России тайной монархической организации.

Артамонов, в прошлом вольноопределяющийся лейб-гвардии Конного полка и офицер белой армии генерала Юденича, враг большевизма, жаждал борьбы с советским строем. Вестям Якушева он был очень рад. Написал письмо своему другу и однополчанину, князю Кириллу Алексеевичу Ширинскому-Шихматову, жившему в Берлине в доме № 16 на фешенебельном Курфюрстендамме.

Он писал:

«Якушев крупный спец. Умен. Знает всех и вся. Наш единомышленник. Он то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение — мнение лучших людей России. Режим большевиков приведет к анархии, дальше без промежуточных инстанций к царю. Толчка можно ждать через три-четыре месяца. После падения большевиков спецы станут у власти. Правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России. Якушев говорил, что лучшие люди России не только видятся между собой, в стране существует, действует контрреволюционная организация. В то же время впечатление об эмигрантах у него ужасное. „В будущем милости просим в Россию, но импортировать из-за границы правительство невозможно. Эмигранты не знают России. Им надо пожить, приспособиться к новым условиям“. Якушев дальше сказал: „Монархическая организация из Москвы будет давать директивы организациям на Западе, а не наоборот“. Зашел разговор о террористических актах. Якушев сказал: „Они не нужны. Нужно легальное возвращение эмигрантов в Россию, как можно больше. Офицерам и замешанным в политике обождать. Интервенция иностранная и добровольческая нежелательна. Интервенция не встретит сочувствия“. Якушев безусловно с нами. Умница. Человек с мировым кругозором. Мимоходом бросил мысль о

„советской“ монархии. По его мнению, большевизм выветривается. В Якушева можно лезть, как в словарь. На все дает точные ответы. Предлагает реальное установление связи между нами и москвичами. Имен не называл, но, видимо, это люди с авторитетом и там, и за границей…»

Прочтя письмо, Ширинский отправился к председателю Высшего Монархического Совета Н. Е. Маркову-Второму. Вестями Якушева Марков сразу же заинтересовался. Недолго думая, он решил войти в связь с Монархическим Объединением Центральной России (МОЦР), отрицавшим демократию и утверждавшим самодержавие.

Вернувшись в Россию, Якушев беседовал с чекистами. Глава ОГПУ и основатель кровожадной Чрезвычайной комиссии Феликс Дзержинский дал указания, как руководить «монархистами Центральной России».

* * *

До революции действительный статский советник А. А. Якушев был управляющим эксплуатационным департаментом водных путей Министерства путей сообщения. После октябрьской революции он продолжал служить в министерстве, когда оно, кратковременно возглавленное Львом Троцким, стало Народным комиссариатом путей сообщения. Никаких преступлений против советской власти он не совершил. Как монархист по убеждениям, понадобился большевикам для специальной, тонкой работы.

В ночной час Дзержинский совещался со своими ближайшими сотрудниками.

— Надо, чтобы это название — ГПУ — внушало врагам еще больший страх, чем ВЧК. И в особенности это относится к борьбе с контрреволюцией.

Повернувшись лицом к начальнику контрразведывательного отдела ОГПУ, Артуру Христиановичу Артузову, Дзержинский продолжал:

— Нужно сделать так, чтобы МОЦР превратилось в своего рода «окошко», через которое ГПУ могло бы иметь точное представление о том, как предполагает действовать против нас белая эмиграция. Нам нужен человек, который поможет чекистам проникнуть в ядро монархической организации. Человек, которому эти господа верят, которого знают как убежденного монархиста и который мог бы стать одним из руководителей МОЦР, действуя в интересах советской власти.

Дзержинский сразу же после возвращения Якушева из заграничной командировки инсценировал его арест. Был и удобный повод — агенты ГПУ перехватили в Эстонии письмо Артамонова Ширинскому, сняли с него фотокопию. Прочтя письмо, убедились, что Артамонов клюнул на удочку Якушева. Дело налаживалось, нужно было развивать его дальше. И вскоре чекисты свели Якушева с Опперпутом.

Б. В. Савинков И Опперпут

В конце декабря 1920 года советско-польскую границу перешел высокий, сероглазый, рыжеватый 26-летний блондин с облезлым чемоданом в руке. Члену Народного Союза Защиты Родины и Свободы И. С. Микуличу, ведавшему участком работы Союза в Лунинце, он представился как Павел Иванович Селянинов. О себе он рассказал, что официально он — комиссар 17-й стрелковой дивизии. В то же время он — возглавитель подпольной организации НСЗРиС в Западном военном округе. Для пущей убедительности Селянинов предъявил удостоверение Западного областного комитета НСЗРиС. Печать на удостоверении была сходна с той, какой пользовался центр НСЗРиС в Варшаве.

Из разговора с Селяниновым осторожный Микулич выяснил, что гость по национальности латыш. Уже одно это обстоятельство заставляло быть начеку — латыши состояли в преторианской гвардии Ленина, многие из них работали в ВЧК и ОГПУ.

Селянинов поведал, что как в Гомеле, так и в Могилеве, Витебске, Смоленске, в Горецком, Оршанском и Поречском уездах действуют антибольшевистские партизанские отряды, нападающие на советские учреждения.

Микулич знал о действиях партизан, сведения Селянинова отвечали истине. Разговор углублялся. Селянинов сообщил, что подполье отдает себе отчет в невозможности успешной деятельности без поддержки извне. Доказательство тому — неудача восстания в Гомеле в 1919 году. Поэтому подполье возлагает свои надежды на Бориса Викторовича Савинкова, главу НСЗРиС за границей. Именно к нему и стремился Селянинов, со своим подробно разработанным планом действий против большевиков на территории Западного военного округа.

Савинков был всемирно знаменит, как смелый и неуловимый террорист из Боевой организации партии социалистов-революционеров, боровшейся против царского строя. После разоблачения предательства Азефа он возглавил Боевую организацию. Неудача революции 1905 года вынудила его уехать из России и поселиться в Париже. В 1917 году в течение нескольких недель он управлял военным министерством в кабинете А. Ф. Керенского. Вопреки товарищам по партии эсеров, этот незаурядный человек открыто поддержал Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова, пытавшегося остановить развал русской армии и довести войну до победного конца.

В годы Гражданской войны Савинков основал тайный НСЗРиС, в подполье боролся против власти Ленина, поднял восстания в Ярославле, Муроме и Рыбинске. Восстания были жестоко подавлены красными латышскими полками. Во время советско-польской войны, с согласия поляков, организовал армию генералов Перемыкина и Булак-Булаховича, воевавшую против Красной армии.

Окончание советско-польской войны не остановило Савинкова. Опытный конспиратор, талантливый и энергичный организатор вернулся к привычной подпольной работе. Как политический деятель в эмиграции, он был в это время самым опасным противником для большевиков. Неспроста высокого о нем мнения был Уинстон Черчилль, уже тогда правильно оценивший всемирную опасность коммунизма.

На пути в Варшаву Селянинов, на диво хорошо осведомленный о прошлом Савинкова, расспрашивал Микулича о русской эмиграции в Польше, ее политических организациях, ее взглядах на положение в России, ее пригодности к борьбе против советского строя. Неуверенный в благонадежности Селянинова, Микулич отвечал сдержанно и скупо.

В гостинице Брюлль в Варшаве Селянинов долго разговаривал наедине с Савинковым. Окончив разговор, Савинков спросил, что думает Микулич о Селянинове. И оба сошлись в мнении, что полностью Селянинову доверять нельзя. Подумав немного, Савинков сказал, что искренность гостя из Гомеля удастся проверить тут, в Варшаве.

Селянинов вручил Савинкову и его помощнику, генерального штаба полковнику Гнилорыбову, содержимое чемодана: секретные приказы Красной армии, сведения о дислокации войск в различных военных округах, фотографии советских военных объектов, кое-какие данные о мобилизационном плане на случай войны с Польшей. Сведения как будто не внушали сомнений в подлинности. Савинков и Селянинов отвезли содержимое чемодана во французскую военную миссию, которая хорошо заплатила за эту подделку.

На вырученные деньги Савинков отпечатал большое количество листовок, призывавших к борьбе с большевиками. Темной ночью, спокойно и без осложнений, большая партия антисоветской литературы была переброшена в СССР. Два пограничника поджидали Селянинова в условленном месте.

Вскоре Селянинов опять появился в Лунинце. На сей раз он предъявил документ на имя Эдуарда Оттовича Опперпута. От него Микулич узнал подробности переброски литературы. Встретившие Селянинова пограничники погрузили тюки с

листовками на повозку. Довезли до станции Житковичи. Там вызвали двух агентов из местной Чека, которым поручили сопровождать до Гомеля захваченную «контрабанду». Затем подпольщики из стрелковой дивизии перегрузили в Гомеле листовки на свою повозку и отвезли на тайную, неизвестную чекистам базу.

В тот же вечер, в сопровождении члена НСЗРиС Давыдова, Опперпут выехал в Варшаву. Вторая встреча Опперпута с Савинковым была окутана тайной. За исключением Гнилорыбова, никто из ближайшего окружения Савинкова не знал об этом свидании и его результатах. Только было видно, что Савинков проникся доверием к Опперпуту, и их отношения стали более тесными.

В марте 1921 года в Лунинец от Савинкова прибыл полковник Андреев с офицерами с заданием формировать конные партизанские отряды.

* * *

Побывал Опперпут и в польском генеральном штабе. Беседовал с ним капитан Эмиссарский четыре раза. Эмиссарскому Опперпут признался, что в советской России он занимал должность начальника штаба командующего войсками внутренней охраны Западного военного округа. Но заверял, что в душе он — сторонник Савинкова.

* * *

В марте 1921 года в Риге был подписан советско-польский мирный договор. Перед Савинковым оставалось только поле революционной деятельности — иных путей борьбы не было. Он возродил Народный Союз Защиты Родины и Свободы. В Союз вошли видные демократы: писатель Д. С. Мережковский, его жена Зинаида Гиппиус, Д. В. Философов, Е. С. Шевченко, чета Дикгоф-Дерепталей, брат Савинкова Виктор Викторович, полковник С. Э. Павловский, отважный кавалерист и руководитель партизан. В Варшаве под редакцией Философова издавалась газета «За Свободу».

Победившая в Гражданской войне белых, советская власть в 1921 году еще не была прочной. В Кронштадте вспыхнуло восстание матросов, жестоко подавленное Троцким и Тухачевским. На Тамбовщине, в Алтайском крае и в других

местах пылали крестьянские восстания. В стране была разруха. И Ленин был вынужден объявить нэп.

В июне 1921 года в Варшаве заседал съезд возрожденной организации Савинкова. В резолюции съезда было записано:

> «Считать нынешние условия во всех отношениях исключительно благоприятными для развертывания многосторонней деятельности НСЗРиС на территории России, имея конечной целью свержение режима большевиков и установление истинно русского, демократического строя».

Съезд НСЗРиС взволновал советское правительство. Оно потребовало от поляков пресечь деятельность НСЗРиС. Поляки были вынуждены распылить Центральный Комитет НСЗРиС. Савинков, чета Дереналей и полковник Павловский перебрались в Париж. Брат Савинкова переехал в Прагу. В Варшаве постоянно оставались Философов и Шевченко. Наезжая в Варшаву, Савинков руководил Союзом из Парижа.

Гибель Б. Савинкова

Среди русских эмигрантов, поселившихся в Париже после неудачи революции 1905 года, был Александр Аркадьевич Дикгоф-Дерентaль. Потомок прибалтийских дворян, Дерентaль, как и Савинков, был революционером. Хорошо образованный и знавший иностранные языки, он сотрудничал в журналах «Вестник Европы» и «Русское Богатство». Во время Первой мировой войны в газете «Русские Ведомости» печатались его бойкие корреспонденции с французского фронта. В Париже почти сорокалетний Дерентaль женился на Любови Ефимовне, красивой семнадцатилетней девушке из русской семьи Брут.

В 1917 году, незадолго до отъезда в революционный Петроград Савинков и Дерентaль случайно познакомились в Париже. Савинков уехал раньше Дерентaлей. И уже в Петрограде, незадолго до октябрьского переворота, чета Дерентaлей встретилась в ресторане «Нева» с Савинковым. С этого момента их судьбы тесно переплелись.

Любовь Дерентaль понравилась Савинкову. Он ей тоже. Завязался пылкий роман, превратившийся в роковой треугольник.

После неудачи поднятых Савинковым восстаний в центральной России, он и Дерентали бежали в Казань. Некоторое время жили в Сибири, затем втроем, через Владивосток и Японию, добрались до Парижа. Здесь в 1918–1919 годах Савинков представлял интересы белого правительства адмирала А. В. Колчака, добывая для белых армий Сибири и Юга России оружие, снаряжение и обмундирование. Советско-польская война привела их в Варшаву, а после войны — опять Париж.

Обычно хорошо осведомленный о событиях в мире, Дерентaль стал советником Савинкова по международным делам. Любовь Дерентaль стала секретаршей Савинкова. Ради Любы он порвал со своей семьей, виделся с нею ежедневно. Так в приятных встречах с Любой и в конспиративных делах протекали парижские дни Савинкова. Дерентaль же словно примирился со своим незавидным положением.

В это время дела НСЗРиС в России были плохи. ГПУ продолжало вылавливать тайные организации Савинкова. Посланные в Россию три ревизора пропали без вести. И Савинков решил послать одного из своих близких сотрудников, Леонида Даниловича Шешеню, в Россию для проверки деятельности резидентов в Смоленске и Москве.

Летом 1923 года Шешеня, с ведома и при помощи капитана польской разведки Секунды, пересек советско-польскую границу к

востоку от Лунинца. Шешеня нарвался на пограничников и был арестован. Его отвезли в Минск, где начальник ГПУ Белоруссии Медведь учинил первый допрос.

О поимке Шешени Медведь известил начальника КРО ОГПУ Артузова. Этой новостью Артузов поделился со своим помощником С. В. Пузицким, вынашивавшим идею коварной операции против Савинкова.

Шешене устроили очную ставку с Никитиным, пойманным в России участником набегов отряда Павловского. Доказали его причастность к зверствам над коммунистами. Шешеня сдал. В обмен на обещание сохранить ему жизнь он согласился сотрудничать с чекистами. Пузицкий узнал от него адреса и пароли резидентов — Герасимова в Смоленске и Зекунова в Москве.

Штабс-капитан царской армии Герасимов был немедленно арестован. Его подполье в Смоленске, Рудне, Гомеле и Дорогобуже, насчитывавшее свыше трехсот человек, было разгромлено. Последовал смоленский процесс савинковцев. А за ним — процессы в Петрограде, Самаре, Харькове, Туле, Киеве, Одессе.

Михаил Дмитриевич Зекунов прибыл в Москву двумя годами раньше Шешени. Подосланный чекист Андрей Павлович Федоров вызвал Зекунова паролем. Тот отозвался. Федоров арестовал Зекунова. Выяснилось, что Зекунов, служивший в военизированной железнодорожной охране, никакой подпольной работы не вел и мирно жил со своей семьей. Он тоже согласился «искупить вину перед своим народом».

Чекисты посадили Зекунова в камеру Шешени. На очной ставке выяснилось, что Шешеня должен был заменить Зекунова, наладить работу подполья и спустя год вернуться в Польшу. Зекунов солгал Шешене, что его выдал пойманный чекистами курьер Савинкова.

* * *

По заданию Дзержинского, чекист Федоров разработал легенду о новой контрреволюционной организации «либеральных демократов». По замыслу, эта тайная организация была категорически против иностранной помощи, иностранной интервенции, зарубежных монархистов и белых генералов. «ЛД» сумели объединить большое число единомышленников. Но для настоящего действия не хватало опытного политического лидера с громким именем. В результате обсуждения, пятью голосами

против трех, руководство «ЛД» признало Савинкова наиболее подходящим, с которым и следовало начать переговоры.

Чекисты отправили Зекунова в Польшу. Перейдя границу около Заславля, Зекунов добрался до Вильно и явился к капитану Секунде. Вручил ему письмо Шешени, извещавшее о благополучном устройстве в Москве. Далее Зекунов рассказал, что в Москве Шешеня случайно встретил своего сослуживца по царской армии Новицкого. Оказалось, что Новицкий занимает в Красной армии видную должность. К тому же он — один из вожаков крупной тайной организации. Члены «ЛД» повсюду — в армии, в институтах, учреждениях, на железных дорогах. И все это — люди с положением. Узнав, от кого и зачем прибыл Шешеня в Москву, Новицкий установил с ним деловые отношения. Для передачи полякам он вручил Шешене: «подлинный» приказ по артиллерии РККА № 269 от 29 августа 1922 года о результатах обследования артиллерийских складов в Московском военном округе; меморандум от 14 декабря 1922 года о положении на Белорусско-Балтийской железной дороге; копию докладной записки о создании при генштабе РККА отделения по изучению польской армии.

Эти липовые документы капитан Секунда отправил в Варшаву.

Зекунов посетил Ивана Терентьевича Фомичева, резидента Савинкова в Вильно. Фомичев и Шешеня были женаты на сестрах, и письму шурина Фомичев был очень рад. Шешеня писал, что не может выехать в Польшу из боязни потерять единственную связь с «ЛД».

Фомичев и Зекунов выехали в Варшаву для доклада Философову. Узнав о новостях Шешени и тайнах «ЛД», начальник разведки НСЗРиС Мациевский немедля отправился к Савинкову в Париж. Он привез письмо Зекунова, докладную записку Шешени и записку Философова, поверившего в то, что Шешеня вышел в Москве «на солидное сообщество наших единомышленников».

Упоминание о Новицком вызвало у Савинкова воспоминания. Действительно, когда он управлял военным министерством летом 1917 года, к нему приходил офицер Новицкий с проектом организации высших артиллерийских курсов. Савинков призадумался, но восторга и доверия не проявил.

* * *

После возвращения Зекунова в Москву, за границу выехал чекист Андрей Павлович Федоров. Сохранив имя и отчество, он

сменил фамилию на Мухина. Перед отъездом Артузов и Пузицкий проверяли его готовность к роли представителя «либеральных демократов». И сам Дзержинский тоже поучал Федорова-Мухина.

Зекунов сопровождал Мухина. Через «окно» в границе их пропустил сотрудник минского ГПУ латыш Ян Крикман, когда нужно, разыгрывавший роль савинковца, затесавшегося в среду пограничников.

По прибытии в Вильно они были приняты капитаном Секундой. Блюдя чистые ризы «ЛД», Мухин не очень охотно договаривался о доставке полякам разведывательных данных о советской России.

На следующий день Зекунов и Мухин выехали в Варшаву. На вокзале их встретил человек в черном, усадил в пролетку и доставил в гостиницу «Европа». В четырнадцатом номере их ожидали члены ЦК НСЗРиС Философов и Шевченко. Мухин вручил им мандат члена ЦК «ЛД» и доверенность за подписью Новицкого для ведения переговоров с Савинковым. Философов был удивлен стремлением «ЛД» уклониться от связей с чужеземными силами. Мухин утверждал, что свержение большевиков — внутреннее дело только русских. Потому «ЛД» и накапливают силы для решительного удара. Но в среде ЦК «ЛД» полного единства взглядов нет. Сам Мухин и заместитель председателя ЦК, профессор артиллерийской академии Новицкий, в противоположность «накопистам», склонны к более решительным действиям.

Новости заинтриговали Философова и Шевченко. Узнал о них и подслушивавший в соседнем номере полковник польского генштаба Сологуб.

Для проверки сведений Мухина было решено послать в Россию Фомичева. Через то же «окно», Фомичев вместе с Мухиным и Зекуновым выехал в Москву. Фомичева привезли на «подпольную дачу» в Царицыне под Москвой.

Вечером на даче состоялось заседание «московского комитета НСЗРиС». Председательствовал Шешеня, привезенный из тюрьмы ГПУ на Лубянке. Присутствовали пять членов комитета. Четверо из них были чекисты Пилляр, Демиденко, Пудов и Гендин, а пятый — подлинный савинковец, давно арестованный и включенный в игру для большей достоверности. Обсуждались проблемы борьбы с большевиками и связи с «ЛД». На следующий день Фомичева посетил сам глава «ЛД», по легенде бывший генерал Никита Никитич Твердев, в действительности начальник КРО ОГПУ Артузов. Было решено составить общий комитет савинковцев и «ЛД», по два представителя от каждой организации.

Вернувшись в Польшу, подавленный чекистами Фомичев не за страх, а за совесть начал работать над укреплением доверия к «ЛД». Жене Шешени Фомичев привез письмо, звавшее ее в Москву. Фомичеву сопутствовал Зекунов. Привезли они мастерски изготовленные липовые разведывательные сведения. Польская разведка была довольна. Копии пошли в Париж. Связной от Второго бюро французского генерального штаба месье Гакье поздравил Савинкова с большими успехами.

Недостаточно осведомленный о делах в Варшаве, Савинков послал туда Дерентaля. После беседы с Фомичевым Дерентaль заговорил о начале нового этапа истории… И повез Фомичева в Париж на свидание с Савинковым. Фомичев сыграл в руку чекистам, рассказав Савинкову все, что нужно было Твердову-Артузову.

Посовещавшись с Павловским, Дерентaлем и знаменитым английским агентом С. Рейли, Савинков решил принять посланца «ЛД».

Фомичев вернулся в Вильно. Зекунов с женою Шешени Сашей прошли через «окно в границе» и прибыли в Москву. Чекисты быстро обработали Сашу, свели ее с мужем и устроили им квартирку на Арбате.

Согласие Савинкова встретиться с Мухиным обрадовало Дзержинского. Отправляя Мухина в Париж, Дзержинский говорил, что добыть Савинкова хоть на краю света — цель его жизни.

«Окно» Мухин миновал один. Опять побывал у капитана Секунды. Вручил ему записку от Шешени и Зекунова с интересными для польской разведки новостями. На другой день в Варшаве Мухин показывал Философову образцы подпольных изданий «ЛД», отпечатанных в московской типографии, директором которой был свой «верный человек». Философов прочитал листовки и коротко отозвался — детский лепет!

В сопровождении Фомичева, с польским паспортом и французской въездной визой, Мухин выехал в Париж. Встреча состоялась в квартире Савинкова. Беседовали втроем: Савинков, Мухин и Фомичев. Их беседы в соседней комнате подслушивал Павловский, Мухин ему не понравился.

На следующий день Савинков разговаривал с Мухиным с глазу на глаз в ресторане «Трокадеро». Федоров изложил обзор внутреннего положения в России, приготовленный лучшими умами КРО ОГПУ. Мухин подчеркнул, что «ЛД» против иностранной помощи и очень сдержанно относится к террору против большевиков. Но «ЛД» остро нуждаются в таком ярком демократическом вожде, как Савинков. Были у Савинкова и еще

встречи: на кладбище Пер-Лашез, опять в «Трокадеро». Сомнения не покидали Савинкова — почему раньше он ничего не знал об «ЛД»?

Для проверки доставленных Мухиным сведений он послал в Россию своего особо доверенного человека — полковника Сергея Эдуардовича Павловского. В прошлом офицер 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка, участник Первой мировой войны, Павловский был непримиримым врагом коммунизма. В 1918–1920 годах он воевал в рядах армии генерала Булак-Булаховича. По окончании советско-польской войны, он сформировал конный партизанский отряд и совершил с ним несколько смелых рейдов по городам Белоруссии и Западного края. В начале 1922 года он пронесся с отрядом в последний раз. Вернувшись из рейда, он привез в Варшаву документы, захваченные при разгроме советских учреждений. А затем томился в Париже от вынужденного безделья. Предложение Савинкова принял охотно.

Летом 1923 года Павловский и подручный Аркадий Иванов прошли не через «окно». Верхом на лошадях, ночью они прорвались через границу, на пути зарубив повстречавшегося пограничника. В деревне Карякино они остановились у руководителя партизан Данилы Иванова. Выждав несколько дней и обманув чекистов, Павловский и Иванов добрались до небольшой станции на железной дороге Минск — Москва. Сели в поезд и без помех приехали в Москву. Дежурившие на вокзале чекисты их не опознали. Остановились они сперва у родственника Иванова, бывшего дьякона Елоховского собора. Потом сняли квартиру на Малой Бронной.

Три дня Иванов дежурил, наблюдая за домом Зекунова в 3-м Смоленском переулке. Было решено, что если у Зекунова все в порядке, то к нему придет Павловский и прикажет вести его к Шешене. Дежуря, Иванов ничего подозрительного не заметил. Вечером он зашел к Зекунову, пробыл у него около часа. Между тем за домом Зекунова следил чекист Пудин. Возвращаясь на Малую Бронную, Иванов не видел следовавшего за ним филера и невзначай навел чекистов на их пристанище.

На другой день Павловский и Иванов пришли к Зекунову. Втроем отправились к Шешене. Павловский спросил, не оболванивает ли кто-то савинковцев неизвестно из чего возникшей организацией «ЛД»? Шешеня ответил, что «ЛД» — реальность.

Не прошло дня после встречи с Шешеней, и Павловский очутился под замком на Лубянке. Его спутник Аркадий Иванов живым не дался, и чекисты убили его, изрешетив пулями.

На первом допросе Артузов предъявил Павловскому длинный перечень преступлений против советской власти, начиная с 1918 года.

Отправляясь в Россию, Павловский предполагал, что для ревизии дел НСЗРиС и связей с «ЛД» ему понадобится три недели. Арест и заключение в тюрьму спутали все расчеты Павловского. А чекисты постарались правдоподобно объяснить возникшую задержку.

Предварительно, под личиной савинковца, был послан в Польшу чекист Сыроежкин. Он привез капитану Секунде важный для польской разведки «подлинный» материал. Савинкову Сыроежкин переправил докладную записку Шешени о дальнейшем развитии отношений с «ЛД».

По возвращении Сыроежкина отправились на запад Мухин и Шешеня. Они привезли продиктованные чекистами письма Павловского Савинкову и Философову. К Савинкову Мухин ехал с новостью первостепенной важности: по требованию «ЛД», в Москве образован двусторонний руководящий центр, заочно избравший Савинкова своим председателем. Сам лидер «ЛД» Твердев почтил Савинкова личным письмом, как его заместитель в СССР.

На словах Мухин передал Савинкову, что если он сам не решается возглавить центр, то пусть пошлет в Москву кого-нибудь из членов ЦК — Дерепталя, Философова или Шевченко. Савинков ответил, что сам готов выехать в Россию, но при одном условии: за ним должен приехать Павловский. Хотя в письме Павловского и подтверждались сообщения Шешени, Мухина и Фомичева, все же сомнения терзали опытного конспиратора. Он решил послать в Москву Фомичева, уже ходившего в Россию и вернувшегося в Вильно. Позвонил в Варшаву и приказал Философову отправить Фомичева с возвращавшимся в Москву Шешеней. Философов вручил Шешене письмо:

«С. Э. Павловскому в собственные руки».

Философов писал:

«Без вашего приезда отец посетить Ярмарку не может».

Фомичев и Шешеня прошли через «окно» и прибыли в Москву. По случаю приезда Фомичева чекисты устроили заседание «объединенного руководящего центра» с повесткой дня:

а) об издании в Москве своей газеты;

б) о поездке Павловского на юг России.

Савинкову сообщили, что Павловский не вернулся вовремя в Париж потому, что у него возникли важные дела на юге России, где проживали его родственники. Там он был намерен провести экспроприацию для пополнения казны НСЗРиС. Но затеянное

Павловским ограбление поезда неподалеку от Ростова не удалось. В перестрелке с охраной он был тяжело ранен. Все же ему удалось ускользнуть от чекистов и укрыться в Москве в квартире хирурга, «верного человека», лечащего его.

Инсценировав поездку Павловского на юг, чекисты отправили Фомичева по городам России для инспекции савинковского подполья. Под личиной савинковцев его принимали чекисты Брянска, Орла, Ростова, Минеральных Вод. Положение местных организаций НСЗРиС блестящим не было. Зато перспективно выглядели «либеральные демократы».

Дзержинский распорядился отправить Фомичева к Савинкову. С ним выехал и Мухин. В Варшаве их встретил Шевченко. Фомичев лгал, говоря, что видел Павловского в квартире хирурга. А Мухин деланно возмущался авантюрами Павловского и от имени «ЛД» заявил Шевченко протест.

Несмотря на «тяжелые раны», под диктовку чекистов сломленный Павловский написал три письма — Савинкову, Философову и Дерenталю. Он звал в Россию Савинкова и Дерenталя и выражал надежду на свое скорое выздоровление.

От имени «ЛД» Мухин настоятельно требовал приезда Савинкова в Россию. После мучительного раздумья Савинков согласился.

Своей любимой сестре Вере Савинков не раз писал, что нельзя три года призывать к активности, отсиживаясь в уюте Парижа. Нужно идти туда, где смело действуют молодые силы, ждущие от него помощи и возглавления. 2 мая 1924 года он писал Вере:

«Я был бы очень огорчен происшедшим, если бы меня не утешали последние известия из России. Пишу поневоле кратко. Наш ЦК работает как никогда; Союз вырос, окреп и распространился чрезвычайно; московский бюджет (доброхотные пожертвования) 600 червонцев в месяц; идет речь о редакции „Свободы“ в Москве и о поддержании ее; наконец, по-видимому, в самые последние дни Союз очень разбогател. Мне прислали 100 долларов. Их я еще не получил, и когда получу, не знаю. Но самый факт показателен. Слава Богу! Ныне отпущаеши… Если Союз не только не питается из-за границы, а даже может „заграницe“ помогать, это свидетельствует о нормальном его развитии, значит, у него действительно глубокие корни. Ведь вот нашлись же люди, большей частью неведомые… А я — только почетный председатель ЦК. Теперь я имею право сказать, что Союз самая сильная из всех существующих организаций…»

В жаркий июльский день 1924 года отправился он к В. Л. Бурцеву поделиться мыслями о предстоящей поездке в

Россию. Связанный с Савинковым многолетней дружбой, Бурцев не ожидал его визита. Он знал, что Савинков продолжал борьбу с большевиками, но о положении дел НСЗРиС он осведомлен не был. Тем более был он заинтригован, когда Савинков сказал, что хочет поговорить с ним наедине об одном очень важном деле:

— Владимир Львович, я еду в Россию и пришел исповедаться как бы на духу. Прошу вас об одном: выслушайте меня до конца.

Бурцев внимательно слушал откровения Савинкова о могучей революционной организации, действующей в России, имеющей сторонников в высших кругах большевистской партии, правительства, армии и даже в ГПУ. Его зовут в Россию для возглавления и победы над большевиками.

Выслушав Савинкова, Бурцев с жаром возразил:

— Планы вашей организации — просто фантастические. Я не могу поверить в существование такой крупной и разветвленной организации. Все это так далеко от советской действительности. И ехать вам туда нельзя. Такая большая организация не может ускользнуть от ока ГПУ. Она насквозь проедена провокацией. И если она еще не ликвидирована, то только потому, что ее ликвидация пока что не входит в планы ГПУ. Вас ожидает грандиозный провал. Подумайте о возможных трагических последствиях для вас и НСЗРиС. Повторяю, ехать в Россию вам никак нельзя.

Но уговоры не действовали. Отчеканивая каждое слово, побледневший и взволнованный Савинков продолжал стоять на своем:

— Моя поездка в Россию решена. Оставаться за границей я не могу. Я должен ехать. Я не могу не ехать!

Бурцев развел руками и смолк, понимая тщету своих уговоров. Выпрямившись и приняв боевую позу, Савинков продолжал:

— Я еду в Россию, чтобы в борьбе с большевиками умереть. Знаю, что в случае ареста меня ждет расстрел. — И с гневом и с презрением в голосе он воскликнул: — Я покажу сидящим здесь, за границей, Чернову, Лебедеву, Зензинову и прочим, как надо умирать за Россию! Во времена царизма они проповедовали террор. А теперь не то что террор, но даже вообще отреклись от революционной борьбы с большевиками. Своим судом и своей смертью я буду протестовать против большевиков. Мой протест услышат все!

Тяжкая исповедь кончилась. От Бурцева Савинков вышел с облегченной душой. Несколько дней спустя он еще раз зашел к Бурцеву, чтобы проститься. С сожалением Бурцев взирал на Савинкова. Надежды на новую встречу у него не было.

* * *

В начале августа 1924 года Савинков, чета Дереналей, Фомичев и Мухин вместе выехали из Парижа, проехали через Германию, на два дня задержались в Варшаве. Повидавшись с Философовым и Шевченко и обсудив текущие дела, Савинков и его спутники выехали в Вильно. Мухин первым ночью пересек границу через «окно», чтобы проложить путь всей группе. Вернувшись в Вильно, на следующую ночь Мухин перевел Савинкова и его спутников в условленном с Крикманом месте.

В тарантасе Мухин доставил Савинкова и его спутников в Минск. Здесь они все были арестованы. Чекисты торжествовали победу. Савинков попал в их цепкие и жестокие руки.

В Москве с Белорусского вокзала арестованных перевезли на Лубянку. Со всем присущим ГПУ пристрастием, физическими и душевными муками, чекисты допрашивали Савинкова. 29 августа военная коллегия Верховного суда СССР вынесла ему смертный приговор. Но, принимая во внимание сознание Савинковым своей вины и «полное отречение от целей и методов контрреволюционного и антисоветского движения», суд постановил ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении приговора. Удивительно скорым было проявление милости! В тот же день, после заявления Савинкова о «готовности служить трудовому народу под руководством установленной октябрьской революцией власти», Президиум постановил заменить смертную казнь лишением свободы на десять лет.

Савинков капитулировал. Чекисты выставили его на посмешище перед всем миром. Но жизнь ему даровали ненадолго. Они принудили узника писать за границу своим бывшим соратникам послания в духе признания своей вины перед судом. Пером Савинкова они психологически громили эмигрантов, внося смущение в их умы. Его былые друзья не знали, чему верить и чему не верить. Всеобщим было возмущение его «изменой». Столь же сомневались в добровольности его такого падения.

В Варшаве 16 сентября молодая женщина вручила Философову письмо Савинкова о признании и поддержке русским народом советской власти. Савинков звал Философова и былых соратников последовать его примеру и вернуться в Россию под власть большевиков. За этим письмом последовали другие — к лидерам эсеров и даже Сидни Рейли. Смятение в эмиграции было немалое — продиктованные чекистами письма били в цель, подрывая волю к борьбе.

* * *

Савинкову разрешили писать дневник. К нему в камеру перевели Любовь Дерентaль. Соединились они «по обоюдному согласию».

7 мая 1925 года, спустя месяц после освобождения Любови Дерентaль из лубянской тюрьмы, от подъезда Лубянки отошла автомашина. В ней уселись чекисты Пузицкий, Сперанский, Сыроежкин и узник Савинков. Машина направилась в Царицыно, где на известной читателю даче чекисты разыгрывали трагикомедию заседаний савинковского подполья. Показали Савинкову «зал заседаний». Вечером вернулись на Лубянку и ввели в кабинет Пилляра на пятом этаже. Окно с очень низким подоконником было открыто: «Маяча по кабинету, Савинков делал поворот у этого окна. Вот он еще раз приблизился к открытому окну, но не повернул обратно, а посмотрел вниз. И вдруг, словно пополам сломившись, стал переползать через порожек окна. Никто из чекистов не успел подбежать»…

В советских газетах было напечатано официальное сообщение:

> «7 мая Борис Савинков покончил с собой самоубийством. В этот день утром Савинков обратился к т. Дзержинскому с письмом относительно своего освобождения. Получив от администрации тюрьмы предварительный ответ о малой вероятности пересмотра приговора Верховного Суда, Б. Савинков, воспользовавшись отсутствием оконной решетки в комнате, где он находился по возвращении с прогулки, выбросился из окна пятого этажа и разбился насмерть. Вызванные врачи в присутствии прокурора республики констатировали моментальную смерть».

Весть о гибели Савинкова была принята за границей с недоверием. Былые друзья сомневались, чтобы жадный до жизни Савинков решился на такой шаг.

* * *

О судьбе Зекунова, Шешени и Фомичева известно анналам ГПУ. Чем вознаградили их большевики за предательство — пулей в затылок или дарованием свободы?

А Павловский погиб геройски. Его вызвали на очередной

допрос к заместителю начальника КРО ОГПУ Пилляру. В тюремном коридоре Павловский выхватил у дежурного наган из расстегнутой кобуры, выстрелом в голову уложил его и побежал по коридору к выходу из тюрьмы. Выскочившего на выстрел из бокового коридора охранника он сбил с ног. Третьего охранника, пытавшегося перегородить коридор сдвижной решетчатой дверью, он сразил выстрелом в живот. Но четвертый охранник, стоявший в конце коридора, прицелился в Павловского и выстрелил. Убитый наповал, Павловский повис на решетчатой двери, ухватившись за нее руками.

* * *

В ходе следствия чекисты вдруг установили, что супруги Дикгоф-Дерентали интересовали их «в весьма малой степени». В апреле 1925 года чета была выпущена на свободу. Оба очень быстро и хорошо устроились в Москве. Любовь Ефимовна стала сотрудницей «Женского журнала». Александр Аркадьевич поступил на службу в ВОКС. Затем, в сотрудничестве с народным артистом Яроном, Деренталь перевел на русский язык несколько оперетт и прилично на этом заработал.

Много лет спустя Любовь Деренталь беседовала с писателем Ардаматским. Она рассказала, что в день своей гибели Савинков был в очень хорошем настроении. Как обычно, утром она навестила его в камере. Вместе обсуждали фасоны платья и шляпки, которые она собиралась купить. Узнав о трагическом конце Савинкова, она воскликнула: «Вы убили его!»

Заманив Савинкова в Россию, унизив его позорной капитуляцией, большевики вознаградили Деренталей за верную службу.

Преуспевшие чекисты получили награды от советского правительства.

* * *

После передачи охоты за Савинковым Федорову-Мухину, Опперпут прекратил свои вылазки в Польшу. Был якобы арестован за участие в савинковской организации на западе России, посажен в тюрьму, ему якобы угрожал расстрел. В тюрьме написал книгу «Народный Союз Защиты Родины и Свободы», в которой отказывался от борьбы с советской властью и призывал подпольных савинковцев последовать своему примеру.

Весной 1922 года Опперпут, сменив фамилию на Стауница, стал деятельным членом руководства МОЦР — Монархического Объединения Центральной России.

«Трест»

Сидя в своих кабинетах, Дзержинский и его помощники в коллегии ОГПУ вдруг «обнаружили», что на советской территории действует многочисленная, разветвленная и глубоко законспирированная контрреволюционная организация монархистов.

Использовав поездку Якушева за границу и установление им связи с монархически настроенными эмигрантами, чекисты приступили к дальнейшим действиям.

Для большей солидности чекисты привлекли к возглавлению МОЦР имена, хорошо известные в среде монархической и военной эмиграции. Главой МОЦР был назван генерал-лейтенант царской армии, профессор советской военной академии, автор научных трудов о Первой мировой войне, Андрей Медардович Зайончковский. Непосредственное и большое участие в делах МОЦР принимал генерального штаба генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов, поднаторевший в делах разведки. Селянинов-Опперпут-Стауниц-Касаткин ведал финансами МОЦР, исполняя обязанности секретаря, шифровал письма с указаниями представителям МОЦР за границей.

Пущей важности ради эмигрантам называли имена «единомышленников» Якушева. На верхах МОЦР были: черниговский помещик камергер Ртищев, балтийский барон Остен-Сакен, нефтепромышленник Мирзоев, тайный советник Путилов и иные. Некоторые входили в Политсовет МОЦР.

По-настоящему с эмигрантами были связаны только Якушев и Потапов. Стауниц, уже известный полякам по вылазкам к Савинкову, за границу не выезжал.

В целях конспирации МОЦР было дано кодовое название «Трест».

В зарождении «Треста» видную роль сыграл перешедший на службу к чекистам польский офицер, поручик Виктор Станиславович Стецкевич. В прошлом Стецкевич состоял в кружках польской революционной молодежи. Во время советско-польской войны был членом тайной военной организации, действовавшей на территории СССР в контакте с польским генеральным штабом.

Арестованный агентами Чека, Стецкевич был «обработан» самим Дзержинским и вскоре, под фамилией Кияковского, стал одним из наиболее верных и деятельных работников КРО ОГПУ.

По окончании советско-польской войны, под именем Косинского, Стецкевич исполнял обязанности резидента КРО

ОГПУ в Прибалтийских странах и Финляндии.

* * *

В связи с тем, что после своей первой встречи с Артамоновым и Щелгачевым Якушев не давал знать о себе, чекисты решили еще раз использовать В. Н. Страшкевич. Под видом ее хорошего знакомого, Кияковский, ставший по этому случаю Павлом Павловичем Колесниковым, привез Артамонову от нее записку. Страшкевич писала, что Колесников, выехавший в командировку, оказал ей большую услугу, защитив от притеснений со стороны домового комитета. Затем Колесников предъявил пароль — квитанцию Петербургского ломбарда № 16 467. Артамонов сверил этот номер с номером в своей записной книжке. Далее Колесников поведал, что Якушев жив, но чуть не умер от тифа в Иркутске, куда был командирован по делам службы.

Подпоров подкладку пиджака. Колесников вытащил кусочек полотна, исписанный цифрами. Указал шифр — книга Отто Вейнингера «Пол и характер», страница 68-я.

В то время, когда Колесников продолжал разговор с Артамоновым, Щелгачев расшифровывал письмо Политического совета МОЦР. В нем сообщалось, как о прочной связи МОЦР с группами монархистов в Петрограде, Киеве, Ростове-на-Дону, Ярославле, Смоленске, Твери, Нижнем Новгороде, так и с важными военными учреждениями, штабами и воинскими частями. Ставился вопрос — какими вооруженными силами может помочь военная эмиграция?

В заключение высказывалось пожелание установить прочную связь с Артамоновым через передаточный пункт на эстонской границе или, если возможно, воспользоваться услугами эстонских дипломатических курьеров.

Вернувшись из Ревеля в Москву, Кияковский доложил начальству обо всем виденном и слышанном. Подчеркнул, что за границей уверовали в МОЦР.

С ведома Артузова решили наладить связь с эмигрантами в Ревеле, приспособив для этого эстонскую миссию в Москве. Атташе по делам печати в эстонской миссии Роман Бирк был советским агентом. При его посредстве и помощи военного агента Лаурица, интересовавшегося разведывательными данными, письма из Эстонии доставлялись дипломатической почтой. Кияковский получал письма от Бирка и передавал их Якушеву. В этой переписке Артамонов именовался Липским, Якушев — Федоровым.

Якушев сообщил Артамонову, что на съезде МОЦР было решено признать великого князя Николая Николаевича главой монархического движения в России, как местоблюстителя российского престола и Верховного Главнокомандующего белой рати.

Якушев с миссией в эмиграции

Поздней осенью 1922 года, по заданию Дзержинского, Артузова, Пилляра и Старова, Якушев-Федоров выехал за границу в служебную командировку. Ему предстояло проникнуть в Высший Монархический Совет и навязать ему взгляды и тактику «Треста». Якушев должен был доказать эмигрантам, что он — авторитетный представитель мощной подпольной организации, объединившей многих влиятельных заговорщиков.

На пути в Берлин к нему в Риге присоединились Артамонов и племянник генерала Врангеля Петр Семенович Арапов, члены модной тогда в эмиграции организации евразийцев.

Приезд Якушева совпал со вторым съездом монархистов, происходившим в Париже с 16 по 22 ноября 1922 года. Первая тайная встреча с монархистами в Берлине состоялась ночью в мебельном магазине, в котором полковник фон Баумгартен служил ночным сторожем. Сидя в золоченом кресле, Якушев изливал верноподданнические чувства «Треста» по отношению к великому князю Николаю Николаевичу. По выражению лиц слушателей он заключил, что речь его была воспринята с доверием и даже с восторгом. И как не поверить человеку, который всем своим обликом и манерами выглядел добротным царским сановником!

По своем возвращении из Парижа, Марков-Второй, председатель ВМС и один из ближайших советников великого князя, принял Якушева в присутствии старого князя Ширинского-Шихматова в доме № 63 на Лютцов-штрассе. Марков рассказал Якушеву о том, что в Париже он был принят великим князем. Николай Николаевич уже осведомлен о существовании «Треста», он готов возглавить монархическое движение и ждет только призыва из России.

Два дня Якушев обсуждал с деятелями ВМС Н. Д. Тальбергом и А. С. Гершельманом программу парижского съезда. Он горячо ратовал за восстановление самодержавия; земельный вопрос решался с учетом помещичьих интересов; в целом он рекомендовал осторожную тактику. Ссылаясь на недостаток средств, Якушев просил финансировать «Трест» из-за границы.

Природный дипломатический талант, внешность и манеры царского сановника способствовали успеху Якушева. Под влиянием его рассказов, в «Еженедельнике ВМС» № 78 от 25 февраля 1923 года была напечатана статья о пользе сохранения советов в освобожденной России:

«Наша эмиграция должна теперь усвоить, что в местных

советах, очищенных от коммунистической и противонародной накипи, находится истинная созидательная сила, способная воссоздать Россию. Эта вера в творчество истинно русских, народных, глубоко христианских советов должна сделаться достоянием эмиграции. Кто не уверует в это, оторвется от подлинной, живой России».

А двумя неделями раньше в «Еженедельнике» была опубликована статья, принадлежавшая перу самого Якушева… 4 марта 1923 года «Еженедельник» изложил «Программные предположения» ВМС. В них четко излагалась идея советской монархии — царь и советы.

Якушеву удалось повидать в Висбадене великого князя Дмитрия Павловича. Очарованный речами Якушева, Дмитрий Павлович вручил ему свое письмо Политсовету «Треста», одобрительно отзывавшееся о его деятельности.

* * *

В Берлине Арапов познакомил Якушева с генерал-майором А. А. фон Лампе, представителем генерала Врангеля в Германии. О своем свидании с московским гостем фон Лампе донес Врангелю в Сремские Карловцы.

Вернувшись в Москву, Якушев порадовал чекистов удачным развитием затеянной провокации. И Якушеву выпало новое задание — накинуть сеть на белое воинство Врангеля.

В августе 1923 года Якушев выехал в Берлин в очередную командировку. На встречу с ним прибыл от Врангеля генерал Евгений Константинович Климович, бывший начальник царского Департамента полиции, опытный практик и очень умный человек, ведавший в штабе Врангеля контрразведкой. Фон Лампе устроил Климовичу встречу с Якушевым. Климович слушал рассказы Якушева, не возражал, присматривался к гостю, был с ним отменно любезен. Было решено устроить доклад Якушева в узком кругу близких к Врангелю видных эмигрантов.

7 августа фон Лампе пригласил к себе на квартиру Е. К. Климовича, Н. Н. Чебышева, консультанта при военном представительстве Врангеля в Берлине и товарища председателя берлинского монархического объединения и известного политического деятеля В. В. Шульгина.

Если присутствие Климовича и Чебышева легко объяснялось их служебным положением, то приглашение Шульгину было связано с его личным делом. Фон Лампе знал, что Шульгин разыскивал своего любимого сына Вениамина, пропавшего без

вести при отступлении армии Врангеля из Крыма в октябре 1920 года. У Шульгина были непроверенные сведения о том, что сын его жив и находится в психиатрической больнице одного из городов центральной России. В поисках сына Шульгин был готов тайно проникнуть в СССР, поэтому фон Лампе и свел его с Якушевым.

Собравшимся у фон Лампе деятелям белого движения, удобно устроившись на диване, Якушев спокойно и уверенно, без лишних жестов, докладывал о положении в России. Перед слушателями разворачивалась панорама крепнувшего и разраставшегося монархического движения. Благополучно протекает организационная работа, монархисты собираются на тайные съезды, выносятся решения, составляется программа. Упрекая эмиграцию в бездеятельности, Якушев настойчиво подчеркивал вред иностранной интервенции, нежелательность террора против власти и необходимость осторожности в действиях. В России происходит естественный процесс перерождения страны в неясные еще национальные формы, нужно не мешать, а содействовать этому процессу.

Коснувшись чисто военных вопросов, Якушев обещал устроить свидание с авторитетным военным, начальником штаба «Треста».

Якушев смолк. Климович, внимательно его слушавший, спросил:

— Интересно, как такой многочисленной подпольной организации удается ускользать от наблюдения и происков ГПУ?

Спокойно и уверенно Якушев ответил:

— Вы судите примерно так, как в басне Крылова: сильнее кошки зверя нет. А кошка нас кое-чему научила, хотя бы конспирации. У нас свои люди везде, во всех советских учреждениях, в армии. Поэтому нам вовремя удается отводить удары… Мы надеемся вскоре договориться с штабами соседних стран, в частности с поляками. А в Эстонии уже договорились. В нашей силе там убедились. У нас прекрасно налажена связь с нашими представителями в Ревеле, а вы их знаете. Поймите, господа, что тут, в Берлине, вам трудно иметь представления о делах в России.

Наступило молчание. Поднялся фон Лампе и улыбаясь произнес:

— Поблагодарим дорогого гостя за такой интересный доклад.

Все встали, попрощались с Якушевым. Когда за ним закрылась дверь, Чебышев заговорил первым:

— Не верьте ему. «Трест» — мистификация, а он — провокатор!

Остальные участники собрания накинулись на Чебышева. Особенно горячился Климович, сделавший вид, что верит Якушеву. Повернувшись к Чебышеву, фон Лампе резко возразил:

— Николай Николаевич, нельзя швыряться такими обвинениями. Англичане и поляки утверждают, что в России существует сильная подпольная организация.

* * *

Встретившись с Якушевым еще несколько раз, Климович вернулся в Сремски Карловцы с докладом Врангелю. Встревоженный Чебышев писал Врангелю, настоятельно советуя не иметь с Якушевым никаких дел. Врангель тоже считал Якушева провокатором. Но по тактическим соображениям приказал Климовичу поддерживать связь с Якушевым, симулируя доверие и интерес.

После доклада у фон Лампе Якушев повидался с деятелями ВМС, с ними он обсуждал проблемы возглавления монархистов в России великим князем Николаем Николаевичем. На следующее утро к Якушеву в гостиницу приехал Марков-Второй. Наедине Марков спросил Якушева:

— Почему вчера вы не назвали военачальников и воинские части в России, на которые можно положиться?

— Об этом я могу говорить с глазу на глаз с его императорским высочеством. И с вами. Но не в присутствии многих. Ведь кто-нибудь, распираемый тайной, может проболтаться и погубить все дело.

Якушев в Париже

В то же утро Марков решил устроить поездку Якушева в Париж. Он вручил московскому гостю два письма приближенным Николая Николаевича — князю Оболенскому и графу Гендрикову. Постарался и фон Лампе, снабдивший Якушева рекомендательным письмом к парижским представителям Врангеля — генералам И. А. Хольмсену и Е. К. Миллеру.

14 августа 1923 года через Висбаден, с паспортом на имя Федорова, в автомобиле Арапова Якушев приехал в Париж. Впервые во французской столице Якушев побывал в 1908 году, когда русскую речь слышать на улице почти не приходилось.

А теперь в Париже десятки тысяч русских эмигрантов, множество русских ресторанов и магазинов. С эмигрантским бытом, с настроениями изгнанников и их надеждами Якушев знакомился, обедая в ресторане «Медведь». Остановившись в дешевой гостинице между авеню Ваграм и Мак-Магон, Якушев подслушивал разговоры проживавших в ней эмигрантов. Побывал и на рю Дарю, обычном месте встреч эмигрантов во время богослужений в посольском храме.

Вернувшись в гостиницу, он нашел записку Арапова:

«Вас ждут на рю де Гренель завтра, в девять утра».

В тот год Франция еще не признавала советского правительства. В здании российского посольства на рю де Гренель тогда пребывал посол Временного правительства В. А. Маклаков. В левом крыле здания были кабинеты генералов Миллера и Хольмсена.

Адъютант в штатском провел Якушева к Хольмсену. Судя по любезному приему, Якушев заключил о хорошей рекламе, проделанной Араповым.

Хольмсен прочитал письмо фон Лампе, задал несколько вопросов Якушеву и сказал ему, что генерал Миллер вызван в Сербию к Врангелю. Якушев выразил сожаление, что ему не придется повидать Миллера.

Следующее свидание Хольмсена с Якушевым произошло на рю Казимир Перье. Хольмсен сообщил приятную для Якушева новость:

— Центр нашей работы переносится из Белграда в Париж. Могу вас порадовать — великий князь Николай Николаевич приказал мне сопровождать вас к нему на аудиенцию.

27 августа Якушев был принят великим князем на вилле в Шуаньи. Три часа шел разговор на монархические темы. Якушев предостерегал против преждевременных выступлений

эмигрантов, восстаний на окраинах, подчеркивал важность мнений внутрироссийских подпольных монархистов. В заключение просил великого князя выпустить от его имени воззвание к подпольным монархистам.

— Выпустим своевременно, — ответил Николай Николаевич, — но текст предварительно доставите мне.

* * *

В Париже Якушев заключил соглашение между «Трестом» и ОРА, между внешними и внутренними «торговыми группами», как условно назывались «Трест» и Объединение Русской Армии. Вся переписка должна была идти через Хольмсена. Представителем «Треста» в Париже был назначен князь К. А. Ширинский-Шихматов. В Берлине, в доме № 27 на Потсдамерштрассе поселился другой его представитель — Арапов. Дзержинский был рад и доволен. Якушев проник в ВМС, установил связь с белыми генералами и удостоился приема у великого князя. Провокация развивалась как нельзя лучше.

«Трест» и поляки

По заданию ГПУ, Роман Бирк просил свое эстонское начальство о переводе из Москвы в Ревель. Начальство согласилось. Бирк стал дипломатическим курьером Министерства иностранных дел. И одновременно — курьером «Треста», доставлявшим в Москву письма Артамонова и Щелгачева:

Помощник польского военного атташе в Ревеле капитан В. Т. Дриммер, узнав о существовании «Треста», просил Бирка связать его с этой могучей подпольной организацией.

Бирк донес ГПУ о пожеланиях поляков. Обсудив предложение Дриммера, чекисты поручили Якушеву и Стауницу связаться с поляками в Москве.

Во время приема гостей в особняке Кушаковых, добрых знакомых Стауница, 14 октября 1923 года состоялось свидание Якушева с польским военным атташе полковником Вернером. По просьбе Стауница, хозяйка дома предоставила свою спальню для тайной беседы Якушева с Вернером.

— То, что мы знаем о вашей организации, нас порадовало, — сказал Вернер. — Нас устраивает ваша ориентация на великого князя Николая Николаевича. Мы не забыли его обращения к полякам в начале войны с Германией, его обещания автономии. Все же мы хотели бы получить от вашей организации заверения, что и впредь вы будете следовать обещаниям великого князя.

— В настоящее время, — ответил Якушев, — наш Политический совет вырабатывает меморандум, в котором будет ясно сказано об отношении России к соседним государствам. Меморандум будет вручен вам через нашего эмиссара в Варшаве Артамонова-Липского.

Незадолго до этого разговора Артамонов переселился в Варшаву, где стал сотрудником 2-го отдела польского генерального штаба. В Ревеле его место занял Щелгачев.

— Да, господин Липский был принят начальником 2-го отдела генерального штаба Братковским. Шла речь об организации «окна» на границе, следовательно, о переносе вашей работы к нам, — сказал Вернер.

— Да, нам это необходимо.

— Все же услуги за услуги. Мы вам будем помогать в делах политических, но от вас хотели бы получать сведения военного характера. Нас интересует дислокация войск, особенно в приграничной полосе. Ну, и вообще все, что имеет военное значение.

— Я — человек штатский, и не располагаю полномочиями

разговаривать с вами о чисто военных делах. На интересующие начальника 2-го отдела вопросы сможет ответить начальник штаба нашей организации, генерал… Фамилии его не называю, но убежден, что вы с уважением отнесетесь к этому весьма авторитетному лицу. Хочу вам еще сказать, господин полковник, что помощь, оказанная вами, будет способствовать нашим добрососедским отношениям в близком будущем. Личные контакты в Варшаве я считаю необходимыми.

— Да, такие контакты необходимы.

Первая встреча с польским атташе сошла для «Треста» удачно. Узел завязывался крепко и надолго. «Трест» приобретал международное значение.

Генерал Н. М. Потапов

Генерального штаба генерал-лейтенант царской армии Николай Михайлович Потапов примкнул к большевикам сразу после октябрьского переворота. В ноябре 1917 года большевики отстранили неугодного им начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Владимира Владимировича Марушевского и на его место поставили Потапова. Старый Генеральный штаб большевики считали ненадежным и поручили Потапову его расформирование. После назначения Л. Д. Троцкого председателем Высшего военного совета и коллегии народного комиссариата по военным делам, Потапов стал военспецом у члена коллегии Н. И. Подвойского. В прошлом, в течение двенадцати лет, он был русским военным атташе в Черногории и на этом посту теоретические знания закрепил опытом разведывательной работы.

Во время Гражданской войны его имя в печати не упоминалось, был он в тени, ничего плохого эмигранты о нем не знали. Лучшего начальника штаба «Треста» ГПУ найти не могло и в своем выборе не ошиблось.

Начальник КРО ОГПУ Артузов пригласил Потапова к себе на Лубянку. Дал ему прочитать несколько внушительных папок о «Тресте». Ознакомившись с их содержанием, Потапов сказал:

— Материалы о «Тресте» я прочитал. Чем могу быть полезен в этом довольно сложном деле?

— Мы одолжили вас у нашего военного ведомства, — ответил Артузов. — Зная вас, Феликс Эдмундович считает, что именно вы можете с успехом изображать начальника штаба «Треста». Якушев, при всех своих способностях, не компетентен в военных вопросах. Вам следует с ним обо всем договориться.

Спустя несколько минут Потапов и Якушев приступили к разработке дальнейших планов «Треста». Помощь Потапова была тем нужнее, что в это время генерал Кутепов начал отправки своих боевиков в СССР. Следовательно, нужно было скорее проникнуть в организации белых, завоевав доверие Врангеля и Кутепова.

Свое обещание полковнику Вернеру Якушев выполнил. Он сообщил полякам, что все переговоры военного характера уполномочен вести только Потапов. Тотчас же Вернер передал Потапову приглашение прибыть в Варшаву для переговоров с начальником 2-го отдела польского генерального штаба.

По обоюдному согласию на польско-советской границе было устроено «окно». 19 октября 1923 года Потапов и Якушев

«нелегально» отправились в Польшу, первыми прошли через «окно» и в тот же день появились в Варшаве.

Первая секретная беседа посланцев ГПУ велась с полковником Байером. По военным вопросам говорил Потапов, по международным — Якушев. От имени «Треста», как будущего российского монархического правительства, было дано обещание признать независимость Польши. Со своей стороны поляки обещали не поддерживать Петлюру и НСЗРиС Б. Савинкова и не допускать возвращения белых эмигрантов. Они признали «Трест» законным претендентом на власть в России.

30 октября начальник русской секции Второго отдела капитан М. Таликовский дал обед в честь представителей «Треста». На обеде выяснилось, что соглашение между МОЦР и польским правительством могло бы быть подписано лишь в случае войны между СССР и Польшей.

12 ноября Потапов и полковник Байер договорились об установлении постоянной связи через «окно» на границе. Их переговоры были закреплены протоколом, в котором «Трест» именовался инициативной стороной, а поляки — сочувствующей.

Представитель «Треста» в Варшаве, связанный с ВМС, генералом Кутеповым и польским штабом, Артамонов-Липский оказался для «Треста» весьма полезным сотрудником. От него Якушев и Потапов узнали, что польские военные были довольны беседами с посланцами «Треста». Месяц, проведенный в польской столице, дал им возможность хорошо ознакомиться с политическим положением в стране. Много интересного узнал Потапов об антисоветских начинаниях польского генерального штаба. 22 ноября Якушев вернулся в Москву.

Потапов из Варшавы отправился в Париж восстанавливать прежние дружбы и знакомства. Генералы Миллер и Хольмсен, знавшие о его былой близости к императорскому двору, приняли его хорошо.

Встретился он и с Климовичем. Бывший начальник Департамента полиции все же поинтересовался делами Потапова и спросил его:

— Николай Михайлович, удивительно, как вы можете свободно разъезжать по Европе? Кстати, чем вы были заняты в Варшаве?

— О, Евгений Константинович, у Шекспира сказано: «На свете есть чудеса, которые не снились нашим мудрецам». Одно из этих чудес — «Трест». Дается оно нам нелегко. И если до сих пор существуем, то только благодаря строжайшей конспирации и тщательному отбору людей. Ну, а Польшу интересует, что с ней будет после переворота в России.

Вместе Климович и Потапов выехали в Сремски Карловцы на свидание с Врангелем. В пути много говорили о положении в России, о делах «Треста», о Врангеле и его армии.

Штаб Врангеля размещался в трехэтажном доме. Все в нем было как в обычном крупном штабе, генералы и офицеры были в формах старой русской армии.

Врангель принял Потапова и долго беседовал с ним, притворяясь, что верит Потапову и его «Тресту». Оба военные и воспитанники одной и той же Николаевской академии генерального штаба, вспоминали былые дни и говорили о нуждах белого движения в новой обстановке.

Беседы продолжались и на следующее утро. Пристально взглянув, он спросил Потапова:

— Все же, как вам удается покидать вашу должность в Красной армии на столь долгое время?

— В момент, когда я беседую с вами, мое второе «я» находится в Туркестане, в длительной командировке. Термез, Мерв, Кушка — далеко. Кроме того, я — заядлый охотник. Срок моей командировки истекает, нужно спешить. Вернусь тем же путем через «окно».

Было решено, что все сношения с «Трестом» будут идти через Климовича. Связь с ведома «Треста» будут поддерживать офицеры. Желательно устроить «окно» и в Финляндии.

Возвращался Потапов в Москву через Париж. Его опять сопровождал Климович. Были новые встречи с эмигрантами в Париже, беседы с Хольмсеном. В глазах большинства соприкасавшихся с Потаповым «Трест» выглядел добротно. В «Трест» уверовали многие монархические деятели эмиграции, несмотря на его возражения против террора и диверсий, иностранной интервенции и других несвойственных эмигрантам взглядов на тактику борьбы с советской властью.

Но не верил Врангель. Не раз он предостерегал великого князя Николая Николаевича и А. П. Кутепова. Безуспешны были его предупреждения об угрозе советской азефовщины.

Первый поход четы Шульц

За Кутеповым пошли смелые, динамичные молодые люди, не склонившие голов после провала белого движения. Готовые к революционному подвигу, готовые пожертвовать жизнью в борьбе за Россию. Недавно сражавшиеся с оружием в руках, они не представляли себе бездействия. Охваченные ненавистью к полонившей Россию коммунистической власти, они носились с мыслями о терроре против новых властителей, об организации подпольного движения, о революционном свержении советской власти.

В боевой организации Кутепова людей было немного, за все годы только 32 человека. Наиболее известной была Мария Владиславовна Захарченко-Шульц. Родилась она 9 декабря 1893 года в семье пензенских помещиков Лысовых. В 1912 году окончила Смольный институт. Вышла замуж за поручика лейб-гвардии Семеновского полка Михно. Раненный на германском фронте, Михно скончался в 1914 году, оставив ее вдовой с ребенком на руках.

После смерти мужа Мария поручила дочку друзьям и ушла вольноопределяющимся в Елисаветградский гусарский полк. Участвовала в боях, не раз ходила в разведку, отличалась беззаветной храбростью. После развала армии в 1917 году вернулась в родную Пензенскую губернию. Сколотила из молодежи небольшой партизанский отряд, начала борьбу с большевиками. В скитаниях отряда встретила старого друга по Елисаветградскому полку, ротмистра Захарченко. Весной 1918 года вышла за него замуж. С ним она провела годы Гражданской войны, участвовала в кавалерийских атаках, была ранена. Второй муж, командир конного полка в армии Врангеля, погиб в бою под Каховкой. С армией Мария ушла из Крыма в Галлиполи.

После Галлиполи — думы о дальнейшей борьбе, о проникновении в Россию. Ее единомышленником был третий муж, штабс-капитан Георгий Николаевич Радкович. Знала она Радковича с юных лет, познакомилась с ним в Петербурге на танцевальном вечере.

С ведома и благословения Кутепова вместе они отправились в свой первый поход в Россию.

* * *

Незадолго до их похода, по заданию Кутепова, в Петроград

ушел полковник Жуковский. 20 сентября 1923 года Жуковский доносил Кутепову:

«Стараюсь проникнуть в красн. командование, но это оказывается гораздо труднее, чем думал, ибо все запуганы и боятся взять на себя какую-нибудь роль. Предвижу много затруднений, но работать нужно и можно. Настроение почти сплошь против власти, но активным никто не решается быть. Имя В. К. Н. Н. пользуется большой любовью и уважением. Я прошел много деревень… особенно чтут его старые солдаты. Многие красные начальники считают сов. власть прочной и не хотят себе представить власть, котор. могла бы ее заменить. Мне кажется необходимым будет произвести сильный толчок и своевременно выдвинуть имя Вел. Кн. — тогда успех будет…»

* * *

В конце сентября 1923 года, с документами на имя четы Шульц, Мария Захарченко и Георгий Радкович собрались в трудный и опасный путь. С ними шел эмиссар генерала Врангеля, гардемарин Бурхановский. Советско-эстонскую границу они перешли при содействии проводника, доведшего их до Изборска. Дальше им пришлось пересекать топкое, холодное болото, на что ушло много времени и сил. По пути Бурхановский отстал от четы Шульц, увяз в болоте, был захвачен советскими пограничниками и погиб от пуль чекистов.

1 октября, миновав Псков, чета прибыла в Лугу. В первом кратком донесении Кутепову они сообщали о проделанном пути, о размене денег и об отсутствии вестей о Бурхановском. В донесении от 12 октября 1923 года Шульцы сообщали:

«Прибыли в Петроград 9-го утром. А. В.[5] *не нашли, на его квартире сообщили, что он ушел менять деньги 27-го сентября, оставив дома все вещи и неотправленное письмо в Париж и больше не вернулся. В настоящее время там идут облавы, многие пойманы, город терроризирован. Выехали в три часа дня в Москву. Попали в воинский вагон, занятый матросами, комсомольцами. Впечатление от разговоров самое отрицательное. Эта молодежь ими воспитана и настроена сейчас воинственно».*

Об отправке четы Шульц в Россию резидент «Треста» и представитель генерала Врангеля в Ревеле В. И. Щелгачев сообщил Роману Бирку, а Бирк — Стауницу. Шульцам была дана явка к Стауницу, в его квартире на Маросейке. Стауниц любезно принял путников и заверил их в полной безопасности:

— Придется не выходить до тех пор, пока мы не приготовим

вам документы. Потом ваша одежда: резиновый плащ, брезентовый балахон. Все это тоже не годится. Времена военного коммунизма прошли. Этим я займусь. Мы, Мария Владиславовна, подберем вам туалет к лицу.

— Эдуард Оттович, я и Георгий прошли через две войны, мировую и Гражданскую. То, что мы живы, почти чудо. Ваша организация может нами располагать, как она найдет нужным. Я уполномочена генералом Кутеповым установить связь с «Трестом».

— Мы рады. В ближайшее время устрою вам встречу с одним из наших руководителей.

В дни, когда Якушев был в отъезде, Стауниц показал Шульцам, как работают подпольщики «Треста». В его квартиру зашел бывший жандармский ротмистр Баскаков, под кличкой Кузен скрывавшийся на конном заводе под Москвой. Затем побывал Подушкин, бывший чиновник царского Департамента полиции. Появился и камергер Ртищев, член Политсовета МОЦР. Сам Стауниц зашифровывал письма, ходил на тайные свидания, занимался валютными операциями, покупал и продавал мануфактуру.

Стауниц объяснил Марии Захарченко, что своей коммерческой деятельностью он прикрывает работу в «Тресте» и добывает для него кое-какие деньги.

Настал день встречи четы Шульц с Якушевым. Прежде всего Якушев попросил прозванных в ОГПУ «племянниками» посланцев Кутепова описать наружность Щелгачева и Бирка. А затем спросил, нет ли у них письменных полномочий от Кутепова:

— Несколько слов на клочке полотна и подпись генерала нас бы вполне удовлетворили.

— Разве пароля недостаточно? — спросила Захарченко. — Письменных полномочий у нас нет.

— На нет и суда нет. То, что мы существуем, объясняется предосторожностями, — сухо отрезал Якушев.

Рассказав чете об установленных «Трестом» деловых отношениях с эстонским и польским штабами, Якушев отметил важность связей с эмигрантами. Со Вторым отделом польского генштаба ведутся переговоры о выделении лесных участков близ границы для ударных отрядов белых офицеров и солдат, замаскированных под лесорубов.

Поговорили о программе МОЦР, о великом князе Николае Николаевиче, о тактике борьбы: никаких скоропалительных решений, действовать только наверняка, временно избегать террора.

Якушев вручил чете добротно изготовленные документы.

Захарченко стала Березовской, Радкович — Карповым. В тот же вечер Якушев доложил Артузову о беседе с четой. Было решено поручить Стауницу снять для четы ларек на Центральном рынке Москвы, замаскировав их под мелких торговцев. Ларек стал местом, куда сотрудники польского посольства приносили пакеты, адресованные «Тресту», и получали почту для отправки в Варшаву, Берлин и Париж. По поручению Стауница, Мария шифровала письма, шедшие дипломатической почтой за границу.

Встреча с трестовиками произвела на чету Шульц большое впечатление. В том же донесении от 12 октября они сообщали Кутепову:

«В Москве по данному Щ. адресу были приняты с большой заботливостью, помещены временно на квартиру и обеспечены необходимыми документами. На этих днях нас отправляют на дачу, где пробудем недели две для ознакомления с местными условиями. После этого нас обещают устроить на службу вначале под Москвой с тем, чтобы по возможности перевести сюда. Впечатление от этой группы самое благоприятное: чувствуется большая спайка, сила и уверенность в себе. Несомненно, что у них имеются большие возможности, прочная связь с иностранцами, смелость в работе и умение держаться…

…Выясняется: главные средства организации черпаются из Вика[6], основанного на деньги Федорова и переданные им на дело. Так говорят они. Но мы склонны думать, что они получают крупные суммы от иностранных контрразведок, которые они обслуживают (Эстония, Польша, Финляндия, вероятно, так же Фран.). Тем объясняется их близость к этим миссиям, так я переписывала снимок письма Чичерина относительно Финляндии, которое предназначалось быть переданным финнам. Возможности получать сведения у них большие, и они сами говорят, что иностранные миссии перед ними заискивают: по-видимому, их люди имеются всюду, особенно в Красной армии.

В предыдущем письме послали Вам расположение броневых частей М. В. и П. В. О. на западном фронте. Получили ли Вы и поняли ли то письмо? Еще о них: в разговорах проскальзывает идея сепаратизма и если не враждебности, то отчужденности от эмиграции. Они сами определяют, что допуск нас сюда есть первая уступка заграница. По-видимому, связь с командованием установлена не особенно давно и работают они самостоятельно, считая себя связанными постольку, поскольку они того хотят. ВМС они иронизируют, но берут Маркова, как яркую вывеску определенных идей. В то же время чувствуется у них желание иметь одно объединяющее лицо с известным именем, кажется, у них все молодо, и они сами это осознают. Как будто кого-то они

ждут, иногда мне кажется, что это может быть и Климович…

…их организация называется М.О.Р., состоит в связи с ВМС и Командованием. Тесная связь установлена с Климовичем во время его последней поездки. Имеет в своих рядах видных чинов Красной армии и большие денежные средства. Сносятся с заграницей помощью дипломатических курьеров Польского и Эстонского, а также поездками своих членов легальными и нелегальными. В настоящее время устанавливают собственную телефонную линию в Финляндию из Петрозаводска. Как показатель средств — ассигновано 60 тысяч золотом. Их лозунгом является В.К.Н.Н.[7]*, законность, порядок. Они говорят, что имеют тесную связь с В.К.Н.Н. и полномочия от него дать от его имени манифест в момент, когда они найдут возможным. Сейчас они посылают двух членов за границу для переговоров по-видимому с французами и ВМС. Было зашифровано* ***сахмртав ветми оил тит*** *. Один из них поедет в Бельгию. Спрашивать ни о чем не удобно. Все сведения приблизительные, схваченные из разговоров. Р. является их агентом, через него они посылают корреспонденцию* ***коминвов*** *(Лампе и Климович). Сносятся так же с Артамоновым. К нам относятся очень внимательно, но вообще считают, что присылка людей сюда в большом количестве неудобна, так как они долго должны привыкать раньше, чем быть пущенными в работу».*

Так посланцы Кутепова подтвердили рассказы Якушева и Потапова. Десятки донесений Захарченко-Шульц подтверждали солидность «Треста», и Кутепов втянулся в работу «подполья». Видимо, не вызывало у него никаких опасений письмо № 26 от 22 ноября 1923 года, наводившее на самые серьезные размышления:

«Есть распоряжение устроить меня на службу……. в контрразведывательный отдел при Г.П. У. через имеющуюся оказию таможенного отдела. Этот отдел Г.П.У, ведущий наблюдение за приграничной полосой и поступающей контрабандой, предложил на этих днях Всерос. инвалидному комитету (Вико) а в частности У., взять на себя организацию подставных лавок в Москве для поимки контрабандных товаров. Согласно плана Там. Упр. все заведывающие лавками будут считаться агентами отдела по борьбе с контрабандой Там. Упр. и в своей работе будут инструктироваться сотрудниками последнего.

Отдел по борьбе с контрабандой работает в теснейшем контакте с контрразвед. отделом Г. П. У. Многие из сотрудников отдела по борьбе с контрабандой являются и секретными сотрудниками к. — р. отд. при Г. П. У. Задачей является поставить себя в такое положение, чтобы, заручившись доверием и знакомствами среди членов Г.П.У., получить предложение сделаться их сотрудником в отделе к. — р. сначала секретным, а

потом и открытым, приняв которое использовать свое положение для целей М.О.Р.».

«Трест» и евразийцы

В начале двадцатых годов в среде эмигрантской молодежи возникло течение евразийцев. Критически настроенные по отношению к старшему поколению политических деятелей, молодые люди пытались выработать свое новое кредо. Течение было сугубо интеллигентским, сложившим свою довольно странную программу под влиянием ряда не совсем совместимых идей. Тут было и преклонение перед Россией, как Евразией, сочетающей в себе разнородные истоки культуры, и преклонение перед большевистской революцией, якобы открывшей перед Россией возможности развития самобытной культуры. Под влиянием известного русского философа И. А. Бердяева, евразийцы считали, что в силу своего национального духа и геополитической судьбы Россия никогда не станет демократией.

Уже в первую свою поездку Якушев обратил внимание на евразийцев, к числу которых принадлежали монархически настроенные Артамонов и Арапов.

Собрав сведения о евразийцах, Артузов решил ввести в их среду своего человека. Такой человек должен был быть интеллигентом, сведущим в различных философских течениях, способным к спорам на высоком уровне и в то же время разочарованным в большевистской революции. Выбор пал на Александра Алексеевича Лангового, сына известного в Москве профессора медицины. В Гражданскую войну Лановой добровольцем сражался в рядах Красной армии, был награжден орденом Красного Знамени. Его сестра, Наталья Рославец, служила в ЧК.

Под именем Денисова Ланговой отправился в Варшаву с заданием договориться с поляками об открытии еще одного «окна» вблизи от Вильно. Перейдя границу под личиной штабного работника «Треста», Ланговой первый день провел на крестьянском хуторе. Затем его доставили в полицейский участок. После разговора с польским поручиком он выехал в Варшаву и явился к Артамонову. Тот представил его начальнику русской секции Второго отдела генштаба Таликовскому, а затем полковнику Байеру. Поляки согласились открыть второе «окно» и познакомили с хорунжим Вагнером, ведавшим переходами границы. Через это новое «окно» Ланговой вернулся в СССР.

Весной 1924 года через «окно» на эстонской границе прибыл в СССР приятель Арапова, евразиец Мукалов. Побывал в Москве. С чекистом Зубовым съездил в Харьков. Тут ему были устроены «конспиративные» встречи с мнимыми командирами воинских

частей. Уезжал он из России восторженным поклонником «Треста».

Затем Якушев захватил с собой в Москву берлинского представителя «Треста» Арапова, свел его с Ланговым, лидером евразийской фракции «Треста». Ланговой преуспел в изучении сложной идеологии евразийцев, и чекисту Старову оставалось только подготовить совещание евразийской фракции и распределить роли. Исполнителями были сотрудники ОГПУ, наизусть выучившие то, что им предстояло говорить. Мнимые контрреволюционеры выступали наряду с подлинными, которых поставил Стауниц.

Совещание сперва слушало доклад Арапова, в котором среди прочих тезисов был и такой: о сочетании монархии с советским строем.

Выступавшие в прениях чекисты говорили: кто о воспитании юношества в духе древнего христианства, кто по вопросам экономики в будущей советской монархии, кто защищал здравствующих членов Династии Романовых.

Ланговой предсказывал, что советская монархия будет свободна от классовых противоречий. Последним говорил Якушев от имени Политсовета «Треста». Он советовал евразийцам спуститься с облаков и сблизиться с руководителями «Треста».

По предложению Стауница, в комиссию для выработки резолюций были избраны Арапов, Зубов и Ланговой.

Арапов был глубоко взволнован речами евразийцев — чекистов. Тем большее впечатление произвела на него встреча с номинальным главой «Треста» генералом А. Д. Зайончковским, устроенная Артузовым. Генерал ласково обошелся с гостем, тем укрепив его доверие к «Тресту». Повидал Арапов и Потапова, с ним тоже был разговор о евразийстве. В Берлин Арапов вернулся очарованный всем виденным и слышанным.

19 января 1925 года в Берлине открылся первый евразийский съезд. Денисов-Ланговой представлял евразийскую фракцию «Треста». Кроме уже знакомых ему Артамонова и Арапова, на съезде присутствовали виднейшие идеологи евразийства: П. Н. Савицкий, князь Н. С. Трубецкой, князь Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский и другие. Ланговой прочитал обширный доклад в тон идеям и настроениям евразийцев. Постановлением съезда он был введен в состав совета евразийцев.

31 января Ланговой вернулся в Москву. Вскоре от Арапова пришло тревожное письмо об аресте в СССР Демидова-Орсини, агента генерала Врангеля. Артузов использовал этот арест для придания «Тресту» большего веса. Чекисты Старов и Зубов инсценировали «освобождение» Демидова.

Обрадованный Демидов утверждал, что жизнью он обязан «Тресту». Арапов был в восторге — он надеялся на изменение отношения его дяди к «Тресту». Но Врангель своих взглядов на «Трест» не изменил, и цели своей Артузов не достиг.

«Трест» просит денег

В 1924 году заметно возросла активность Кутепова. В ОГПУ решили упрочить связи с белой эмиграцией, выведывая ее цели и замыслы.

Якушев и Потапов в октябре 1924 года проследовали через «окно» под Вильно и прибыли в Варшаву.

Посланцы Артузова встретились в Варшаве с Таликовским и вручили ему интересовавшие Второй отдел генштаба свежие сведения о Красной армии. От него они узнали о готовившемся со стороны белых покушении на полпреда СССР в Варшаве П. Л. Войкова. Полпред был предупрежден, меры приняты, но это его не спасло. Позже, 7 июня 1927 года, Борис Коверда убил Войкова.

5 ноября 1924 года Якушев и Потапов приехали в Париж и были приняты великим князем Николаем Николаевичем в присутствии барона Вольфа и лейб-гусара Скалона.

Потапов подробно доложил о возможностях МОЦР в подготовке переворота в России. Как вывод — на организацию переворота нужно добыть 25 миллионов долларов, и через полгода большевиков не станет.

У великого князя этих миллионов не было. Он посоветовал Якушеву обратиться за деньгами к Торгово-Промышленному Союзу.

После аудиенции у Николая Николаевича Якушев совещался с промышленниками. Старался убедить их в необходимости восстановления монархии, на что нужны деньги. Промышленники, разоренные октябрьской революцией, жаловались на оскудение. Тогда он предложил им добыть деньги взаймы у иностранных банков на выгодных для кредиторов условиях, ну хотя бы только десяток миллионов для начала. Промышленники уклонились от предложения Якушева.

Неудача у промышленников Якушева не остановила. Он добился свидания с Владимиром Николаевичем Коковцевым, бывшим премьер-министром и выдающимся деятелем дореволюционной России. Обедая в ресторане «Серебряная башня», Коковцев и Якушев вспоминали старый Петербург, общих знакомых и события того времени. Обсуждали закон о престолонаследии, препятствовавший вступлению на трон великого князя Николая Николаевича. Толковали и о деньгах для организации переворота. В этот момент международная обстановка менялась в пользу большевиков. В связи с предстоявшим приходом к власти Эдуарда Эррио и де Монзи

ожидалось признание Францией советского правительства законной российской властью. Эмиграция была охвачена волнением и возмущением. Все, кто только мог, старались отговорить французов от признания власти узурпаторов. Якушев слушал и поддакивал.

Желательное для ОГПУ свидание Якушева и Потапова с Кутеповым на сей раз не состоялось, и о деньгах с ним переговоров не было. Все же через чету Шульц «Трест» обратился к Кутепову с просьбой о займе у иностранных банков.

Между тем лидерам бедной деньгами эмиграции «Трест» казался организацией, располагавшей кое-какими средствами. «Трестовики» говорили, что деньги они добывают путем финансовых операций в среде нэпманов, и Стауниц демонстрировал это не раз перед четою Шульц.

Эти «свои» деньги свидетельствовали о силе «Треста». Поражала и смелость его представителей, под предлогом поездок по советской провинции пересекавших туда и сюда хорошо охраняемую границу СССР. Едва успев побывать в Париже или в Берлине, посланцы «Треста» возвращались в Москву «для исполнения служебных обязанностей». Сослуживцы Якушева в Москве считали, что его разъезды были связаны с восстановлением Волжского пароходства. Удивляла эмигрантов и легкость получения ими въездных виз, что в то время для них было делом очень трудным.

Скептики говорили, что такими возможностями могут располагать только агенты ОГПУ. Но увлеченные «Трестом» эмигрантские деятели к их голосу не прислушивались.

15 ноября 1924 года Якушев и Потапов вернулись в Москву.

Якушев у Кутепова

Чета Шульц, занятая в ларьке переправкой почты «Треста», жаждала настоящих дел. Захарченко пыталась найти выход своей революционной энергии. Но приставленный к чете Стауниц всячески препятствовал ей. Со своей стороны, и Якушев внушал им осторожность. Поэтому деятельность четы свелась к оживленной переписке с Кутеповым. Польские дипломатические курьеры доставляли письма в Варшаву, поляки передавали их Артамонову для пересылки в Париж. По этому же каналу поступала из Парижа обратная почта.

Почта была обширной, и Артамонов привлек к себе на помощь С. Л. Войцеховского, шифровавшего письма и отправлявшего их по нужным адресам. Оба они были одновременно резидентами Кутепова в Варшаве.

Кутепов писал Захарченко, что «Трестом» заинтересовались «заморские круги». 25 декабря 1924 года он сообщал:

«Все финансовые переговоры ведет Коковцев… После Вашего письма еще раз пошел разговаривать с Гукасовым и Ко. Выслушал много хороших слов, но результатов не добился».

17 января 1925 года Кутепов писал Шульцам о распрях на верхах парижской эмиграции, в частности о своих разногласиях и неладах с Врангелем.

После кратковременного пребывания в квартире Стауница «племянники» были устроены на даче под Москвой. Стауниц заверял их, что на даче безопаснее, чем в Москве. Здесь Мария Владиславовна занималась проявлением писем из-за границы, написанных симпатическими чернилами.

На даче чекист Зубов познакомил чету с Антоном Антоновичем, отрекомендовав его как члена ленинградской организации «Честь и Престол». Антон Антонович, он же Сергей Владимирович Дорожинский, до революции служивший в судебном ведомстве, был ценным для ОГПУ «трестовиком». Шульцам он понравился.

Настал день, когда Якушев договорился с Захарченко о совместной поездке в Париж на свидание с Кутеповым.

Перед отъездом Якушев долго и обстоятельно беседовал с Артузовым. Начальник КРО подробно описал обстановку в РОВСе, его возглавление в разных странах и отметил наличие у Кутепова далеко идущих планов. Больше всего беспокоили Артузова подготовка и организация тайных групп по два-три офицера, предназначавшихся для разведки и террористических актов. РОВС сотрудничал с генеральными штабами соседних с СССР стран,

снабжавших его боевиков фальшивыми паспортами и деньгами. Поэтому Якушеву было особенно важно завоевать доверие Кутепова.

В начале июля 1925 года Якушев и Захарченко прошли через польское «окно» и прибыли в Париж. Остановились в разных гостиницах на рю Ришельё.

После бесед втроем Кутепов укрепился в своем доверии к «Тресту». Он согласился стать его представителем в Париже. Впрочем, представительство было больше номинальным, нежели фактическим. Кутепов сохранял самостоятельность и свободу действий, сколачивая свою боевую организацию. Для него террор против власти оставался средством борьбы, и Якушев мог лишь отговаривать его от выступлений белых террористов.

Кутепов рассказал Якушеву о возможности получения крупного займа в США. Надежды на обедневших русских капиталистов из Торгово-Промышленного Союза напрасны, больших средств у них не было. Разговоры о деньгах были впустую, их никто не хотел давать. Кутепов же располагал небольшими средствами из казны великого князя, составлявшейся из доброхотных пожертвований нищих эмигрантов. Были их даяния слишком малы для финансирования больших дел.

И на этот раз Якушев побывал у великого князя Николая Николаевича. В сопровождении Кутепова он прибыл в резиденцию великого князя. Говорили о международных делах. Якушев рассказал, что «Тресту» стало известно о намерении Маркова-Второго согласиться на уступку Бессарабии румынам в обмен на их поддержку в деле свержения власти большевиков. Сообщил также о затруднениях, возникших из-за увольнения в отставку ряда офицеров Красной армии в связи с военной реформой. По этой причине порвалась связь «Треста» со многими воинскими частями.

Великий князь ответил, что доверяет только Кутепову, что есть надежда на получение денег от американцев.

На следующий день Якушев встретился в ресторане с С. И. Третьяковым, секретарем Торгово-Промышленного Союза. Якушев осветил экономическое положение в России и просил на дело сто миллионов золотом.

Повидался Якушев с генералами Хольмсеном и Монкевицем. Знаток разведки, генштабист Монкевиц устроился у Кутепова.

Довольный всем виденным и слышанным, Якушев возвращался в Москву, везя Зайончковскому и Потапову сердечный привет от Кутепова.

Через Варшаву и «окно» на границе Якушев и Захарченко

вместе вернулись в Москву.

С. Рейли и Красноштановы

Сидней Джордж Рейли был выдающимся агентом британской Интеллидженс Сервис. По одним данным, он родился в Ирландии, в Клонмал, в 1874 году. По другим сведениям, был он уроженцем Одессы под именем Зигмунд Розенблюм. Хорошо образованный, владевший семью языками, Рейли был смелым разведчиком, ловким коммерсантом, любителем опасных авантюр. Был он и непримиримым врагом большевизма, участником антисоветских заговоров.

В начале 1918 года, когда западные союзники стремились к свержению власти Ленина и восстановлению восточного фронта, Рейли прибыл в Мурманск с поручениями от Интеллидженс Сервис. С документами на имя негоцианта восточных стран месье Массино, Рейли пробрался в Москву. Добыв фальшивые советские документы, Рейли стал вхож в важные советские учреждения. В Москве у него было несколько квартир и агентура в разных слоях общества. В июле 1918 года он принимал участие в восстании левых эсеров в Москве. Об убийстве эсером Блюмкиным германского посла Мирбаха он узнал, сидя в ложе Большого театра во время заседания 5-го съезда советов. Восстание эсеров было жестоко подавлено. Вскоре Рейли возглавил новый заговор против советской власти, причем, замышлялось убийство Ленина и членов советского правительства. Заговор был раскрыт чекистами.

С 28 ноября по 3 декабря 1918 года революционный трибунал при ВЦИК разбирал дело начальника британской миссии в Москве. Р. Б. Локкарта, французского консула Гренара и лейтенанта британской службы С. Рейли. Подсудимые обвинялись в попытке контрреволюционного переворота, связанной с нарушением международного права и использованием «в преступных целях» права экстерриториальности. Трибунал объявил подсудимых врагами трудящихся, стоящими вне закона и подлежащими расстрелу.

До начала суда Рейли удалось бежать в Англию. Локкарт и Гренар были высланы из России.

Весной 1918 года в Москве Рейли познакомился с Савинковым, приехавшим из Новочеркасска после неудачной попытки договориться с генералами Алексеевым и Корниловым о совместной борьбе с большевиками. Поселившись у Дерентальей, Савинков основал тайный Союз Защиты Родины и Свободы. В Москве он установил связи с англичанами и французами и чешским политиком Масариком. Сотрудничество Савинкова с

Рейли было мимолетным. После неудачных заговоров и восстаний оба почти одновременно бежали из Москвы.

Вторично Рейли и Савинков встретились в Польше. Здесь Рейли принимал участие в рейдах партизан полковника Павловского. В 1922 году Рейли и Савинков готовили покушение на народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина и членов советской делегации, возвращавшихся из Гааги через Берлин в Москву. Из-за задержки делегации на дипломатическом приеме покушение не состоялось. В том же году Рейли представил Савинкова Уинстону Черчиллю как деятеля, способного свалить советскую власть. Черчилль рекомендовал Савинкова премьеру Ллойд Джорджу. Но в это время в Англии были иные настроения: вместо борьбы с большевизмом Ллойд Джордж предпочел торговлю с каннибалами.

Рейли и Савинков поддерживали знакомство и далее. Не раз они совещались в Париже о борьбе с советской властью.

* * *

В январе 1925 года Якушев получил от КРО ОГПУ задание выяснить возможность приезда Рейли в Гельсингфорс с тем, чтобы в дальнейшем заманить его в Москву. В это время Рейли был занят коммерческими делами в США, где он основал фирму «Сидней Беренс — индийский хлопок».

Рейли получил письмо от Бойса, резидента Интеллидженс Сервис в прибалтийских странах. Бойс писал о предстоявшем прибытии из Москвы супружеской четы Красноштановых. От имени тайной организации, имеющей большие перспективы на будущее, чета хотела бы вступить в контакт с Рейли. Если предложение Красноштановых не представило бы интереса для Рейли, то на письмо со стихотворной строкой иранского поэта Омара Хайяма он мог бы коротко ответить: «Мерси. Бонжур». В заключение Бойс сообщал, что в этом большом деле заинтересованы англичане и французы.

На приглашение Красноштановых Рейли ответил согласием. Рейли, опытный разведчик, никак не предполагал, что клюет на удочку чекистов.

Под несколько странной фамилией Красноштановых выступали Мария Захарченко и Георгий Радкович. Конечно, никто не предполагал, что эмиссары Кутепова, монархисты и ярые противники большевиков, в действительности выполняли коварное поручение КРО ОГПУ. Веря в «Трест», они считали себя участниками готовившегося в России переворота.

До 1925 года советский агент в Ревеле Роман Бирк поддерживал связь «Треста» с финским генеральным штабом. Этого КРО казалось недостаточным, и было решено установить с финнами прямую связь. От имени «Треста» Захарченко и Радкович связались с начальником Второго отдела генерального штаба Финляндии полковником Мальмбергом и начальником пограничной стражи Выборгского района капитаном Розенстремом. Договорились об открытии «окна» на границе вблизи от Сестрорецка. На советской стороне «окном» ведал начальник пограничной заставы И. М. Петров, известный под псевдонимом Тойво Вяхя, игравший роль участника «Треста».

После возвращения Красноштановых из Парижа «Трест» переселил чету из Москвы в Ленинград. Через финское «окно» супруги часто переходили в Финляндию и без помех возвращались обратно.

В Финляндии они встречались не только с финнами, но и с сотрудничавшим с финнами представителем великого князя Николая Николаевича царским морским офицером Николаем Николаевичем Бунаковым и представителем Врангеля генералом Юзефовичем, как, впрочем, и с другими эмигрантами.

В феврале 1925 года в Гельсингфорсе появился «министр иностранных дел» «Треста» Якушев. Его встретила Захарченко. Они сидели в ресторане на Эспланаде. Со стороны могло казаться, что это счастливая чета, не совсем молодые люди, но еще сохранившие привлекательную внешность. Но их разговор был не о любви. Якушева интересовали не столько финны и местная эмиграция. И не вопрос, почему со своими большевиками сумел справиться бывший царский генерал-лейтенант Маннергейм, ныне президент Финляндии.

На свидании с Бунаковым, советовавшим Якушеву установить отношения с англичанами, шла речь о Рейли. Бунаков показал Якушеву письмо Рейли, подписанное псевдонимом «Железный». Он сказал, что Рейли, обладающий личными и финансовыми связями в США и Англии, собирается побывать в СССР.

Гибель С. Рейли

О письме Рейли Якушев рассказал Дзержинскому и Менжинскому. Рейли писал о борьбе с большевизмом как о важнейшем в его жизни деле. Он предлагал вести пропаганду, сочетая ее с террором и диверсиями. В ОГПУ решили заманить Рейли в Россию, предварительно расположив к себе Бунакова. Вместо желательных Бунакову сведений о Коминтерне Якушев предложил вывезти из Москвы проживавшего там брата Бунакова Бориса. И в августе-1925 года советский пограничник провел Бориса Бунакова через сестрорецкое «окно». На финской стороне его ожидали капитан Розенстрем и брат Николай. Естественно, приезд брата в Финляндию укрепил доверие Бунакова к «Тресту» и к Якушеву.

В середине августа 1925 года в Гельсингфорс на свидание с Якушевым приехал из Парижа Кутепов. Генерала интересовали не только новости «Треста». Ему нужно было знать, как вести себя с Рейли, с которым он должен был беседовать в Париже. Якушев сообщил Кутепову о своем свидании с приезжавшим из Варшавы начальником русской секции Второго отдела польского генерального штаба Таликовским. Тем самым Кутепов лишний раз убеждался в том, что «Трест» — дело серьезное.

В это время пришла телеграмма от Рейли:

«Сожалею о задержке. Задержан окончательным завершением моих дел. Уверенно считаю, что буду готов к отъезду 15 августа. Выехать ли мне в Париж или непосредственно в Гельсингфорс? Можете ли вы устроить собрание в конце месяца?»

Было решено, что Кутепов примет Рейли в Париже, оттуда направит его в Финляндию, а затем Якушев пригласит гостя в Москву.

Рейли приехал из США в Париж, встречался с Кутеповым. К возможностям эмиграции Рейли отнесся скептически, но уверовал во «внутренние силы», представленные «Трестом».

В двадцатых числах сентября 1925 года Рейли приехал в Гельсингфорс. Ожидавшая его здесь Мария Захарченко немедленно дала знать Якушеву. 24 сентября Якушев пересек советско-финскую границу. На следующий день на квартире Бунакова состоялась его первая беседа с Рейли. На приглашение в Россию Рейли ответил, что дела зовут его в Штеттин, и до 30 сентября он ничего не успеет сделать. Поэтому он предложил отложить поездку на два-три месяца. Тогда Якушев предложил организовать поездку таким образом: в субботу утром быть в Ленинграде, провести там день, вечером выехать в Москву и в

воскресенье утром быть в Москве; вечером — возвращение в Ленинград, понедельник — в Ленинграде, и ночью через «окно» — переход в Финляндию. Следовательно, при таком расписании Рейли поспеет на пароход, отплывающий в Штеттин.

Рейли немного подумал и согласился. Он верил в «Трест», особенно после разговоров с Кутеповым и Захарченко. Да и от своих коллег по британской разведке он знал о связях «Треста» с финским, эстонским и польским штабами.

Через Бунакова он отправил письмо жене Пепите:

«Я уезжаю сегодня вечером и возвращусь во вторник. Никакого риска… Если случайно буду арестован в России, это будет не более как по незначительному обвинению. Мои новые друзья настолько могущественны, что добьются моего освобождения».

Рейли простился с Марией Захарченко и Бунаковым. Якушев немедленно отправил условленную телеграмму в штаб «Треста».

До границы Рейли провожали капитан Розенстрем и Радкович. В 10 часов вечера 25 сентября они прибыли на пограничную финскую станцию Куоккала. В начале двенадцатого подошли к реке Сестра. На советском берегу Рейли встретил пограничник Тойво Вяхя. По распоряжению чекистов Вяхя доставил Рейли на станцию Парголово и посадил его в поезд, шедший в Ленинград. В поезде Рейли ожидали Якушев и чекист Щукин. Рейли дали паспорт на имя Штейнберга.

По пути в Ленинград Рейли рассказывал Якушеву о Савинкове. Рейли считал Савинкова отличным конспиратором. Но Савинков не очень разбирался в людях, не было у него дельных помощников и хорошего штаба. Вместе с готовностью к риску эти обстоятельства повели к его гибели.

Утром 26 сентября Рейли привезли в Ленинград. День он провел в квартире Щукина. Тут его поджидал чекист Старов, представившийся как рабочий с производства, депутат Московского совета. Старов рассказывал Рейли о положении советских рабочих. Оказался здесь и евразиец Мукалов.

Вечером в международном вагоне в Москву выехали Рейли, Якушев и Мукалов. Старов выехал раньше, чтобы организовать встречу в Москве. На вокзале в Москве Рейли встречали Старов, Дорожинский и Шатковский — деятели «Треста», агенты ОГПУ.

В воскресенье 27 сентября на даче в Малаховке было инсценировано заседание Политсовета «Треста», на котором присутствовали Потапов и Александр Ланговой.

После обеда на даче состоялся деловой разговор. Речь шла о деньгах на работу «Треста». Рейли предлагал «трестовикак» вступить в сотрудничество с Интеллидженс Сервис.

«Трест» должен проникнуть в Коминтерн и добывать сведения

о его деятельности. Даже сфабрикованные о нем материалы могли бы быть использованы для пропаганды против СССР.

День клонился к вечеру. Рейли напомнил собеседникам, что с вечерним поездом ему нужно вернуться в Ленинград. Рейли попрощался с Якушевым, Потаповым и другими «трестовиками». В первую автомашину сели Рейли, помощник начальника КРО Пузицкий и Старов.

Чекисты намеревались арестовать Рейли на пути в Москву. Но он пожелал написать за границу открытку друзьям, тем свидетельствовавшую о его пребывании в Москве. Пока Рейли писал открытку, Старов доложил по телефону о ходе дела и получил приказ ОГПУ арестовать Рейли после того, как открытка будет опущена в ящик. Доставленный на Лубянку, Рейли был допрошен Пилляром и заключен в одиночную камеру внутренней тюрьмы.

После ареста Рейли ОГПУ занялось маскировкой деятельности «Треста». В ночь на 29 сентября Пузицкий с помощниками выехал в Ленинград. На границе около деревни Ала-Кюль была инсценирована перестрелка между Рейли и пограничниками из заставы, во время которой он и сопровождавшие его лица были якобы убиты.

«Трест», словно не зная о происшествии на границе, должен был получить известия о несчастье из Финляндии. 29 сентября Захарченко послала из Гельсингфорса телеграмму:

«ПОСЫЛКА ПРОПАЛА. ЖДЕМ РАЗЪЯСНЕНИЯ».

Захарченко волновалась и рвалась в Москву. Она писала Якушеву:

«У меня в сознании образовался какой-то провал. У меня неотступное чувство, что Рейли предала и убила лично я… Я была ответственна за „окно“».

В Гельсингфорс приехала жена Рейли Пепита. Захарченко убедила Пепиту в непричастности «Треста» к гибели Рейли. Удостоверившись в смерти мужа, Пепита поместила в газете «Дейли Экспресс» траурное объявление.

Вслед за арестом Рейли на квартире Стауница была инсценирована тревога с целью отвести подозрения от «Треста». Совещались Якушев, Ланговой, Зубов, Стауниц и эмигрант Мукалов. Решили послать Зубова и Мукалова расследовать, что же произошло на границе в ночь на 29 сентября. Побывав на месте происшествия, коротко ответили Марии Захарченко:

«БОЛЕЗНЬ КОНЧИЛАСЬ СМЕРТЬЮ ДЕТЕЙ».

Свидетельство Мукалова было для эмиграции веским аргументом. Но этого чете Шульц было недостаточно. Из Финляндии в Москву спешно выехал Радкович. Встретившись со Стауницем, он требовал объяснений. Стауниц изворачивался и расспрашивал, что было известно на финской стороне границы.

Радкович рассказал, как в назначенное время он и капитан Розенстрем ожидали Рейли на границе. Вдруг до них донеслись выстрелы и крики. Они сперва думали, что то была перестрелка с контрабандистами. До утра прождали на берегу реки. Напрасно — Рейли не появился… А на советской стороне маячили конные пограничники.

Убедившись в гибели Рейли у деревни Ала-Кюль, Радкович выехал в Польшу. Советскую границу он перешел через «окно» близ станции Столбцы.

8 октября варшавский представитель «Треста» Артамонов писал:

«Происшествие, по-видимому, случайность. „Тресту“ в целом опасность не угрожает. А это уже счастье, так же как и то, что Якушев не поехал провожать Рейли».

Гибелью Рейли не был встревожен и Второй отдел польского генерального штаба. В знак своего доверия поляки подарили Якушеву, Потапову и Ланговому браунинги с золотыми монограммами и часы каждому.

Рейли погиб. Но не 29 сентября и не на границе. После долгих и мучительных допросов в ОГПУ, 3 ноября 1925 года его расстреляли, приведя в исполнение приговор, вынесенный ему еще 3 декабря 1918 года.

В. В. Шульгин в сетях «Треста»

Член 4-й Государственной Думы, волынский помещик, редактор газеты «Киевлянин», Василий Витальевич Шульгин вписал свое имя в историю февральской революции. Вместе с А. И. Гучковым, главой октябристов в Думе, Шульгин приехал в Псков к императору Николаю Второму с требованием отречения от престола. Акт отречения был подписан в их присутствии.

В годы Гражданской войны Шульгин был на юге России. В 1918–1919 годах он возглавлял конспиративную организацию «Азбука», действовавшую против большевиков с ведома главнокомандующего Добровольческой армией генерала А. И. Деникина. Агенты «Азбуки» были во многих городах России — в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе, в Крыму и на Кавказе. У них были клички по буквам азбуки, Шульгин значился под буквой «Веди».

В дальнейшем, оставаясь частично конспиративной, «Азбука» превратилась в Южно-Русский Национальный Центр, возглавленный Шульгиным. В этот Центр вошли многие известные политические деятели, профессора, журналисты, сторонники белого движения.

В начале двадцатых годов Шульгин жил в Сремских Карловцах. Летом 1925 года на совместной прогулке в близлежащей старой крепостце Петроварадин Чебышев спросил Шульгина:

— Правда ли, что вы собираетесь ехать в Россию?

— Да, собираюсь.

— В Сремских Карловцах все знают об этом. Даже и говорят.

— Да, поговаривают, я об этом знаю.

— Василий Витальевич, вы имеете полное право распоряжаться своей жизнью, как вам угодно. Но как политический деятель, вы должны учитывать грозящую вам опасность. Если вы окажетесь в руках большевиков, то они припишут вам такие политические отречения, как приписали уже не так давно Савинкову.

— Это я учитываю и приму меры, — холодно ответил Шульгин.

Еще раз Чебышев пытался отговорить Шульгина от поездки, но безуспешно. Шульгин упорствовал:

— Если «Трест», как вы утверждаете — отделение ГПУ, во что я не верю, то в таком случае я совершенно спокоен лично за себя. Если Федоров и все они — провокаторы, то им полный расчет выбросить меня обратно, ибо я сам не представляю для них

лакомой добычи. Мое благополучное возвращение создаст в их пользу доверие, которое они смогут широко использовать.

Тогда Чебышев просил генерала Врангеля повлиять на Шульгина:

— Вы согласны со мной, что Федоров — провокатор. И вот на ваших глазах Якушев-Федоров увозит от вас в Чеку такого человека, как Шульгин. Помешать ему можете только вы.

Врангель говорил с Шульгиным, но Шульгин своего решения не изменил. Не подействовали на него и слезные мольбы его жены Марии Дмитриевны.

Мысль о поездке в Россию была у Шульгина давнишней и навязчивой. Уже в 1921 году он отправился из Варны на шхуне в Крым. Он и его спутники высадились близ Гурзуфа. Сына он не нашел, пятеро его спутников пропали без вести, а самому Шульгину и остальным едва удалось выбраться живыми из опасной экспедиции.

Познакомившись у генерала фон Лампе с Якушевым, Шульгин возложил свои надежды на «Трест». Через Климовича, переписывавшегося с Якушевым, Шульгин условился с «Трестом» о поездке. Якушев, не гарантируя полной безопасности, пригласил его в Москву.

Поездка Шульгина как нельзя больше была на руку ОГПУ. После сенсационно трагического конца С. Рейли благополучное возвращение Шульгина за границу лишний раз доказывало бы добротность «Треста», укрепляя его реноме в глазах связавшихся с ним иностранных штабов и русских эмигрантов.

В сентябре 1925 года Шульгин выехал из Югославии в Польшу. В Ровно, где его хорошо знали до революции, он прожил несколько недель. Здесь он отрастил длинную бороду и стал похожим не то на факира, не то на раввина.

В Варшаве совещался о поездке с представителем «Треста» Артамоновым. Затем выехал к «окну» вблизи от пограничной станции Столбцы.

В ночь на 23 декабря 1925 года, с паспортом на имя Иосифа Карловича Шварца, он проследовал через «окно». Сопровождал его Иван Иванович, в действительности агент ОГПУ Михаил Иванович Криницкий.

На советской стороне Шульгин познакомился с известным чете Шульц Антоном Антоновичем, бывшим до революции товарищем прокурора Стародубского окружного суда Сергеем Владимировичем Дорожинским. С ним он доехал до Киева. Шульгин остановился в скромной гостинице «Бельгия», его спутник — в «Континентале». Приставленный к Шульгину Дорожинский сообщал ОГПУ о своих беседах с ним. Толковали о

делах эмигрантских. Шульгин сказал, что считает Врангеля выдающимся человеком с железной волей, подтвердил, что Врангель не ладит с Кутеповым. И добавил, что ему пришлось не раз защищать «Трест» от нападок Врангеля и Чебышева.

На улицах Киева чекисты неотступно следовали за Шульгиным. Они предполагали, что у него могли быть неизвестные «Тресту» явки. Заметив слежку, Шульгин то убегал от филеров на извозчике, то трамваем, то совсем не выходил из гостиницы. Своими опасениями он поделился с Дорожинским, но тот успокаивал его, заверяя в полной безопасности.

Отъездом в Москву Дорожинский положил конец киевским страхам Шульгина. 4 января 1926 года на вокзале в Москве их встретил Шатковский, бывший жандармский подполковник, ставший сотрудником ОГПУ.

В Москве Шульгин трижды беседовал с людьми из «Треста». Первая беседа состоялась 13 января на квартире Якушева в присутствии двух других «трестовиков». Вторая — на другой квартире, куда его привез Дорожинский.

В «Послесловии» к своей книге «Три столицы» Шульгин писал:

«Сначала мы говорили с Федоровым вдвоем. Он получил письма из заграницы и возмущался эмигрантскими распрями. Затем разговор соскользнул на генерала Врангеля, к которому Федоров относился с большим уважением, но сокрушался, что барон Врангель под разными предлогами отказывается иметь с „Трестом“ дело. И тут я принял деликатное поручение: если, даст Бог, я благополучно вернусь в эмиграцию, попытаюсь изменить точку зрения генерала Врангеля на „Трест“ в благоприятную сторону. Должен сказать, что я с величайшим удовольствием и даже, можно сказать, с энтузиазмом принял его поручение».

Затем обсуждали план Шульгина об устройстве базы для врангелевских офицеров в его имении в Польше, находившемся в двух верстах от границы, замаскировав ее под фабрику гнутой мебели. Потапову этот план понравился. После деловой части беседы вспоминали доброе старое время, жизнь императорского двора, убийство Распутина и начало революции.

Во время обеда, на котором присутствовали Якушев и Дорожинский, появился Опперпут. Его Якушев представил Шульгину как «министра финансов» «Треста».

После обеда Дорожинский отвез Шульгина на дачу в Лосиноостровской, расстался с ним и поручил его чете Шульц. Свое пребывание на даче, уже после захвата его агентами НКВД в 1944 году в Сремских Карловцах, Шульгин описал так:

«Я был отдан Марии Владиславовне Захарченко-Шульц и ее

мужу под специальное покровительство. Муж ее был офицер. По ее карточкам, снятым в молодости, это была хорошенькая женщина, чтобы не сказать красивая. Я ее узнал уже в возрасте увядания, но все-таки кое-что сохранилось в ее чертах. Она была немного выше среднего роста, с тонкими чертами лица. Испытала очень много, и лицо ее, конечно, носило печать всех испытаний, но женщина была выносливой и энергии совершенно исключительной. Она была помощницей Якушева… Оба супруга, она и муж, часто навещали меня, они жили там же, возле меня, постоянно выезжая в Москву, оттуда примерно час езды до их дома… Мне приходилось вести откровенные беседы с Марией Владиславовной. Однажды она мне сказала: „Я старею. Чувствую, что это мои последние силы. В „Трест“ я вложила все свои силы, если это оборвется, я жить не буду“.

Позже Захарченко жаловалась на медлительность Якушева: „Разочаровавшись постепенно в Якушеве, она идеализировала другого члена этой организации“.

Этот другой был приставленный к чете Селянинов-Опперпут-Стауниц.

* * *

У Шульгина были сведения, будто его сын находится в Виннице в больнице для душевнобольных. Он хотел выехать туда, но „Трест“ его не пустил. Якушев обещал послать в Винницу человека с запиской сыну. Тем и кончились бесплодные поиски давно погибшего сына.

Шульгин захотел побывать в Ленинграде. Когда об этом зашел разговор, кто-то стукнул два раза в окно. Якушев вышел и вернулся с человеком, принесшим пакет и уходя сказавшим по-польски „До видзеня, пан“. Шульгину Якушев объяснил, что это был связной из польского посольства, доставивший пришедшую из Варшавы для „Треста“ почту.

Пребывание Шульгина в России Дзержинский решил использовать с максимальной пользой. От него деятели „Треста“ получили задание подсказать Шульгину мысль о написании книги, полезной советской власти. 16 января Якушев предложил Шульгину подробно описать поездку в Киев, Москву и Ленинград. Шульгин согласился.

В ночь на 6 февраля 1926 года Шульгин выехал в Минск. Сердечно распрощался с провожавшим его Дорожинским. Перевел его через „окно“ тот же „контрабандист“ Криницкий. Приехав в Варшаву, через Артамонова он отправил „Тресту“

благодарственное послание.

Вернувшись в Зарубежье, Шульгин рассказывал, что виделся со многими деятелями „Треста“ и не допускал, что все они — агенты ОГПУ. Он писал: „…я был в совершенном восторге от моих „контрабандистов“ и одновременно огорчен тем, что П. Н. Врангель моими чувствами I“ воспламенился и „контрабандистами“ заинтересоваться не захотел».

Свою книгу «Три столицы» Шульгин по частям пересылал Якушеву для прочтения и одобрения. Рукопись читал не только Якушев, но и руководители ОГПУ. Одобренная чекистами, книга «Три столицы» благоприятно для советского строя описывала перемены, происшедшие в России с 1920 по 1925 год. Внося смуту в умы эмигрантов, эта книга рассеяла сомнения в «Тресте», возникшие после гибели С. Рейли.

Стауниц и Мария Захарченко

20 июля 1926 года умер Феликс Дзержинский. На посту главы ОГПУ его заменил ближайший помощник, тоже поляк по происхождению, Вячеслав Рудольфович Менжинский. Сподвижник Ленина, убежденный марксист, Менжинский был образованным человеком, владевшим несколькими языками. Как и Дзержинский, был он жестоким чекистом, безжалостно расправлявшимся с врагами большевизма. Под его руководством были проведены последние операции «Треста».

В течение добрых пяти лет Якушеву и Потапову удавалось морочить голову доверчивым эмигрантам, удерживая их от сколько-нибудь опасных для большевиков действий. Динамичную Марию Захарченко и Радковича тяготило отсутствие «настоящих дел». Тем более, что и генерал Кутепов стремился к проведению террора и диверсий, которые, как думал он, пробудят волю народа к борьбе с коммунизмом.

Для осуществления террористических актов Кутепов договорился с Якушевым об отправке в Россию групп офицеров. С ведома «Треста» осенью 1926 года прибыли три офицера: Сусалин, Каринский и Шорин.

Полковник Сусалин, ознакомившись в Москве с обстановкой, усомнился в «Тресте». Несмотря на советы четы Шульц соблюдать осторожность, он высказал свои сомнения «трестовику», чекисту Старову, и бесследно исчез. Обеспокоенные Шульцы узнали от Опперпута, что Сусалина якобы опознали болгарские коммунисты, знавшие его по Софии как белогвардейца, после чего он погиб в застенке ГПУ.

* * *

Недовольная медлительностью Якушева, противника террора и сторонника накапливания сил, Мария Захарченко сблизилась со Стауницем. Не раз говорила она с ним о необходимости террора — наедине. Эти частые беседы вдвоем сблизили их, они стали любовниками. Думала ли Мария, что в постели она больше узнает о «Тресте» от Стауница? Зато Стауниц знал безошибочно, что самый верный путь к Кутепову был через Марию Захарченко. Мало-помалу он стал соглашаться с Марией, не мешая ей строить планы террористических актов. Об откровенных беседах с Марией Стауниц немедленно докладывал Якушеву, каждая высказанная ею и Радковичем мысль становилась достоянием. КРО ОГПУ.

Якушев, отлично осведомленный о настроениях и нетерпении Марии, совещался с Артузовым. Тем строже были и требования Артузова к Стауницу. Накануне своей очередной поездки в Париж Якушев поучал Стауница:

— Эдуард Оттович, ваша дама сердца и ваши с ней отношения меня устраивают только в том смысле, если я буду через вас знать все, что затевает Мария и ее покровитель Кутепов. Мы должны это знать. При авантюризме Кутепова можно ожидать любой дикой выходки. Ему ничего не стоит ради эффекта подставить под удар «Трест».

— Я вас понимаю. Вы будете знать все.

20 ноября 1926 года Якушев прошел через «окно» на эстонской границе и прибыл в Ревель. Здесь его ожидала Мария Захарченко, заранее отправленная сюда по решению ОГПУ. В честь Якушева майор Пальм дал обед, на котором присутствовала и Мария. Пальм провозгласил тост за будущую монархию в России. Затем пили за здоровье Якушева — будущего министра иностранных дел. Доверие эстонского штаба произвело впечатление на Марию, ее отношение к Якушеву улучшилось, хотя и ненадолго.

В Париж Якушев выехал один. Накануне намеченного отъезда Якушева и Марии в Париж из Москвы от Стауница пришла шифровка: он звал Марию обратно, чтобы при ее участии угомонить запившего Георгия Радковича. А запил Радкович из ревности, интимные отношения Марии со Стауницем терзали безумно ее любившего, преданного ей Георгия.

* * *

На вокзале в Париже Якушева встретил Кутепов. С паспортом на имя Келлера Якушев остановился в гостинице на Елисейских Полях. Говорили они о многих делах. Якушев жаловался на горячность и неугомонность Марии. Кутепов защищал Марию, отмечая ее храбрость, верность долгу, готовность пожертвовать жизнью.

Якушев заговорил о желательности встречи Кутепова с Политсоветом «Треста» в России. Но Кутепов отклонил это любезное приглашение.

Затем они отправились в Шуаньи к великому князю Николаю Николаевичу. Великий князь высказался за более энергичные действия. Якушев старательно объяснял, какие трудности препятствуют решительным действиям в ближайшее время.

Якушев просил великого князя написать обращение к

Красной армии, а Политсовету дать его портрет с собственноручной подписью. Под конец аудиенции Якушев обещал собрать военный совет «Треста», предварительно условившись с Кутеповым о времени и месте встречи.

Разговоры о деньгах для «Треста» продолжались. В известном всем гурманам ресторане «Дрюан» Кутепов, Коковцев и Якушев обедали и толковали, как и где добыть крупные средства. Обменивались тостами. Подняв бокал, Якушев пил за здоровье Коковцева, будущего премьер-министра освобожденной от большевиков России…

В тот же день, 5 декабря, Якушев навестил Шульгина, жившего недалеко от Булонского леса. Шульгин встретил его дружески. От него Якушев узнал, что Чебышев своего мнения о «Тресте» не изменил.

На следующий день Якушев беседовал с представителем пражского отделения Союза Галлиполийцев. Слушал он рассказы о жертвенных молодых офицерах, жаждавших настоящих дел и готовых идти на подвиг в Россию.

Накануне отъезда Якушева в Москву к нему в гостиницу приехал Кутепов. Он вручил Якушеву портрет великого князя, сидящего верхом на коне, и воззвание к Красной армии.

Довольный успехами, 14 декабря через Франкфурт-на-Майне Якушев уехал восвояси.

Исчезновение генерала Монкевица

Поездка Якушева в Париж совпала с большими неприятностями, выпавшими на долю Кутепова. В первые годы подпольной деятельности одним из его ближайших помощников был Генерального штаба генерал-майор Николай Августович Монкевиц. Белому движению этот генерал известен не был, славы за ним не было никакой. Был он назначен к Кутепову великим князем Николаем Николаевичем и рекомендован Высшим Монархическим Советом.

С дочерью и сыном Монкевиц проживал в Фонтенбло. Там же тогда жил со своей семьей генерал А. И. Деникин. По службе в царской армии Деникин и Монкевиц были старыми знакомыми. По вечерам Монкевиц часто навещал Деникиных. В ноябрьский вечер 1926 года он пришел так же, как обычно, но засиделся. Выглядел озабоченным, одет был кое-как, рукава пиджака были коротковаты, и он силился вытянуть их до должной длины.

Было уже поздно. Антон Иванович переглянулся с Ксенией Васильевной, недоумевая, когда же удалится гость. Наконец, во втором часу ночи Монкевиц попрощался с Деникиными, вышел на улицу и бесследно исчез.

Утром к Деникиным прибежала встревоженная дочь Монкевица. Она спросила, где ее отец? Деникины ответили, что он был у них допоздна, но куда ушел, сказать не могли.

Дочь известила полицию и просила помочь ей разыскать отца. Зная, что у Монкевица могли быть дома важные бумаги, Деникин просил дочь Монкевица принести их к нему до прихода полиции. Бумаги были доставлены к Деникиным, но по ним нельзя было установить причину исчезновения Монкевица.

Деникин совещался с Кутеповым, пытаясь разгадать загадку. Но Кутепов не смог объяснить причину пропажи своего помощника. В записке, оставленной Монкевицем, значилось: «Во избежание лишних расходов на погребение, прошу моего тела не разыскивать».

15 ноября 1926 года генерал Врангель писал своему другу генералу Барбовичу:

«…в области „работы“ генерала Кутепова — крупный скандал. За последнее время целым рядом лиц получены сведения, весьма неблагоприятные для ближайшего помощника ген. К. — генерала Монкевица. Недавно в управлении генерала Хольмсена были получены документы, подтверждающие преступную связь этого генерала с большевиками. Предупрежденный сам генерал Кутепов, однако, этому отказался верить. На днях Монкевиц исчез, оставив

записку, что, запутавшись в деньгах, кончает жизнь самоубийством. Однако, есть все основания думать, что это — симуляция. Трупа нигде не найдено, и следы генерала Монкевица следует, видимо, искать в России…»

«Трест» перезрел

Совещание Кутепова с военными представителями «Треста» было назначено на конец марта 1927 года в небольшом городке Териоки вблизи от советско-финской границы.

Менжинский вызвал к себе на Лубянку Потапова, в то время руководившего кафедрой иностранных языков в Военной академии РККА. Потапову Менжинский изложил решение коллегии ОГПУ:

— Мы посоветовались и решили придать совещанию «Треста» с Кутеповым сугубо военный характер. Якушев не поедет в Финляндию. Поедете вы, как начальник штаба «Треста», и один товарищ, по фамилии Зиновьев, как представитель флота. Прошу вас, Николай Михайлович, взять на себя эту нелегкую миссию.

Потапов не возражал. Просьба главы ОГПУ — равносильна приказу.

— В последних полученных «Трестом» письмах Кутепов настаивает на приезде Стауница-Опперпута. Но вы знаете, что это нежелательно. Вам придется дать объяснение, почему Стауниц не поехал: совещание чисто военное, ставится, мол, вопрос о сроке военного выступления. Придется встретиться там и с известной вам Марией Захарченко. Она выедет вслед за вами. А ее пожелал видеть Кутепов. Кстати, знали ли вы Кутепова в свое время?

— Нет, никогда с ним не встречался в те времена, но знаю, что это за человек. Мне о нем много рассказывал Якушев.

— Уязвимое место у Кутепова — Врангель. По отношению к Врангелю советую вам держаться позиции грустного недоумения: как это барон мог допустить распад белой армии? Полезно будет беседовать с Кутеповым как с будущим главнокомандующим вооруженными силами России. А себя мыслите как начальника штаба. Срок выступления оттягивайте, есть много причин, чтобы не спешить. Они, мол, вам известны, а ему нет. Теперь о терроре: всеми мерами старайтесь скомпрометировать идею террора. Ссылайтесь на то, что даже такому специалисту, как Савинков, когда он был во главе Боевой организации эсеров, террор ничего не дал.

Помолчав немного, Менжинский продолжал:

— Надо сказать, что существование «Треста» несколько затянулось. В конце концов они же не считают ОГПУ слепым учреждением. Такую солидную контрреволюционную организацию оно не может проглядеть. Так долго «Трест» мог сохраняться только благодаря соперничеству между эмигрантскими организациями и разочарованию иностранных

разведок в эмигрантах. Иностранцы делают ставку на так называемые внутренние силы. Но и господа иностранцы, которым нужны чисто шпионские сведения, тоже их не получают. Мы могли бы однажды сделать вид, что «Трест» провалился, что мы его поймали. Но за этим последуют попытки развернуть террор. Нам будет труднее сдерживать Кутепова и кутеповцев. У нас достаточно сил, чтобы ловить их и обезвреживать. Но еще лучше, если мы будем действовать на них изнутри, сеять мысли о вреде и никчемности террора. Пусть их молодцы играют на балалайках в ресторанах Парижа, мы им мешать не будем. И, наконец, маннергеймовская разведка попробует выведать от вас разные военные секреты. Ну, вы сумеете напустить им тумана, в этом я уверен.

Потапов почтительно наклонил голову, ему было все понятно.

— Мне кажется, — продолжал Менжинский, — что «Трест» почти изжил себя. Как вы думаете? Вернетесь из Финляндии, и мы обсудим, как быть дальше с «Трестом».

* * *

25 марта 1927 года Потапов и Зиновьев прибыли в Териоки. Захарченко приехала днем позже и приняла участие в совещании. Кутепов был огорчен отсутствием Стауница, Мария возмущалась решением Политсовета, о котором ей сказал Потапов.

Совещание началось. Потапов спросил, какими силами располагает Кутепов для активных действий в России.

Кутепов ответил, что в его распоряжении большие офицерские кадры во многих странах Европы. Кроме того — террористические группы. Первую группу из восьми человек можно отправить в любой момент.

Кутепов задал вопрос о сроке вооруженного восстания. Потапов отвечал уклончиво, ссылался на недостаток денег. Помимо денежных дел, обсуждались вопросы международного характера. Говорили о работе иностранных разведок и неизбежности сотрудничества с ними. 28 марта совещание закончилось. Потапов, Зиновьев и Мария Захарченко вернулись в Москву.

С каждым днем «Тресту» становилось труднее сдерживать террористические намерения Боевой организации Кутепова. Вернувшись из Финляндии, Мария Захарченко в пылу откровенности предложила Стауницу срочно подготовить террористический акт. К тому же она знала, что боевики Кутепова

готовились к переходу границы помимо «окон» ОГПУ.

А Стауниц хорошо знал о настроениях на верхах ОГПУ: Артузов и другие чекисты толковали о том, что «Трест» перезрел и пора кончать игру.

Саморазоблачение «Треста»

— Мария, я должен рассказать тебе правду о наших делах. Ты думаешь, что «Трест» подпольная организация монархистов?

Мария испуганно глядела на Стауница.

— Ты принимаешь меня за противника большевиков. Да, я их враг. Но подумай только, что со мной было! За участие в савинковской организации меня посадили в тюрьму на Лубянке. Угрожая расстрелом, чекисты принудили меня стать секретным сотрудником КРО ОГПУ. Я — чекист. Якушев — чекист. Потапов — чекист. Все мы под руководством КРО водим за нос легковерных эмигрантов. И тебя, и Гогу, и Кутепова, и всех прочих. Но с меня довольно! Не хочу больше этой грязной и подлой игры. Довольно!

В широко раскрытых глазах Марии застыли изумление и возмущение. Откровение Стауница было таким потрясающим, что в первый миг она не знала, что сказать. Взяв себя в руки, она спросила:

— Так что же теперь делать?

— Бежать, — ответил Стауниц. — Бежать через финское «окно», пока оно еще открыто. Нам надо бежать сегодня же. Завтра утром мы будем в Ленинграде. Ночью перейдем границу. На все у нас ровно сутки.

— Да, бежать, бежать. Боже, какой ужас!

Она встала, накинула на голову платок, надела пальто. Стауниц присел к столу, взял карандаш и написал чекистам краткое письмо. В ночь на 13 апреля 1927 года Стауниц-Опперпут и Мария Захарченко ушли в Финляндию через «окно» на границе.

Предупрежденные Опперпутом, Георгий Радкович, Каринский и Шорин одновременно бежали из СССР в Польшу.

* * *

21 апреля 1927 года в советских газетах было напечатано сообщение о ликвидации «контрреволюционной шпионской группы», связанной со сторонниками великого князя Николая Николаевича и руководимой белым генералом Кутеповым. Советские власти обвиняли Кутепова в связях с иностранными разведками и попытках создания антисоветской организации в пределах СССР. Ссылаясь на показания арестованных, власти не назвали ни одного имени из якобы захваченных членов «шпионской группы».

За пять дней до опубликования сообщения об этой группе, спасая лицо главных деятелей «Треста», Потапов отправил Кутепову через польского курьера нарочито дезинформационное письмо:

«3 апреля один из сослуживцев Александра Оттовича Упелинца по Красной армии в Гомеле в 1920 году, Махнов, опознал в нашем Касаткине известного провокатора Опперпута — правда, указав, что Опперпут в 1920 году не носил бороды. Об Опперпуте нет надобности распространяться — его имя упоминается в известной Красной книге ВЧК…

…Вместо того, чтобы немедленно лишить Касаткина возможности действовать, мы стали наводить справки и занялись проверками… по-видимому, где-то мы совершили ошибку, вследствие которой он понял, что его подозревают. Дальше мы не придали достаточного значения его нервному состоянию, в котором он находился последнее время. Мы объяснили его тем раздражением, которое получил Касаткин в связи с отклонением правлением Треста его слишком рискованных коммерческих операций… мы, очевидно, недостаточно спокойно взялись за дело и дали повод Касаткину почувствовать, что под ним горит почва. Недостаточно быстрое расследование дало возможность этому негодяю скрыться…

…К несчастью, дело запуталось благодаря одной — тоже неприятной для нас — случайности. Именно 5-го апреля племянник[8], как теперь выяснилось, по поручению Касаткина и без нашего ведома, вел переговоры о продаже своей сварочной мастерской. Угостив покупателя и напившись сам, он попал в милицию, имея на руках некоторые наши счета. На другой день он был выпущен, получив поручение от высокого учреждения оказать содействие по розыску. Вернувшаяся к этому моменту племянница[9], возмущенная поступком племянника, предложила ему немедленно покончить с собой… мы решили, что племянник… должен немедленно выехать к фермерам[10]. Ввиду случившегося, мы нашли пребывание самой племянницы опасным и предложили ей также временно отправиться к фермерам, назначив для этого специальное окно на 12 апреля. 10-го она выехала в Вильну[11], где должна была встретиться с Гогой, но 11-го Касаткин получил от племянницы телеграмму:

„Зверев[12] не прибыл, волнуюсь, получила очень важное поручение от фермеров, немедленно приезжайте“. Здесь мы совершили нашу главную ошибку. Касаткин, ошеломив нас известием об исчезновении Зверева, вызвался ехать в Вильну. И мы на это согласились…

…13-го жена Касаткина получила от него письмо, в котором

он называет себя „международным авантюристом“ и сообщает, что через месяц будет в Америке. Одновременно мы получили от Касаткина письмо с сообщением о его бегстве и с наглым предложением: выслать в трехдневный срок деньги за молчание, из чего видно, что есть некоторая надежда, что он не все предал.

Этот тактический промах Касаткина дал нам возможность предпринять кое-какие шаги прежде, чем начались протесты[13]. Хладнокровию и распорядительности Рабиновича[14] мы обязаны тем, что кое-как овладели положением. В настоящий момент Рабинович находится, по-видимому, в относительной безопасности — связь с ним имеем. Готовясь скрыться, еще на своей квартире получил звонок по телефону из Гельсингфорса от Касаткина. Касаткин ультимативно требовал денег и грозил раскрытием всего. На другой день он прислал телеграмму с требованием перевести деньги по адресу: Анна Упелинец, Рига, ул. Барона Кришьяна.

Уже 13 и 14-го начались массовые аресты векселей, как рассказывал бежавший из Вильно Серов[15]. Участь Денисова[16] не известна. Сам Серов, привыкший с давних пор исполнять беспрекословно приказания Касаткина и ничего не зная о наших подозрениях, крайне растерялся, видя, как Касаткин, вместо того, чтобы только помочь, как он заявил Серову, племяннице нести ее чемодан, сам ушел к фермерам…

…В голове не укладывалось первое невероятное предположение, что и она — его сообщница. И как иначе объяснить ее вызов по телеграфу Касаткина? Однако, проанализировав все события, мы пришли к единственному возможному выводу, что она является только его жертвой. Очевидно, он сумел уверить племянницу в том, что после разгрома активной оппозиции в Тресте сторонникам ее стала невозможной дальнейшая работа, и он решил конспиративно от правления уехать к тете Саше[17] и ей рассказать о линии оппозиции. Только при этом предположении становится понятным великодушие Касаткина по отношению к некоторым своим сторонникам, которых он благородно предупредил о „провале“ и помог благополучно уехать… Ясно, что это сделано для того, чтобы сохранить благородный вид перед племянницей, на помощь которой он, очевидно, рассчитывает у фермеров.

Нашу первую телеграмму, которую Ты, вероятно, уже получил, мы послали также через огородников[18] к фермерам. Крайне опасаемся, как поступят фермеры и в особенности сама племянница с этим сообщением, не имея необходимых доказательств. Ей-то вероятно, фермеры покажут телеграмму. Находясь под сильным влиянием Касаткина, она — мы боимся — не

поверит сообщению и, возможно, предупредит его о наших шагах. Было бы крайне необходимо поскорее повлиять на племянницу, чтобы она прекратила с Опперпутом всякие сношения…

…В настоящий момент еще совершенно невозможно учесть размеров убытков. Однако, уже сейчас есть основание полагать, что Опперпут вел очень сложную игру с конкурентами[19] и в своих собственных интересах. Он давал конкурентам, видимо, не все, что знал, ибо иначе нельзя объяснить сравнительно ограниченные размеры протестов. Пока нужно сказать, что окончательно скомпрометировано Главное Правление Треста и привлечена к делу почти вся связь, непосредственно обслуживавшая Главное Правление. Все линии торговцев, к которым Касаткин почти не имел отношения, пока не подверглись никаким ревизиям[20]. Провинциальные отделения почти все предупреждены. Кроме здешних, сведения о протестах в Вильне.

Конечно, нам пришлось поработать по приведению в порядок всех дел наших предприятий. К счастью, кажется, никаких архивов Правления у Касаткина никогда не было. Он мог только записывать. Трудно сейчас говорить о выводах, совершенно немыслимо объяснить наше существование без предположения, что провокатором применялась в нашем случае какая-то сверх-азефовская тактика… Ближайшее будущее должно все разъяснить. Горячо обнимаю Тебя. Твой Волков».

Бумаги Опперпута

9 мая 1927 года в рижской газете «Сегодня» появилось сообщение: «Советский Азеф». В нем говорилось о бегстве в Финляндию Касаткина-Штауница-Опперпута. Газета обвиняла Опперпута: в предательстве монархической организации в России, связанной с великим князем Николаем Николаевичем; в предательстве савинковского «Союза Защиты Родины»; в провале антисоветской группы сенатора Таганцева; в связях с генеральными штабами ряда государств. Отмечалось, что он был вхож в парижские салоны сторонников Николая Николаевича, что он — латыш, что его настоящая фамилия — Упелинч, что он расстреливал офицеров в Кронштадте и Петрограде. В заключение указывалось:

«Возможно, что он сделал это не для того, чтобы скрыться от советских преследований, а с целью какой-нибудь новой провокации».

17 мая в газете «Сегодня» был опубликован пространный ответ Опперпута на это сообщение:

> «…Ночью 13 апреля я, Эдуард Опперпуг, проживавший в Москве с марта 1922 года, под фамилией Стауниц, и состоявший с того же времени секретным сотрудником контрразведывательного отдела ОГПУ (КРО ОГПУ), бежал из России, чтобы своими разоблачениями раскрыть всю систему работы ГПУ и тем принести посильную пользу русскому делу…
>
> …Немедленно по прибытии на иностранную территорию, я не только открыл свое прошлое, но в тот же день установил связь с соответствующими представителями ряда иностранных государств, чтобы открыть работу ГПУ и заручиться их поддержкой для разгрома его агентур. ГПУ тотчас изъявило согласие на уплату мне единовременно 125 000 рублей золотом и пенсию 1000 рублей в месяц при условии, что я к разоблачениям не приступлю. Я дал на это мнимое согласие, дав гарантию соответствующим лицам, что все переведенные суммы будут мною передаваться организациям, ведущим активную борьбу с советским правительством. Двумя телеграммами ГПУ подтвердило высылку денег нарочным, однако они доставлены не были и, полагаю, что причиной этого были поступившие в ГПУ сообщения, что главнейшие разоблачения мною

уже сделаны».

Далее Опперпут отрицал дачу показаний против Савинкова в суде, ссылаясь на присутствовавших иностранных корреспондентов и стенографический отчет; отмечал, что, начиная с 1922 года СССР он не покидал и потому не мог бывать в салонах николаевцев; под кличкой Савельева в группе Таганцева не состоял; офицеров не расстреливал, так как с 1917 по июль 1922 года в Петрограде не жил.

Опперпут известил гельсингфорсские газеты о том, что

> «… сообщение ПТУ о раскрытии в Москве крупной монархической организации — гнусная ложь, имеющая целью опорочить долженствующие появиться мои разоблачения. В данном сообщении я указывал, что „раскрытая“ организация является характерной легендой (мнимой антисоветской организацией) КРО ОГПУ. Была создана она в январе 1922 года ответственным штатным сотрудником Кияковским…
>
> …Количество секретных сотрудников данной легенды превышает 50 человек… Основное назначение данной легенды было ввести в заблуждение иностранные штабы, вести борьбу с иностранным шпионажем и направлять деятельность антисоветских организаций в желательное для ГПУ русло…
>
> …Благодаря легендам, настолько значительные суммы из ассигнованных штабами на разведку попадали в ГПУ, что таковые не только дали возможность существовать КРО ОГПУ на хозяйственных началах, но и уделять некоторые суммы дезинформационному бюро Разведупра, которое фабриковало передаваемые иностранным штабам военные, политические и экономические осведомительного характера материалы…
>
> …В настоящее время свыше 40 линий КРО ОГПУ находятся под угрозой провала, и мною будет освещена вся система провокации ГПУ, коей опутаны все слои населения России и зарубежные антисоветские центры».

Опперпут сообщал, что «часть разоблачений уже мною передана в надежные руки, и лишь только позволит обстановка, они появятся в русской печати».

Опперпут составил свыше трех десятков записок о работе ОГПУ, но далеко не все стали достоянием печати.

В записке «Как возник Трест» Опперпут описал поездку

Якушева в Ревель к Артамонову с запиской от Страшкевич, пометив первого г-ном Х. и вторую — г-жой У.:

«…Недели через две по своем возвращении в Москву А. А. Якушев был арестован. Одновременно с ним были арестованы все с ним последнее время соприкасавшиеся, в том числе и г-жа У., М. и др. Всем арестованным было предъявлено обвинение в участии в контрреволюционном заговоре, а А. А. Якушеву — в организации контрреволюционного заговора и шпионажа, т. е. сообщение представителю штаба ген. Врангеля и ВМС сведений, которые он узнал по своей службе в комиссариате Внешней торговли и путей сообщения. Все предъявленные арестованным обвинения последние отрицали. Тогда Якушеву был показан фотографический снимок письма г-на Х. к одному из лиц, близко стоявших к Высшему Монархическому Совету. В этом письме г-н Х. со свойственной ему обстоятельностью излагал, что проездом через Ревель его посетило лицо, занимавшее такой-то пост в НКВТ, посланное за границу по такому-то делу, до революции служившее там-то и т. д. Зашифрована была только фамилия. Тогда А-р Ал-ович сознался… Остальные арестованные, конечно, о политической деятельности А. А. не только не знали, но даже не допускали мысли, что А. А., бывший заместителем Троцкого по НКПС, мог принять участие в контрреволюционном заговоре».

После поездки Кияковского с запиской Страшкевич — г-жи У. — Артамонову — г-ну Х. — и его удачной миссии якобы арестованные были освобождены:

«В тюрьме остался только Якушев, которому грозил расстрел. В это время во внутренней тюрьме ВЧК сидел и я по делу Народного Союза Защиты Родины и Свободы, так же без малейших шансов миновать расстрел. Так как смертников обыкновенно сажают в одну камеру, то неудивительно, что при бесконечных перемещениях мы встретились, если не ошибаюсь, в 42-й или 52-й камере. Просидели мы вместе, если не ошибаюсь, в два приема почти три месяца. Якушев мне понравился. Уживчивый, спокойный, какими в обстановке внутренней тюрьмы бывают только фаталисты, беззаботный и живущий только интересами текущего дня, он редко впадал в апатию и почти всегда находил работу, которой занимал и меня. То плетет из спичечных коробок, разрезанных на мелкие палочки, плетенки для соли, то рисует из папиросных коробок игральные карты, то лепит из хлеба шахматные фигуры, то сооружает баррикады против одолевавших нас мышей и крыс. Неудивительно, что месяцы, проведенные вместе с ним, по сравнению с одиночным заключением, пролетели очень быстро. За это я ему всегда впоследствии оставался благодарен…

…Агранов, тогда особоуполномоченный ВЧК, руководивший

разгромом моей организации, все чаще стал вызывать меня для собеседований, чтобы выяснить мои тогдашние убеждения. Он считался в то время лучшим следователем ВЧК, и ему поручалось вести только самые трудные и запутанные дела (Нар. Союз Защ. Род. и Свободы, Национальный Центр, организация Таганцева, дело эсеров). Его слава была очень скверная… Недаром Ленин, умеющий верно оценивать людей, направил его из своих секретарей на работу в ВЧК… Ко мне он почему-то благоволил. Возможно, что в данном случае имело значение то, что у нас по Гомелю оказалось много общих знакомых, которые безусловно сносились с ним по поводу меня. Его влияние в ВЧК было огромно, почему неудивительно, что он очень легко добился замены мне высшей меры наказания заключением в концентрационный лагерь с тем, чтобы я впоследствии был использован как секретный сотрудник. В середине февраля мне было сообщено, что меня используют для контрразведывательных целей, около 25 февраля оформили мое зачисление в секретные сотрудники КРО и 1 марта освободили вовсе из тюрьмы. Так как еще во время моего пребывания в тюрьме была выпущена книга „2-й Народный Союз Защиты Родины и Свободы“, в которой я не только отказывался от дальнейшей борьбы с советской властью, но и призывал последовать моему примеру других, то работать в контрразведке под фамилией Опперпут я не мог. Мне была, дана фамилия Стауниц, а имя и отчество сохранены настоящие. Прямо из тюрьмы меня направили на квартиру к Сосновскому Игнатию Игнатьевичу (Домбжинскому), у которого я прожил около трех недель… Сюда под предлогом поиграть в карты весьма часто заходили Кияковский, Родлер, Леппо, Пузицкий и даже Артузов, причем весьма часто вступал со мной в продолжительные беседы… кажется, в последних числах марта мне устроили комнату и службу в московской таможне, и Кияковский сообщил, что я перехожу в его распоряжение для развития монархической легенды и дезинформации одного иностранного штаба. Кияковский несколько вечеров подряд знакомил меня с состоянием работы монархических зарубежных центров, давая обстоятельные характеристики каждого из них, их взаимоотношениям, руководящим составам, значению и весу отдельных руководителей, планам их работы и т. д. Имевшиеся в распоряжении Кияковского сведения поражали меня своей полнотой, и я высказал свое восхищение осведомленностью ГПУ и мощью этого органа. ***Кияковский ответил, что он и высшее начальство далеко не считают достигнутые результаты удовлетворительными, поскольку ГПУ еще не в состоянии руководить деятельностью зарубежных национальных центров, и развернул передо мной***

смелый план организации крупной легенды, которая, подкупив штабы лимитрофных государств качеством и количеством сведений о Красной армии, в последующем своем развитии при помощи штабов должна будет подмять под себя все зарубежные монархические центры и навяжет им тактику, разработанную ГПУ, которая гарантирует им разложение от бездействия на корню. *(Здесь и далее выделение автора.)*

После этого он познакомил с делом А. А. Якушева, достигнутыми его поездкой в Ревель результатами, перепиской между ним и г-ном Х. и г-на Г. В это же время я узнал, что из Ревеля прибыл в миссию для ведения разведки бывший русский офицер, Роман Бирк, через которого Кияковский и Сосновский поддерживают связь с Ревелем. Ведение переписки с г-ном Х. и г-ном Г. значительно облегчало то обстоятельство, что ГПУ регулярно получало копии писем, отправляемых ими в Берлин ВМС-у. К Роману Бирку в миссию я ходил всегда с Кияковским. За бутылками водки Р. Бирк оказался весьма слабым на язык и говорил очень много лишнего, не только про свою разведывательную работу, но и про руководящий состав штаба… Все это впоследствии было весьма ловко использовано Кияковским при вербовке Бирка в секретные сотрудники.

Через Бирка связь со штабом налаживалась, ширились знакомства и в заграничной миссии, но монархическую линию успешно я развивать не мог, потому что не только не был знаком с основными положениями монархической идеологии, но и весьма слабо представлял ту среду, которая возглавляла это движение за рубежом. Беспомощность моего положения сознавал и Кияковский. Стали искать других сотрудников. Его выбор остановился на бывшем артиллерийском полковнике Флейшере, участнике военной организации Национального Центра. Осужденный по этому делу к расстрелу, он был отведен в подвал и по списку подлежал расстрелу в последнюю очередь…

Полоса расстрелов прошла, и высшая мера наказания была ему заменена 10-летним заключением… В полувменяемом состоянии Флейшер был отправлен в концентрационный лагерь, откуда под условием поступления в красную армию через Троцкого вытащила его жена, артистка Оболенская.

В 1922 году, когда меня с Флейшером познакомил Кияковский, он тоже не был совершенно вменяем. В его мозгу время от времени всплывали картины расстрелов… Для руководства нашей легендой он не годился…

Тем временем переписка с г-ном Х. и г-ном Г. продолжалась. Мы сообщили, что по инициативе группы Колесникова, собрался съезд подпольных организаций монархического толка, который выделил

центральный орган и избрал главу организации. Требовалось сообщить за границу „вынесенные съездом“ постановления по вопросам программы и тактики. Но эта задача оказалась для нас явно не по плечу. Тогда вспомнили про А. А. Якушева. Дело его уже давно было следствием закончено, и ему грозил расстрел. После непродолжительных переговоров между ним и Кияковским А А. изъявил согласие на поступление в секретные сотрудники КРО для работы против иностранных штабов и эмиграции… Человек весьма темпераментный, он всю свою ненависть с г-на Х. — виновника его злоключений — перенес на эмиграцию вообще. Ненависть к последней у Якушева была столь острой, что в соединении с широкими знакомствами в прежних сферах делала из него ценного сотрудника…

…Обладая недурным пером, крупными познаниями в вопросах монархической идеологии и в вопросах династических, он почти в один присест набросал основы программы и тактики данной легенды. Директива ГПУ была короткая: отрицать террор и ориентироваться на В Кн. Н. Н. и ВМС. Остальное в программе и тактике должно было соответствовать советской действительности. Программой и тактикой под „Монархическое Объединение Центральной России“ был подведен прочный базис… Поездкой Александра Александровича в Берлин и проведением через ВМС, тогдашний центр зарубежного национального движения, основных положений программы и тактики М.О.Ц.Р. последний приобрел для ГПУ настолько крупное значение, что по ГПУ стал именоваться „центральной разработкой ОГПУ“. В Берлине М.О.Ц.Р. было присвоено конспиративное название Трест…

…Подписание А. А. Якушевым договора о сотрудничестве со 2-м отделом польского генерального штаба окончательно вывело Трест на широкую дорогу и дало ему возможность войти в соприкосновение с В.К. Н.Н.

Крупное значение имела поездка евразийца Арапова, который воочию убедился в существовании Треста. Правда, его приезд вышел немного неожиданным, почему людей для организации широкого с ним совещания пришлось брать с бору да с сосенки: например, представителя духовенства играл „отец Александр“, фактически не бывший священником, секретарь Обновленческого Священного Синода Новиков; представителя рабочих помощник нач. КРО Вл. Андр. Стырне, под фамилией Козлов; представителя интеллигенции член масонской ложи Розенкрейцеров, инженер из Резинотреста… Но Арапова околпачили, и живой свидетель действительного существования Треста впоследствии свидетельствовал это сомневающимся зарубежникам.

В дальнейшем Тресту только оставалось сохранять

достигнутое положение и быть мощным дезинформационным орудием для целей штаба РККА…

… Трест свое назначение выполнил блестяще и к настоящему моменту его реноме настолько высоко, что мои выступления с неопровержимыми данными в руках не в состоянии поколебать веру в него целого ряда иностранных штабов и, выйди я в другую страну[21], я бы сейчас сидел в тюрьме, а процветание Треста продолжалось бы по-прежнему».

Важнейшие свои сообщения Опперпут передал в самые «надежные руки» — генералу Кутепову, поспешившему в Гельсингфорс после появления здесь Опперпута и Марии Захарченко. Смятение, вызванное его разоблачениями, было неописуемым. В Гельсингфорсе Опперпута допросили в финском генеральном штабе. Сюда же прибыли из Варшавы представители польского генерального штаба полковник Боцянский и начальник русской секции 2-го отдела штаба майор Таликовский. Из бесед с Опперпутом, уже известным в Варшаве по провокации в организации Б. Савинкова, поляки убедились в горькой и жестокой правде.

* * *

Если были как-то понятны наивность и доверчивость русских эмигрантов, то насколько опрометчивым и неосторожным было доверие разведок ряда стран к липовым сведениям «Треста». Впрочем, после гибели С. Рейли возникли подозрения у британской разведки в Прибалтике. Особое бюро польского генерального штаба, занимавшееся изучением так легко получаемых разведывательных данных, сличило их со сведениями из других источников и установило сомнительность благотворной эволюции нэповской России, о которой вещал «Трест». Не всегда внушало доверие поведение «трестовиков», соприкасавшихся с пограничной польской разведкой. Военный атташе Польши в Ревеле капитан Дриммер обнаружил поразительную беспечность в работе «Треста» при просмотре почты этой провокационной организации. В 1926 г. военный министр Польши маршал Пилсудский приказал начальнику польской разведки затребовать от «Треста» сведения о советском мобилизационном плане. Якушев неохотно согласился добыть план за 10 тысяч долларов. Через несколько месяцев Якушев представил такой план. Ознакомившись с ним, Пилсудский признал его подделкой. А особое бюро нашло, что сведения о пропускной способности железных дорог на западе СССР были ложными.

Тем не менее польский штаб продолжал сотрудничать с «Трестом». Конечно, «Трест» мог существовать и дальше. Но с точки зрения большевиков, он действительно перезрел. 1927 год был последним в эпохе нэпа. СССР вступал в период «строительства социализма в одной стране», и в новой социальной структуре места «Тресту» не было. С другой стороны, ОГПУ понимало, что нельзя бесконечно заниматься дезинформацией иностранных штабов и морочить голову эмиграции. При всей ловкости ОГПУ, провал и разоблачение «Треста» были возможными.

Устами Опперпута ОГПУ разоблачило свои «трестовские» деяния и тем нанесло противникам коммунизма потрясающий психологический удар. Тем временем, под шумок работы «Треста», ОГПУ и Разведупр опутали Запад и эмиграцию незримой паутиной своих многочисленных тайных агентур.

После разоблачений

Врангель оказался прав. В письме к своему личному другу, блестящему кавалерийскому начальнику, генералу И. Г. Барбовичу Врангель писал 9 июня 1927 года:

«…Разгром ряда организаций в России и появившиеся на страницах зарубежной русской печати разоблачения известного провокатора Опперпута-Стауница-Касаткина вскрывают в полной мере весь крах трехлетней работы А. П. Кутепова. То, о чем я неоднократно говорил и Великому Князю, и самому Александру Павловичу, оказалось, к сожалению, правдой. А. П. попал всецело в руки советских Азефов, явившись невольным пособником излавливания именем Великого Князя внутри России врагов советской власти».

Еще резче писал Врангель Барбовичу 21 июня 1927 года:

«…С А. П. Кутеповым я говорил совершенно откровенно, высказав ему мое мнение, что он преувеличил свои силы, взялся за дело, к которому не подготовлен, и указал, что нравственный долг его, после обнаружившегося краха его трехлетней работы, от этого дела отойти. Однако едва ли он это сделает. Ведь это было бы открытое признание своей несостоятельности. Для того, чтобы на это решиться, надо быть человеком исключительной честности и гражданского мужества».

Действительно, Кутепова этот грандиозный провал не остановил. Наоборот, разоблачение «Треста» толкнуло его на еще более рискованные действия. Мария Захарченко, которой он верил как самому себе, решительно высказывалась за скорейшее проведение террористических актов. В тон ей вторил Опперпут.

Виктор Александрович Ларионов, марковец-артиллерист, член боевой организации Кутепова, так писал об этой удивительной женщине:

«Мария Владиславовна Захарченко-Шульц, заслуживающая имя основательницы и застрельщицы белого террора, не оставила как будто после себя печатного идеологического наследства… Впрочем, в недолгих беседах, между деловыми разговорами, она строила планы будущего, мечтала… Преемственность, непрерывность борьбы, подготовка кадра, группа „националистов-террористов“… яркие, сильные, живые, надпартийные лозунги — вот предметы ее глубоких мыслей и скупых слов. Она считала себя обреченной, смотрела на свою гибель, как на нужный шаг в предстоящей борьбе: „Нужен пример, начало… надо идти самой. Потом уже руководство другими, посылка и идейное оформление…“ Она не строила иллюзий в настоящем. Многие месяцы, проведенные в

СССР, не позволяли ей смотреть сквозь розовые очки на советского обывателя, партийца, комсомольца, бывшего офицера. Время ее деятельности, а также и ее первых последователей, было концом нэпа, преддверием катастрофического периода „сталинизма“. Сравнительное еще благополучие советского человека, успокоенного нэпом, его апатия в вопросах национального бытия, обывательский страх перед самым словом „борьба“ — были подобны восприятию тех же вопросов средним эмигрантом, читателем радикальной прессы.

Это условие обрекало каждый акт террора не только не на признание, но подчас и на осуждение подвига, и уж неизменно на указание „бесцельности“. Обыватель советский, как и средний эмигрант, верил в эволюцию Коминтерна и ГПУ. Но, конечно, ни обывательские взгляды не могли удержать Марию Владиславовну от ее решений, ни вопросы „целесообразности“ заставить сойти с пути. Эта обреченность при сознании безнадежности победы сегодня и делали Марию Владиславовну героиней в наших глазах: „Мы погибнем, но за нами придут другие. Наше дело не умрет с нами вместе“».

* * *

Захарченко познакомила Ларионова с Опперпутом. Была она неузнаваема. Ее лицо осунулось, скулы выступили, платье висело как на вешалке. Но глаза по-прежнему выражали решимость и твердость.

Вся под впечатлением разоблачений Опперпута, объятая гневом и отчаянием, Мария громко кричала:

— Кончено, все кончено! Все разрушено в прах! То был чудовищный обман, блёфф, мыльный пузырь. Чекисты обманули всех — и нас, и эстонцев, и англичан, и поляков. Скандал на весь мир! «Трест» — провокация, затмившая Азефа… Нас с Гогой должны были вывести в расход по решению коллегии ОГПУ, да вот он нас предупредил.

Ларионов повернулся в сторону ее жеста. Сидевший в кресле худощавый рыжеватый шатен с острой бородкой смотрел на Ларионова внимательным, изучающим взглядом. Отбросив газету, он встал и протянул руку Ларионову. Крепко пожав руку Ларионова своими длинными пальцами, он коротко, с чуть выраженным латышским акцентом, представился:

— Опперпут-Стауниц. Ответственный работник КРО ОГПУ.

— Мы бежали с ним, — продолжала Захарченко, — вчера

ночью. В последний раз проскочили по линии «Треста», там не успели предупредить границу. А Гога с двумя нашими молодцами бежал в Польшу… Да, удар страшный… Романа Бирка считала другом, своим, почти родным, три года работали рука об руку. Агент КРО! И уже давно как взят. Мы многое разоблачим. Теперь настало время платить. Теперь руки развязаны… Мы осуществим то, чего не позволял под разными предлогами проклятый «Трест». Мы начнем террор… За Рейли! За весь позор! Ведь я сама возила всяких мерзавцев в Париж и представляла нашим… Экономила «партийные» деньги, всегда тряслась в третьем классе, не спала ночами, недоедала. Деньги ГПУ! О, Боже, если бы я знала раньше!

Союз национальных террористов

Генерал Кутепов хотел назначить Марию Захарченко главой Союза Национальных Террористов. Но Мария решительно отклонила предложение, заявив, что, не показав личного примера, она ни за что не пошлет других. Настояния Кутепова успеха не имели. Мария сказала, что готова нарушить дисциплину, но пойдет первой. И Кутепов уступил.

По вечерам Опперпут, Захарченко и Ларионов обсуждали планы покушений, диверсий, массового террора. Толковали о развитии работы в большом масштабе после удачи первых попыток.

Мария часто задумывалась, писала страницу за страницей. Предстоявшему новому делу посвящала все свои думы. Часто наедине совещалась с Опперпутом.

— Да, нужна партия, — говорила она, — но не знаю, как ее лучше и хлеще назвать. Националисты-террористы, что ли? Нужен хороший отбор. Старые боевые заслуги — ничто. Мы пойдем первыми, потом уже передадим опыт другим.

Мало-помалу, в тесном сотрудничестве с Опперпутом, Захарченко составила боевые диспозиции и отправила их в Париж Кутепову:

> «Начало. После нашего отъезда необходимо направить две-три группы по 4 человека для взрыва мостов. Так составляю задание Жукову[22] и на словах рассказала его Викторову[23] (он тоже пойдет). Взорвать мост **одновременно** на Волхове и Луге, чтобы отрезать Петроград и создать панику. Я подробно разбирала это дело. После этого можно перейти к поджогам и к взрывам в учреждениях посредством заложенных ранее снарядов. Достать технические средства возможно. **Никто** из людей, кроме Жукова, не должен **ничего** знать. Поэтому до моего возвращения Жукова пускать нельзя, особенно если у Вас не будет другой базы. Старайтесь теперь же наладить заготовку бомб большой силы, небольших сосудов с газами и главное культуры бацилл. Этим мы их скорее всего доконаем с наименьшими для нас потерями. А для народа появление в среде коммунистов чумы или холеры будет, конечно, истолковано, как гнев Божий. О человечности говорить уже не приходится. Кроме того, надо организовать пиратство в море, отравление экспорта русских товаров

и т. д. Хорошо бы устроить потопление „Товарища“. Об этом Вам подробно пишет Ринг, и я все это здесь перепишу.

В первую очередь надо организовать:

1) Производство документов: а) заготовка бланков по данным нами образцам, б) печатей, штемпелей, в) книжек с водяными знаками.

2) Разработка каждого акта по карте России и планам городов. Задание дается только старшему в группе, который сообщает остальным лишь в день перехода границы.

3) Каждый снабжается, кроме оружия (револьвер и ручные гранаты), капсюлем с цианистым калием, чтобы ни один не смел попадаться в руки живым.

4) Подыскание инструктора пиротехники:

а) занятие подрывным делом и обращением с динамитом и газами и выработкой их с намеченными для отправки людьми,

б) составление краткого наставления кустарного производства взрывчатых веществ и газов, изложенное в форме прокламаций, которые необходимо дать едущим, а также распространять внутри России.

5) Привлечение абсолютно проверенного бактериолога: оборудование своей лаборатории для разведения культур инфекционных болезней (чума, холера, тиф, сибирская язва, сап),

6) снабжение уходящих бактериями для заражения коммунистических домов, общежитии войск ГПУ и т. д.

Примечание к § 5. О последнем не должны подозревать даже помогающие нам государства».

Вдохновителем этих боевых диспозиций, посланных Кутепову, был Опперпут, принявший в Союзе Национальных Террористов кличку Ринг.

В собственном письме Кутепову Ринг подробно изложил план действий, соблазнительный и фантастический, но в случае его проведения грозивший бумерангом против его исполнителей:

«После первых ударов по живым целям, центр тяжести должен быть перенесен на промышленность, транспорт, склады, порты и элеваторы, чтобы сорвать экспорт хлеба и тем подорвать базу советской валюты. Я полагаю, что для уничтожения южных портов на каждый из них нужно не более 5–10 человек, причем, это необходимо сделать одновременно, ибо после первых же выступлений в этом направлении охрана их будет значительно усилена. Сейчас же вообще никакой вооруженной охраны их нет. После первых же выступлений необходимо широко опубликовать и разослать всем хлебным биржам и крупным хлебно-фуражным фирмам сообщение Союза Национальных Террористов, в котором они извещают, что все члены СНТ, находящиеся в России, не только будут сдавать советским ссыпным пунктам и элеваторам свой хлеб отравленным, но будут отравлять и хлеб, сдаваемый другими. Я не сомневаюсь, что даже частичное отравление 3–4 пароходов, груженных советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит все солидные фирмы от покупки советского хлеба. Конечно, о каждом случае отравления немедленно, весьма широко, должна быть извещена пресса, чтобы не имели случаи действительного отравления иностранцев. То же самое можно будет попытаться сделать с другими советскими экспортными съестными продуктами, например, с сибирским маслом. При введении своих людей в грузчики, портовые и таможенные служащие, это будет сделать не трудно. Этим был бы нанесен советам удар, почти равносильный блокаде… Помимо того, уничтожение элеваторов не только сильно удорожит хлеб, но и ухудшит его качество. Я совершенно не сомневаюсь, что на это не трудно будет получить в достаточном количестве технические средства, вплоть до хорошо вооруженных моторных лодок. Если бы таковые были получены, то можно было бы развить и некоторое пиратство для потопления советских пароходов… Ведь сейчас имеются моторные лодки, более быстроходные, чем миноносцы. При наличии моторного судна можно было бы устроить потопление долженствующего скоро возвращаться из Америки советского учебного парусника „Товарища“. При медленном его ходе настигнуть его в открытом океане и потопить так, чтобы и следов не осталось, не так уже было бы трудно. А на нем ведь исключительно комсомольцы и коммунисты. Эффект получился бы потрясающий. Потопление советских нефтеналивных судов могло бы повлечь к нарушению контрактов на поставку нефтепродуктов

и колоссальные неустойки. Здесь мы найдем широкую поддержку от нефтяных компаний. Когда американские контрабандисты имеют свои подводные лодки и аэропланы, разве нам откажут в получении хороших моторных лодок, если мы докажем свое?

Надо немедленно начать отправку в Россию различными способами агитационной литературы с призывом к террору и к самоорганизации террористических ячеек, выступающих от имени СНТ. Я думаю, что применительно к советским сокращениям, организация могла бы сокращенно именоваться „Сент“ или „Сенто“, а члены — „Сентоки“ или „Сентисты“.

Необходимо, чтобы отправляемые террористы при выступлениях всегда бросали записки, что покушение или акт сделан такой-то группой СНТ, постоянно меняя нумерацию, чтобы создать иллюзию мощи СНТ и сбить с толку ГПУ…

…Для уничтожения личного состава компартии придется главным образом применить культуры микробов эпидемических болезней (холера, оспа, тиф, чума, сибирская язва, сап и т. д.). Этот способ, правда, наиболее безопасен для террористов, и если удастся наладить отправку в Россию культур болезней, то один террорист сумеет вывести в расход сотни коммунистов… Организовать отправку культур микробов очень легко через дипломатов-контрабандистов. Очень многие дипломаты лимитрофных государств занимаются провозом в Москву контрабанды и возят ее сразу до 10 пудов (3–4 чемодана). За провоз берут от 150 до 300 долларов за чемодан. Для этого нужно войти в связь с ответственными сотрудниками Мин. Вн. дел и с их друзьями. В Ревеле это смог бы организовать Гуго Тамсар или сотрудник Мин. Ин. Д. Маркус… При некоторой осторожности через них можно будет отправлять и газы, и взрывчатые вещества. Только всем этим предметам нужно придавать товарный вид, то есть, чтобы дипломаты и посредники не знали, что они в действительности везут. Помимо того, чемоданы должны быть с особо хорошими замками, чтобы дипломат из-за праздного любопытства не полез бы туда…

…Культуры бацилл отправлять лучше всего в упаковке от духов, одеколона, эссенции, ликеров и т. д. Газы под видом каких-либо лаков в жестяной или стальной упаковке. Взрывчатые вещества под видом красок, ванили, которая пересылается в жестяных коробках…

При выборе целей для таких терр. актов надо иметь в виду только те учреждения, где все без исключения служащие, а также посетители, являются коммунистами. Таковы. 1) Все областные комитеты ВКП(б), все губернские комитеты ВКП(б), все партийные школы, войска ГПУ и органы ГПУ…[24]

…Командируемым за границу следует советовать не селиться в городах меньше губернских. Для акклиматизации самое лучшее осесть в дачных местностях Москвы. Но необходимо, чтобы прибывший немедленно нашел себе занятие: извозчики легковые и ломовые, сапожники, торговцы вразнос, торговцы-старьевщики… Лицу, которое будет для связи с миссией, очень хорошо быть извозчиком или парикмахером. В последнем случае он может ехать парикмахером миссии… На постоянное жительство не следует оседать в местностях ближе 100 верст к границе, ибо здесь надзор за вновь прибывшим настолько строг, что прибывший туда сам скоро будет расшифрован.

Весьма желательно, чтобы каждый перешедший границу писал не реже одного раза в неделю. Этой мерой можно до некоторой степени застраховать себя от переписки с уже арестованным и сидящим в ГПУ… Если посланный сумеет акклиматизироваться то необходимо, чтобы он опускал письма в почтовый ящик не в той местности, где он живет, а по возможности дальше оттуда. Лучше всего опускать в почтовые вагоны, ибо тогда установить местонахождение этого лица совершенно немыслимо…

…Сообщаю некоторые сведения, которые могут облегчить работу на контрразведке:

1) Если кто-либо говорит, что он является представителем организации, насчитывающей свыше 100 членов, то он или преувеличивает мощь организации, или является представителем легенды. Если же говорится о сотнях и тысячах членов, то безусловно это легенда.

2) От каждого прибывшего следует требовать список главных руководителей и вообще всех членов организации, которых он знает, с указаниями их настоящих фамилий, имен, отчеств и адресов. Эти данные можно проверять через адресные столы.

3) Желательно иметь связь не с одной легендой, которая составляла бы военные материалы, чтобы сопоставлять получаемое из других мест, проверять последние.

4) Дезинформационное бюро Разведупра всячески уклоняется от дачи дислокации технических войск… сведения, какие дивизии являются обыкновенного состава, какие усиленного, какая разница между теми и другими, как на случай мобилизации будут разворачиваться терчасти. Все эти сведения военнослужащему получить очень легко, и если он отказывается от дачи их, значит, он — сотрудник ГПУ…

5) Сведения ГПУ и Разведупра отличаются своей лаконичностью. Например, в случае переброски какой-либо дивизии обыкновенный информатор напишет об этом целые страницы… Дезинформационное же бюро ограничится только фиксированием

самого факта переброски и изложит это в двух-трех фразах».

Так Опперпут завоевывал доверие Кутепова и его боевиков…

Опперпут руководит террором

Жаждавшую действий Марию Захарченко Опперпут увлек своими столь смелыми предложениями. Семена его идей падали на почву, хорошо удобренную ненавистью к коммунистам и саморазоблачением «Треста».

Кутепов нисколько не возражал против немедленных террористических актов. Но для проверки искренности Опперпута он поставил обязательным условием его собственное участие в терроре.

— Верите ли вы Опперпуту? — спросил Марию Ларионов.

— Знаете, и да, и нет… Во всяком случае, не на все сто процентов, — ответила она после краткого раздумья.

— Так как же вы решаетесь с ним идти?

— А что же делать? Ведь только он может помочь в моем плане…

— Ну, а если?

— Тогда умрем вместе. Я его предупредила, что пристрелю при первом же подозрении. Будет у меня все время на мушке… Да и должен же он доказать на деле, что честно и бескорыстно перешел в белый лагерь.

Вскоре Мария посвятила Ларионова в свои планы:

— Влезу в самое осиное гнездо. В один из переулков на Лубянке выходит черный ход дома с частными квартирами крупнейших работников ИНО и КРО ОГПУ. Ночью мы войдем. Опперпут должен покончить со сторожем, а после этого положим на площадке лестницы сильную бомбу с химическим взрывателем и зажигательные снаряды. Все взлетит на воздух и запылает. Сами удерем в Польшу. Тем временем вы в Питере пустите на воздух какой-нибудь пленум или партклуб.

Опперпут, знавший входы и выходы на Лубянке, внушил Марии заманчивый план. И в том же письме Кутепову он указал

«список ушедших людей, ***их клички для Вас и для меня:***
Ринг — Грачев — Валин Карл
Шульц М. — Диков Андрей — Вескеч Ольга
Сельский — Сомов Александр
Ларионов — Викторов Федор — Вреде Виктор
Мономахов — Лихачев Дмитрий — Линбек
Соловьев — Ломов Сергей — Левашов
Готовящиеся к отправке (проверьте с Жуковым):
Каринский — Тарасов Антон — Тверин
Андреев — Алексеев Кирилл — Асеев
Шульц Г. — Жуков Иван — Бекер Иван».

* * *

Еще до появления Опперпута в Финляндии в Гельсингфорс из Болгарии приехал В. А. Ларионов. Он собирал вокруг себя активно настроенных молодых людей, окончивших здешние русские гимназии.

22-летний Юрий Сергеевич Петерс, сын инженера, служившего у большевиков в Петрограде, порвал с отцом, когда ему исполнилось 16 лет. В гимназии св. Алексия в Перкиярви он увлекся белыми идеями. Вдумчивый и серьезный, храбрый и мужественный, с легким сердцем он присоединился к СНТ.

Его одноклассник 23-летний Александр Александрович Сольский, сын офицера лейб-гвардии Саперного батальона, воспитанный семьей и школой в духе беззаветного патриотизма, с радостью вступил в террористическое подполье.

20-летний Сергей Владимирович Соловьев, сын полковника царской армии, учился в Гельсингфорсской гимназии. Мужественный и волевой, был он прекрасным спортсменом — качества нужные в опасном деле террора.

Его одноклассник Дмитрий Мономахов, богатырского сложения, тоже отличный спортсмен, с большим самообладанием и крепкими нервами — как раз то, что нужно террористу.

Встреча с Марией Захарченко и беседы с нею произвели на молодых людей потрясающее впечатление. Их поразила и взволновала 33-летняя волевая женщина, полная энергии и решимости, убежденная в правоте избранного опасного пути. С нею они были готовы идти и в огонь, и в воду.

Молодые смельчаки очень понравились Марии. С каждым она беседовала, к каждому присматривалась, стараясь определить их способности и характер. Но Сольский, назначенный в ее тройку, ей показался нервным и застенчивым.

— Дайте мне кого-нибудь другого, более крепкого физически, — сказала она Ларионову.

Выбор пал на Петерса, красивого, веселого, уже не раз бегавшего на лыжах из Териок в Петроград с поручениями от белой организации.

Приближался день отправки в опасный поход. Занятая последними приготовлениями, Захарченко хлопотала целыми днями. Излучая энергию и боевой пафос, она заражала своих боевиков решимостью и верой в конечный успех борьбы с коммунизмом.

Боевики Кутепова проживали в Пакенкюле, рабочем районе Гельсингфорса. Готовились к походу. Под руководством Радковича практиковались в стрельбе из револьверов, метали

бомбы, начиненные песком вместо мелинита.

Опперпут спокойно и внимательно следил за приготовлениями. На его лице нельзя было прочесть истинных чувств и намерений. Когда нужно, поддакивал, а то и авторитетно советовал. Накануне похода он просил Марию собрать всю боевую организацию. Пришли Радкович, Ларионов, Петерс, Соловьев, Мономахов, Болмасов, Шорин и другие. Обратившись к боевикам с краткой речью, он заклинал их ни при каких обстоятельствах не сдаваться властям живыми:

— Все равно, сдача не спасет, «шлепнут» в подвале в затылок, а до этого будут жечь свечкой, бить, издеваться, применять страшные моральные пытки. В каменном мешке долгими месяцами с живыми мертвецами по соседству каждую ночь, каждый день, каждый час вы будете ждать жутких слов: «выходи с вещами», и чувствовать всем своим существом, что вас никто и ничто не спасет, с этой мыслью засыпать и встречать безнадежное утро.

* * *

По плану Опперпута и Марии Захарченко были образованы две тройки. Одна из них — Опперпут, Захарченко и Вознесенский (Петерс) — направлялась в Москву для удара по «осиному гнезду». Другая — Ларионов, Мономахов и Соловьев — для акта в Ленинграде.

31 мая 1927 года проводник от финского генерального штаба перевел тройку Опперпута через границу. Двенадцать часов спустя, в ночь на 1 июня тройка Ларионова, сопровождаемая финским проводником, перешла вброд пограничную реку Сестру и углубилась в лесисто-болотистую местность.

С Опперпутом было условлено, что ленинградская тройка начнет боевые действия только после опубликования в газетах сообщения о взрыве в Москве.

Гибель М. Захарченко и Ю. Петерса

Поразительно быстро добралась до Москвы тройка Опперпута. Как она прошла через Ленинград, как доехала до Москвы, знало лишь ОГПУ.

10 июня 1927 года советские газеты опубликовали первое правительственное сообщение о провале попытки Захарченко-Шульц, Опперпута и Вознесенского взорвать жилой дом № 3/6 по Малой Лубянке.

6 июля в «Правде» была опубликована беседа заместителя председателя ОГПУ Генриха Григорьевича Ягоды с сотрудниками московских газет. Ягода подробно рассказал о неудачном покушении:

«…Организаторы взрыва сделали все от них зависящее, чтобы придать взрыву максимальную разрушительную силу. Ими был установлен чрезвычайно мощный мелинитовый снаряд. На некотором расстоянии от него были расставлены в большом количестве зажигательные бомбы. Наконец, пол в доме по М. Лубянке был обильно полит керосином. Если вся эта система пришла бы в действие, можно не сомневаться в том, что здание дома по М. Лубянке было бы разрушено. Взрыв был предотвращен в последний момент сотрудниками ОГПУ».

По словам Ягоды, после неудачи все трое бежали из Москвы:

«…Опперпут, бежавший отдельно, едва не был задержан 18 июня на Яновском спирто-водочном заводе, где он показался подозрительным. При бегстве он отстреливался, ранил милиционера Лукина, рабочего Кравцова и крестьянина Якушенко. Опперпуту удалось бежать. Руководивший розыском в этом районе зам. нач. особого отдела Белорусского округа т. Зирнис созвал к себе на помощь крестьян деревень Алтуховка, Черниково и Брюлевка Смоленской губернии. Тщательно и методически произведенное оцепление дало возможность обнаружить Опперпута, скрывавшегося в густом кустарнике. Он отстреливался из двух маузеров и был убит в перестрелке.

Остальные террористы двинулись в направлении на Витебск. Пробираясь по направлению к границе, Захарченко-Шульц и Вознесенский встретили по пути автомобиль, направлявшийся из Витебска в Смоленск. Беглецы остановили машину и, угрожая револьверами, приказали шоферам ехать в указанном ими направлении. Шофер т. Гребенюк отказался вести машину и был сейчас же застрелен. Помощник шофера т. Голенков, раненный белогвардейцами, все же нашел в себе силы, чтобы испортить машину. Тогда Захарченко-Шульц и ее спутник бросили

автомобиль и опять скрылись в лес. Снова удалось обнаружить следы беглецов в районе станции Дретунь. Опять-таки при активном содействии крестьян удалось организовать облаву. Пытаясь пробраться через оцепление, шпионы-террористы вышли лесом на хлебопекарню Н-ского полка. Здесь их увидела жена краскома того же полка т. Ровнова. Опознав в них по приметам преследуемых шпионов, она стала призывать криком красноармейскую заставу. Захарченко-Шульц выстрелом ранила т. Ровнову в ногу. В перестрелке с нашим кавалерийским разъездом оба белогвардейца покончили счеты с жизнью. Вознесенский был убит на месте, Шульц умерла от ран через несколько часов.

Найденные при убитых террористах вещи подвели итог всему. При них, кроме оружия и запаса патронов, оказались гранаты системы „Леман“ (на подводе, которую террористы бросили во время преследования за Дорогобужем, найдены тоже в большом количестве взрывчатые вещества, тождественные с обнаруженными на М. Лубянке), подложные паспорта, в которых мы с первого же взгляда узнали продукцию финской разведки, финские деньги и, наконец, царские золотые монеты, на которые, видимо, весьма рассчитывали беглецы, но которые отказались принимать советские крестьяне.

У убитого Опперпута был обнаружен дневник с его собственноручным описанием подготовки покушения на М. Лубянке и ряд других записей, ценных для дальнейшего расследования ОГПУ».

* * *

Три года спустя, ставший невозвращенцем, резидент ИНО ОГПУ в Турции Г. С. Агабеков рассказал эмиграции о покушении на Малой Лубянке. Прибыв в Москву с докладом начальнику ИНО ОГПУ Трилиссеру, Агабеков беседовал в гостинице «Селект» с приятелем Григорием Федулеевым, агентом КРО.

— Кто, по-твоему, всю белогвардейщину держит в руках? — интригующе спросил Федулеев. — А ты знаешь, что позавчера мы чуть не погибли от своей собственной работы?

Агабеков смотрел на него с недоумением. Федулеев продолжал:

— Приехали сюда из-за границы три человека для связи со здешними контрреволюционерами. Из них, конечно, один наш. Все было предусмотрено. Мы подготовили фиктивных руководителей организации, конспиративные квартиры, явки и

прочее, и вдруг крах! Приехавшие заграничные делегаты скрылись, и вместе с ними пропал наш агент. Вот уже два дня ищем их по Москве. Как сквозь землю провалились. А вчера ночью случайно обнаружилось в общежитии сотрудников ГПУ, на Малой Лубянке, что весь пол у входа залит керосином, а в углу стоят два бидона и ящик динамита. Там же нашли подожженный, но потухший шнур. Видимо, все было подготовлено для взрыва, но фитиль потух раньше времени.

— Кто же мог это проделать? — спросил Агабеков.

— По-видимому, это работа нашего агента и тех двух приезжих. Только наш агент и знал этот дом. Там мы с ним встречались. Одно из двух: либо он проболтался, либо изменил нам.

— А вы их фамилии знаете? Может быть, их можно найти по фамилиям в гостиницах?

— Ну что фамилии! Наш агент носил фамилию Опперпут. Но у него была куча других документов, которыми мы же его снабжали для завлечения белых.

На следующий день в ИНО ОГПУ поступил из КРО циркуляр, гласивший:

> «Всем сотрудникам ОГПУ.
>
> Означенных на фотографиях лиц предлагается, при встрече, арестовать и доставить в комендатуру ОГПУ. Указанные лица являются белогвардейцами, проникшими в СССР с целью совершения террористических актов. Приметы: первый — высокого роста, худощавый, ходит в кепке, на руке носит непромокаемый плащ. Второй — маленького роста, в кожаной тужурке, сапоги со шнурками.
>
> Приложение: две фотокарточки.
>
> Начальник КРО Артузов».

* * *

В 1928 году Н. Кичкасов в небольшой книжке «Белогвардейский террор против СССР» по-иному рассказал о судьбе Марии Захарченко и Юрия Петерса.

16 июня 1927 года по дороге Ельшино — Смоленск через Яновский спирто-водочный завод проходил неизвестный. Милиционер Лукин потребовал от неизвестного предъявить удостоверение личности, сказав, что проход через завод запрещен. Неизвестный выхватил браунинг, ранил Лукина и

продолжал свой путь. ОГПУ организовало преследование. В десяти километрах от Смоленска неизвестный был застигнут и убит в перестрелке. При нем, кроме огнестрельного оружия, были обнаружены английская граната, топографическая карта и дневник: «Убитый оказался Петерсом, он же Вознесенский — одним из двух террористов московской группы».

18 июня автомобиль штаба Белорусского военного округа, возвращавшийся из Витебска в Смоленск, около местечка Рудня был остановлен неизвестной вооруженной женщиной. Шоферу Гребенюку и его помощнику Голенкину женщина приказала повернуть машину обратно и отвезти ее в Витебск. Гребенюк отказался выполнить ее требование и был убит, а Голенкин ранен. Бежавшую дальше неизвестную облава настигла около станции Дретунь. При попытке прорваться из оцепления, неизвестная, ранив в ногу жену краскома Н-ского полка Ровнову, была убита в перестрелке с красноармейцами.

«Убитая оказалась М. В. Захарченко-Шульц, другим членом московской группы. При ней оказались, кроме револьверов с большим количеством патронов, английские гранаты, подложные паспорта, финские деньги, царские золотые монеты, карты Карельского перешейка и западной границы СССР».

* * *

В 1962 году в Москве вышла в свет небольшая книжка Ф. Фомина «Записки старого чекиста». В главе «Из воспоминаний о В. Р. Менжинском» Фомин писал:

«В июне 1927 года двум диверсантам удалось бросить бомбу в общежитие работников ОГПУ, которая, к счастью, не принесла большого вреда, и скрыться».

Далее Фомин повторил вкратце уже известный рассказ Кичкасова. В обоих произведениях чекистов места Опперпуту не нашлось. О судьбе его знают лишь архивы КГБ: возможно, пуля Марии Захарченко уложила Опперпута после неудачи взрыва на Малой Лубянке; возможно, вместе с другими старыми чекистами — Артузовым, Пилляром, Пузицким — он погиб в годы сталинских чисток.

* * *

Ни Ягода, ни Кичкасов, ни Фомин не сказали всей правды. Несомненно, беглецам удалось благополучно вырваться из

Москвы. Их следы чекисты сперва обнаружили в Дорогобуже. Где возможно, Захарченко и Петерс ехали на крестьянских подводах. Потому они так быстро добрались до Смоленска и Рудни. На Яновском заводе Опперпута не было. Вопреки Кичкасову, беглецы шли вместе, а не порознь. Нападение на военный автомобиль совершили беглецы вдвоем, что подтверждает Ягода. После убийства шофера Гребенюка его помощник Голенкин подчинился беглецам и вывез их к станции Дретунь, отстоящей от Рудни по железной дороге в 207 километрах. Беглецы проделали большую часть пути. До спасительной польской границы неподалеку от Полоцка оставалось только десятка три километров.

Пробираясь по лесу, Захарченко и Петерс вышли в места где находились лагеря и полигоны Красной армии. Попали в оцепление. Положение стало безвыходным. Но живыми в руки чекистов не дались. Очевидец Репин, служивший тогда в Н-ском полку, свидетельствовал:

«В интервале между двумя мишенями, стоят рядом мужчина и женщина, в руках у них по револьверу. Они поднимают револьверы кверху. Женщина, обращаясь к нам, кричит: „За Россию!“ и стреляет себе в висок. Мужчина также стреляет, но в рот. Оба падают».

Так трагично кончился поход в «осиное гнездо». Да и было это гнездо всего лишь общежитием мелкой чекистской сошки. Опперпут, знавший частные квартиры главарей ОГПУ, не направил бомб Захарченко против Менжинского, Артузова, Стырне, Пузицкого и других виднейших чекистов. Эти адреса Опперпут предусмотрительно не включил в список, посланный Кутепову вместе с боевыми диспозициями.

Взрыв на Мойке

Белой июньской ночью Ларионов, Мономахов и Соловьев перешли вброд пограничную речку Сестру. Проводник, много раз бывавший на советской стороне, повел тройку по густому болотистому лесу. Осторожно пересекали дороги. Шли по крутым оврагам и в такой густой чаще, куда не подумал бы забрести советский пограничник. Натыкаясь на людей, прятались в кустах, отдыхали и опять шли.

Проводник ошибся и вывел тройку не к озеру Разлив, как предполагалось. Днем он расстался с тройкой и вернулся в Финляндию. Ларионов, уроженец Петербурга, осмотрелся вокруг и убедился, что проводник дал маху на добрый десяток верст. Изменив направление, усталые, шедшие почти сутки, боевики добрались до леса и устроились на ночлег. Ночью шел дождь, они насквозь промокли, но спали как убитые.

На следующее утро сушили одежду, чистили револьверы от налета свежей ржавчины. Осмотревшись, вышли на шоссе. Кругом мирная жизнь. Стадо коров. Люди с портфелями и сумками, идущие на станцию Левашове. Когда-то шестнадцатилетним юношей ходил Ларионов по этим местам. Знакома и станция. Выйдя на платформу, боевики убедились, что ни одеждой, ни своим видом они не отличались от многочисленной толпы пассажиров.

Купив хлеба, колбасы и кваса и проводив уходивший поезд, тройка направилась к окраине Левашова, к знакомому Ларионову лесочку. В двух километрах от станции они устроили свою базу — исходный пункт для предстоявших действий. После короткого отдыха Ларионов и Мономахов выехали поездом в Ленинград на разведку. Соловьев остался в лесу с тяжелыми бомбами.

На вокзале Ларионов и Мономахов с трепетом, но благополучно прошли мимо дежурного чекиста. С вокзала на извозчике доехали до центра города. Вошли в Александровский сад, купили несколько газет. Было три часа дня 2 июня. Из объявления в «Красной газете» узнали, что в пятницу, в 8 часов 30 минут, в Центральном партклубе назначено собрание по переподготовке сельских пропагандистов, с вызовом товарищей Пельше, Ямпольского, Раппопорта и других.

В списке учреждений, составленном Опперпутом по Ленинграду, партклуб значился на третьем месте после Северо-Западного областного и Ленинградского комитетов ВКП(б). Учитывая трудности проникновения в Смольный, Ларионов остановил свой выбор на партклубе. Подошли к дому № 59 на

набережной Мойки и разведали подступы к нему. Мигом созрел план: в тот же вечер взорвать клуб, бросить бомбы и быстро вернуться на границу, где проводник обещал ожидать их до полуночи на условленном перекрестке дорог.

Ларионов и Мономахов поспешили в Левашовский лес. Наскоро перекусив купленным в Ленинграде съестным, стали готовиться к боевой вылазке. План: в 7 часов 25 минут поездом в Ленинград, прибытие на вокзал — 8 часов 10 минут; в 8 часов 50 минут — вторжение в партклуб, в 9 часов 40 минут выезд из Ленинграда в Левашово и поход обратно. План был рассчитан на быстроту и внезапность.

Боевики несли на себе ручные гранаты, маузеры и браунинги. На случай неудачи — у каждого по дозе цианистого калия. Кроме того, у Ларионова в карманах флакончики с газом. План сорвался в самом начале — боевики опоздали на поезд. Пришлось отложить вылазку до понедельника.

6 июня тройка ровно в 8 часов 50 минут вечера появилась у дверей Центрального партклуба. Назвавшись приезжими коммунистами и предъявив не очень убедительные партийные билеты, расписались в книге посетителей у сотрудницы клуба Брекс. Вошли в зал, где должно было состояться повторное собрание по переподготовке сельских пропагандистов. В зале вокруг стола сидели семь человек, из них две женщины. И Ларионов отменил акт: «Их слишком мало. Не по воробьям стрелять из пушек».

Спустились вниз по лестнице, прошли мимо контроля, сказав Брекс, что не туда попали. На ночлег вернулись в Левашовский лес.

В 8 часов 45 минут 7 июня тройка вновь появилась в партклубе. Расписались у той же Брекс, на их счастье к тому же отвлеченной разговором с неким посетителем. В этот вечер был намечен удар по другой группе партийцев. По объявлению в газете боевики узнали о собрании философской секции Научно-исследовательского института, под председательством Позерна, ректора Ленинградского коммунистического университета. Доклад на тему «Американский неореализм» должен был читать Ширвиндт. На собрание явились преподаватели Зиновьевского университета, слушатели Института красной профессуры, партийцы и беспартийные.

Тройка поднялась на второй этаж. У встретившей их в коридоре женщины Ларионов спросил, вежливо расшаркавшись:

— Доклад товарища Ширвиндта?

— Дверь направо.

— Очень благодарен, товарищ.

Ларионов распахнул тяжелую дубовую дверь. Вошли. Сжимая в руке газовый баллончик, Ларионов тихо произнес: «Можно».

Мономахов и Соловьев сняли предохранители с гранат, спрятанных в портфелях. Соловьев швырнул в заседавших гранату. Ларионов открыл дверь для отступления. Граната не взорвалась — отсырел стопик в коленчатой трубке. Ларионов бросил в коридоре газовый баллончик, и в этот же миг раздался оглушительный взрыв. То взорвалась граната Мономахова. Посыпались разбитые стекла, раздались отчаянные крики, слышался топот бежавших в панике людей. Были ранены 26 человек, из них 14 — тяжело.

Тройка быстро сбежала по лестнице. В вестибюле Брекс встревоженно спросила:

— Товарищи, что случилось?

— Взорвалась адская машина, бегите в милицию и в ГПУ, и живо! — крикнул ей Ларионов.

Воспользовавшись суматохой, Ларионов со спутниками сели на извозчика и укатили на Финляндский вокзал.

В 9 часов 40 минут от вокзала отошел поезд на Белоостров. На станции Левашово тройка вышла из поезда. Около 11 часов вечера они выбрались на Выборгское шоссе и быстро зашагали к границе. К полуночи достигли Черной речки. Обходя лесом деревню, тройка напоролась на патруль пограничников, открывших по ним огонь из револьверов. Два часа бежали они по лесу. Утром нашли в чаще глубокую яму и залегли в ней. Шестнадцать часов пролежали в этой яме. К вечеру кончился дождь, небо прояснилось. Пользуясь плохеньким компасом, двинулись на север. Несколько раз пересекали тропы, пробитые патрулями пограничников. Около 2 часов утра 9 июня донесся до них глухой шум реки. Вышли на берег. Высоко подняв маузеры, переправились через реку Сестру. На берегу перед ними высился красный пограничный столб с гербом Финляндии.

Показательный суд над террористами

Успешный поход тройки Ларионова воодушевил Кутепова и его боевиков. Двинулись в СССР и другие группки. После взрыва на Мойке советские власти значительно усилили охрану границы на Карельском перешейке. Кратчайший путь из Финляндии в СССР стал слишком опасен. Пришлось искать обходные пути на восточной границе Финляндии, к северу от Ладожского озера.

После гибели Марии Захарченко Кутепов назначил ее мужа Георгия Радковича руководителем боевой организации. Под руководством Радковича были подготовлены две группки террористов.

В первой были Александр Борисович Болмасов и Александр Александрович Сольский. Болмасов, капитан артиллерии, участник Гражданской войны на стороне белых, впервые тайно побывал в СССР в 1923 году. Восемь раз он ходил в СССР и благополучно возвращался в Финляндию. Сольский, молодой человек, в 1925 году окончивший русскую гимназию в Перкиярви, шел в СССР впервые. Во второй группке были Александр Александрович Шорин и Сергей Владимирович Соловьев, участник взрыва на Мойке. Обе группки были снабжены сильными бомбами, у каждого боевика было по два револьвера и яды для самоотравления в случае провала.

14 августа 1927 года обе группки выехали поездом из Гельсингфорса. Доехав до станции Леппясюрья, боевики пересели в автомашину. Ехали вдоль границы в северо-восточном направлении до места в лесу, где их ожидали финские проводники. Благополучно миновали границу, расстались с проводниками и вышли к небольшому Гобозеру.

20 августа Шорин и Соловьев двинулись на юг. На следующий день за ними последовали Болмасов и Сольский. В редко населенной глуши Карелии каждый чужой человек невольно привлекает к себе внимание местных жителей, и боевики не составили исключения. 21 августа, недалеко от села Шуя, Шорин и Соловьев наткнулись на лесника А. Ведешкина, пытавшегося их задержать. Боевики пустили в ход оружие и убили лесника. Встревоженные власти приступили к поискам.

22 августа той же дорогой шли Болмасов и Сольский. Своей одеждой они были сходны с убийцами лесника. Попав в засаду, они были внезапно схвачены красноармейцами и не успели оказать сопротивление.

В 5 часов утра 26 августа Шорин и Соловьев вышли на берег Онежского озера у местечка Пески, в шести верстах от

Петрозаводска. Пришельцев обнаружила красноармейская охрана. В завязавшейся перестрелке оба боевика были убиты, трое красноармейцев ранены.

Почти одновременно из Латвии в СССР отправилась группа боевиков Кутепова. В Риге представителем великого князя Николая Николаевича был князь Ливен, сотрудничавший с латвийской разведкой. По поручению Кутепова Ливен подбирал людей, годных для подпольной работы. В Латвии боевиков было совсем немного, в делах Кутепова это направление было второстепенным.

В латвийской группке было три человека. Возглавлял ее мичман царского флота Николай Павлович Строевой. Начиная с 1925 года, Строевой четыре раза удачно ходил в СССР. Второй участник, Василий Александрович Самойлов, родом из крестьян Псковской губернии, был фельдфебелем в белой армии генерала Юденича. Он дважды ходил в СССР. Оба состояли в монархических организациях. Строевой не раз бывал в Париже, встречался с Кутеповым и полковником Александровым[25]. От них он получал указания, что и как делать. В июле Строевой опять побывал в Париже и получил задание на очередную вылазку в СССР.

К Строевому и Самойлову присоединился молодой, монархически настроенный человек, Александр фон Адеркас. После перехода границы, недалеко от города Острова, тройка была схвачена агентами ОГПУ.

В сентябре 1927 года советские власти устроили показательный процесс плененных боевиков Кутепова. Допрошенные с применением всех имевшихся у ОГПУ средств, арестованные показали, что они — сторонники великого князя Николая Николаевича. Болмасов и Сольский признались в своей связи с финским генеральным штабом и в принадлежности к боевой группе, организованной в марте на совещании на даче в Териоках. В этом совещании принимали участие приехавший из Парижа Кутепов и прибывший из Ревеля британский капитан Росс.

Болмасов показал, что оружие и бомбы боевики получили от капитана Розенстрема, начальника разведки 2-й финской дивизии. Болмасову и Сольскому предстоял террористический акт в Киеве, Шорину и Соловьеву надлежало метать бомбы в Ленинграде.

У Строевого и Самойлова бомб не было. Не было и прямых доказательств, что они намеревались совершить террористический акт. У них было только личное огнестрельное оружие:

«…припертые к стене, подсудимые принуждены были в конце концов признать террористическую цель своего перехода границы… Вооружение, найденное при аресте Строевого и Самойлова, — револьверы — дало им возможность утверждать, что они имели в виду индивидуальные акты — убийства отдельных ответственных работников. Суду пришлось признать эту версию, хотя нет объективной уверенности в том, что хотя бы Строевой, при его большом опыте в конспирации и регулярных переходах границы, не имел по сю сторону границы необходимого количества взрывчатых веществ».

Третий участник латвийской группы фон Адеркас, по мнению суда, в террористические намерения Строевого и Самойлова посвящен не был. Он отправился в СССР для налаживания монархической организации и сбора шпионских сведений.

Рассказывая о своих февральских беседах с полковником Александровым, Строевой на заседании суда 21 сентября так отозвался о терроре:

«Считаю эти акты, направленные против отдельных лиц, не достигающими цели и даже, наоборот, вредящими потому, что каждое террористическое действие вызывает известные репрессии властей, и эти репрессии плохо влияют на население. Следовательно, террористические акты терроризируют не власть, а население, т. е. результат получается обратный тому, какого мы хотим, так как мы хотим настроить население против власти, а население будет настраиваться против нас».

И якобы только под влиянием доводов Александрова о близости войны между СССР и Англией Строевой склонился к мысли о пользе террора.

24 сентября Военная коллегия Верховного Суда СССР, заседавшая в Ленинграде, вынесла приговор по делу пятерых:

> «Принимая во внимание, что за последнее время усилились попытки террористических актов и что необходимо решительными мерами пресечь террор и диверсионные акты и обеспечить от них трудящихся Союза, а также ввиду того, что обвиняемые Болмасов, Сольский, Строевой и Самойлов являются активными деятелями монархических организаций, приговорила: Болмасова, Сольского, Строевого и Самойлова расстрелять. Адеркаса лишить свободы на 10 лет, со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Уже во время процесса, 21 сентября, еще трое неизвестных пытались перейти советско-финскую границу. По сообщению

ОГПУ, они оказали пограничникам вооруженное сопротивление. Двое из них были убиты, третьему удалось бежать обратно в Финляндию. В одном из убитых подсудимый Сольский опознал проводника, переводившего его и Болмасова через границу.

Для немногочисленной организации Кутепова эти потери были весьма чувствительными. Террор явно не удавался. Власть доказывала свое превосходство над белыми террористами.

А белая эмиграция прославляла смельчаков, погибавших в неравной борьбе. И звала других на подвиги и заклание.

Конец Радковича

8 сентября 1927 года в отверстие для писем в магазине, до прихода служащих было опущено письмо, адресованное: «Господину Н. Н., Гельсингфорс, Фридриховская, 19».

В конверте краткая записка:

«М. Г. За ненахождением адресата препровождается письмо с просьбой препроводить его Георгию Николаевичу Звереву, мужу Марии Владиславовны Захарченко-Шульц».

«сентября 1927 г.».

Неизвестный отправитель возвращал Радкодичу три его письма. Первое наружное письмо было открытым:

«Виктор Станиславович! [26] *Посылаю Вам это письмо при помощи случайно подвернувшейся оказии, ибо не хотел бы вверять его почте здесь. Вы полностью поймете меня, если вспомните способ, которым пользовались Рабинович* [27] *, Ринг* [28] *, и другие их товарищи. Прошу Вас еще раз крайне внимательно отнестись к предлагаемому мною делу. Я много и долго думал, прежде чем решиться на столь непривычную для меня коммерческую операцию. Всякие сомнения сейчас откинуты, решение мое бесповоротно, и от него я не отступлюсь. Мне кажется, что моя коммерческая солидность не позволяет Вам усомниться в моих возможностях и явится достаточной гарантией того, что я не кидаю слова на ветер. Должен также Вам рекомендовать не медлить с ответом, ибо благоприятный сезон проходит, а конец его может дать нам весьма обильную жатву… До сих пор я считаю, что удерживаю еще за собой все возможности стать монополистом дела в европейском масштабе. Между тем, отсутствие детально обоснованного соглашения ставит меня в весьма трудные условия. С большим риском для своей репутации я принимаю некоторые меры и сейчас уже, дабы задержать назревающие невыгодные сделки, но отсутствие договоренности сильно препятствует этому и вынуждает меня для сохранения престижа послать и участвовать в приносимых нам убытках. Итак, остаюсь в ожидании ответа неизменно преданный Вам Г. Зверев».*

Внутреннее письмо, написанное симпатическими чернилами: [29]

«Виктор Станиславович!

Полагаю, что настоящее письмо поразит Вас и может показаться поначалу невероятным. Не поддавайтесь, однако, первому впечатлению. Убедительно прошу Вас вдуматься внимательно во все нижесказанное и взвесьте все за и против, прежде чем ответить мне.

Обращаюсь… к Вам… с Вами мог по словам Опперпута… знакомы лично, да и этика данная… ОППЕРПУТ… обнаруживает в Вас, как более подходящего для моего предложения человека…

…Причина написания настоящего письма является моя уверенность в неправильности сообщения о смерти моей жены М. В. Считаю почти излишним распространяться о сущности наших с ней отношений. Я не сомневаюсь, что об этом Вы осведомлены полностью, могу только заверить Вас, что она для меня превыше всего, нет на свете никого, кроме нее, для кого я пошел бы абсолютно на все, да и не было никогда. Жизнь М. В. нужна мне, ее прошу у Вас и за нее готов отдать все, что бы Вы ни потребовали. Над вопросом этим я думал долго и пришел к этому созна…. всегда. ***Решение мое бесповоротно*** *. Я требую пока жизнь М. В., а далее надеюсь заработать и право совместной жизни с нею.*

Что же я могу предложить Вам взамен? Мне кажется, это будет то, что Вам сейчас крайне нужно, чего нет у Вас и не может быть помимо меня — именно террористической легенды.

Я не буду вдаваться в рассмотрение вопроса, кем был здесь ОППЕРПУТ — меня это не интересует и не касается. Но кем бы он ни был, действия его во всяком случае причинили ГПУ серьезный вред. Даже и недоговаривая, он принужден был наговорить много лишнего, ибо говорить одну неправду он не мог. Завеса над системой работы ГПУ приподнялась благодаря этому очень основательно. Легенды характера, сдерживающих страсти абсолютно более невозможны, им никто за границей более не поверит и на них не пойдет.

Официальной гибелью группы М. В. никого не устрашили, успех же других, наоборот, разжег горячие головы, а их за границей много, созданная Вами международная обстановка способствует их деятельности…

…Вы запутали лимитрофные штабы и тем временно связали им руки. Незапутанных Вы надеетесь застращать. Если мера эта и даст результаты, то лишь временные, да и то далеко не полные.

Главного Вашего врага[30], несмотря на все усилия. Вы связать не сумели и с этим, мне кажется, не считаться нельзя… Что дело обстоит далеко не блестяще, Вы понимаете и сами.

Настоящим я предлагаю Вам за жизнь М. В. по мере моих возможностей исправить его. Я не буду изливаться в любви к советскому строю — это было бы глупо, и этому Вы никогда не поверили бы. В конечную победу Вашу я не верю, но вижу, что гибель Ваша не так близка, как это казалось мне раньше. Захватом М. В. Вы разлучили меня с нею на долгие годы, если не навсегда. Такое положение для меня невыносимо и ценою любых….. я готов купить сейчас ее жизнь, а далее и право совместной жизни

с нею…

…в силу создавшейся обстановки я в данный момент единственный человек, могущий создать для Вас террористическую легенду, которая при Вашем руководстве и осторожности может иметь все данные для использования.

Пользуясь полным доверием…. и если захочу, смогу узнать о терподготовках против Вас в любой стране.

Благодаря чистоте моей…. я пользуюсь доверием молодежи и интимных кругов. Мое трехлетнее пребывание в России дает мне авторитет в деле борьбы с Вами, а пара „сметных“ актов легко может выдвинуть меня на пост руководителя всей тердеятельности против Вас (вернее, для Вас).

В последние дни стала намечаться и еще одна возможность, которая при надлежащей разработке и поддержке с Вашей стороны, может быть, поможет Вам через меня достигнуть того, к чему Вы безрезультатно стремились через „Трест“.

О……. это, конечно, детали и их пока обсуждать не время. Суммируя все вышесказанное, я считаю, что при умелой и небольшой доле доверия ко мне я смогу гарантировать Вам на долгое время отсутствие террористических актов вне Вашего направления и сделать не мало другого полезного Вам. Мне кажется, что мысли, не провоцирую ли я Вас в свою очередь, после всего вышесказанного, вряд ли у Вас возникнут, но все же считаю не лишним добавить, что я не так глуп, чтобы мнить себя достаточно умным и сильным для борьбы один на один против ГПУ. К сожалению, я в Вашей силе имел не раз случай убедиться.

Теперь необходимые детали дела. Для начала дела ставлю необходимым условием получение мною подтверждения от Вас жизни М. В. В это обстоятельство я поверю при условии предоставления мне собственноручного письма М. В. с ответом на прилагаемую здесь мою записку. Не мне учить Вас, как передать ее М. В.

Умоляю об одном, чтобы о измене моей она ничего не знала. Пусть думает, что переписывается со мною, сидящим тут же в тюрьме. Коль скоро такая записка будет у Вас в руках, организуйте сами, как считаете удобнее встречу с Вашими…. для переговоров.

Скажите мне время и место встречи, можно опустить письмо (белым) в ящик для писем на двери квартиры Швецова. Свидание, пожалуй, лучше всего назначить в театре, прислав билет.

Необходимым условием для того, чтобы я начал говорить с Вашим человеком, будет передача мне ***письма М. В.***

Пока, мне кажется, говорить больше не о чем.

Карпов-Пролетарский».

Записка, приложенная к письму Радковича:

«Милая дорогая моя КОСИНЬКА. Я не верю в Твою смерть, как о том сообщали. У меня нет внутреннего чувства разлуки с Тобою навсегда. Мне кажется, что мы сейчас очень близко друг от друга, хотя и не можем видеться. Делаю эту попытку снестись с Тобою. Ответь мне, когда и в каких городах мы с Тобою имели дело с экрезешкой, которую помнишь я так называл, и подпишись одним из наших любимых имен, которое Ты так мило коверкала через о. Письмо отдай тому, кто принесет Тебе эту записку. Я ему заплатил за это всем, что у меня было. Думаю, что сделает. Не падай духом, голубка моя, может быть еще и придется встретиться. Целую Тебя крепко, крепко. Любящий Тебя Твой Гога-Косинька».

Ответа от Марии не было… Искренняя или притворная, измена Радковича не состоялась. Неудачи 1927 года Кутепова не остановили. Летом 1928 года, в сотрудничестве с финским штабом, Кутепов возобновил отправку террористов в СССР. Ушел и Радкович мстить за гибель любимой женщины. В ночь на 4 июля он и Мономахов перешли советско-финскую границу. Не найдя в Москве чекистов, руководивших «Трестом», вечером 6 июля Радкович бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ. После взрыва Радкович и Мономахов бежали. Чекисты обнаружили их недалеко от Подольска. Радкович застрелился. Мономахов пропал без вести.

Охота на Бухарина

Кутепов послал Бубнова в СССР с заданием убить Н. И. Бухарина. Вернувшись в Финляндию, Бубнов отправил Кутепову в Париж подробный письменный отчет, составленный в Гельсингфорсе 1–5 июля 1928 года[31].

26 мая Бубнов встретился с Шестаковым[32], только что вернувшимся из Выборга в Гельсингфорс. Шестаков сообщил, что для похода в СССР все подготовлено. В течение двух следующих дней Бубнов снарядил шесть больших бомб и залил парафином двенадцать капсюлей для предохранения их от сырости. 29 мая утром Бубнов и его молодой спутник Могилевич[33] прибыли в Выборг. В ночь с 30 на 31 мая проводник, обошедшийся в четыре тысячи финских марок, повел их в СССР:

«Проводник был приличный, блуждали немного и к двум часам (14 час.) следующего дня были уже вблизи Парголовского шоссе, верстах в четырех от Парголова. Тут мы расстались с проводником… Беспрепятственно мы дошли до станции Парголово. В третьем Парголове встретили несколько агентов ГПУ, но они никакого внимания на нас не обратили. Не желая рисковать ехать поездом, я нанял извозчика и под видом инженера, ищущего дачу, проехал за три рубля до Озерков. Там сели на трамвай № 20 и прибыли без задержки в Ленинград около 8 часов вечера. Случайно успел купить в кассе последний билет до Москвы на скорый поезд 10 час. 30 мин. Другой билет перекупили у какой-то дамы и утром 1 — го июня были уже в Москве. Первым делом закупили толстовки, фуражки и приняли подходящий вид. Купили два брезентовых плаща для ночевок. Затем познакомил Могилевича с главнейшими улицами, попутно интересуясь охраной. Часов в 10 вечера, уставши, отправились на Савёловский вокзал и, отъехав верст 25 от Москвы на дачном поезде, заночевали в лесу… За все время с 1 по 22 июня мы четыре раза снимали комнаты, живя в среднем от 3 до 5 дней. На все это ушло около 120 рублей… Обычно я разыгрывал приехавшего из Киева инженера, устраивающегося на службу в Москве… Могилевича выдавал за двоюродного брата, приехавшего посмотреть на Москву и на днях уезжающего обратно в Киев. Большей частью сходило гладко, но на третий-четвертый день хозяева начинали приставать с ножом к горлу насчет прописки… Приходилось заявлять, что места получить не удалось и отбывать в Киев, т. е. в другой дачный район по другой ж. дороге. Из первых двух квартир пришлось выбраться поспешно тк. кк. Могилевич, когда его ловили без меня кто-либо из хозяев

или их родственников… пустился в разговоры и не мог толком соврать на их вопросы, сразу возбуждая этим подозрение… Под конец категорически запретил Могилевичу вообще с кем-либо разговаривать и на вопросы отвечать коротко и грубо — это тут принято и никого не удивит. Благодаря этому, несмотря на скверную погоду, нам удалось прожить в Москве 22 дня, отдыхая большую часть ночей под крышей, а все дни с утра до вечера проводя в городе за наблюдением и розысками.

…Вскоре я понял, что ни в одно из зданий, где происходят партийные собрания, даже нельзя думать попасть без партийного билета… Все это время я искал случая приобрести хоть какой-нибудь партбилет, но безрезультатно. Просто мне не повезло, потому что достать его все же можно, хотя и не легко. Способ, как это можно сделать, Вы, вероятно, угадываете… С собой обратно я привез восемь комплектов настоящих документов, добытых разными способами в разное время, партбилета все же не достал. День за днем проходили то в бесплодных скитаниях по улицам, то в попытках следить за отдельными зданиями и учреждениями, то в поисках комнаты для себя лично. Каждая ночь, проведенная в лесу под дождем, немедленно отзывалась на выносливости и здоровье. Несколько раз охрана, видимо, обращала внимание на наши назойливые аллюры, и приходилось сейчас же переносить наблюдение на другое место, начиная с начала. Да и какое наружное наблюдение можно производить только двумя лицами… Надо было осмотреть все, что представлялось возможным и, найдя слабые пункты, бить туда… К тому же первые две недели я не хотел разменяться на какую-нибудь мелочь и изыскивал только способ, как бы встретить Б. или кого-либо из крупных. Здание Дома союзов на Б. Дмитровке, где происходил суд над донецкими инженерами, охранялось чрезвычайными караулами от полка имени Дзержинского при ОГПУ. Торчать там поблизости, поджидая Крыленко (а он один только стоил, чтобы за ним поохотиться), было нельзя — сразу обращали внимание. Можно было наблюдать, замешавшись в толпу в Охотном ряду, но тогда не успел бы подойти ближе, чтобы бросить бомбу, тк. кк. на автомобиле они исчезали и приезжали моментально…

…При приезде в Москву М. Горького я пытался проникнуть на Белорусский вокзал, справедливо полагая найти кого-нибудь из заслуживающих внимания. Однако охрана была соответствующая. На перрон можно было попасть только по особым пропускам… А оказалось впоследствии, что Б. там был. Вот, если бы знал заранее…

Из телефонной книги узнал, что какой-то К. И. Б. живет на

Спиридоньевской № 26. Нужного нам Б.[34] зовут Н. И. Но тк. кк. дом № 26 — это дом ЦИК-а СССР, то я допустил, что могла быть опечатка в телефонной книге, или же это его брат, и он там бывает. Пытался следить, но систематически это оказалось невозможным — улица пустынная, дом стоит во дворе, охрана наружная и внутренняя… Ни разу его не видел, а если бы встретил, то дело бы сделал. Жалею еще, что не попросил Вас прислать мне компаньоном какого-либо взрослого человека, уже видавшего виды и знающего хоть немного Москву… Что касается Могилевича, то это безукоризненно храбрый и дисциплинированный мальчик, но это даже не минимум того, что требуется для нашего дела. Мне нужен помощник, а не подчиненный…

… 11-го июня тов. Луначарский читал лекцию в Экспериментальном театре „о новом человеке“. Билеты мы достали заранее и на лекции присутствовали. Сидели очень далеко, но можно было бы, подойдя ближе, бросить бомбу. Однако с первого же взгляда мне стало ясно, что при взрыве погибнет громадное количество людей, тк. кк. на лекции этого шута горохового ходит в большинстве интеллигенция и так называемая мелкобуржуазная среда, а каждая из моих бомб содержит около 270 мелких осколков. Не то, чтобы мне стало жаль публики, мягкостью я особой не отличаюсь, но боялся, что впечатление от такого акта получится как раз обратное тому, на которое мы рассчитывали. К тому же Толя слишком ничтожная величина, хотя и подлая. Будь это Б., Сталин или Менжинский — тогда другое дело… Стрелять из револьвера — было мало вероятности попасть издалека, да и помешали бы целиться, охрана торчала все же солидная… На следующий день продолжали розыски Б. В кое-какие учреждения (напр. редакции газет) можно даже заходить, но попадаете как раз в те помещения, куда он, конечно, не появляется… Все время приходится работать вслепую, и до тех пор, пока у нас не будет там осведомителей-наводчиков — это так и будет. Дело оказалось не так легко выполнимым, как я предполагал, нужна долгая, упорная и тщательная подготовка и гораздо больше людей…

…Видя безуспешность своих попыток в этом направлении, я решил предпринять что-либо другое… Оставалось действовать снаружи через окна. Три таких места были мною уже на всякий случай намечены. 15-го июня мы закончили все приготовления, произвели разведку… Объектом было, конечно, здание МОПР-а на Воронцовом поле, где живут иностранные коммунисты, бежавшие в СССР… Предполагалось использовать автомобиль (я нашел способ добыть такой без шума в любое время), дабы сразу

замести следы: я брал на себя заняться охраной, а Могилевич, вбежав во двор, должен был бросить все шесть бомб в разные окна одновременно, когда я начну стрелять сторожей…»

Покушение не состоялось: побывавшие под дождем в лесу капсюли, хотя и залитые парафином, не выдержали и отсырели.

В поисках Опперпута

«…Я продолжал поиски Б. до 20 июня, когда на Нижегородском вокзале носом к носу столкнулся с Лёней, о чем я Вам писал в первом письме. Как фамилия его, не знаю, но он часто торчал у Опп. и меня хорошо знал в лицо. Я немедленно замешался в толпу, прошел в уборную и, изменив наружность, убрался с вокзала… Могилевич обратил внимание, что на других вокзалах, где нам пришлось бывать, агенты ОГПУ стали более внимательно наблюдать и особенно за всеми, которые носили очки или пенсне. Я заключил, что меня ищут… Взвесив все обстоятельства, я пришел к выводу, что на этот раз дело сорвалось, и решил выбираться обратно. Но предварительно я попытался выяснить судьбу Опп. и создать несколько наводчиков-осведомителей. Первое удалось только отчасти, второе совершенно не удалось.

Исключительно для Вашею сведения

Относительно Опп. дело было так: перед отъездом из Москвы он передал через меня свою пишущую машинку на хранение моим родным. Там же остались вещи мои и Дикова[35]. Жена Опп., а также сестра Журавлева[36] М…я, знали их адрес. Теперь через лиц, близко стоящих к моим родным, мне удалось точно установить, что они за все время не были тронуты никем, на допрос не вызывались, и никто не справлялся у них о вещах (правда, относительно вещей я еще из Польши через тетку передал родным, чтобы они их ликвидировали). Вот эта-то забывчивость ГПУ, в то время как они всех других, причастных к Тресту, ликвидировали и повысылали, и наводит на размышления. Правда, что мои родные даже не отдавали себе отчета в том, как я попал в Москву и что я там делал, но это не резон для ГПУ, и если бы дело было чисто, то до моих родных все равно добрались бы. Вывод отсюда ясен — это сделано нарочно. Для нас, знакомых с методами ГПУ, это не составляет сомнения. Тут ловушка. Хотят создать впечатление, что Опп. погиб и поэтому за вещами не является. А я наверное скажу, что даже если бы это было так, то жену Опп. потянули бы к допросу и без всякого сомнения она назвала бы и моих, туда пошли бы с обыском и т. д. Кроме того, сестре Журавлева М. был дан адрес моих родных для получения писем от него. Сестра, попав в ГПУ, конечно, также выложила бы все, и если после этого моих не тронули, то это лишнее доказательство, что ГПУ нас считает за наивных младенцев, надеясь поймать меня или Ж., на эту

удочку… Я их собственный ученик, и уроки пошли впрок. Тут они перемудрили. Из всего этого я сделал обратный вывод, что Опп. жив, но больше узнать ничего не удалось.

Что касается попытки создать кадр осведомителей, то тут ничего не вышло: одно лицо из тех, на кого я рассчитывал, оказалось вне Москвы, а другой категорически отказался от какого-либо участия, и я не гарантирован, что он на меня не донес… Жаль, что у меня не было с собой адресов всех лиц, причастных к Тресту, моя записная книжка была увезена Журавлевым и, как вероятно, у Вас. Я несколько раз просил прислать ее, но так и не получил.

22 июня утром я достал еще 6 комплектов документов, истратив на это 80 рублей. Нанимал рабочих на фиктивные работы, давал большой задаток, чтобы успокоить подозрение, и взамен брал документы, с которыми и исчез.

…В Ленинград мы прибыли 23-го утром. Прошел на квартиру, где раньше жил Шатковский, но там оказались уже другие жильцы. Повертелся еще кое-где, но никого не видал. Собственно встречи я ни с кем и не желал, тк. кк. тут все сильно замараны и наверняка завербованы. Хотелось только установить, кто еще остался тут. В Детское Село ездить было совершенно лишнее, и поэтому к трем часам дня выехал на дачном поезде в Парголово. От Парголова верст восемь проехали на извозчике, изображая плотников, ищущих работы, потом пошли пешком сначала по дороге, затем по компасу в обход Сарженского озера и к утру 24-го были уже в верстах 6–7 от границы, где и провели день… Вечером 24-го двинулись дальше… Чуть не нарвались на патруль в 5 верстах от границы, но вовремя заметили и обошли. Было совсем светло, тк. кк. сейчас здесь белые ночи. В 3 часа утра вышли прямо на деревню Б. Каглелово. Обходить далеко было некогда и, обойдя крайние огороды справа, мы спустились с бугра, направляясь прямо к реке. Нас заметил какой-то мужик в тот момент, когда мы перелезали через забор. Времени раздумывать не было, и прямо в одежде мы бросились в реку, проплыли несколько шагов и благополучно выбрались на другую сторону. Тк. кк. 25 июня это Иван Купала, то купание было уместным, только, конечно, не в одежде… это была последняя неприятность во всей этой истории. Дальше все пошло хорошо. Сейчас я нахожусь на старой квартире и на старом положении. Могилевич уверен, что при переходах нам помогали за деньги частные контрабандисты. Сейчас он также вернулся к себе…

…107 рублей храню до следующего раза. Оружие все в сохранности и приведено в порядок. Документов осталось 7 комплектов (один пришлось подарить в благодарность за

содействие). Сапоги и одежда, довольно изрядное количество, но годное только для „тамошних“ мест, приводится в порядок и будет храниться у меня.

Четыре бомбы спрятаны около Москвы. Две вынес с собой обратно».

Размышления о белом терроре

Пребывание в Москве воочию убедило Бубнова в значительном усилении охраны партийных учреждений: всюду множество милиционеров, охрана внешняя и внутренняя. Кремль охраняется как крепость.

Взрыв на Мойке был для властей неожиданным, но ОГПУ сразу же сделало должные выводы:

«…мы давно знали, что в ГПУ сидят не дураки, а энергичные и умные люди, пусть прохвосты, но тем не менее знающие свое дело, умеющие и нападать, и защищаться. Даже без поездки в Москву заранее можно было знать, что после прошлогоднего покушения меры охраны ими приняты…

…Я далек от мысли признать невыполнимым проведение в жизнь белого террора, но, ознакомившись на месте с деталями и возможностями, я отдаю теперь себе ясный отчет, насколько трудно нам, при теперешнем положении вещей и при наших ограниченных возможностях, достигнуть положительных результатов, оправдывающих потери. Бросить бомбы в какое-либо собрание второсортных коммунистов, убить десяток, другой партийных марионеток… поджечь склад, взорвать мост — все это, хотя и трудно, но выполнимо и при теперешних наших возможностях… Такого рода акты могут быть полезны лишь тогда, когда они будут следовать непрерывной цепью один за другим, появляться в разных частях СССР, пробудят активность самого населения, ни на минуту не давая противнику покоя. Красивая мечта… на основании своего собственного опыта, а не из головы фантазии, я категорически утверждаю, что такого террора нам не провести — **не по силам** — и вот почему… Прежде всего, рассчитывать на массовое пробуждение активности в СССР нам не приходится. Хорошо мечтать о народном терроре, сидя за границей… а войдите в шкуру полуголодного, вечно борющегося за кусок хлеба забитого обывателя СССР, постоянно дрожащего перед гипнозом всемогущества ГПУ, с психологией, что сильнее кошки зверя нет… Общий вывод: помощи оттуда, пробуждения активности и самостоятельности самого населения нам ждать не приходится… надо рассчитывать на свои собственные средства. А это значит, что для каждого такого маленького акта, путем напряжения всех наших ресурсов, мы должны перевозить, перекидывать через границу, инструктировать, снабжать деньгами, оружием, техническими средствами, документами и т. д. минимум двух лиц, т. е. при расчете на многочисленность актов (а иначе овчинка не стоит

выделки) — **десятки лиц**. Вряд ли нам это будет под силу… Даже если отбросить в сторону финансовую сторону дела, то останется еще более важное дело — вопрос кадров. Желающих много, но подходят далеко не все. Людей, ни разу не бывавших там и не знакомых с условиями жизни, посылать прямо на террор — слишком рискованно, большинство погибнет, не дойдя до цели. Нельзя базироваться на петроградском взрыве — это был первый неожиданный для большевиков акт. Условия тогда были другие… Значит, надо всех этих лиц сначала подготовить… Предположим, что и этот вопрос так или иначе разрешился. В первую минуту, при совершении мелкого акта, риск, конечно, будет значительно меньше, чем при покушении на какое-либо крупное лицо, где 100 процентов за гибель покушающегося. Но все же риск будет… ведь после акта людям, совершившим его, надлежит выбраться за границу из центра России. Они попадают в положение затравленного зверя. Против них будут все силы ГПУ, компартии, комсомола и Красной армии… На границах опять выложат цепи солдат и этим прервут возможность дальнейших посылок. При одиночном терр. акте выскочить трудно, а при нескольких, разновременно произведенных, это станет и совсем невозможным, тк. кк. люди, спасающиеся в какой-либо район после взрыва, рискуют попасть как раз туда, где другая группа готовит свой взрыв. Итак, почти гарантировано, что при такой системе почти все люди, идущие туда, обратно не вернутся. Кадры надо все время пополнять и начинать всякий раз с азбуки. Опытных людей в запасе не будет. Каждый из выразивших желание итти на террор, сознает, на что идет и к смерти готов, но весь вопрос в том, целесообразна ли будет их гибель, принесет ли она пользу делу освобождения Родины… Раньше я верил в осуществление такого **систематического** террора, теперь ясно вижу, что это невыполнимо, и на вопрос отвечу — **„нет, не целесообразно“**. Разве стоит губить нужных людей для дела, которое, как видно заранее, не даст желаемых результатов… Одиночными мелкими взрывами, поджогами и т. д. немногочисленными, и еще вопрос, всегда ли удачными, мы ГПУ не устрашим, общественное мнение взволнуем, но к активности вряд ли кого вызовем. Вернее, ответный террор ГПУ придавит всякое проявление этой активности. Если бы мелкий террор шел снизу, от всей массы населения, тогда он был бы грозным для коммунистов, но ведь трагедия в том, что на это даже рассчитывать сейчас нельзя… Мое мнение, что такая игра не стоит свеч. **Мы эту игру не в силах провести в таком масштабе, когда она станет опасной для сов. власти**, и результаты не оправдают потерь… Обращаю Ваше внимание еще на одну деталь:

именно по этому руслу и пыталось **отвести** наш террор ГПУ. Вспомните Опп. и его пинкертоновские проекты с публикациями в газетах и т. д. Лет 5–6 тому назад это было бы своевременно и опасно для них, но теперь обстановка не та, и эти господа знали, на что нас толкали, рассчитывая при нашей неопытности нажить политический капиталец, свалить на нас свои хозяйственные неудачи и вдобавок выловить и истребить всех наших активнейших людей. Вы их тогда сразу раскусили, и дело Опп. сорвалось. Я тогда был еще младенцем в этих вопросах и собственно только тогда еще начинал разбираться в обстановке. Дикова же, поддерживаемая тогда Опп., находилась в невменяемом состоянии, да вряд ли толком сама отдавала себе отчет в положении.

Из разговора с Шестаковым мне показалось, что он, как будто, был сторонником именно этой системы. Тут, конечно, играет роль знаменитое к нему письмо Конева[37], где тот как раз и предлагает такой легкий систематический террор, а перед памятью Конева Шест, благоговеет. Странно, что такой опытный работник, как Шест., совершенно упустил из вида то, что это письмо было написано много лет тому назад, когда все это было своевременно и опасно для коммунистов. Теперь же обстановка изменилась, и к ней надо приспосабливаться. Не знаю, как смотрит Ш. на этот вопрос сейчас, но почти все, что пишу Вам здесь, я высказал и ему…

…если рисковать жизнью, то со всех точек зрения выгоднее пытаться убрать кого-либо из важных и значительных „вождей“. Удачный акт такого рода выведет из их рядов активную, крупную величину, устрашит остальных, произведет несомненно более крупное впечатление, как внутри, так и за границей, не требует такого большого количества жертв с нашей стороны и вполне оправдает потери…

…Не надо закрывать глаза и на трудности. 15 дней, потраченных мною бесплодно на розыски Б., или кого-либо из крупных, являются этому доказательством… Главное, что требуется создать, — это наводчиков-осведомителей в самом СССР, тк. кк. своими средствами, путем наружного наблюдения, достигнуть успеха слишком трудно и рискованно. Можно провалиться без пользы. Затем нужна другая конструкция бомб — для взрыва на удар.

Из кого и как вербовать наводчиков — это вопрос сложный и подлежит разработке. Самое простое — это привлечь за границей новых надежных людей, еще неизвестных ГПУ, имеющих в России подходящих родственников, и с соблюдением всей осторожности перекинуть их на время туда, дать им возможность столковаться,

выяснить возможности и установить связь. По получении нужных сведений от наводчиков, перебрасывать двухтрех метателей с бомбами, направляя их на указанный след. Объектом выбирать только крупных „вождей“, или же собрания, на которых бывают видные коммунисты. Вариаций такой схемы может быть бесконечное число. Главные условия: ячейковая система организации, объединенная лицом, находящимся за границей, и твердость лиц, идущих туда, дабы они ни в коем случае не сдавались живыми».

Больше актов белого террора в СССР не было. Но и после всех неудач и напрасных жертв идея террора не умирала в эмиграции и дожила до середины тридцатых годов.

Второй «Трест»

Кутепов тяжело переживал неудачи и гибель верных делу людей. После саморазоблачения «Треста» эмигранты начали терять веру в возможность успешной борьбы с коммунизмом. Иссякали и без того небольшие средства, бывшие в распоряжении Кутепова. Уже в 1927 году он помышлял о поступлении рабочим в столярную мастерскую.

В декабре того же 1927 года в Москве состоялся XV съезд ВКП(б), вынесший решение о коллективизации сельского хозяйства. Наметился решительный перелом от ленинского нэпа к сталинскому строительству социализма в одной стране. Насильственная коллективизация, ставшая сплошной во второй половине 1929 года, вызвала отчаянный и ожесточенный отпор многомиллионного крестьянства. В деревне кипела неравная борьба безоружного крестьянства с карательными отрядами ОГПУ.

События в России взволновали эмиграцию и подогрели активистские настроения в ее организациях. Борьба с коммунизмом, всегда почитавшаяся у активистов священной, на сей раз особенно оправдывалась новыми страданиями народа.

Наряду с РОВСом, крупнейшей организацией умеренного, непредрешенчески-монархического толка, действовала демократическая группа, объединившаяся вокруг журнала «Борьба за Россию». Возглавлял эту группу бывший народный социалист Сергей Петрович Мельгунов, автор ценных исторических трудов о русской революции.

Прямого отношения к работе кутеповской организации группа Мельгунова не имела. Но от начальника канцелярии Кутепова, князя С. Е. Трубецкого, Мельгунов получал информацию о России и через людей Кутепова переправлял в Россию небольшое количество экземпляров журнала «Борьба за Россию».

В июне 1928 года к Мельгунову пришел знакомый по Петербургу адвокат Н. Он рассказал, что прибывший из России человек хотел бы встретиться с Мельгуновым. Посредником, устраивавшим встречу, был генерал Павел Павлович Дьяконов, бывший русский военный атташе в Лондоне, официально принадлежавший к течению монархистов-легитимистов. Мельгунов согласился, и вместе с единомышленником, Петром Яковлевичем Рыссом, в назначенный день приехал на квартиру Дьяконова.

Гостем из России оказался бывший царский военный юрист,

полковник Александр Николаевич Попов. Он поведал Мельгунову, что в России существует подпольная организация. За границей эту организацию представляет генерал Дьяконов. Организация хотела бы расширить свои связи с эмигрантскими политическими кругами, особенно с журналом «Борьба за Россию», платформа которого ей кажется наиболее подходящей для современного положения в России. Кроме того, Попов настоятельно просил Мельгунова устроить ему свидание с Кутеповым.

Согласившись на встречу с Поповым, Кутепов отклонил какое бы то ни было посредничество со стороны Дьяконова, которому он не доверял. Беседа Кутепова с Поповым состоялась в ресторане в присутствии близкого к Мельгунову общественного деятеля Михаила Михайловича Федорова.

С Поповым Мельгунов договорился об адресах, по которым следовало отправлять в Россию антикоммунистическую литературу. В дальнейшем у Мельгунова завязалась переписка с «Кузьмой» — Поповым. Письма от «Кузьмы», посылавшиеся на разные адреса в Париже, приходили из Москвы аккуратно. Мельгунов считал, что советская цензура не могла не обратить внимания на эту странную переписку. Не удовлетворяли его и адреса с явно вымышленными фамилиями, которым нужно было посылать журнал «Борьба за Россию». Между тем сведения от «Кузьмы» подчас бывали интересными и важными. 24 сентября 1928 года «Кузьма» писал о взрыве бомбы на Лубянке, брошенной 6 июля Радковичем и Мономаховым:

«Известно лишь из рассказов от случайных очевидцев, что взрыв был силен… выяснилось, что один из покушавшихся был убит на месте, а другого поймали в 25–30 верстах от города по линии Серпуховского шоссе… попытка террористов была произведена настолько быстро, что у некоторых возникает вопрос — не знало ли ОГПУ о предстоящем взрыве… событие 6 июля не вызвало особенных толков или каких-либо повышенных настроений… Конечно, если бы взрыв сопровождался убийством ответственных руководителей ОГПУ, то это неизбежно вызвало бы эффект и могло, до известной степени, всколыхнуть массы и явиться некоторым толчком политической активности их… проводимый внутренними российскими силами террор на селе, в казачьих и горских районах, в глухой провинции против местных работников, чекистов, селькоров и пр. более понятен широким русским массам, воспитываемым в здоровом национальном направлении, подрывает наглядно и убедительно престиж советской власти и является стимулом для активности русского движения»…

15 декабря 1928 года «Кузьма» писал Мельгунову:

«Мы — противники всякой иностранной интервенции и уверены, что свергнуть большевиков может только красная армия с крестьянством… мы уверены, что террор против чекистов, милиции др. должен встретить явное сочувствие населения. Вообще же индивидуальный террор мы считаем допустимым лишь в случае, если террорист бьет по заранее намеченной цели, и когда террористический акт в каждом отдельном случае оправдывает себя в глазах населения сов. России»…

Особенно ободряющим было письмо «Кузьмы» от 25 апреля 1929 года:

«Политическая обстановка в СССР обострилась до такой степени, что сейчас мы находимся накануне полосы открытых действий населения против большевизма… Три года назад мы еще не думали об открытых боях, сейчас же они стоят на очереди дня, и не столько благодаря деятельности нашей организации, сколько ввиду огромного подъема народной антибольшевицкой стихии. В 1929 г. мы намерены впервые ударить по чужим рукам. Боевой план действий разработан нами объективно и достаточно серьезно… Ввиду серьезности момента мы настаиваем на выполнении Вами следующих мероприятий:

1) создание нелегального перехода на одной из границ северо-запада или же на границах юго-запада России;

2) посылки к нам через созданный переходный пункт Вашего представителя, пользующегося Вашим полным доверием и имеющего опыт нелегальной работы;

3) представитель, командированный Вами, должен иметь образцы литературы, выпускаемой за границей русской националистической эмиграцией и сепаратистами, и должен располагать достаточными информационными данными о положении в Европе;

4) мы желали бы видеть представителя, достаточно компетентного и правомочного делать разработки тактики борьбы… Его приезд мы намерены использовать также для подкрепления точки зрения части членов штаба, считающих уже возможным… приступить к первым боевым выступлениям… Ваш представитель может получить богатый информационный материал… Этот материал поможет Вам вести сильнейшую кампанию по объединению национальных сил эмиграции на платформе борьбы за Россию. В Вашем лице мы видели и видим до сих пор тот центр, который обязан взять на себя объединение русской молодежи — точнее российской эмиграции…»

Предложения были лестными и заманчивыми. Но ведший через генерала Дьяконова переписку с «Кузьмой» Мельгунов,

умудренный опытом Савинкова, отвечал:

«Наши отношения до сих пор плохо налаживаются. Причин для этого много. Одна из них — та самая осторожность, которую Вы нам рекомендуете. На первых порах, как Вы знаете, мы очень были смущены некоторыми Вашими прежними связями. Мы вынуждены быть настороже. Поэтому наш курьер, которому удалось проехать в Россию, там не мог с Вами связаться. Нам удалось переправить еще двух лиц. Но один из них ехал по своим адресам и абсолютно ни с кем не хотел связываться. Другой ехал по пути, для нас еще недостаточно знакомому. Поэтому мы боялись связаться с Вами через него… В силу отсутствия денег, мы не имеем возможности поддерживать постоянный организационный контакт с Россией, т. е. иметь своих надежных курьеров. Поэтому и воздерживаемся давать кому-либо указанные Вами адреса. Я дал это в некоторые места, но с большими и существенными оговорками. Вероятно, поэтому наша литература до Вас и не доходит».

«Кузьма» через Дьяконова ответил, что «ни одного письма непосредственно от него штаб не получал». Штаб хотел бы знать, по какому адресу Мельгунов послал письма, «у организации имеются свои люди во многих советских учреждениях», но отправка литературы по адресам учреждений ведет к ее изъятию в регистратуре, принимающей почту. Воздавая должное опыту и конспирации Мельгунова, штаб не выражал беспокойства по поводу способов переписки через его внутреннюю агентуру. Не возражая против переотправки литературы через находившихся в СССР доверенных лиц Мельгунова, штаб категорически восставал против передачи его адресов каким-либо организациям в СССР.

Отношения Мельгунова с «Кузьмой» осложнились нашумевшим в Париже происшествием. 2 ноября 1927 года журнал «Борьба за Россию» устроил открытое собрание, на котором выступали Донской атаман генерал А. П. Богаевский, генерал А. И. Деникин, П. Б. Струве и другие видные эмигранты. За несколько дней До собрания неизвестные лица распространяли порочившую Мельгунова листовку, подписанную «Ваш смертник Х.». Заведующий типографией «Рапид» Маймистов, в которой печаталась «Борьба за Россию», без труда установил место печатания и автора листовки. Им оказался Григорий Алексинский, бывший член 2-й Государственной Думы от большевиков, ставший во время Первой мировой войны «оборонцем» и в июльские дни 1917 года подписавший с Панкратовым документ, разоблачавший денежные связи Ленина с немцами. Впоследствии Алексинский вращался в различных кругах эмиграции, участвуя в разного рода политических комбинациях, вплоть до заявления от имени каких-то

организаций о признании отхода Бессарабии к Румынии.

Мельгунов передал пачку листовок полковнику Лепёхину, одному из офицеров охраны Кутепова. Узнав о случившемся, Кутепов письменно выразил свое возмущение поступком Алексинского. Одновременно выяснилось, что Кутепов вел дела с Алексинским по румынской линии сношений с Россией. Считая эту линию ненадежной, Мельгунов через А. И. Деникина пытался отговорить Кутепова от сотрудничества с Алексинским. Встретившись вскоре с Кутеповым, Мельгунов от него узнал, что он посылал через Алексинского своего человека в Москву для переговоров с организацией Попова. Мельгунов резко возражал против участия в делах Алексинского, к которому у него доверия не было. Когда при втором своем свидании с Поповым Мельгунов узнал о связи московской организации с Алексинским, то решительно отказался иметь с нею какие-либо дела. Растерявшийся Попов старался объяснить, что связь с Алексинским возникла случайно во время его первого приезда в Париж в 1927 году, и обещал порвать с Алексинским. Всё же было ясно, что Алексинский был как-то связан с Дьяконовым, и это обстоятельство вызывало сугубую настороженность Мельгунова. Тем не менее переписка с «Кузьмой» продолжалась. На одном истлевшем от времени письме сохранилась дата — июль 1929 года. Но что было в этом письме, разобрать не было возможно. Передав редакцию «Борьбы за Россию» М. М. Федорову, Мельгунов на долгие годы отошел от активной эмигрантской политики. Связь с Дьяконовым на свой риск и страх продолжал П. Я. Рысс.

* * *

Попов не ограничился установлением связей с группой «Борьба за Россию» и генералом Кутеповым. В свои сети он решил уловить и газету «Возрождение».

В июне 1928 года в редакцию газеты пришел генерал Г. Г. Корганов, давний знакомый ее редактора, Юлия Федоровича Семенова. Корганов сообщил, что в Париж приехал из Москвы ответственный представитель крупной контрреволюционной организации, желавший вступить в сношения с редакцией «Возрождения» и ее издателем. До встречи с незнакомым гостем Семенову предстояло познакомиться с П. П. Дьяконовым. После завтрака втроем в ресторане около Порт Шампере, было условлено о свидании с Поповым. Семенов приехал на квартиру Дьяконова, где уже находились Корганов и крупный, толстый,

неуклюжий человек, с шарообразной головой и маленькими, злыми глазами.

Попов рассказал, что его организация существует в России уже шесть лет, что члены ее в Москве и в провинции проникают весь советский аппарат, вплоть до верхушки ГПУ. Советская действительность приучила членов к строжайшей дисциплине и к такой же осторожности, и до сих пор ни один из них не был выведен в расход властью. Но на деятельности организации вредно отразились бомбы, брошенные в коммунистический клуб в Ленинграде и на Лубянке в Москве. Поэтому необходимо, чтобы «Возрождение» выступало против подобных актов, тем оказывая большую услугу контрреволюционерам в России.

— Ваша заграничная деятельность, — говорил Александр Николаевич, — должна соответствовать нашим видам. Мы вам будем присылать указания, как и в каких случаях подойти к тому или другому вопросу… Со своей стороны, мы будем присылать вам регулярно всестороннюю информацию о жизни в России.

— Видите ли, — отвечал Семенов, — наша газета ни от какой партии не зависит и ни от кого никаких директив получать не может.

После неудачного для Попова свидания прошло три дня. В редакцию газеты явился Дьяконов и спросил:

— Кажется, произошло какое-то недоразумение. Не хотите ли Вы, Юлий Федорович, еще раз повидаться с Александром Николаевичем?

— Хорошо, но при условии, чтобы мне больше не говорили о подчинении газеты кому бы то ни было. Кроме того, гость должен отказаться от наставительного тона.

На втором свидании Семенова с Поповым Корганов не присутствовал. Москвич держался вполне прилично. Разговаривали исключительно об информации, интересовавшей газету.

— Виделись ли вы с Кутеповым? — спросил Семенов.

— С Кутеповым я не желаю встречаться, — резко ответил Попов, — вся его организация пронизана провокаторами.

Попов лгал. В это время он поддерживал отношения с Кутеповым через Корганова.

При прощании москвич, сделав жест в сторону Дьяконова, сказал:

— Вот наш единственный представитель в Париже. Через него мы будем с вами сноситься.

После второго свидания с Поповым Семенов ни разу не виделся ни с Коргановым, ни с Дьяконовым. Ничего нового о таинственной организации Семенов больше не знал. Лишь в

марте 1930 года Корганов поведал Семенову, что перед своим возвращением в Москву Попов говорил ему: «Семенов мне не доверяет, поэтому никаких сношений с ним у меня быть не может».

Кутепов и де Роберти

Канцелярия генерала Кутепова помещалась в скромном доме на рю де Карм. Начальником канцелярии был князь С. Е. Трубецкой, ближайшим помощником по секретной работе — генерального штаба полковника. А. Зайцев, секретарем — поручик М. А. Критский.

Все отправки эмиссаров в Россию производил сам Кутепов. И далеко не всё о его делах и встречах знали ближайшие сотрудники.

К организации Попова, возникшей якобы в недрах Красной армии и величавшей себя «Внутренней Российской Национальной Организацией» (ВРНО), Кутепов относился настороженно. Слишком свежа еще была память о «Тресте». Непосредственных отношений с ВРНО у Кутепова не было. Близкий к Дьяконову генерал Корганов получал от ВРНО письма, адресованные Кутепову. Корганов вскрывал, проявлял и расшифровывал письма. Он доставлял Кутепову шифрованный оригинал и дешифрант. При встрече оригинал уничтожался, а дешифрант сохранялся у генерала Кутепова. Такой способ получения почты был исключением из правила — обычно Кутепов сам расшифровывал получаемую почту и сам шифровал письма, адресованные другим организациям и лицам. К скудной информации ВРНО он относился недоверчиво, так же относились к ней и его ближайшие сотрудники.

В октябре 1929 года Кутепов отправил в Москву для переговоров с ВРНО генерал-лейтенанта Бориса Александровича Штейфона, своего бывшего начальника штаба в лагерях Галлиполи. Поездкой Штейфона Кутепов остался доволен и благодарил его за выполнение данного ему поручения.

В начале января 1930 года из Москвы в Берлин приехали А. Н. Попов и Н. А. де Роберти. Побывавшему в Москве Штейфону они прислали письмо с приглашением Кутепову приехать в Берлин для неотложных переговоров. 9 января Штейфон вручил это письмо Кутепову. Но генерал ехать в Берлин не пожелал и вместо себя в тот же день отправил полковника Зайцова.

Встреча только с Зайцовым явно не устраивала москвичей. 11 января Корганов передал Кутепову письмо от них с повторным приглашением в Берлин. 14 января Зайцов получил от Кутепова краткое извещение:

«Дорогой Арсений Александрович, после Вашего отъезда К. получил письмо, в котором сказано, что друзья обязательно хотят видеть меня, поэтому свидание назначено на 16, 17 и 18».

До приезда Кутепова Зайцов несколько раз встречался и беседовал с Поповым и де Роберти. Его поражало поведение москвичей, сорившихся деньгами и пренебрегавших конспирацией. На недоуменный вопрос Зайцова де Роберти ответил, что бояться ГПУ им не приходится, их считают вполне лояльными гражданами СССР.

Удивляло Зайцова и появление в Берлине полковника генерального штаба де Роберти, человека с запятнанным прошлым. В 1918 году, когда Кутепов был военным губернатором Черноморской губернии, де Роберти был у него начальником штаба. После отъезда Кутепова на фронт де Роберти остался в той же должности у нового губернатора, генерал-лейтенанта Волкова. Де Роберти злоупотреблял своим служебным положением. Реквизировав табак для нужд армии, он продал его и присвоил выручку. Вопреки запрету главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина, де Роберти, подделав подписи Волкова, выдал за взятку два разрешения на вывоз 9 тысяч пудов пшеницы в Грузию. За эти незаконные махинации он был в 1919 году приговорен военным судом к четырем годам арестантских отделений. В марте 1920 года побежденная красными белая армия оставила объятый пламенем Новороссийск. Вступившие в город красные победители освободили де Роберти из тюрьмы и приняли его на службу в Красную армию. И вот он в Берлине, как представитель ВРНО, настойчиво добивающийся свидания со своим бывшим начальником.

17 января вечером состоялась первая беседа Кутепова с Поповым и де Роберти в занимаемом ими номере гостиницы. Посланцы Москвы прежде всего интересовались финансовым положением Кутепова — и неспроста! В конце 1929 года в Париже ходили слухи о получении Кутеповым свыше 10 миллионов франков из сумм, депонированных в 1919 году в Японии правительством адмирала Колчака. Вполне естественно, ОГПУ опасалось усиления деятельности Кутепова в России.

Попов и де Роберти настоятельно требовали от Кутепова скорейшей отправки в Россию нескольких групп преданных ему офицеров для подготовки восстаний весной 1930 года. Кроме того, они навязывали Кутепову создание в Париже объединения, во главе которого должны были стать генерал Дьяконов и некто Н. Это предложение Кутепов решительно отклонил.

18 января Кутепов пригласил Попова и де Роберти на завтрак в ресторан на Доротеенштрассе. Воспользовавшись минутным отсутствием Попова, де Роберти просил Кутепова сохранить их разговор в тайне. Выслушав его, Кутепов не счел возможным скрыть его от Зайцова и рассказал ему об откровениях де

Роберти. Никакой подпольной ВРНО в СССР нет, и все это — инсценировка, устроенная деятелями ОГПУ. Посылая Попова и де Роберти в Берлин, помощник Ягоды чекист Евдокимов дал указания, что им следовало делать в Берлине. Де Роберти жаловался, что в России ему душно, он хотел бы с семьей выбраться за границу, и был бы весьма признателен Кутепову за содействие. Обретя свободу, он смог бы помочь белым своими разоблачениями. И под конец беседы де Роберти сообщил Кутепову самое важное: на него готовится покушение, но не раньше чем через два месяца.

В тот же день, поздно вечером, Кутепова и Зайцова московские гости принимали на широкую ногу у себя в гостинице. Рассказывая о перемещениях в ОГПУ, Попов и де Роберти проявили большую осведомленность о новых назначениях, некоторых чекистов величали фамильярно.

На прощание де Роберти вытащил из-под жилета помятую бумагу и вручил ее Кутепову.

Возвращаясь в Париж, под мерный стук колес, Кутепов и Зайцов подводили итоги только что виденному и слышанному.

— Вот видите, я же чувствовал, что вся эта история не без ГПУ, — сказал Кутепов.

— Да, это так. Но вот вопрос: предупреждая вас о предстоящем покушении, действовал ли де Роберти искренно по отношению к вам, как к своему бывшему начальнику? И не пытался ли он усыпить наше внимание на ближайшее время?

— Думаю, что это будет не весною, может случиться и раньше, — ответил Кутепов после минутного размышления.

20 января на рю де Карм Кутепов рассказал князю С. Е. Трубецкому и М. А. Критскому о поездке в Берлин. Упомянул об угрозе покушения весной. Передавая Трубецкому бумагу де Роберти, Кутепов сказал:

— Эта информация явно из мутного источника.

— Довольны ли вы поездкой в Берлин? — спросил Критский.

— Меня опять хотят втянуть в «Трест». Знаю, когда я стану опасен для большевиков, они меня уберут.

* * *

21 января Дьяконов посетил Мельгунова и сообщил ему о приезде Попова в Берлин. Он сказал, что вместе с Рыссом собирается в Берлин на свидание с Поповым. Побывал у Мельгунова и Рысс. Высказав свои сомнения, Мельгунов советовал Рыссу ехать на свой риск и не втягивать его в

дальнейшие дела второго «Треста».

В Берлине Рысс остановился в той же гостинице, что и Кутепов. Попов и де Роберти снимали номера в другой гостинице, в которой обычно проживали командированные из Москвы советские служащие. Обе гостиницы были недалеко от советского полпредства на Унтер ден Линден, и свидания парижан с москвичами были под наблюдением шнырявших тут агентов ОГПУ.

По поручению Попова и де Роберти Рысс посетил редактора газеты «Руль». До революции Рысс сотрудничал в петроградской кадетской газете «Речь», редактором которой был Иосиф Вениаминович Гессен. В секретном разговоре на квартире Гессена, на правах старого знакомства, Рысс передал редактору «Руля» пожелания и советы москвичей. Одним из них был настоятельный совет «Рулю» не пользоваться случайными сведениями о СССР и составлять информацию о нем по данным советской печати. В преподанном совете Гессен вполне основательно усмотрел попытку Москвы установить цензуру над вольным органом русской зарубежной мысли. Он отверг это предложение. А от встречи с Гессеном, предложенной Рыссом, москвичи уклонились, ссылаясь на возможность слежки.

В тот самый день в Берлин пришли вести об исчезновении Кутепова.

* * *

О своей поездке в Берлин Дьяконов не предупредил ни Кутепова, ни Зайцова. После возвращения из Берлина Дьяконов и Корганов продолжали переписываться с остававшимися еще там Поповым и де Роберти. Оба они были давними знакомыми Дьяконова: Попова он знал по школьной скамье в Петербурге, де Роберти — по русско-японской войне. Оба они заявляли Кутепову, что Дьяконов — их официальный представитель за границей.

8 февраля Попов и де Роберти выехали из Берлина в Москву. Зайцов получил от них два письма из Москвы, датированные 14 и 16 февраля. В последнем письме де Роберти просил прекратить с ним переписку и сообщал о том, что Попов скрылся из Москвы.

22 мая 1930 года корреспондент «Морнинг пост» телеграфировал из Риги о расстреле де Роберти. Советская печать сочла за благо ничего не сообщать о судьбе Попова и де Роберти.

Похищение генерала Кутепова

Утром в субботу 25 января Кутепов был занят очередными делами в канцелярии на рю де Карм. На понедельник 27 января он назначил Зайцову два доклада — утром и днем. В понедельник днем на рю де Карм было назначено свидание с кем-то, и этой встрече Кутепов придавал большое значение. Получив крупные денежные средства, Кутепов спешил развернуть работу так, как давно о том мечтал. Был он в приподнятом, бодром настроении, твердо веря в успех начатого дела.

Как обычно по субботам, закончив в полдень свои дела, М. А. Критский возвращался домой в парижское предместье Белльвю. Не отошел он и ста шагов от железнодорожной станции, как его окликнул бежавший за ним пятилетний Павлик, сын Кутеповых. Оглянувшись, Критский увидел следовавших за Павликом его родителей.

Генерал держал в руке бутылку вина 1921 года, памятного по сидению в Галлиполи. Поднося Критскому скромный дар, Кутепов поздравил его с прошедшим днем ангела. Вместе дошли до небольшого дома № 80 на рю Александр Гильмон. В этом доме жили Критские и председатель Союза Галлиполийцев генерал-лейтенант Михаил Иванович Репьев с женой Татьяной Васильевной.

Был Татьянин день. Лидия Давыдовна пошла поздравить именинницу Репьеву. Кутепов по узкой и темноватой лестнице поднялся к Критскому.

Усевшись в скромном кабинетике с книжными полками по стенам, заговорили на жгучие темы положения в России. Критский, бывший в 1919 году старшим адъютантом в разведывательном отделении штаба корпуса Кутепова, внимательно следил за событиями в России. Он подробно рассказал о борьбе крестьянства, о широко развернувшемся низовом терроре, о восстаниях, жестоко подавлявшихся сталинскими опричниками. Обсудили и пришли к заключению, что психологически обстановка в России 1930 года была намного лучше, чем в годы Гражданской войны. Клокотавшим массам крестьянства не хватало крепкого руководящего ядра. РОВС, как ядро, возглавит народ и поведет его к победе над большевизмом. Страстное желание борьбы и победы создавало и сладостные иллюзии. И сошлись в стремлении поскорей перебраться в Россию и повести за собой бунтующее крестьянство.

— Вы поедете со мной? — спросил Кутепов.

— Да, конечно, — без колебаний ответил Критский.

— Завтра с женой я поеду искать дачу на лето, а в понедельник мы с вами подробно обсудим это. Наметьте план в общих чертах.

Расставшись с Критским, генерал ушел к Репьевым, где собрались многочисленные гости. Затем он отправился на вечер Объединения офицеров Гренадерского полка. В ночь на 26 января он вернулся домой в отличном настроении. Привез его шофер такси Фортунато, из бригады шоферов-галлиполийцев, добровольно дежуривших и охранявших генерала в его разъездах по Парижу. Пожелав Фортунато спокойной ночи, Кутепов отменил очередное дежурство в воскресенье 26 января.

В этот роковой день Кутепов вышел в 10 часов 30 минут утра из своей квартиры в доме № 26 на рю Русселе. Жене сказал, что будет на панихиде по генералу Каульбарсу в церкви Союза Галлиполийцев, помещавшейся в доме № 81 на рю Мадемуазель. До начала панихиды у Кутепова было около часа свободного времени, которое он мог уделить для встречи с хорошо известным ему человеком.

Панихида после литургии началась в 11 часов 30 минут. К этому моменту, как было положено, генерал Репьев ожидал Кутепова у входа в храм. Но пунктуальный Кутепов не пришел. Панихиду отслужили без него. Репьев и его помощники были удивлены. Только подумали, что какое-то неотложное дело помешало Кутепову прийти в церковь.

Не вернулся он и домой. В 3 часа обеспокоенная семья подняла тревогу. Ни в собрании галлиполийцев, ни у кого из добрых знакомых Кутепова не было. Сообщили в полицию. Префектура полиции начала поиски. К 11 часам полиция убедилась в исчезновении генерала. Подозревая возможность похищения и увоза Кутепова за границу, власти по телеграфу известили пограничные пункты, порты и аэропорты. Фотографии генерала были разосланы пограничным и полицейским властям.

* * *

Путь от своей квартиры до галлиполийской церкви Кутепов обычно проделывал пешком. Выходя из дома, он поворачивал направо по рю Русселе. Дойдя до ближайшей поперечной рю де Севр, он поворачивал направо и по этой улице доходил до рю Мадемуазель. И в это воскресенье он шел обычным путем, но, повернув на рю де Севр, он вышел на Бульвар Инвалидов. На рю Русселе первым его увидел знакомый торговец красками. Проходя мимо кинематографа «Севр-Палас», Кутепов поздоровался с его

хозяином Леоном Сирочкиным. За несколько минут до 11 часов белый офицер видел Кутепова на углу рю де Севр и Бульвара Инвалидов.

30 января, на пятый день после похищения, сотрудник газеты «Эко де Пари» Жан Деляж узнал сенсационную новость от директора католической клиники св. Иоанна, расположенной на углу улиц Мишле и Удино. Уборщик клиники Огюст Стеймец якобы оказался случайным свидетелем похищения. Стеймец рассказал Деляжу, как утром 26 января, около 11 часов, он вытряхивал коврик через окно, выходящее на рю Русселе. Он увидел стоявший на рю Русселе большой серо-зеленый автомобиль, повернутый в сторону рю Удино, параллельной рю де Севр. Неподалеку на рю Удино, против рю Русселе стоял красный автомобиль такси, повернутый в сторону Бульвара Инвалидов. Тут же на углу стоял полицейский. Рядом с серо-зеленым автомобилем стояли два дюжих человека в желтых пальто. В это время со стороны Бульвара Инвалидов по рю Удино шел господин среднего роста с небольшой черной бородкой, одетый в черное пальто. Повернув с рю Удино на рю Русселе, господин подошел к серо-зеленому автомобилю. Оба человека, стоявшие рядом, схватили господина, втолкнули в автомобиль. Полицейский, спокойно наблюдавший за происходившим, сел рядом с шофером, и автомобиль, выехав на рю Удино, помчался к Бульвару Инвалидов.

Свои показания Стеймец подтвердил полиции. Полиция сообщила, что на углу улиц Удино и Русселе никогда не было полицейского поста.

Было странно, почему Кутепов, вышедший из дому в половине одиннадцатого, вдруг решил вернуться через полчаса и притом с противоположной стороны рю Русселе. Было странно и то, что не нашлось свидетелей в домах на рю Русселе, где личность генерала была достаточно известна.

Эту странную и запоздалую версию полиция сочла подходящей для спасения лица всеведущей Сюртэ Насиональ.

Похищение среди бела дня, в центре громадного города, с риском провала и мирового скандала. Нет, не похоже это было на осмотрительное ОГПУ. Кутепова взяли наверняка, без шума и лишнего риска, с помощью предателя заманив в западню.

Обе ежедневные русские газеты, «Возрождение» и «Последние Новости», были переполнены сообщениями об этом событии. Поддерживавшее Кутепова «Возрождение» требовало от властей немедленно произвести обыски в советском полпредстве на рю де Гренель. Неописуемое волнение охватило чинов РОВСа. Они были готовы двинуться на рю де Гренель, чтобы разгромить

полпредство. Но начальство, возложив надежды на французское правительство, приказало воздержаться от самочинных выступлений.

Возмущаясь разбоем советской агентуры в Париже, французские газеты требовали от правительства принятия крайних мер. Обращаясь к премьер-министру, Андре Пиеронно писал в «Эко де Пари»: «Интересы и честь страны требуют от Тардьё, чтобы он порвал с советской властью». Эмиль Бюре в «Ордр» призывал: «Андре Тардьё, порвите с Довгалевским!» В «Либерте» Камиль Эмар писал: «Нужно изгнать разбойников из норы. Нужно произвести в ней обыск. Пусть власти действуют немедленно».

В Палате депутатов представители правых и умеренных партий были глубоко возмущены деяниями ОГПУ и требовали разрыва отношений с СССР. Депутат от Парижа Луи Дюма внес запрос министру внутренних дел. Он требовал обеспечения свободы и безопасности иностранцам, нашедшим политическое убежище на французской земле.

Но в понимании премьера Андре Тардьё высшие интересы Франции нуждались в обратном — в сохранении и укреплении отношений с СССР. Лишь для видимости и успокоения взволнованной общественности на словах были приняты меры к розыску виновников похищения. Официальное расследование было поручено Фо-Па-Биде, комиссару по особым делам префектуры полиции.

Неустанно работала советская агентура. Она сеяла сенсационные слухи, один нелепее другого. Ежедневно в газетах появлялись сведения о разных «следах» похитителей. Были разные «следы» в Париже. Был «след» нормандский. Был «след» марсельский. Был «след» берлинский. 3 февраля московская газета «Известия» сообщила, что Кутепов, похитив деньги РОВСа, бежал в Южную Америку. Было всякое, но не было подлинной, неприкрашенной правды.

Организаторы похищения были покрыты дипломатической неприкосновенностью. В первые дни в полпредстве на рю де Гренель царила паника — боялись нападения разгневанных белых эмигрантов. Вечером 26 января выехал из Франции первый советник полпредства Аренс поддерживавший связь с французской коммунистической партией. 28 января покинул Францию второй секретарь полпредства Лев Гельфанд, один из участников похищения.

* * *

В горестные дни исчезновения любимого мужа Лидию Давыдовну Кутепову почти ежедневно навещала Надежда Плевицкая. Приходила к ней, чтобы поплакать вместе. Чтобы облегчить горе. И узнать, нет ли чего-либо нового, ей и ее мужу интересного. Бывал и Скоблин.

Они утешали Кутепову и говорили, что ее муж жив.

— Как, где он, что с ним? — со слезами на глазах спрашивала Кутепова.

— Я видела сон, ему хорошо. Я верю снам, они сбываются. Вы еще встретитесь с ним, — ласково и участливо утешала Плевицкая.

Близкие к Лидии Давыдовне люди восхищались чутким и отзывчивым сердцем Надежды Васильевны.

Частой гостьей бывала Анна Александровна Токарева, владелица ресторана «Ля Мэзонет Рюсс» на рю Мон-Табор. Кутепов бывал в ресторане Токаревой, отношения у них были дружескими, злые языки приписывали им интимную связь. Впрочем, Кутепов был образцовым семьянином.

Не оставлял Кутепову своим вниманием и генерал Шатилов. Он тоже заходил в дом на рю Русселе.

* * *

Плотным кольцом обложила Кутепова тайная советская агентура, следившая за каждым его шагом. Всматривались соглядатаи в окна его квартиры, филеры следовали по пятам. И кто-то проникал в дела его канцелярии на рю де Карм, время от времени тревожа ее таинственными телефонными звонками.

Однажды таинственный кто-то расстроил деловое свидание Кутепова с генералом, приехавшим из Версаля. За несколько минут до назначенного часа раздался звонок, и кто-то от имени Кутепова сообщил, что в канцелярию он не приедет. Раздосадованный гость тотчас же покинул управление РОВСа. Появившийся вскоре Кутепов был очень удивлен лживым сообщением и недоумевал. Было ясно, что некий «близкий», узнав кое-что о делах Кутепова, передавал о них таинственным голосам.

После похищения Кутепова Критский решил удостовериться, не было ли каких-либо указаний о телефонных звонках в оставшихся после Кутепова записных книжечках «ажанда». Просмотрев эти календарчики, Зайцов и Критский обнаружили заметки к дням, когда раздавались таинственные телефонные звонки. На одной страничке Кутепов пометил по-французски «Sk».

* * *

Прошел год. В зале Гаво РОВС устроил собрание памяти генерала Кутепова. Новый председатель РОВСа генерал Е. К. Миллер, упрекая французское правительство, сказал:

«Нам пришлось вкусить всю горечь сознания, что пока не изменится картина взаимоотношений западноевропейских государств с той властью, которая была заинтересована в исчезновении генерала Кутепова, до тех пор нельзя рассчитывать на выявление преступников и привлечение их к ответственности».

* * *

В дни следствия сотрудник «Последних Новостей» Андрей Седых неоднократно посещал Фо-Па-Биде и комиссара Перье, пытаясь узнать что-то новое о похищении Кутепова. 25 лет спустя он писал в нью-йоркском «Новом Русском Слове»:

«Я убежден, что Фо-Па-Биде знал с самого начала все имена похитителей и имена тех, кто несет ответственность за это преступление. Один из них, принимавших участие в похищении, сейчас мирно живет в Соединенных Штатах под чужим именем».

То был Лев Гельфанд, ставший невозвращенцем. В Америке он переменил фамилию, стал бизнесменом. Известный как мистер Мур, он разбогател и спокойно дожил свой век под сенью звездно-полосатого флага.

* * *

Катастрофически малыми были итоги официального расследования. Такими они оставались долгие-долгие годы. Лишь 22 сентября 1965 года московская газета «Красная звезда» впервые чуть-чуть приоткрыла завесу над тайной похищения. Генерал-полковник авиации запаса Н. Шиманов писал: «… комиссар 2 ранга государственной безопасности Сергей Васильевич Пузицкий… участвовал не только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контрреволюционной монархической организации „Трест“, но и блестяще провел операцию по аресту Кутепова и ряда других белогвардейских организаторов и вдохновителей иностранной интервенции и Гражданской войны».

Заметание следов

Похищение генерала Кутепова долго волновало русскую эмиграцию. Газеты преподносили читателям разные гипотезы, сенсационные слухи, ссылки на таинственных осведомителей, намекавших на виновников похищения. Но в одном сходились все — в похищении принимал участие наводчик из среды белых, располагавший доверием Кутепова.

Вскоре после похищения французский журнал «Детектив» назвал фамилии Попова и де Роберти. «Детектив» указывал на полковника Зайцова как свидетеля, дававшего следственным властям показания о поездке Кутепова в Берлин. Действительно, Зайцов подробно изложил обстоятельства, предшествовавшие похищению, и назвал властям Попова и де Роберти агентами ОГПУ. Некоторые газеты извратили показания Зайцова. По его адресу посыпались инсинуации и злостные намеки.

В защиту Попова и де Роберти, как героев и борцов против коммунизма, выступили в печати генерал Дьяконов и проживавшая в Париже сестра де Роберти Е. А. Миллер. Их стрелы метались в Зайцова. Вынужденный защищаться, Зайцов ответил большой статьей «К делу Попова и де Роберти», опубликованной 26 июля 1930 года в газете «Возрождение».

В дело вмешался В. Л. Бурцев. Прославившийся в свое время как разоблачитель Азефа, Бурцев почитал себя непререкаемым авторитетом в делах провокации. Убежденный противник большевиков, к делу Кутепова он проявил живейший интерес и стал пламенным защитником Дьяконова, Попова и де Роберти. В седьмом номере своей изредка выходившей газеты «Общее Дело» он опубликовал анонимную статью «Ответ обвинителям» и письма генералов Дьяконова и Корганова. Дьяконов атаковал Зайцова девятнадцатью пунктами, злостно извращавшими факты. Зайцов ответил защитникам агентов ОГПУ. Полемика разгоралась, порой принимая уродливые очертания.

Утверждения Бурцева о том, что Кутепов был в руках агентов ОГПУ, поддерживавших связь с близкими к нему людьми, взволновали РОВС. Бросая обвинение против окружения Кутепова, Бурцев имени предателя, однако, не назвал.

Преемник Кутепова генерал Е. К. Миллер письмом от 25 июля просил Бурцева «указать имена и основания ваших обвинений».

Бурцев ответил немедленно, но от уточнений уклонился:

«Лицо, дающее сведения об убийстве ген. Кутепова, говорит о связи с большевиками некоторых близких ему лиц, ныне связанных

с вами».

В этом же письме Бурцев сообщал, что от невозвращенца Беседовского, бывшего временного полпреда в Париже, бежавшего из полпредства в 1929 году, поступили сведения о предательстве лиц, находившихся в окружении Кутепова.

30 июля Е. К. Миллер вновь обратился с письмом к Бурцеву, требуя от него точных указаний на виновников. Он писал, что если такие обвинения не будут сняты, то им будут приняты «меры для защиты доброго имени своих сотрудников и всего Обще-Воинского Союза».

В тот же день Бурцев ответил Миллеру. Опять уклонившись от указания виновников, он предложил устроить у себя очную ставку полковнику Зайцову с генералами Дьяконовым и Коргановым.

Е. К. Миллер ответил, что очные ставки — дело судебных властей, а не частного лица, каким был Бурцев. Возлагая ответственность на Бурцева за все, что могло быть им напечатано против Зайцова, Миллер угрожал привлечь редактора «Общего Дела» к судебной ответственности.

Бурцев, черпавший свои сведения из мутных источников, точного ответа не дал, да и не мог дать. Прав он был лишь в том, что «в деле ген. Кутепова было предательство».

Однажды доверившись Дьяконову, Бурцев не прекращал кампании против Зайцова. Газета «Возрождение», защищая Зайцова, решительно возражала против бездоказательных утверждений Бурцева. На страницах русских газет в Париже завязалась острая полемика, обмен письмами в редакцию.

«Возрождение» нисколько не сомневалось в принадлежности Попова и де Роберти к ОГПУ. А Дьяконов писал, что он «не только раньше никогда не подозревал Попова и де Роберти агентами ГПУ, но и сейчас твердо уверен, что они никогда ими не были и вели всю работу исключительно в целях спасения России».

Зная, что Дьяконов представлял «Внутреннюю Российскую Национальную Организацию» в Париже, «Возрождение» обвинило Дьяконова и Корганова в сношениях с большевиками через заведомых агентов ОГПУ.

В «Общем Деле» Бурцев назвал эти обвинения явной и сознательной клеветой. На суде в мае 1931 года «Возрождение» не смогло документально доказать свои обвинения против представителей второго «Треста». Суд признал газету виновной в диффамации против Дьяконова и Корганова. Существа проблемы суд не разбирал. Но русская общественность Парижа и газеты русского Зарубежья поддержки Бурцеву и его подзащитным не оказали.

Напрасно Бурцев разослал редакциям эмигрантских газет письма в защиту Попова, де Роберти, Дьяконова и Корганова. Ни «Последние Новости» в Париже, ни «Руль» в Берлине, ни «За Свободу» в Варшаве, ни «Сегодня» в Риге, ни другие газеты сомнительными материалами не воспользовались.

Возмущенный Бурцев написал брошюру «В защиту правды», обвинив зарубежную печать в заговоре молчания. Заговора не было. Да и не могли газеты столь различных направлений сговориться между собой. Просто все понимали, что поборник правды, поймавшись на удочку дезинформаторов, отстаивал выгодную ОГПУ ложь. А ложь была нужна для заметания следов, для укрытия действительного предателя, для перенесения вины с больной головы на здоровую.

Русская эмиграция в то время не знала, какими сведениями располагала французская полиция. Один документ гласил так:

> «Полковник Дьяконов, советский агент, сильно замешанный в похищении Кутепова, обеспечил себе, путем вознаграждения, сотрудничество Бурцева, редактора „Общего Дела“, которому он подсунул Колтыпина-Любского в качестве секретаря. Это Колтыпин и Думбадзе (чекист) внушили Бурцеву мысль о выдвижении обвинений против полковника Зайцова как участника похищения Кутепова».

Генерал Заварзин, член русской комиссии по расследованию похищения Кутепова, писал комиссару Фо-Па-Биде:

«В 1922 году, оставшись в Париже без средств, Дьяконов явился в парижское представительство советского общества „Аркос“ (рю д'Асторг), центр которого находится в Лондоне. Он предложил свои услуги советскому правительству, и об этом предложении было сообщено в Лондон. В начале 1924 года, вызванный в Лондон как неспособный „работать“ во французской среде, он получил задание наблюдать за белыми русскими эмигрантами. Он пользовался полнейшим доверием своих начальников, которые однажды поручили ему задание перевезти из Лондона в Марсель сумму в 150 000 долларов для передачи крутому большевистскому агенту, отправлявшемуся в одну французскую колонию для ведения пропаганды».

В неопубликованном письме от 20 декабря 1930 года редактору «Последних Новостей» П. Н. Милюкову некий Кривенко сообщал:

«Будучи в период 1924–1925 годов в связи с большевиками, примерно в течение восьми месяцев, я знал, что в течение этого же периода генерал Дьяконов был не только в связи с ними, но, кроме

того, пользовался значительно большим доверием, нежели я».

Позже французская служба Renseignements Généraux получила дополнительно сведения о связях Дьяконова с красными:

«Полковник Дьяконов с марта до июля 1937 года находился правительственной Испании, где он посетил фронты у Мадрида и в Арагоне, разъезжая в автомашине советского консула. Дьяконов также встречался в Виши с графом Игнатьевым, перешедшим на сторону советов»[38].

В истинном лице Дьяконова, называемого в документах то полковником, то генералом, французские власти не сомневались. Но разоблаченным перед лицом эмиграции Дьяконов не был. Грянула Вторая мировая война, и под ее шум Дьяконов исчез в неизвестном направлении. Носились слухи, что уехал к своим хозяевам в СССР.

Часть вторая

Генерал Е. К. Миллер

Евгений Карлович Миллер родился в Двинске 25 сентября 1867 года. В 1884 году он окончил Николаевский кадетский корпус, в 1886 году — Николаевское кавалерийское училище. Начал службу в блестящем лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку.

В 1892 году окончил по первому разряду Николаевскую академию Генерального штаба. В 1898 году он был назначен военным атташе в Бельгии и Голландии. Здесь ему впервые пришлось выступить на дипломатическом поприще при подготовке первой мирной конференции в Гааге. Затем, с 1901 по 1907 год, Миллер занимал пост военного атташе в Италии. В 1908–1909 годах отбывал строевой стаж, командуя 7-м Белорусским гусарским полком. 6 декабря 1909 года был произведен в генерал-майоры, в 1910 году занимал должность второго генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, в его ведении находились все русские военные атташе в странах Европы.

С 1910 по 1912 год был начальником Николаевского кавалерийского училища. В ноябре 1912 года Е. К. Миллер принял пост начальника штаба Московского военного округа. После объявления мобилизации летом 1914 года, Московский округ сформировал 5-ую армию во главе с генералом Плеве и его начальником штаба Е. К. Миллером.

Уже в предвоенные годы ярко проявился незаурядный стратегический талант Е. К. Миллера. Незадолго до Первой мировой войны вооруженные силы России претерпели тяжкий удар, нанесенный им реформами военного министра генерала Сухомлинова. Весь аппарат государственной обороны, разработанный фельдмаршалом Д. А. Милютиным и генералом Н. Н. Обручевым, подвергся коренной ломке. Сухомлинов изменил план стратегического развертывания русских армий на западных границах. План Обручева, предвидевший нанесение главного удара по австро-венгерским армиям вдоль оси Брест — Люблин, Сухомлинов заменил ударом по оси Киев — Львов. Проект Сухомлинова не встретил сочувствия в штабах военных округов. Решительный отпор нелепой затее Сухомлинова оказали начальник штаба Московского округа генерал Миллер и начальник штаба Киевского округа генерал М. В. Алексеев. По их инициативе в штабе Московского округа было немедленно созвано частное совещание начальников штабов европейских округов, на котором план Сухомлинова был полностью отвергнут.

Сухомлинов был вынужден склониться перед авторитетом начальников штабов, и его план подвергся основательной переработке.

Все же к началу войны план Обручева полностью восстановлен не был. Уже в ходе великой Галицийской битвы, благодаря усилиям Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и стараниями начальника штаба Юго-Западного фронта генерала Алексеева, удалось сосредоточить мощный кулак против левого фланга австро-венгров у Люблина и тем решить исход сражения в пользу русских армий.

За год до битвы в кабинете генерала Миллера в Москве была проведена на карте военная игра. Если бы операция проводилась в том же варианте на полях Галиции, то это сражение окончилось бы на неделю раньше полным разгромом австро-венгерских армий и, возможно, выходом Австро-Венгрии из войны. В трудных условиях 5-я армия отразила удар численно превосходивших австро-венгров, не дав им возможности прорвать фронт. Затем перейдя в решительное контрнаступление, нанесла австрийцам тяжкое поражение.

Военно-научный анализ Галицийской битвы приводит к выводу, что ключ к победе оказался в руках генерала Миллера. Прекрасным стратегом проявил себя Миллер осенью 1914 года в сложной обстановке Лодзинского сражения русских и немецких армий.

В 1915 году Миллер был произведен в чин генерал-лейтенанта. В январе 1917 года он был назначен командиром 26-го армейского корпуса в 9-й армии генерала Лечицкого. В дни развала армии, 7 апреля был ранен взбунтовавшимися солдатами из прибывшего на фронт пополнения. В августе 1917 года Миллер был назначен представителем Ставки Верховного Главнокомандующего при итальянской Главной Квартире. Здесь его застала большевистская революция. Он не признал власти узурпаторов и был заочно предан советским правительством суду революционного трибунала.

После заключения Лениным позорного Брестского мирного договора с Германией западные союзники оказались в затруднительном положении. Они стремились к свержению советской власти, и при их участии летом 1918 года в Архангельске было образовано правительство Н. В. Чайковского. В августе в Архангельске высадились союзные войска — англичане, американцы и французы — под общим командованием английского генерала Пуля. Правительство Чайковского вызвало Миллера в Архангельск для принятия

должности военного губернатора Северной области. Тем временем война на Западе закончилась капитуляцией армий кайзера Вильгельма.

Естественно, англичане предали забвению три цели своей высадки на севере России: овладение портами Мурманска и Архангельска, захват военного имущества в этих портах и главное — формирование русских войск с целью восстановления восточного фронта и продолжения войны с Германией.

После приезда в Архангельск в январе 1919 года, Миллер ведал иностранными делами правительства Чайковского. В августе 1919 года англичане заявили о своем уходе из Северной области. Ставши главнокомандующим войск Северного правительства, Миллер отклонил предложение англичан заодно эвакуировать и русские полки, общая численность которых не превышала 10 тысяч человек. Как ни трудно было положение, все же Миллер решил продолжать борьбу против большевиков, принося посильную помощь другим белым фронтам. Ни у него, ни у его предшественника по командованию Северным фронтом генерала В. В. Марушевского не было надежды на то, что молодая, едва сколоченная армия устоит. И в самом деле, в связи с роковыми неудачами на других белых фронтах, в феврале 1920 года ему пришлось оставить Архангельск. Остатки армии погрузились на ледокол «Козьма Минин» и яхту «Ярославна» и, провожаемые ружейным и пулеметным огнем восставших портовых рабочих и матросов, ушли в изгнание.

Устроив за границей эвакуированных жителей и военнослужащих, Миллер вернулся к антисоветской деятельности. По совету А. В. Кривошеина, бывшего царского министра земледелия и своего ближайшего помощника, правитель Юга России генерал П. Н. Врангель назначил Миллера главноуполномоченным по военным и морским делам в Париже. На этом посту Миллер оставался с июля 1920 по апрель 1922 года. В апреле 1922 года он был назначен начальником штаба Врангеля. В июне 1923 года Миллер перешел в распоряжение великого князя Николая Николаевича и ведал денежными суммами, которые Врангель передал великому князю.

В 1929 году Кутепов назначил Миллера первым заместителем председателя РОВСа.

Миллер принадлежал к тем служилым людям старой России, у которых личное было всегда на заднем плане. Воспитание, полученное в семье и школе, определило его жизненный путь. Смысл жизни — не служба ради карьеры, но служение отечеству, готовность в любой момент принести себя в жертву ради блага страны.

Будучи выдающимся стратегом, не в пример многим иным офицерам Генерального штаба, заботившимся прежде всего о своей карьере и громкой славе, он всегда держался скромно. Он следовал доброму завету Николаевской академии генерального штаба — если работа начальника штаба принесла блестящие результаты, то ему не следует приписывать их себе и не оспаривать успеха, выпавшего на долю командира. Поэтому лавры победы в Галиции достались престарелому генералу Плеве. Скромность Миллера была поразительной. Когда командир 2-го армейского корпуса генерал Флуг поздравил своего соседа, командира 26-го корпуса, с победой под Кимполунгом, то Е. К. Миллер ответил, что своим успехом обязан предшественнику, разработавшему план операции.

Идеальный офицер генерального штаба, Миллер был совершенно лишен честолюбия. Волевой, тактичный, доступный для подчиненных, скупой на слова, исключительно трудоспособный и энергичный, он жил для России и ее армии. Был и прекрасным семьянином, но строго отделял дела служебные от дел семейных.

Его жена, Наталья Николаевна, говорила, что деловая жизнь ее мужа была для нее закрытой: «Бывало, придет домой. Я спрашиваю его — какие были новые знакомства, встречи, разговоры? — Он отвечает: „Сейчас, сейчас“. — „Да, да, знаю, сейчас будешь рассказывать меню обеда“. Только меню обеда он мне и рассказывал. Ни одного слова о делах».

Миллер был человеком долга. Возглавил белое движение на севере России не в силу личных амбиций, но по зову долга перед родиной. Так же по зову долга стал председателем РОВСа после похищения Кутепова.

Наследство А. П. Кутепова

Благодаря деятельности Кутепова, РОВС вырос в крупнейшую организацию русского Зарубежья. Сплоченный вокруг испытанных боевых командиров, любовно хранивший армейские и полковые традиции, спаянный воинской дисциплиной, РОВС, словно магнит, притягивал к себе множество других эмигрантских организаций. Все в нем сохранялось, как в настоящей армии. Активная часть эмиграции возлагала на него надежды как на силу, способную успешно бороться с коммунизмом. Недобрым и тревожным взглядом взирало на него ОГПУ.

21 марта 1930 года приказом № 6 генерал Ф. Ф. Абрамов был назначен первым заместителем генерала Миллера с оставлением в должности начальника 3-го Отдела РОВСа в Болгарии. 22 марта приказом № 7 проживавший в Париже вице-адмирал М. А Кедров был назначен вторым заместителем председателя РОВСа. 31 марта Е. К. Миллер назначил начальником 1-го Отдела РОВСа генерала-от-кавалерии П. Н. Шатилова, с подчинением ему групп РОВСа в Англии, Голландии, Испании, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Персии. 2-й Отдел в Германии возглавлял генерал-майор А А. фон Лампе, 3-й Отдел в Болгарии — генерал-лейтенант Абрамов, 4-й Отдел в Югославии — престарелый генерал фон Экк, 5-й Отдел в Бельгии — генерал Гартман, 6-й Отдел в Чехословакии — генерал-от-инфантерии Ходорович. Дальневосточный Отдел, составленный из чинов армий адмирала А. В. Колчака, возглавлял генерал-лейтенант Дидерихс. Были группы в Парагвае, Канаде, США и других странах.

Из ближайших сотрудников Кутепова по канцелярии на рю де Карм Миллер принял в свое окружение только князя С. Е. Трубецкого, поручив ему информационную работу по РОВСу. 10 апреля 1930 года он перевел канцелярию РОВСа в дом № 29 на рю дю Колизе. Начальником канцелярии он назначил генерал-лейтенанта Н. Н. Стогова и с 1 декабря дал ему в помощ-ники генерала П. А. Кусонского.

В конце апреля Миллер отправился в инспекционную поездку по группам РОВСа в Югославии и Чехословакии. В Белграде у него были встречи с генералами Экком, Барбовичем, Абрамовым, множеством политических и общественных деятелей. Е. К. Миллер был принят во дворце королем Александром, сочувствовавшим и помогавшим русской эмиграции.

В начале мая Миллер посетил несколько городов в югославской провинции, всюду его тепло принимали местные

русские организации.

13 мая русские военные и общественные организации в Праге приветствовали Миллера банкетом, собравшим 400 человек. В Праге генерал встречался с чешскими и русскими политическими деятелями, беседовал с чешскими и русскими журналистами. Повидав русских в Брно, Братиславе и Пильзене, 18 мая Миллер вернулся в Париж.

В ноябре Миллер посетил группы РОВСа в Болгарии, повидал сотни офицеров, работавших простыми шахтерами в рудниках Перника. Везде ему был оказан радушный прием. Казалось, что и впредь дела РОВСа будут развиваться успешно. В толще эмиграции и среди чинов РОВСа весь 1930 год прошел под знаком слухов и толков о таинственном исчезновении Кутепова. На собраниях Миллер рассказывал о похищении Кутепова все, что знал. О том, что эмиграция, возмущенная разбоем ОГПУ, в короткий срок собрала несколько сот тысяч франков на расследование похищения. О том, что официальное французское следствие зашло в тупик, и слишком мало надежд на выяснение правды о Кутепове.

Докладывал о злодеянии не только Миллер. Выехав раньше главы РОВСа, генерал Скоблин 30 марта выступил в белградском русском офицерском собрании с сообщением о парижских событиях и «осветил положение дела похищения генерала-Кутепова»[39].

* * *

Похитив Кутепова, ОГПУ нанесло сильный удар по РОВСу. В тайны боевой работы Кутепова Миллер посвящен не был, да и от всей секретной деятельности Кутепова не оставалось почти ничего. Большая часть его боевиков уже погибла в походах в СССР. Единственное, что перешло к Е. К. Миллеру, — остатки небольшой группы кутеповских боевиков, возглавлявшейся в Чехословакии генерал-майором В. Г. Харжевским. Эта группа сотрудничала со 2-м Отделом польского генерального штаба, и ее связь с поляками была установлена в разгар боевой деятельности Кутепова.

Как и другие боевые вылазки кутеповцев, походы этой группы кончались плохо. Это были походы обреченных на смерть, психологически к смерти готовых и словно ее искавших. С бомбами в карманах и с намерением бросить их в коммунистов шли они в СССР и не возвращались.

В декабре 1929 года посланный в СССР капитан Павел

Михайлович Трофимов был пойман чекистами и погиб. До рокового похода ходил он в СССР и раньше. По поручению Кутепова познакомился в Москве с Якушевым-Федоровым и почуял в нем провокатора. Но его подозрения не прервали связей Кутепова с «Трестом».

В октябре 1929 года ушли в СССР три офицера: старший — Александр Александрович Анисимов, помощники — Владимир Иванович Волков и Сергей Сергеевич Воинов. Перед походом собрались они в начале сентября в бедной полесской деревеньке вблизи от польско-советской границы. Здесь они готовились под руководством Анисимова, трижды побывавшего в СССР. Анисимов был одним «из стаи славной», в боевую организацию его приняла Мария Захарченко, умевшая подбирать для опасной работы подходящих людей.

Анисимов обучал своих спутников ходьбе по топким и холодным болотам с полной выкладкой.

По выработанному плану тройка направлялась на Ж (итомир), двигаясь по болотной зоне. До Ж. предстояло покрыть около 200 верст. После выхода в сухую местность они должны были переодеться в форму советских пограничников и из Ж. ехать автобусом в К.(иев).

В ночь на 7 октября они перешли границу. Три дня шли по болотам. 10 октября шедший впереди Анисимов оступился, сломал ногу и упал. Кроме самоубийства, иного выхода не было. Прождав до вечера, Анисимов застрелился, оставив на груди платок с надписью чернильным карандашом: «Надо спрятать мое тело». Воинов и Волков просидели всю ночь у тела погибшего начальника. Ранним утром нашли промоину у дерева, целый день углубляли ее, втиснули в яму тело Анисимова. Подавленные трагической гибелью Анисимова, они хотели было вернуться назад. Случайно стали свидетелями расстрела непокорных крестьян чекистами. Возмущенные насилием, переменили решение и двинулись вперед. Благополучно вернулись, спустя месяц опять пошли в СССР и там погибли от рук чекистов.

Провалы походов этой группы повели к прекращению сотрудничества поляков с РОВСом. Поляки даже были вынуждены реорганизовать один из секторов своей разведки в СССР. Начальник русской секции 2-го Отдела польского генерального штаба Р. Врага три раза беседовал с генералом Миллером о неблагополучии в группе генерала Харжевского. Но, подобно Кутепову, Миллер скептически отнесся к доводам Враги и предпочел верить своим подчиненным.

* * *

Два года спустя после исчезновения Кутепова на РОВС обрушилось новое несчастье. Полученные из Японии русские деньги, по совету своего брата, Карла Карловича Миллера, бывшего торгового агента в Токио, генерал Миллер вложил в предприятия знаменитого финансиста, шведского спичечного короля Ивара Крегера.

Финансовая империя Крегера простиралась по всему миру. Он ворочал сотнями миллионов долларов, брал деньги взаймы у американских банкиров и предоставлял займы правительствам многих стран. Его мощь и влияние были особенно значительными с 1927 по 1930 год. Ему верили правительства, серьезные деловые люди, крупнейшие банки. Но в действительности Крегер был ловким аферистом, выплачивавшим любые большие дивиденды одним и одновременно бравшим взаймы многие миллионы у других. В своей деятельности Крегер столкнулся с коммунистическим режимом СССР, выступавшим против спичечной монополии, которую он навязывал странам, получавшим от него займы для стабилизации валюты. Об истинном состоянии дел Крегера ОГПУ было хорошо осведомлено от своего агента Владимира Петровича Багговут-Коломийцева. В 1922 году эмигрант Багговут сменил вехи и открыто перешел на службу к большевикам. Способный финансист, Багговут побывал в СССР, где его таланты были оценены по достоинству начальством Высшего Совета Народного Хозяйства. Посланный за границу, Багговут установил тесные связи с английскими торгово-промышленными кругами, в частности с Мидлэнд-банком и нефтяным синдикатом. Проник он и к Крегеру, ставши одним из его ближайших сотрудников. Каким-то таинственным образом, через третьих лиц, Багговут способствовал помещению денег РОВСа в «солидное» предприятие Крегера.

12 марта 1932 года в спальне своего роскошного апартамента в доме № 5 на авеню Виктора-Эммануила Третьего в Париже гениальный король мошенников пустил пулю в сердце. От его призрачной империи, построенной на жульнической бухгалтерии, не осталось ничего. Неописуем был крах, разоривший многих доверившихся Крегеру людей. Разоренным оказался и РОВС — семь миллионов франков были выброшены словно на ветер. Уцелели лишь те сотни тысяч, что не были вложены в дела Крегера.

* * *

Неопытность Кутепова в делах конспирации, отсутствие у

него своей разведки и контрразведки погубили как его самого, так и его боевую организацию. Миллер понимал это хорошо, благо у него был богатый опыт разведывательной работы, накопленный в годы службы военным атташе в странах Европы. И одним из его первых шагов была организация небольшого контрразведывательного аппарата для защиты РОВСа от советской агентуры. По его вызову в октябре 1930 года в Париж прибыл генерал-майор Глобачев, с 1903 года служивший в корпусе жандармов и в канун революции 1917 года бывший начальником Петроградского Охранного отделения.

Прослушавший курс Николаевской академии генерального штаба и окончивший ее по второму разряду, теоретически хорошо подготовленный, Глобачев обладал и большим опытом практической работы. Начало Первой мировой войны застало его на посту начальника Варшавского Охранного отделения, а компетентность в делах политического сыска привела его и на важнейший жандармский пост в столице Российской империи. Он своевременно предупреждал царское правительство о нараставшей революции, но его предупреждения услышаны не были.

Назначение Глобачева на важный пост начальника контрразведки РОВСа было несомненно правильным. На этом посту Глобачев проявил себя хорошо и стал бельмом в глазу ОГПУ.

Генерал Миллер был непримиримым противником коммунизма и продолжателем дела Кутепова. Но начал он по-иному, с учетом ошибок прошлого. Гибель отважных боевиков и явная неудача террора подсказывали Миллеру иные методы борьбы. Он решил приступить к созданию внутри страны тайных опорных пунктов и ячеек, которые в нужный момент смогли бы сыграть решающую роль в восстаниях народа против коммунистической власти.

Ограниченность финансовых возможностей, особенно после краха Крегера, мешала развитию дела Миллера. К тому же обстановка для действий была неблагоприятной — после «трестов» и похищения Кутепова иностранные штабы скептически относились к шансам эмигрантских организаций и уклонялись от сотрудничества с ними. И поначалу Миллеру пришлось ограничиться вместо боевой только разведывательной деятельностью, да и то в весьма скромных размерах.

Заминка в боевой деятельности РОВСа была скоро замечена в широких кругах эмиграции. Неугомонные активисты жаждали «настоящих дел», они громко требовали от РОВСа новых подвигов и новых жертв. Своим новым курсом, о котором, естественно,

говорить открыто было нельзя, Миллер разочаровал эмигрантских активистов. Не дремала и советская агентура, подогревавшая настроения активистов толками о бездеятельности нового главы РОВСа.

При всех своих положительных качествах, честный и верный долгу преемник Кутепова все же оставался типичным русским генералом старого закала. Он не уловил духа времени, свойственного бурным годам Гражданской войны. Не стал он настоящим политиком, не было у него и ясной политической программы. Широким массам офицерства южной белой армии, составлявшей большинство РОВСа, он был известен мало и не так популярен, как его предшественник динамичный Кутепов.

Все же РОВС начала тридцатых годов продолжал оставаться крупнейшей эмигрантской организацией, потенциально опасной для коммунистической власти, особенно в случае военного столкновения социалистического СССР с капиталистическим Западом. В предвидении такой возможности генерал Миллер старался сохранить кадры РОВСа.

Под руководством выдающегося русского генерала генерального штаба Н. Н. Головина в Париже и в Белграде сотни офицеров учились на Высших военно-научных курсах — своеобразной зарубежной академии генерального штаба.

Где было возможно, в группах РОВСа читались лекции на военные темы. Безоружная армия в штатском платье продолжала жить, мечтая о последнем решительном бое с красной властью в России.

Тайная организация в Софии

9 июня 1923 года земледельческое правительство Александра Стамболийского пало под ударами заговорщиков. К власти в Болгарии пришло правительство профессора Александра Цанкова, опиравшееся на офицерство, Внутреннюю Македонскую Революционную Организацию и другие Демократические сговора.

Со вздохом облегчения и радостью восприняли переворот разбросанные по Болгарии воинские части корпусов Кутепова и Абрамова. Благодаря курсу новой власти, происках советских коммунистов против белых был положен предел.

В сентябре 1923 года болгарские коммунисты подняли восстание в ряде городов с целью захвата власти. Создалось серьезное положение — после подписания мирного договора в Нейи-сюр-Сен Болгария располагала небольшими силами полиции и 20-тысячной армией. На помощь правительственным силам пришли русские белые воины. Восстание было подавлено, порядок восстановлен, отношение к русским со стороны правительства стало отменно хорошим.

В 1924 году решением генерала Врангеля армия была преобразована в Русский Обще-Воинский Союз. Воинские части в Болгарии были подчинены управлению 3-го Отдела РОВСа. Возглавил Отдел генерал Ф. Ф. Абрамов, вернувшийся после переворота в Болгарию из Югославии, где он короткое время был начальником штаба генерала Врангеля.

Канцелярия 3-го Отдела помещалась в просторном доме № 17 на улице Оборище в Софии. Дом был старый, с облупившейся штукатуркой, нуждавшийся в ремонте. Улица была тихая. Перед домом сад, давно заглохший и поросший сорняками.

Обстановка в доме тоже была скромная: деревянные столы с чернильными пятнами, хромые стулья, некрашеные дешевые шкафы, простые деревянные скамьи. Лишь кабинеты начальника Отдела Абрамова и начальника его канцелярии, капитана Клавдия Александровича Фосса, были обставлены немного лучше.

Капитан Фосс во время Гражданской войны на юге России служил в артиллерийской бригаде Дроздовской пехотной дивизии. Ставши начальником канцелярии генерала Абрамова в обход старших чином и стажем офицеров, он с головой погрузился в конспирацию. Уже в 1924 году он приступил к вербовке белых офицеров в тайную организацию под привлекательным названием «Долг Родине». Организация строилась по принципу тайных троек, начальники которых знали только своего начальника и двух своих подчиненных. Вербуемых

заверяли в патриотических целях борьбы с коммунизмом в России. Неясно было, как эта борьба будет вестись из-за рубежа. Не было понятно, почему сплоченным в воинских организациях испытанным воинам следовало приступить к тайной политической деятельности. Не было и прямых распоряжений генерала Абрамова о желательности вступления в ряды организации «Долг Родине».

Лично я, как и мои друзья по Атаманскому военному училищу, отнеслись к организации «Долг Родине» отрицательно. Вербовка в организацию не дала большого числа готовых к тайной деятельности под руководством доселе неизвестных деятелей. Тем не менее небольшое число капитанов и поручиков оказало доверие капитану Фоссу, вступив в тайное сообщество. Среди них — ближайший помощник Фосса, капитан Корниловского артиллерийского дивизиона Николай Дмитриевич Закржевский.

В это время, по поручению генерала Врангеля, бывший начальник его штаба в Крыму генерал Шатилов был занят переселением чинов армии с Балкан во Францию. В том же доме на улице Оборище устроилась организация «Технопомощь», под верховным руководством Шатилова вербовавшая во Францию русских рабочих на шахты и сталелитейные заводы. Канцелярией «Технопомощи» ведал приятель Фосса капитан Арнольди. Документы уезжавших — нансеновские паспорта — выправлялись небрежно. Завербованные офицеры уезжали большими группами, их паспорта при переезде границ проверялись пачками по десять штук. Велико было изумление некоторых прибывших во Францию офицеров, выехавших из Болгарии под чужими именами. Так было с поручиком Корниловского полка Николаем Тимофеевичем Артамоновым, всю свою жизнь во Франции прожившим под фамилией Альтова. От приставленной к своей фамилии чужой фамилии с трудом отделался хорунжий Атаманского военного училища Константин Осокин. Были и другие подобные случаи.

В отправках групп во Францию принимал деятельное участие и капитан Фосс. В среде уезжавших его имя произносилось с особым почтением и уважением.

Возникновение организации «Долг Родине» по времени совпало с началом конспиративной деятельности Кутепова. Но к зарождению этой организации Кутепов не имел никакого отношения. Ни чета Шульц, ни молодые люди из русских гимназий в Финляндии к ней тоже отношения не имели. У Кутепова собственной контрразведки не было, а разведывательная работа переплеталась с боевой.

Втайне от Кутепова Фосс и Закржевский кропотливо

трудились, превращая «Долг Родине» во «Внутреннюю линию», секретную организацию в лоне РОВСа. Генералы генерального штаба Шатилов и Абрамов давали советы и руководящие указания, мало-помалу вырабатывались инструкции и положения, направлявшие деятельность «Внутренней линии». Эта тайная организация окончательно сложилась в 1927 году, именно в том году, когда шумным саморазоблачением покончил с собою «Трест».

Софийский центр «Вн. линии» представил себя Кутепову как контрразведку РОВСа на Балканах. Впрочем, пользуясь своей близостью к советской границе, софийский центр отправлял своих эмиссаров в СССР через Румынию, о чем осведомлял Кутепова. В это время Закржевский был одним из курьеров, ездившим в Париж с докладами Кутепову. Тем самым «Вн. линия» вклинилась в боевую организацию Кутепова. Тем не менее при жизни Кутепова никакой организационной работой во Франции «Вн. линия» не занималась. По меньшей мере один ее чин, капитан Марковского артиллерийского дивизиона Виктор Александрович Ларионов, был участником основной группы боевой организации Кутепова. Как начальник тройки, бросившей бомбы в партийном клубе на Мойке в Ленинграде, он не оказался полностью на должной высоте, и Кутепов отстранил его от дальнейшего участия в боевой работе. Это решение Кутепова было известно только его ближайшим сотрудникам. И небольшая книга Ларионова «Боевая вылазка в СССР» вышла в свет в 1931 году, когда Кутепова уже не было в живых.

Никакого отношения к «Вн. линии» не имел и генерал Врангель. Вероятно, ничего не знал о ней и начальник контрразведки штаба Врангеля генерал Климович.

В 1926 году генерал Врангель расформировал свой штаб в Сремских Карловцах и перенес его работу в управление 1-го Отдела РОВСа, возглавлявшегося генералом И. А. Хольмсеном. Остатки государственных средств, вывезенных из Крыма, Врангель предназначил для обеспечения работы управлений РОВСа. Переехав из Югославии в Бельгию, бывший главнокомандующий русской армии и правитель Юга России поступил на службу горным инженером. Как председатель РОВСа он наезжал в Париж, встречался со старшими начальниками, совещался с ними и политическими деятелями эмиграции.

Боевой деятельности Кутепова он не сочувствовал, считал ее слишком рискованной и не приносившей искомых результатов. Отношения с Кутеповым у него были неприязненными.

В апреле 1928 года, в расцвете сил, Врангель скончался от скоротечной, возможно, искусственно привитой чахотки. Сошел

со сцены популярный и авторитетный вождь белого воинства, на радость большевикам, к глубокой печали белых воинов и широких кругов эмиграции.

16 ноября 1929 года Кутепов назначил генерала Шатилова начальником частей и групп во Франции, с подчинением генералу Хольмсену. Близкие к Кутепову сотрудники были удивлены этим назначением. На их недоуменные вопросы Кутепов ответил: «Предпочитаю держать этого интригана около себя, чтобы наблюдать за ним и не давать ему действовать по собственному усмотрению».

«Внутренняя линия» во Франции

Летом 1929 года капитан Закржевский переехал во Францию. Месяц спустя после гибели Кутепова Закржевский получил письмо от Фосса из Софии, датированное 28 февраля 1930 года:

«Не откажите с получением сего явиться к П. Н. Ш., 19, рю дю Шемен вер, Аньер-Сен-Курбевуа, предъявить ему ваши документы и мое письмо, доложив ему обо всем. Лучше всего это сделать в один из вечеров после семи часов. О вашем свидании никому (понимаете) не должно быть известно. Ваша задача будет вам объяснена. Все будет зависеть от вашего умения молчать и ловкости в работе. О результате и ходе дела в дальнейшем в пределах возможного держите меня в курсе».

Тайное свидание Закржевского с Шатиловым состоялось. Задача была объяснена: тайнодействие в 1-м Отделе РОВСа, под руководством его начальника, генерала Шатилова, началось. В помощь Закржевскому Фосс прислал поручика Сергиевского артиллерийского училища Михаила Ивановича Селиверстова, выехавшего из Болгарии во Францию 19 ноября 1929 года. Встретившись в Париже, Закржевский и Селиверстов приступили к работе.

У Закржевского была удобная профессия. Еще будучи студентом Софийского Свободного университета, он играл на рояле в ночных кабачках. В Париже он организовал небольшой джаз-банд, с которым выступал на многочисленных русских балах и вечеринках. На балах он встречался со множеством эмигрантов из всех слоев русской колонии Парижа. Был частым гостем у четы Скоблиных, аккомпанировал Плевицкой. На квартире Закржевского на рю Дезекс время от времени устраивались небольшие собрания отнюдь не музыкального свойства. Бывала на этих собраниях Надежда Плевицкая.

В огромном стенном шкафе квартиры Закржевского хранилась картотека на множество эмигрантов. Учитывались антисоветские эмигранты, особое внимание уделялось всевозможным компрометирующим данным. По картотеке Закржевского можно было легко найти адрес любого Иванова или Попова со сведениями о его занятиях, принадлежности к той или иной политической или общественной организации — наряду с оценкой данной личности с точки зрения интересов «Вн. линии». В картотеке имелись сведения о русских эмигрантах, проживавших во Франции, Бельгии, Люксембурге и Германии. Своим «архивом», как Закржевский называл картотеку, он очень гордился, намекая на имеющиеся у него возможности шантажа.

Селиверстов устроился на службу в управление 1-го Отдела РОВСа. Он выполнял поручения Шатилова и был ему очень предан, исполнителен, дисциплинирован, как и подобало молодому образцовому офицеру.

Закржевский приступил к организационной работе, тщательно отбирая в аппарат «Вн. линии» дисциплинированных офицеров в разных городах Франции. Под псевдонимом «Дмитриев» Закржевский вел переписку с вербуемыми в организацию офицерами. Разъезжал он по Франции под прикрытием журналиста Валерия Михайловича Левитского, читавшего доклады о жизни и событиях в СССР. Лично удостоверившись в добротности неофитов «Вн. линии», Закржевский давал им на подпись обязательство хранить тайну о ее деятельности. Добрых восемнадцать месяцев трудился Закржевский, и к сентябрю 1932 года «Внутренняя линия» обзавелась разветвленной сетью своей агентуры.

Среди завербованных оказался капитан Дроздовского артиллерийского дивизиона Ростислав Петрович Рон-чевский. Проживал он в Лионе, принимая живое участие в деятельности большой местной группы РОВСа. Когда в отделении Союза Галлиполийцев возникли большие нелады и наметился раскол, вызванные действиями начальника местной группы генерала Н. И. Химича, было решено командировать Рончевского в Париж для доклада генералу Миллеру. После предварительного разговора с генералом Стоговым, Рончевский был принят Е. К. Миллером в присутствии Шатилова. Доклад Рончевского был предельно откровенным. Невзирая на присутствие Шатилова, Рончевский заявил, что именно генерал Шатилов потворствует Химичу и не способствует изживанию кризиса РОВСа в Лионе. Генерал Миллер принял нужные меры: Химич был отрешен от должности, на его место назначен был полковник Лютик, мир и порядок в группе были восстановлены.

По возвращении в Лион Рончевский неожиданно для себя получил от Закржевского предложение вступить в закрытую систему РОВСа. Отвечая Закржевскому, Рончевский выразил кое-какие сомнения. В самом деле, было странно, что такое серьезное предложение исходило от неизвестного ему офицера. Сомнения Рончевского были развеяны письмом на бланке начальника 1-го Отдела генерала Шатилова с его собственноручной подписью. Шатилов подтверждал предложение Закржевского. Под честное слово офицера Рончевского обязывали вернуть это письмо Закржевскому. Убедившись в высоком происхождении предложения, Рончевский вернул письмо и согласился работать в закрытом секторе РОВСа.

В конце сентября 1932 года в Париже состоялся 1-й съезд национальных группировок эмиграции. К немалому своему удивлению, Рончевский был командирован на съезд от Лионской группы РОВСа. Словно по мановению волшебной палочки доселе малоизвестный эмигрант был избран вице-председателем съезда. Присмотревшись к обстановке, Рончевский обнаружил, что вся организация съезда проводилась под эгидой тайнодействующих чинов, завербованных Закржевским. Хотя РОВС не был политической организацией в прямом значении этого понятия, тем не менее фактически он выступал как политическая сила, именно по воле Шатилова. Об истинной подоплеке этого начинания генерал Миллер осведомлен не был.

По окончании съезда 1 октября на квартире генерала Шатилова состоялось совещание, на которое были приглашены наиболее избранные участники съезда, в том числе и Рончевский. Шатилов прочитал доклад о целях и методах тайной организации. Среди присутствовавших был капитан В. А. Ларионов, произнесший соответствовавшее случаю прочувствованное слово.

В узком кругу избранных толковали о преемственности белой борьбы, с возложением ее на плечи молодых офицеров и возникавших тогда организаций молодежи. Наибольшее внимание уделялось Национальному Союзу Нового Поколения — НСНП.

Вернувшись в Лион, Рончевский, по собственному почину приступил к организации местного отделения НСНП. 11 декабря 1932 года состоялось первое, учредительное собрание Лионского отделения, на котором были решены организационные вопросы. Рончевский был избран председателем отделения, его ближайшим помощником — Николай Тимофеевич Альтов. Рончевский был с первых дней участником белого движения на юге России. Вступив в отряд полковника М. Г. Дроздове — кого, он проделал с ним трудный поход дроздовцев по югу России из Румынии на Дон для соединения с Добровольческой армией генерала Деникина. Альтов, привлеченный во «Вн. линию», был членом группы корниловцев в Лионе.

Национальный Союз Нового Поколения

Молодежь двадцатых годов, вышедшая из военных училищ белой армии, окончившая кадетские корпуса в Югославии и русские гимназии в разных странах русского Зарубежья, остро переживала трагедию родной страны. Пытливо вчитывались молодые люди в многочисленные мемуары потерпевших крушение русских политиков и генералов. Читали и искали ответ на мучительный вопрос: как и почему все это произошло?

Вместе со старшим поколением младшая часть офицерства и подраставшая молодежь были охвачены ненавистью к большевизму. Зачитываясь пламенными статьями зарубежных публицистов П. Б. Струве, Н. А. Цурикова, писателей Александра Амфитеатрова, Ивана Лукаша, стихами поэта Ивана Савина и многих других, молодежь проникалась мыслью о собственном действии, под знаменем новых идей, отличных от идей старых правых и левых партий. Большое влияние на формирование мировоззрения молодежи оказал национальный философ Иван Александрович Ильин своим журналом «Русский Колокол» и призывом к сопротивлению злу силою.

Начиная с середины двадцатых годов, в странах русского рассеяния зарождались кружки русской молодежи: в городах Болгарии и на шахтах Перника, в Белграде, в Праге, в Париже, в Варшаве и других местах. Первоначально эти кружки находились под влиянием возродившейся за рубежом монархической идеологии, но позже перешли на платформу непредрешения формы правления. Трагедия России ставила во главу угла социальные проблемы, и в этом направлении развивалась идеология эмигрантской молодежи, избравшей путь борьбы с коммунизмом.

Разрозненные кружки, возникшие в 1924–1925 годах, пошли по пути объединения. Осенью 1928 года кружки в Югославии слились в Союз Русской Национальной Молодежи. Его председателем был избран участник белого движения на юге России Виктор Михайлович Байдалаков.

В июле 1929 года в болгарском городе Велико-Тырново состоялся первый съезд Национального Союза Русской Молодежи, провозгласивший: «Дело Союза — это продолжение белой борьбы».

В конце июня 1930 года в Сен-Жюльен, недалеко от Женевы, собрались на съезд представители групп национальной молодежи из городов Франции Парижа, Гренобля, Монбара и Нильванжа. Многие из них раньше уже состояли в кружках молодежи в

Болгарии.

Однозвучность этих еще отдельных союзов, естественно, привела к мысли о слиянии в единую, мощную организацию молодых сил. В Париже было образовано Организационное бюро для подготовки объединительного съезда.

С 1 по 5 июля 1930 года в Белграде происходил первый съезд, объединивший отдельные союзы в Национальный Союз русской Молодежи, с центром в Белграде. Председателем НСРМ был избран герцог Сергей Николаевич Лейхтенбергский, возглавлявший группы НСРМ во Франции. В Исполнительное Бюро Союза, с пребыванием в Белграде, были избраны В. М. Байдалаков, профессор М. А. Георгиевский, М. Н. Хлопин и М. Д. Пепескул. Рупором идей Союза стала ежемесячная газета «За Россию», выходившая в Софии под редакцией Д. М. Завжалова.

Повсюду в отделах Союза в разных странах закипела организационная и идеологическая работа. Не порывая связей с РОВСом, признавая его крупнейшей эмигрантской организацией, молодежь НСРМ осознала необходимость независимой от РОВСа политической деятельности и выработки основ идеологии, под знаменем которой следовало вести борьбу с коммунизмом. Самостоятельная мысль все больше и больше стала приходить в столкновение с понятиями старшего поколения эмиграции. В поисках здорового нового молодежь отталкивалась от всего того, что привело Россию к катастрофе. Поиски своих путей не были легкими. Кое-кто из старших, такие связанные с РОВСом публицисты, как Н. А. Цуриков и В. М. Левитский, стремились поучать молодежь, навязывая ей свои отеческие мысли и наставления.

С 25 по 29 декабря 1931 года в Белграде состоялся второй съезд НСРМ. Подчеркивая независимость политического мышления Союза, съезд постановил переименовать его в Национальный Союз Нового Поколения — НСНП. В устав Союза был включен пункт, гласивший, что членами его могут быть лица, родившиеся не ранее 1895 года. На практике делались исключения в отношении тех возрастно старших, кто разделял идеи Союза и отвечал духу молодой организации.

Съезд поставил перед Союзом задачу подготовки национальной революции в России и выразил пожелание согласованно сотрудничать в этом деле со всеми активными антикоммунистическими организациями Зарубежья и прежде всего с РОВСом.

Второй съезд дал могучий толчок дальнейшему развитию НСНП. Во всех странах, вплоть до Дальнего Востока,

образовывались отделения и группы Союза. Выкристаллизовывалась идеология, вырабатывалась тактика. Как правило, в каждом отделении налаживалась национально-политическая подготовка по программам, утвержденным Исполнительным Бюро Совета Союза. Еженедельно в каждом отделении проводились собрания с чтением докладов и лекций на всевозможные идеологические, политические и информационные темы. Большое внимание уделялось изучению жизни в СССР. Унаследовав от похищенного Кутепова идею белого террора, НСНП в первые годы своего существования призывал к боевым действиям такого рода И у ОГПУ были все основания опасаться действий новой, народившейся за рубежом динамичной организации.

* * *

Чины РОВСа, капитаны и поручики Гражданской войны, вступая в НСНП, не порывали связей со своими полковыми объединениями. Поначалу одновременное состояние в РОВСе и НСНП не представляло трудностей. Начальство РОВСа, положительно относясь к политической работе НСНП, тем не менее старалось держать НСНП под своим покровительством. Во многих случаях организаторами отделений НСНП и его предшественника НСРМ были капитаны и поручики, особенно в Болгарии и Франции.

Более независимыми от чинов РОВСа были отделы НСНП в Югославии и Чехословакии, где было много молодых людей, никогда в РОВСе не состоявших и, следовательно, независимых от мышления руководителей РОВСа.

В первые годы своего существования НСНП, конечно, ничего не знал о «Внутренней линии» РОВСа. Но сама «Вн. линия» непрерывно держала НСНП в поле своего зрения. Обнаружив стремление молодых к самостоятельности, Фосс направил совершенно секретное распоряжение капитану И. И. Котлову, председателю Правления Союза Национальной Молодежи на шахтах Перника, датированное 26 мая 1929 года:

> «По приказанию начальника III Отдела Р.О.В.С. сообщаю, что в силу сложившихся обстоятельств и условий развития предстоящей работы, пребывание Центра на Пернике не соответствует в настоящее время характеру дальнейшей его деятельности. В силу этих соображений настоятельно прошу о переносе Центра

Союза в город Рущук в ведение штабс-капитана Александра Александровича Браунера. Подготовительное руководство по созыву заграничного съезда молодежи начальник III Отдела считает целесообразным сохранить за Вами, согласуя свою деятельность с таковой Штабс-капитана Браунера.

П/п Капитан Фосс».

Вскоре состоялся перенос центра. Браунер стал председателем НСРМ в Болгарии. 2–3 марта 1930 года в Софии, под крылышком Фосса, проходил очередной съезд, на котором присутствовали делегаты из Софии, Варны, Бургаса, Перника, В.-Тырново, Сливена, Пловдива, а также из французских городов Монбара и Гренобля. Съезд утвердил общий для союзов в Болгарии, Югославии, Чехословакии и Франции устав. А. А. Браунер был переизбран председателем Союза в Болгарии с центром в Рущуке.

После первого съезда объединенных союзов, состоявшегося в Белграде 1–5 июля 1930 года, Браунер стал членом Совета Союза и председателем Отдела в Болгарии. После перевода центра Отдела в Софию, Браунер стал ближайшим и весьма деятельным помощником капитана Фосса. В Софии он поступил на службу в русский отдел Общественной Безопасности Болгарии. Был он более чем троичен в лицах: офицер РОВСа, чин «Вн. линии», служащий Общественной Безопасности и член Совета НСНП, возглавитель Союза в Болгарии. Внешне лояльный к центру Союза в Белграде, на деле он проводил в жизнь предначертания «Вн. линии», исходившие от Фосса.

Под эгидой чинов «Вн. линии» проводился и съезд в Сен-Жюльен. Тем не менее центр в Белграде оказался независимым от руководства тайной организации. В это время Исполнительное Бюро Совета НСНП ничего не знало о «Внутренней линии». Временами оно ощущало ее оккультное влияние и сопротивление проводившимся в жизнь его решениям со стороны отдельных лиц в Болгарии и Франции. Но оно никак не думало, что некоторые генералы РОВСа будут систематически противиться независимому развитию Союза. Поэтому шероховатости в работе оно приписывало то ли личным качествам отдельных деятелей, то ли недостаточному пониманию намеченных задач и мероприятий.

Переписка из двух углов

В январе 1933 года я впервые побывал на собрании Лионского отделения НСНП. Когда я шел в кафе на Пляс де ля Мэри в лионском пригороде Виллербан, то думал — ну что могут сделать молодые, неопытные в политике люди? Отлично помню это собрание. В зале присутствовало около двадцати пяти человек. Действительно, это была молодежь, частично выросшая за границей. Те, что постарше, прошли сквозь огонь Гражданской войны, в лучшем случае достигшие чина капитана.

Мое внимание привлекла к себе невысокая, сутуловатая фигура крепко сшитого, пышащего энергией, волевого и уверенного в себе Р. П. Рончевского. Он вел собрание, докладывал о положении в России, о долге молодых сил эмиграции, о необходимости сплотить активную молодежь в крупную революционную организацию для борьбы за свободную Россию.

Мне уже не раз приходилось встречаться с Рончевским, но в иной обстановке — на балах местного отделения Общества Галлиполийцев, на общих собраниях Русского Эмигрантского Комитета. Вечно чем-то занятый и озабоченный, он тогда не привлекал к себе моего внимания. Но слушая его на этом памятном для меня собрании, я заразился верой в возможности эмигрантской молодежи. И впрямь, почему бы не могли молодые, свободные от груза ошибок своих отцов, свободные от психоза поражений, понесенных старшим поколением, взять на себя великую освободительную миссию?

После некоторого раздумья, в феврале 1933 года я стал членом-сотрудником НСНП. С головой я окунулся в жизнь молодой, динамичной, быстро развивавшейся организации. К собственному приятному изумлению, я обнаружил, что проведенные в бездействии первые годы эмиграции были для меня отнюдь не бесплодными. Внимательно следя за жизнью подъяремной России, читая эмигрантскую и советскую литературу, живо интересуясь книгами на политические и социальные темы, нежданно для себя я оказался достаточно политически просвещенным, чтобы сделать первые шаги на новом поприще.

В июне того же 1933 года правление Лионского отделения кооптировало меня в свой состав. Дел прибавилось, но увеличение объема работы вызывало лишь новый прилив энергии.

В один из душных летних вечеров Рончевский встретился со мной и Альтовым. Сперва мы занимались текущими делами по

Лиону и другим городам юго-востока Франции, входившим в Лионский подотдел НСНП. Затем лицо нашего председателя стало напряженно серьезным и озабоченным.

— Знаете, — сказал он, — наша деятельность не может не вызывать реакции со стороны большевиков. Нам следует опасаться попыток провокации и взрыва Союза изнутри, то есть обычных приемов советской агентуры в ее борьбе с активными кругами эмиграции. Следовательно, нам нужно принимать собственные меры предосторожности. Одна из них — наблюдение за происходящим вокруг и внутри Союза. У НСНП нет собственной организации типа контрразведки. Поэтому следует воспользоваться уже существующей сетью контрразведки РОВСа, действующей не первый год и имеющей опыт в таких делах.

— Конечно, самозащита нам безусловно нужна, — подтвердил я. — Знаменитый «Трест» и гибель Кутепова тому порука.

— Ну, если так, — продолжал Рончевский, — то не согласитесь ли вы участвовать в работе контрразведки?

— Да, я понимаю необходимость такой работы. Пожалуйста, можете рассчитывать на меня. Буду делать, что в моих силах и возможностях.

Альтова Рончевскому уговаривать не было нужды. Он уже был введен в курс дела. Между нами троими установилось дружное сотрудничество по всем вопросам деятельности НСНП и защиты его от проникновения советской агентуры.

В напряженной работе быстро бежали дни за днями. Как будто всё обстояло благополучно. Но в один сентябрьский вечер 1933 года Рончевский пришел на собрание нашей тройки очень озабоченным и встревоженным. Причин к беспокойству оказалось немало. Что-то странное стало обнаруживаться в контрразведке, именовавшей себя «Внутренней линией».

Возглавляя нашу тройку, Рончевский обменивался частыми письмами с парижским центром «контрразведки». Письма Закржевского из Парижа, подписанные псевдонимом «Дмитриев», были двух родов: одни содержали общую информацию по «Внутренней линии» и были маршрутными, пересылавшимися в другие города французской провинции после ознакомления с ними нашей тройки; другие содержали ответы Закржевского на недоуменные вопросы Рончевского и в нашем обиходе назывались перепиской из двух углов. Благодаря ответам Закржевского, мало-помалу стало выясняться подлинное лицо «контрразведки». 18 сентября 1933 года «Дмитриев» разъяснял:

«Имейте в виду, что наш Центр, наша организация, имеет, кроме своих многообразных задач, цель и задачу способствовать

наиболее безболезненному переходу политработы из рук старшего поколения в руки более молодого, не теряя связи с этим старшим поколением (конечно, военным) через персональное вхождение отдельных наших сотрудников в Н.С.Н.П., или в будущем — просто национальный союз, занимающих в нем в большинстве командные должности. ***Одно должно жить в другом, а мы должны быть везде незримыми руководителями, незримыми стержнями, толкающими работу обеих организаций к победе.*** *Собственно говоря, получается даже так, что фактически оба аппарата, и Р.О.В.С., и Н.С.Н.П., должны быть насыщены нашими людьми („подполья“) до такой степени, чтобы всё это в конечном счете сливалось бы… но если это идеал, то на практике вы сами видите, оно и проводится неукоснительно в жизнь».*

Уже одно это письмо заставило нас насторожиться. Но еще большее смущение вызвали у нас другие откровения «Дмитриева» в письме от 6 ноября 1933 года:

«Мы (Внутр. Линия) стоим над ВР и над АА[40]. Ведем их к одной и той же цели — разными путями. Для нас АА — средство борьбы, а для А2[41] — оно самодовлеющее, оно — АА — для А2 есть цель».

Выходило, что «Вн. линия» властно претендовала на возглавление как РОВСа, так и НСНП. Себя, тайную Организацию, неизвестную главе РОВСа генералу Миллеру и руководству НСНП, она ставила над ними с целью управлять и руководить всеми их действиями. Уточняя цели «ордена», Закржевский писал 29 ноября:

«Я хотел бы всем сердцем превращения внутренней линии не только во вн. линию одного ВР, но и АА… Дмитриев является именно лицом, ведущим такого же рода работу по АА».

Несомненно, широкое поле деятельности открылось перед «контрразведкой» после гибели генерала Кутепова.

16 декабря 1933 года Закржевский приподнял завесу над прошлым «Вн. линии»:

«Возражение относительно АПК[42] и правильно и неправильно, и вот почему: Внутренняя Линия в теперешней форме существовала шесть лет тому назад на Балканах. Отправки „ТУДА“ людей ввиду близости к границам были главным объектом и направлением работы. ***Дмитриев появился во Франции с лета 1929 года, но перебрался в Париж лишь к осени 1930 года, когда АПК уже не существовало, и положил начало организации здесь».***

Подчеркивая боевой характер организации, в письме от 11 декабря 1933 года Закржевский представил нам «Вн. линию» как «„организацию“ (орден или орденского типа), каковой мы

являемся, давшую Радковича, Сусалина, Болмасова, Ларионова и других».

Все эти письма со всей очевидностью повествовали о том, что «Вн. линия» отнюдь не была контрразведкой. В действительности она была своеобразным политическим орденом, в своей тайной переписке невозбранно использовавшей репутацию канувшей в Лету боевой организации Кутепова.

На вопрос Рончевского о распространенности «ордена» Закржевский ответил 19 марта 1934 года:

«Вы пишете: внутренняя линия — очевидно, это линия при I ВР, т. е. при 115? Да, при I ВР, что касается территорий, на которых расположен I ВР. Но вообще внутренняя линия существует и при II ВР, и при III ВР, и при IV ВР, и все они связаны друг с другом. Дмитриев осуществляет роль Начальника внутренней линии при первом ВР».

Таким образом к этому времени РОВС был опутан сетью незримых руководителей. Для придания «Вн. линии» большего авторитета, в письме № 220 от 15 июня 1933 года Закржевский раскрыл и имя ее верховного вождя:

«Думаю и надеюсь, что в частной беседе со мной Павлов[43] будет говорить и решать не в качестве главы Отдела ВР здесь, а в качестве главы Внутренней Линии».

Генерал П. Н. Шатилов

Павел Николаевич Шатилов был потомственным военным. Его дед, генерал-от-инфантерии, отличился в русско-турецкой войне 1877–1978 годов, и в его честь был назван один из фортов крепости Каре. Его отец, тоже генерал-от-инфантерии, был помощником наместника Кавказа и членом Государственного Совета. Родился Павел Николаевич в Тифлисе в 1881 году. Первым, с занесением на мраморную доску, он окончил Пажеский Его Величества корпус и начал службу в лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку. Участвовал в русско-японской войне. В 1908 году первым окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Строевой ценз отбыл в должности командира сотни в 1-м Хоперском полку Кубанского казачьего войска. Был переведен в Главное управление Генерального штаба. С началом Первой мировой войны занимал штабные должности в 7-й и 8-й кавалерийских дивизиях. За отличие в бою с немецкой кавалерией был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В 1916 году 35-летний полковник был переведен с западного театра на Кавказский фронт и назначен начальником штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии.

Революция 1917 года застала Шатилова на посту командира 1-го Черноморского казачьего полка. Летом того же года он был назначен генерал-квартирмейстером штаба Кавказского фронта.

Острого, но холодного ума, очень способный, больших военных знаний и опыта, отличавшийся редким самообладанием, умевший, когда нужно, быть обаятельным с собеседником, Шатилов был выдающимся офицером Генерального штаба, блестящим кавалерийским начальником, отличным знатоком разведывательной и контрразведывательной работы. После развала русской армии на Кавказском фронте, в декабре 1918 года, Шатилов прибыл в Екатеринодар в штаб Добровольческой армии генерала А. И. Деникина. Штабу он привез сведения о сохраненной на Кавказе разведывательной сети штаба Кавказской армии.

В это время на Северном Кавказе шла ожесточенная борьба 35-тысячной Добровольческой армии с 11-й армией красных, насчитывавшей свыше 100 тысяч человек. Организованность и качество были на стороне белых, в их рядах было много генералов и офицеров. В жестоких боях белые побеждали умением и исключительной доблестью. Самым талантливым белым генералом был барон Петр Николаевич Врангель, выдающийся стратег, человек большого ума, исключительной

энергии, несокрушимой воли и блестящий кавалерийский начальник. Благодаря ему в борьбе за Северный Кавказ свершился решительный перелом после разгрома красных под Ставрополем.

Деникин отправил Шатилова в распоряжение Врангеля. 2 января 1919 года Шатилов добрался до уездного села Петровского, где находился Врангель со своим штабом. Приезду Шатилова, своего старого приятеля по русско-японской войне и однокашника по Николаевской академии Генерального штаба, Врангель был очень рад. Зная опыт и таланты Шатилова, Врангель поручил ему командование конной группой из частей двух дивизий. Шатилов немедля повел в бой свои конные полки. 7 января он взял Георгиевск, через несколько дней разгромил минераловодскую группу красных и освободил от красных Терскую область и Дагестан.

Весной 1919 года у белых на фронте создалось критическое положение. Крупные силы 10-й армии красных выдвинулись на линию реки Маныч и, охватив правый фланг Донской армии, угрожали ей полным окружением. Освободившиеся после побед на Северном Кавказе дивизии Добровольческой армии генерал Деникин двинул на помощь изнемогавшим донцам.

После совещаний в Ростове-на-Дону было приступлено к проведению контрнаступления на Маныче. Большую часть конницы Деникин объединил в руках Врангеля. Под его начальством оказалась 1-я конная дивизия Шатилова. Манычская операция закончилась разгромом 30-тысячной группы красных. В эти дни особенно отличился Шатилов, переправившийся со своей дивизией через болотистый Маныч восточнее села Бараниково и нанесший решительный удар по красным у Великокняжеской. Деникин был рад победе. Он поздравил Шатилова, произвел его в чин генерал-лейтенанта и назначил командиром 4-го конного корпуса.

Остатки разбитых красных бежали в панике. Заново сформированная Кавказская армия под командованием Врангеля в составе четырех конных корпусов и одной пехотной дивизии безостановочно преследовала убегавшие остатки 10-й Красной армии и конного корпуса Думенко. После трехнедельного преследования по безводным солончакам калмыцкой степи, армия Врангеля подошла к Царицыну. Взять «красный Верден» с ходу не удалось. Лишь после жестоких боев 18 июня Царицын был взят. В этих трудных боях Шатилов показал себя прекрасным кавалерийским начальником, храбрым и инициативным. По настоянию Врангеля, 20 июня Шатилов стал начальником штаба Кавказской армии. На этом посту Шатилов проявил себя компетентным генштабистом, быстро разбиравшимся в сложной

боевой обстановке. Был он Врангелю ценным помощником.

Осенью 1919 года военное счастье изменило белым. Стратегические и политические ошибки главного командования Вооруженными Силами Юга России, малочисленность армии, неустроенность ее тыла и превосходство красных в силах повели к трагическому поражению. Врангель, поддержанный Шатиловым, не раз предлагал свои стратегические планы, возражал против знаменитой «московской директивы», нарушавшей принципы военного искусства.

Но Деникин и особенно его начальник штаба, генерал И. П. Романовский, переоценивая возможности, упрямо держались неверных решений. Когда обозначился крах «московской директивы» и Деникин осознал всю серьезность положения на фронте, он назначил Врангеля командовать отступавшей от Орла Добровольческой армией. Но было поздно. Остатки армии отступали, резервов не было, положение было катастрофическим. Между Врангелем и Деникиным углубился разлад. Окончательно разойдясь в мнениях с Деникиным, Врангель и Шатилов подали прошение об отставке и, по желанию Деникина, покинули Россию. На английском корабле они приплыли в Константинополь.

В марте 1920 года, после кошмарной эвакуации остатков армии из Новороссийска, Деникин решил уйти с поста главнокомандующего ВСЮР. На 21 марта он назначил заседание Военного совета в Севастополе для выбора себе преемника. Были приглашены и генералы, не занимавшие командных постов. Из Константинополя был вызван Врангель.

Об отчаянном положении укрывшихся в Крыму остатков южной белой армии Врангель знал хорошо. От британского Верховного комиссара в Константинополе адмирала де Робека он узнал об адресованной Деникину ноте, извещавшей о прекращении помощи Великобритании белым армиям. И без того тяжелое положение белых становилось совсем безнадежным. Де Робек сообщил также о телеграмме из Феодосии, посланной начальником британской миссии на юге России генералом Хольманом, о решении Деникина сложить с себя звание главнокомандующего.

— Если вам угодно будет отправиться в Крым, — сказал де Робек, — я готов предоставить в ваше распоряжение судно. Я знаю положение в Крыму и не сомневаюсь, что тот совет, который решил собрать генерал Деникин для указания ему преемника, остановит свой выбор на вас. Знаю, как тяжело положение армии, и не знаю, возможно ли ее еще спасти…

— Благодарю вас, — отвечал Врангель. — Если у меня могли

быть еще сомнения, то после того, как я узнал содержание ноты, у меня их более не может быть. Армия в безвыходном положении. Если выбор моих старых соратников падет на меня, я не имею права от него уклоняться.

Адмирал де Робек крепко пожал руку Врангеля. Убежденный враг большевизма, адмирал сожалел о решении своего правительства.

Узнав о решении Врангеля, Шатилов ужаснулся:

— Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь себя позором. Ведь у тебя ничего, кроме незапятнанного имени, не осталось. Ехать теперь — это безумие!

Но заклинания Шатилова не помогли. Решение Врангеля было бесповоротно. Утром 22 марта предоставленный Врангелю броненосец «Император Индии» бросил якорь на рейде Севастополя. Вместе с Врангелем прибыл и Шатилов, не приглашенный Деникиным на совет.

Собравшийся под председательством генерала-от-кавалерии А. М. Драгомирова Военный совет единодушно отказался от выборов и предложил Деникину самому назначить преемника. На частном совещании генералы, в необязательном для Деникина порядке, назвали Врангеля.

Отвечая им, Врангель сказал:

— Я лично не представляю себе возможным для нового главнокомандующего обещать победоносный выход из положения. Самое большее, что можно от него требовать, — это сохранить честь вверенного армии русского знамени.

Генералы и адмиралы угрюмо молчали. Наконец, генерал-майор Махров, начальник штаба Деникина, сменивший ушедшего в отставку Романовского, произнес:

— Всё же борьбу надо продолжать. Пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия.

— Да, Петр Семенович, это так, — возразил Шатилов, — но если бы этот шанс был… По-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять в периоде.

Врангель вышел из дворца. С тяжелыми думами шел он по Историческому бульвару. Он знал, что выбор падет на него. Генералы единогласно представили Деникину кандидатуру Врангеля. 22 марта Деникин подписал приказ о назначении Врангеля главнокомандующим ВСЮР. 24 марта Врангель назначил Шатилова своим помощником.

После отъезда генерала Махрова в Варшаву для представительства интересов русской армии в Польше, боровшейся против большевиков, в середине июня Шатилов стал

начальником штаба Врангеля.

* * *

Возрожденная волей Врангеля русская белая армия творила чудеса. Вырвавшись из тесного Крыма на просторы Северной Таврии, она одерживала одну победу за другой. В тихий, ясный июльский вечер Врангель и Шатилов сидели на террасе севастопольского дворца. Впервые после приезда в Крым между ними завязалась откровенная беседа.

— Да, мы сами не отдаем себе отчета в том чуде, которого мы свидетели и участники, — задумчиво сказал Шатилов. — Ведь всего три месяца тому назад мы прибыли сюда. Ты считал, что твой долг ехать к армии, я — что мой долг не оставлять тебя в эти дни. Не знаю, верил ли ты в возможность успеха. Что касалось меня, то я считал дело проигранным окончательно. С тех пор прошло три месяца…

— Да, огромная работа сделана за это время, и сделана недаром. Что бы ни случилось в дальнейшем, честь национального знамени, поверженного в прах в Новороссийске, восстановлена. И героическая борьба, если ей суждено закончиться, закончится красиво.

— Нет, — продолжал Шатилов, — о конце борьбы речи теперь быть не может. Насколько три месяца тому назад я был уверен, что борьба проиграна, настолько теперь я уверен в успехе. Армия воскресла, она мала числом, но дух ее никогда не был так силен. В исходе кубанской операции я не сомневаюсь, там, на Кубани и Дону, армия возрастет и численно…

Задуманная Врангелем десантная операция на Кубани открывала перспективы освобождения казачьих областей и воссоздания широкого фронта борьбы. Вместе с провозглашенным 25 мая законом о передаче земли трудящимся крестьянам, высадка на Кубани грозила подрывом основ коммунистического строя.

Лихой кубанский кавалерийский генерал Улагай, под начальством Врангеля принимавший участие в штурме Царицына, был назначен начальником десантного отряда. Занятый государственными делами и руководством войск в Северной Таврии, Врангель поручил Шатилову общее наблюдение над проведением этой важнейшей стратегической операции.

Казалось бы, обычно инициативный и энергичный, Шатилов должен был вложить душу и тело в эту операцию. Но не тут-то было.

Удачно высадившийся пятитысячный отряд вначале действовал быстро и энергично. К отряду присоединялись казаки-повстанцы, численность его росла, несмотря на потери в непрерывных боях. Затем отряд стал топтаться на месте, упустил драгоценное время и дал красным возможность сосредоточить превосходящие силы.

Начальником штаба к Улагаю, по рекомендации Шатилова, был назначен генерал Д. П. Драценко. В ходе операции между Улагаем и Драценко возникли недоразумения, осложнившие и без того трудную обстановку. Упустив возможности, десант был вынужден вернуться в Крым. Горько сетовал Врангель на себя за то, что, понадеявшись на Шатилова, он мало вникал в выполнение поставленной десанту задачи.

* * *

Ранней осенью 1920 года Польша заключила перемирие с правительством Ленина. Армия Врангеля осталась в трагическом одиночестве. Провозгласив лозунг «Все на Врангеля!», красное командование перебросило освободившиеся войска с польского фронта на свой Южный фронт. Сопротивляться вчетверо превосходившему в силах противнику было невозможно. Тем не менее армия Врангеля продолжала творить чудеса, отбиваясь от наседавших красных.

Исход неравной борьбы уже было легко предвидеть. По приказу Врангеля командующий Черноморским флотом вице-адмирал М. А. Кедров, генералы Шатилов, Стогов и Скалон разработали план эвакуации войск и всех желавших выехать из Крыма за границу. За участие в разработке плана эвакуации Врангель произвел Шатилова в чин генерала-от-кавалерии.

После ухода за границу, в июне 1921 года Врангель отправил Шатилова в длительную командировку, поручив ему устроить переезд частей армии из лагерей Галлиполи и Лемноса в Болгарию и Югославию. Вплоть до кончины Врангеля 25 апреля 1928 года он не занимал видных постов в РОВСе.

Заверяя Врангеля в успехе операции на Кубани, Шатилов успеху никак не содействовал. В Крыму он был лишь пассивным исполнителем предначертаний Врангеля. За все семь месяцев отчаянной борьбы у последней черты своим талантам применения не нашел.

* * *

«Выброшенную на свалку истории белогвардейщину» неустанно и на все лады поносила советская печать, выливая на нее потоки презрения, грубых издевательств, насмешек и лютой ненависти. «Черным бароном» прозвала она ненавистного ей генерала П. Н. Врангеля. Воинов белой армии называла убийцами, насильниками, грабителями. Но одного презрения и ненависти к белым вождям и воинам было недостаточно. Нужно было добить, разложить, покорить несломленную поражением сорокатысячную организацию белых.

Тщательно ОГПУ и НКВД анализировали положение в РОВСе, до мелочей изучая его деятелей и выискивая слабые места и полезных для себя людей. Ничем не брезговали ради достижения целей. При случае были не прочь повлиять на умы белых внезапными откровениями.

Ранней осенью 1932 года, совсем незадолго до затеянного Шатиловым первого съезда национальных группировок, по заданию Москвы, в управление РОВСа на рю дю Колизе пожаловал член редакционной коллегии газеты «Правда» Михаил Кольцов в сопровождении французского коммуниста, журналиста из «Юманите».

Посетители заранее знали, что генерал Миллер уехал на отдых в провинцию, да он им как раз и не был нужен. Их интересовала встреча с генералом Шатиловым, от него они получили беспримерное и единственное в своем роде интервью о РОВСе и его деятельности.

21 сентября 1932 года «Правда» поместила большую статью Кольцова «В норе у зверя», изложив интервью с Шатиловым в соответствии с думами ОГПУ. Опрокинув очередной ушат помоев на «белогвардейцев», Кольцов нарочито сопоставил личности генералов Миллера и Шатилова.

Наследник Кутепова был представлен читателям «не как самый умный, или самый активный, или самый храбрый из белых генералов», а «как самый бесцветный и дипломатичный», просто — «серенький Миллер».

Зато Шатилову курились фимиамы: он, генерал Абрамов и другие — «подлинные оперативные руководители». Шатилов — «мозг и руки военной и воинствующей зарубежной контрреволюции», управляющий «большим, сложным и разбросанным хозяйством», в его ведении «все важнейшие оперативно-командные рычаги» РОВСа, «при нем состоит разведка и международный шпионаж». Словом, он настоящий хозяин в РОВСе.

Сравнение — явно в ущерб Миллеру. И вопреки своему обычаю превращать врагов в сплошные ничтожества, «Правда»

пером Кольцова всячески превозносила Шатилова, раздувая его таланты и авторитет: «активнейший деятель Гражданской войны», «командовал большими соединениями», а главное — «был ближайшим соратником, личным другом и **несменяемым** начальником штаба Врангеля». Заглянув в «Записки» П. Н. Врангеля, том пятый «Белого Дела», страница 163-я, Кольцов простер благодать «черного барона» на его бывшего всего восемнадцать месяцев начальника штаба[44]:

«Генерал Шатилов, прекрасно подготовленный, с большим военным опытом, великолепно разбиравшийся в обстановке, отличался к тому же выдающейся храбростью и большой инициативой».

Заведомая ложь о «несменяемости» Шатилова Кольцова не смущала. Нужно было поднять на должную высоту наиболее способного и наиболее авторитетного среди белых генералов. Именно ему честь и место. А тут, по словам Кольцова, Шатилову приходится «терзаться бессильными судорогами честолюбия в обществе выживших из ума старичков» — таких, как Миллер.

«Судороги честолюбия» — это красного словца ради. «Состоявшая при нем разведка», то есть «Внутренняя линия», как раз и была занята подрывом престижа «старческой головки» Миллера и выдвижением на его место «несменяемого» начальника штаба безвременно скончавшегося Врангеля, чей авторитет, слава и популярность никогда не угасали в среде белого офицерства.

Открытые писания Кольцова и секретные письма Закржевского «линейцам» во Франции сомкнулись и били в одну и ту же точку. Их ядовитые стрелы были нацелены в генерала Миллера.

Несостоявшиеся дуэли

Первый съезд национальных группировок вывел Шатилова на политическую арену русского Парижа. Овеянный своей былой близостью к Врангелю, относительно молодой среди белых генералов, пятидесятилетний Шатилов импонировал многим чинам РОВСа. Почва для интриг против генерала Миллера, казавшегося пассивным, хотя и верным стражем кутеповского наследства, была подходящей.

Шатилов и его сподвижники по «Внутренней линии» ратовали за возобновление активных действий против советской власти. Близкие к РОВСу круги национальной эмиграции и влиятельная газета «Возрождение» тоже призывали к активности. Активисты жаждали громких дел, подобных взрыву на Мойке, и упрекали генерала Миллера в пассивности.

В действительности, после саморазоблачения «Треста», больших возможностей у эмиграции не было. Лишенная поддержки со стороны иностранных разведок, сама не имевшая денег и боевых организаций, она могла воевать только словесно, призывая к борьбе и террору.

Приход Гитлера к власти в Германии в 1933 году и его громы и молнии против коммунизма зародили в сердцах многих эмигрантов надежды на войну против СССР, с последующим освобождением России от оков коммунизма. Перед РОВСом разворачивались заманчивые перспективы соучастия в освободительной войне. Его офицерские кадры самой судьбой предназначались для формирования национальной русской армии. И бельмом в глазу был РОВС у деятелей ОГПУ.

В этой усложнявшейся обстановке Шатилов всё больше и энергичнее развивал свою политическую деятельность, стремясь занять первое место в среде национальной русской эмиграции.

В кругах РОВСа его имя произносилось с уважением и надеждами. Но далеко не все были его поклонниками. Особенно резко восставали против его претензий не состоявшие в РОВСе генералы и офицеры.

От случая к случаю в Париже выходила газета «Единый фронт», редактируемая старшим лейтенантом Черноморского флота А. Н. Павловым. Узнав о начавшемся возвышении Шатилова, 30 сентября 1932 года Павлов отправил генералу Миллеру заказное письмо. Копии письма он послал генералам Деникину, Богаевскому, Неводовскому и адмиралу Русину. В резких выражениях Павлов обвинял Шатилова в намеренно злостном руководстве войсками во время апрельских десантных

операций из Крыма в Северную Таврию. Павлов утверждал, что Шатилов отправил из Севастополя капитана Зерена с полномочиями за своей подписью для переговоров с Троцким об условиях сдачи армии в Крыму. По его словам, Зерен был переправлен из Керчи на советскую сторону и вернулся в Крым с красными победителями, учинившими под водительством Бела Куна варфоломеевскую ночь оставшимся белым офицерам. Павлов утверждал, что он читал врученный Зерену документ. Возмущенный его содержанием, он тогда же подал рапорт об отставке адмиралу Русину, с намерением «иными методами бороться с эвакуационными героями».

Угрожая опубликовать в печати свои сведения, Павлов настоятельно предлагал генералу Миллеру запретить Шатилову выступать от имени РОВСа, выгнать его из рядов РОВСа и заняться проверкой его деятельности.

Запальчивые и неуравновешенные строки письма Павлова, требовавшего от генерала Миллера ответа в 48-часовой срок, тяжкие обвинения против ближайшего соратника Врангеля и сомнения в справедливости этих обвинений побудили Миллера оставить это письмо без ответа.

Восемь месяцев спустя, 24 июня 1933 года, А. Н. Павлов привел в исполнение свою угрозу, выпустив № 9 «Единого фронта». В этом номере он напечатал свое «Открытое письмо Е. К. Миллеру», статью генерала П. С. Махрова «Добровольцы и их вожди» и письмо в редакцию генерала Д. П. Мельницкого, в резких выражениях обвинявшие Шатилова в измене белому делу.

Разразился скандал. Защищая честь всех руководителей РОВСа, генерал В. К. Витковский вызвал на поединок генерала Махрова. Шатилов вызвал на дуэль Мельницкого.

Генерал Махров от поединка уклонился. А генерал Мельницкий вызов принял. 3 июля в отеле «Терминюс», по соседству с вокзалом Перраш в Лионе, состоялось совещание секундантов обеих сторон. Секунданты Шатилова, генералы Кусонский и Скоблин, и секунданты Мельницкого, генерал Магомаев и полковник Н. Н. Пастернаков, договорились об условиях и назначили на 9 июля поединок на территории княжества Монако. Оружием были избраны дуэльные пистолеты, минимальное расстояние — пятнадцать шагов. 8 июля Шатилов выехал к месту поединка.

Тем временем в Париже заседал Суд чести для генералов РОВСа. Суд решил, что если Мельницкий принесет Шатилову извинения, то тем будет избегнута дуэль.

Не дремало и подполье «Вн. линии». Ближайший помощник Шатилова Закржевский отдал приказание Рончевскому всеми

мерами добиваться от Мельницкого отказа от дуэли. Всю свою недюжинную энергию и волю Рончевский вложил в это дело. То он совещался с секундантами Шатилова, то он часами сидел у Мельницкого, убеждая его в нелепости генеральского поединка. Поначалу Мельницкий и слышать ничего не хотел. Но страстные доводы о том, что для русской национальной молодежи сама мысль о возможности дуэли между двумя белыми генералами представляется недопустимой, поколебали Мельницкого. Он уступил уговорам Рончевского и согласился на формулу примирения.

Письмом в редакцию «Возрождения» Мельницкий принес извинения Шатилову. Свой вызов Шатилов взял обратно. Между тем, идя на «примирение», Мельницкий свое согласие обусловил основным требованием — Шатилов должен покинуть ряды РОВСа. Тем не менее после несостоявшейся дуэли Шатилов продолжал свою открытую деятельность как начальник 1-го Отдела РОВСа и тайную по своей «Вн. линии». Сторонники Шатилова прославляли его героизм и высокое понятие о чести.

Газета «Возрождение» грудью стала на защиту Шатилова, назвав обвинения Шатилова Павловым клеветой и резко осудив выступления Махрова и Мельницкого.

Никакого расследования прошлой деятельности Шатилова Миллер не произвел.

* * *

Был душный июльский вечер. Как обычно, собрались втроем Рончевский, Альтов и я на террасе лионского кафе. После промчавшейся бури подводили ее итоги. Хотя нам и была не по душе дуэль белых генералов, тем не менее возмущало двоедушие Шатилова. Перед русской общественностью и чинами РОВСа Павел Николаевич выглядел героем. Но общественность не знала о закулисной роли Рончевского, не знала, почему дуэль не состоялась.

Нам же несостоявшаяся дуэль представлялась недостойной трагикомедией. Действия по «Внутренней линии» оставили на душе горький осадок.

* * *

24 октября 1933 года генерал Н. Д. Неводовский подал Е. К. Миллеру рапорт о своем выходе из РОВСа. Тому причиной

были постоянные недоброжелательные действия Шатилова в отношении всех начинаний Объединения участников 1-го Кубанского, Степного и Дроздовского походов, в частности против председателя Объединения генерала Говорова. По словам Неводовского, свои действия Шатилов покрывал авторитетом Е. К. Миллера. В довершение всего Неводовский выразил сомнения в законности производства Шатилова в чин генерал-майора и в праве ношения им высокой награды — ордена Св. Георгия 3-й степени. Копию своего письма Неводовский послал газете «Последние Новости», которая охотно опубликовала его 26 октября 1933 года.

Разразился новый скандал. Посыпались обвинения и контробвинения. Е. К. Миллер встал на защиту Шатилова. Ссылаясь на генералов Кавказского фронта, письмом в редакцию «Возрождения» Миллер указал, что сомнения Неводовского следует оставить без внимания.

Тягостная полемика генералов на страницах парижских газет и журналов тянулась несколько месяцев. Одни генералы защищали Шатилова, другие обвиняли, подкрепляя свои мнения ссылками на законы царской России. Наконец, председатель Союза кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, генерал-от-кавалерии фон Кауфман-Туркестанский, разъяснил письмом в редакцию «Возрождения» статью 25-ю статута:

«Удостоенный Думою к получению ордена Св. Георгия 3-й степени награждается оным не иначе, как с Высочайшего утверждения…»

Монарха больше не было, иной верховной власти тоже. Шатилов был представлен к награде за отличие в боях у Битлиса. Награда, естественно, не была утверждена. Но честолюбивый карьерист выдавал ее как утвержденную. Спорным остался вопрос о его производстве в генерал-майоры в дни развала Кавказской армии. Всё большим туманом окутывалась его личность. Подрывался престиж самой многочисленной и могущественной организации русского Зарубежья. В ней наметились трещины, упадок дисциплины и признаки разложения. РОВС вступал в период, грозивший ему развалом.

Идеология «Внутренней Линии»

Во второй половине ноября 1933 года Рончевский получил от Закржевского документ: «Сов. секретно. ИДЕОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ. 1 октября 1933 г.»

В этом документе известные по переписке из двух углов откровения Закржевского обрели четкие формы законов для чинов «Вн. линии».

Уже вступительные фразы этого документа говорили, что «Вн. линия» — не контрразведка РОВСа, а политическая, тайная и независимая от него организация:

«Идеологически организация является восприемником и носителем идей БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ — внеклассовая борьба за Национальную Россию. Отсюда — естественный контакт с РОВСом, как наследником и продолжателем Белого Движения. Особенной чертой идеологической установки организации является ее НАЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ и АКТИВНО-БОРЧЕСКИЙ характер. Эти два факта составляют одно целое — основу жизни и работы организации, как органа революционной борьбы за Национальные идеалы».

Подкупающе для офицера-националиста, чина «Вн. линии», звучали слова идеологии:

«Нация и религия составляют духовный базис миропонимания националиста, и эти две идеи он противопоставляет коммунистическому учению с его интернациональной и безбожной идеологией».

Не менее подкупающим было явное участие В. А. Ларионова в составлении идеологии. Пять цитат из его работы «Мысли о походе и борьбе» разбросаны по страницам идеологии. Прославляя белое движение, его вождей и их дела в эмоционально возвышенных, патриотических тонах, Ларионов для неофитов «линейцев» должен был являть собою не только образец революционного подвига, но и некую гарантию доброкачественности тайной организации.

Ларионов был давнишним чином «линии». Вступил он в нее еще в Болгарии в середине двадцатых годов. Затем, после переезда во Францию, он перешел в ряды Боевой организации Кутепова. В 1933 году Ларионов был одним из немногих уцелевших членов Союза Национальных Террористов, основанного Марией Захарченко-Шульц при участии провокатора Эдуарда Опперпута. Благодать этого террористического союза «Вн. линия» самым недвусмысленным образом переносила на себя:

«…Все должны знать, что Организация уже спаяна кровью павших бойцов Добровольцев и замученных и убиенных Чинов Организации. Имена Сельского, Болмасова, Радковича, Захарченко-Шульц, Коверды, ген. Кутепова, Мономахова, Сусалина, Титова, Трофимова, Никитникова, а также многих и многих, назвать которых еще не пришло время, их святая жертвенная кровь зовут на подвиг и самоотречение…»

«…Соответственно обстановке изменилась и форма борьбы, приняв характер революционной работы по расшатыванию устоев власти III интернационала и на нанесение ударов по его работникам и организациям. Неизбежно необходимым явилось и создание нового органа осуществления этой революционной борьбы и создания кадров борцов националистов, приспособленных и опытных в действиях в этой новой обстановке. Этот орган революционной борьбы — есть наша организация, по своей идеологической сущности являющаяся проявлением той национально-волевой идеи, которая лежит в основе Белого Национального Движения, с которым она связана неразрывно историческими и кровными связями. Она продолжает Белую борьбу, начатую на полях битв в России, она является авангардом армии борцов националистов и реальным претворением в жизнь в современной обстановке зарубежного существования, непримиримости к поработившей Россию власти III интернационала, активности и жертвенности в борьбе за освобождение Отчизны и торжества Национальных идеалов. **Разбросанная по всем частям света, по всем государствам, включая СССР, она представляет собой невидимый, но сильный, организованный аппарат с одним центральным управлением и суровой дисциплиной.** По своей структуре организация является конспиративной, т. е. ее работа не должна быть известной как для врага, так и для окружающей эмигрантской массы. Только при соблюдении этих условий возможно бороться с таким умелым и опытным противником, каковым является ОГПУ, с его агентурой и разветвлениями, построенными тоже на принципе максимальной конспиративности. Находясь в состоянии непрерывной борьбы и опасности, организация требует от своих чинов максимального напряжения и жертвенности, и самое пребывание в организации уже говорит о готовности на таковые со стороны каждого чина ее.

Требования организации высоки и меры часто жестоки, но обстановка такова, что сентиментальности нет места. Организация имеет одну главную цель — освобождение Родины и во имя этой цели не щадит ни врага, ни себя. Этой же главной целью определено отношение ее к своим чинам. Поэтому

производится тщательный отбор и проверка при принятии новых чинов, последняя ПОВТОРЯЕТСЯ при наличии обстоятельств, позволяющих лишний раз познакомиться с качествами данной группы чинов или одного из таковых. Чинам, состоящим уже в организации, последняя дает все то, что необходимо для умелого выполнения получаемых заданий. С этой целью производятся групповые или единоличные занятия с прохождением теоретического и практического материала, необходимого для чина при практическом выполнении возлагаемых на него заданий…»

Идеология отвечала взглядам и чаяниям многих сторонников активной борьбы. А для наиболее активно настроенных офицеров участие в конспиративной боевой организации было и заманчивым, и лестным. Тайна приятно щекотала нервы, принадлежность к боевой элите наполняла гордостью сердца. В честных офицерах, готовых на жертвы во имя Отечества, недостатка не было.

Цели и задачи «Внутренней линии»

Возглавлявшийся Шатиловым тайный «Центр» выпустил не только понятную и привлекательную для белых идеологию. Гораздо важнее для него были жесткие, по-чекистски грозные инструкции, точно определявшие порядок привлечения в «Организацию» новых членов, их обязанности, цели и образ ее действий.

Вступление в «Организацию» было добровольным. Но каждый неофит должен был знать, что **«выхода из Организации *не существует*».** И у каждого чина были только обязанности. Единственное право заключалось в возможности, с ведома «Центра», избрать место работы в СССР или за границей.

Каждый «линеец» был обязан:

«1) Хранить в *абсолютной тайне* от друзей, родственников, знакомых, равно как и врагов, самый факт своего пребывания в Организации, имена Чинов Организации, с которыми он связан, задания Организации, как выполненные, так и выполняемые, и вообще всё, что имеет хоть малейшее, хотя бы и косвенное отношение к Организации и ее работе.

2) Быть точным и аккуратным в соблюдении часов и дней явок, дисциплинированным и исполнительным в работе, ему порученной.

3) Не иметь никаких тайн от своего Начальника по связи, который для него является представителем Центра.

4) Аккуратно и точно давать донесения об исполнении данных ему поручений, избегая тщательно неверного и тенденциозного освещения фактов, им сообщаемых. Всё должно соответствовать действительности, хотя бы и неприятной как для Организации, так и для него лично.

5) Помнить, что **Организация и ее работа является для него главной осью его политической жизни**, и его состояние и работа в других политических, экономических, культурных и т. д. организациях должна быть известна Центру и подчинена его указаниям.

6) Не пытаться узнавать больше того, что ему сообщается по работе и с чем он знакомится в порядке работы. Избегать всяких вопросов, не имеющих непосредственного отношения к данным ему поручениям. В этом отношении необходимо подавлять всякое проявление любопытства.

7) Помнить прежде всего, что Организация оставляет за собой право проверки КАЖДОГО Чина в видах возможно большей страховки своей работы и излишних потерь и провалов. Каждый

удобный случай проверки Чина немедленно используется Организацией, хотя бы поведение такового ранее не давало поводов к сомнениям. Это необходимо для Центра, как средство детально ознакомиться с качествами своих членов.

8) Избегать хранения при себе важных документов… Все распоряжения в письменной форме, получаемые по связи, по миновании надобности аккуратно возвращать обратно тем же путем.

9) Немедленно сообщать в Центр о всех упущениях, промахах, предосудительном или подозрительном поведении Чинов Организации, которых Чин знает, давая однако беспристрастное освещение фактов и руководствуясь исключительно пользой дела. Дальнейшие меры принадлежат лишь Центру…

10) Взаимоотношения между Чинами Организации очерчиваются исключительно работой последней. Этот принцип положен в основу отношения Центра к Чинам Организации…

11) Работа каждого Чина протекает под руководством Центра Организации. Распоряжения последнего обязательны и не подлежат никакой критике со стороны данного Чина или группы таковых…

…16) Работа Чина Организации не подлежит абсолютно никакой оплате, ибо она является следствием его бескорыстной готовности включиться в ряды бойцов за освобождение Родины. Средства Организации отпускаются лишь для исполнения конкретных заданий и в размере, соответственном условиям самого задания, т. е. в размере тех расходов, которые должны сделать чины Организации для успешного выполнения порученной им работы».

Вербовке новых чинов в «Организацию» посвящена специальная часть инструкций: тщательно выяснялись политические убеждения кандидата, его характер, моральный облик, знания и способности, исполнительность и дисциплинированность. Не умевшие держать язык за зубами, легкомысленные, подверженные таким порокам, как пьянство, в «Организацию» не принимались. В сотрудничестве «Центра» с чинами на местах выявлялись качества кандидатов. И если вербовщик пришел к заключению о возможности привлечения кандидата, то вступление в «Организацию» он мог предложить ему только с разрешения «Центра».

Ставя своей официальной целью борьбу против III Интернационала, «Центр» подчеркивал, что «работе в подъяремной России Организация придает главное значение».

Но неизмеримо большее внимание «Центр» уделял своей

работе в среде эмиграции:

«… Организация напряженно следит за существующими организациями (политическими), а также за общим настроением широких, масс эмиграции, борясь с упадком духа и апатией. Наличность широко раскинутой и скрытой сети чинов Организации дает возможность в значительной степени влиять на эти настроения. Все эти условия делают работу Организации самой разнообразной по своему характеру и направлению, а обстановка данного момента и его насущного требования неизбежно влияет на вид работы каждого чина Организации».

Боевая работа заключалась в проведении **«мер воздействия на отдельных лиц, на группы или учреждения враждебного лагеря, а также в исполнении приговора относительно лиц, вошедших в Организацию с целью провокации, разведки или предательства.** Чины Организации, берущие на себя этот вид работы, подвергаются тщательной проверке в смысле их способностей, физических и психических, а также специальному курсу подготовки… боевик должен знать, что боевое задание он получает тогда, когда найдет нужным Организация, а отнюдь не в зависимости от его желания или личных обстоятельств».

Каким-то странным откровением, наводившим на тягостные размышления о маячившем за спиной «Центра» ОГПУ, представлялась навязываемая «линейцам» разведывательная работа. Она состояла:

«а) в проникновении в чужие организации с целью внутреннего наблюдения за жизнью и работой таковых. Чины, работающие в чужих организациях, кроме дачи Центру вышеупомянутых сведений, проводят линии поведения в них сообразно директивам Центра, т. е. или укрепляют своей работой таковые, если работа чуждой организации полезна национальному делу, или, наоборот, разрушают ее, в случае вредной работы таковой.

б) в наружном наблюдении за отдельными лицами, организациями или учреждениями, интересующими почему-либо Центр, в целях выяснения их работы, связей, мест явок и т. п.

в) во вхождении в связь с отдельными лицами, организациями или учреждениями, интересующими почему-либо Центр, с целью их освещения, дачи сведений о их работе, связях, образе жизни и т. п.

г) в информации Центра о всех фактах, имеющих какое-либо отношение к работе Организации.

д) **в создании легенд с целью уловления в сферу влияния Организации** лиц, враждебных Национальному движению, или

же с целью помешать развитию организаций и союзов и т. п., деятельность которых и рост вредно отражаются на настроениях эмигрантских масс в смысле отрыва их от активных национальных образований.

е) в исполнении различных задач Центра осведомительно-разведывательного характера».

Прочитав этот документ, мы, члены НСНП, уже давшие ему открытое письменное обязательство, были поражены приглашением к измене избранной нами политической организации. Еще больше смутил нас призыв «Центра» стать его провокаторами и соучастниками милых ОГПУ «легенд». Также неприемлемым был пункт 17-й обязанностей чина «Вн. линии», гласивший:

«Каждый Чин Организации обязан дать подписку в том, что он ознакомился с содержанием этой инструкции».

Подпись под документом была равносильной вступлению в таинственный «орден», из которого выхода нет…

Было решено: подписей не давать, документ не возвращать, хранить его, как зеницу ока, и тщательно наблюдать за делами таинственного «Центра» и его сети на местах.

«Внутренняя линия» в действии

Прежде всего, «Центр» в Париже был занят укреплением своего положения в лоне РОВСа. Пост начальника 1-го Отдела РОВСа, как нельзя лучше, отвечал целям Шатилова. Втайне от своего начальника, Е. К. Миллера, Шатилов подбирал себе угодных начальников групп РОВСа в городах французской провинции.

Осенью 1933 года встал вопрос о назначении нового начальника довольно многочисленной группы чинов РОВСа в Лионе и его окрестностях. В порядке старшинства был назначен не принадлежавший к «Вн. линии» генерального штаба полковник Борис Иванович Бучинский. Но, как писал Закржевский Рончевскому 19 ноября 1933 года:

«…здесь пришлось столкнуться с целым рядом обстоятельств. Б. не хотелось оставлять без нашей, так сказать, опеки, для чего пришлось писать полковнику К.[45] *и просить у Б. быть помощником, после чего приказ о назначении полковника Б. районным уже отправлен. Видите, что всё шло своим нормальным порядком».*

Одновременно по отношению к НСНП в полной мере проводился пункт «а» инструкции о разведывательной работе. Разница состояла в том, что дело не ограничивалось проникновением в него и наблюдением за его деятельностью. «Вн. линия» стремилась к захвату командных высот в НСНП и к полному подчинению его шатиловскому «Центру».

Вскоре после поездки Закржевского-Дмитриева по городам Франции в 1932–1933 годах, ряду лиц, привлеченных во «Вн. линию», было предложено открывать представительства НСНП. Само собою разумеется, эти представительства и небольшие группы открывались чинами «Вн. линии» и подчинялись фактически только ее «Центру». Деятельность по захвату НСНП во Франции облегчалась тем обстоятельством, что его председатель, герцог Сергей Николаевич Лейхтенбергский, жил с семьей в парижском пригороде Буа-Коломб. Идеалист, симпатичный, благородный человек, доверчивый к людям, не искушенный в делах провокации, он и не представлял себе, что у него под боком «линейцы» свили свое гнездо. В это время председателем Парижского отделения был Михаил Иванович Селиверстов, Надежин или МИС по переписке. Пост председателя ревизионной комиссии Отдела НСНП во Франции занимал не кто иной, как сам начальник «Вн. линии» во Франции и правая рука Шатилова Закржевский-Дмитриев.

Насыщение групп РОВСа агентурой «Вн. линии» дало возможность Шатилову прикрыть намеченный захват НСНП авторитетом генерала Миллера.

28 июня 1933 года Шатилов разослал начальникам и председателям воинских организаций 1-го Отдела РОВСа циркуляр № 1414:

> «Мною получено от председателя РОВСоюза, ген. Миллера, официальное письмо, в котором разрешается чинам РОВСоюза вхождение в состав Национального Союза Нового Поколения на нижеуказанных условиях. Национальный Союз Нового Поколения является вполне дружественной нам организацией Русской молодежи, имеющей не только одинаковую с нами идеологию (непрестанная борьба с советской властью), но и одинаковый тактический прием — непредрешение здесь, на чужбине, будущего образа правления в возрожденном Российском Государстве. Это последнее, т. е. одинаковый с нами тактический прием, признается особенно ценным в программе Союза Нового Поколения, так как это дает ему возможность жить и развиваться ВНЕ партийных, эмигрантских ссор, а нам, РОВСоюзу, дает верного союзника в преследовании своих основных задач. Вхождение членов РОВСоюза в состав Национального Союза Нового Поколения разрешается, при условии получения, в каждом отдельном случае, согласия соответствующего Начальника Отдела РОВСоюза, т. е. в данном случае, для чинов 1-го Отдела, требуется мое согласие».

Циркуляр отвечал настроениям той части младших офицеров РОВСа, которые стремились к политической деятельности в рядах НСНП. Они вступали в возникавшие во многих местах русского рассеяния его отделения, без оглядки на неведомых им незримых деятелей «Вн. линии».

Центр НСНП в Белграде, Исполнительное Бюро Совета НСНП, в лице его члена Виктора Михайловича Байдалакова и генерального секретаря профессора Михаила Александровича Георгиевского, приветствовало решение руководителей РОВСа. Почти одновременно было заключено соглашение между НСНП и РОВСом о совместных сборах денег в Фонд Спасения Родины. Отменяя сборы по своим подписным листам, Исп. Бюро разъясняло в своем циркуляре, «что здесь не имеет места подчинение нашего Союза РОВСу, а лишь координация работы на равноправных началах».

Отношение НСНП к РОВСу, старшему брату, было самым положительным. В доверительных инструкциях 1932 года Исп. Бюро сообщало:

> «РОВС является носителем идеи Национально-освободительной борьбы и идеи Российской Армии. Наиболее сильная, дисциплинированная и многочисленная организация Зарубежья, продолжающая активную борьбу с большевизмом. Будучи организацией не политической, является наиболее близкой к нам. Ввиду этого, необходимо оказывать РОВСу возможно широкое содействие в его национально-активных начинаниях».

НСНП не раз и на деле подтвердил свое доверие РОВСу и оказывал ему поддержку. 16 октября 1933 года в скромном клубе НСНП в Париже состоялась встреча трех начальников Отделов РОВСа генералов Абрамова, Барбовича и Шатилова с членами Парижского отделения. Обсуждались возможности совместной активной работы в России и сотрудничества в Зарубежье. Начальник IV Отдела генерал Барбович рассказал:

— Когда мне понадобились два человека для отправки «туда», предложение было сделано чинам РОВСа. Не получив еще от них ответа, как только я заикнулся об этом главным руководителям вашего Союза, люди были даны немедленно.

В 1933 году молодые члены НСНП, Михаил Флоровский и Петр Ирошников, были предоставлены в распоряжение РОВСа. Отправка Флоровского и Ирошникова была проведена через резидента «Вн. линии» в Бухаресте полковника Жолондковского, тесно связанного с ее софийским центром. К сожалению, Исп. Бюро тогда не знало о существовании «Вн. линии». Оба смельчака погибли после перехода советско-румынской границы.

Первый опыт совместной подпольной работы с РОВСом был неудачным, навеявшим тяжкие размышления и глубокое сожаление о первых жертвах. Но их гибель не вызвала недоверия к РОВСу.

Летом 1933 года М. А. Георгиевский объезжал группы НСНП в Бельгии и Франции. Он задержался в Париже, где, помимо ознакомления с политической жизнью русского Парижа, он хотел выяснить причины, мешавшие росту Парижского отделения НСНП и его выходу на широкую дорогу.

На открытом собрании НСНП Георгиевский прочитал доклад о задачах эмиграции и ее ошибках. На докладе присутствовали генералы Миллер и Витковский и адмирал Кедров. Доклад вызвал страстные прения, в них принял участие Е. К. Миллер, искренно и

с симпатией относившийся к НСНП. Дважды Георгиевский был принят Миллером, их беседы были откровенными и, казалось, основы сотрудничества были определены с достаточной ясностью.

Беседовал Георгиевский и с Шатиловым. 22 сентября 1933 года Шатилов издал циркуляр по 1-му Отделу РОВСа за № 2171, копия которого была доставлена Центральному Правлению Отдела НСНП во Франции. Ссылаясь на письмо Е. К. Миллера от 19 августа, Шатилов подчеркнул мнение главы РОВСа, что «приказ ген. Врангеля № 82 не имел в виду оградить РОВС от всякого общения с дружественными ему политическими организациями». Поэтому в отношении НСНП

> «является желательным особенно вхождение в нее отдельных чинов РОВСоюза для установления прочной, реальной связи с нею и для содействия всесторонней подготовке ее членов, наших нынешних сотрудников… Национальный Союз Нового Поколения, пополненный нашими силами, должен будет уметь стать на защиту этого течения своими средствами… Вышеизложенные соображения находят свое обоснование во всей ведшейся до сих пор в Национальном Союзе Нового Поколения работе, так и в том соглашении, которое недавно было достигнуто с прибывшим из Белграда Генеральным секретарем Исполнительного Бюро Национального Союза Нового Поколения, профессором М. А. Георгиевским. Одним из основных пунктов этого соглашения является то, что Национальным Союзом Нового Поколения гарантируется полный отказ от каких бы то ни было попыток вмешательства во внутреннюю жизнь и деятельность РОВСоюза… Получив такую гарантию, считаю не только желательным, но и необходимым дальнейшее развитие деятельности НСНП, при полном содействии РОВСоюза. Для этого необходимо во всех местах пребывания групп РОВСоюза, где еще не имеется отделений или представительств НСНП, всемерно оказывать содействие к открытию таковых… По сформировании отделений, или представительств НСНП, внутренняя его работа должна протекать в порядке подчиненности руководящим органам и лицам НСНП…»

И, словно грибы после дождя, по всему лику Франции стали открываться отделения и представительства НСНП. Во многих случаях они были образованы агентурой Шатилова в полном соответствии с инструкциями о разведывательной работе и

обязанностях чинов «Организации», для которых оная была «главной осью политической жизни».

Особенно удачно для «Вн. линии» сложилась обстановка в Бельфоре. Здешний начальник группы РОВСа, подполковник Николай Иванович Мишутушкин, в переписке «Иванович» или «Петр Николаевич», восторженный поклонник Шатилова и начальник сети «Вн. линии» в Бельфоре и ближайших городах Эльзаса, открыл отделения НСНП.

Представительство в Риуперу открыл капитан Виктор Иванович Войтехович, по переписке «Никита», тоже пламенный сторонник Шатилова, ревностный чин «Вн. линии». И так было во многих городах.

Полковник Семен Ермилович Киреев, негласный контролер своего начальника в Лионе, состоя во «Вн. линии», одновременно возглавлял группу корниловцев в Лионском районе и был членом правления Русского Эмигрантского Комитета в Лионе. Он и несколько корниловцев, с его ведома, вступили в ряды Лионского отделения НСНП.

Правление Лионского района НСНП — Р. П. Рончевский, Н. Т. Альтов и я — ориентировалось на Белград и вело свою работу независимо от предписаний и наставлений Закржевского. Тем не менее «Неманский» по переписке, после предотвращения дуэли Шатилова с Мельницким, Рончевский пользовался особым доверием «Центра».

* * *

С 5 по 10 августа 1933 года М. А. Георгиевский был гостем отделения НСНП в Лионе. Он нашел здесь сильную организацию Союза, распространившую свое влияние на русские колонии юго-востока Франции. Умный, волевой, блестяще образованный, знаток многих языков, убежденный и бескомпромиссный враг большевизма, Георгиевский твердо знал, что нам нужно делать. Во всем НСНП равного ему не было. В долгих задушевных беседах с ним мы убедились, что в его лице Союз имел талантливого руководителя, прекрасно разбиравшегося в тонкостях идеологическо-программных проблем, в политической и технической подготовке членов, стратегии и тактике революционной борьбы с коммунистической властью.

Моя поездка к Е. К. Миллеру

«Внутренняя линия» не скрывала своей враждебности к генералу Миллеру. Всячески она старалась поднять авторитет Шатилова. Любой невыгодный для «Организации» шаг Миллера она встречала в штыки. 13 ноября 1933 года Закржевский писал Рончевскому:

«…наш Павлов находится в настоящее время в отпуску, которым не пользовался в продолжении трех лет. Возможно, что, в виду сокращений из-за необходимости экономии вообще, должность его будет вообще упразднена или слита с таковой председателя Вр-а. Как это отразится на нас, трудно сказать, ибо все еще не решено окончательно, но могу сказать, что в случае именно такого решения, как я пишу, придется искать каких-то новых путей для работы, ибо очень и очень многое при наличии старческой головки, плохо разбирающейся в делах и настроениях, пойдет прахом».

Действительно, упразднение должности начальника 1-го Отдела и переход его дел в ведение «старческой головки» были никак не в интересах «Организации». Увольнение Шатилова лишало «Вн. линию» удобного официального положения, прекрасно маскировавшего ее тайную деятельность.

Доходившие до нас сведения из других городов Франции неопровержимо говорили о том, что раскинутая по Франции сеть «Вн. линии» вела систематическую кампанию против Е. К. Миллера. Подрыв его престижа и авторитета «линейцы» проводили повсеместно. И даже в Париже, под боком у главы РОВСа, на собраниях молодежного кружка «Белая Идея», прочно захваченного агентом «Вн. линии» В. А. Ларионовым, командир корниловцев, генерал Скоблин, в весьма нелестных выражениях поносил «старческую головку».

* * *

К генералу Скоблину и его жене Надежде Плевицкой мы относились настороженно. Уж слишком много нехорошего о них доносилось до нас из разных, не связанных между собой источников.

Странным казалось вскоре забытое выступление «рабоче-крестьянской певицы» в Нью-Йорке. Знали мы и о том, что Врангель отрешил Скоблина от командования корниловцами. Шла молва об их жизни выше средств. А спугнутый властями

после похищения генерала Кутепова и вынужденный уехать из Парижа в Парэ-ле-Мониаль бывший филер царского Охранного отделения ясно намекнул нам на похитителей — генерала и певичку…

Нежданно для нас имя этого генерала мелькнуло в переписке из двух углов и насторожило нас еще больше. Летом 1933 года нашими стараниями было открыто отделение НСНП в Марселе. Его председатель, Василий Федорович Сметанин с жаром взялся за работу. Потерявший в Гражданской войне руку, непримиримый враг коммунизма, Сметанин состоял в Объединении Корниловского полка. В порту Марселя Сметанин и его сотрудники встречались с советскими матросами, вели с ними беседы и через них отправляли литературу НСНП в Россию.

Это отделение НСНП привлекло к себе особое внимание «Вн. линии». 12 октября 1933 года Закржевский писал Рончевскому:

«…Имея в виду ее серьезный характер, я бы предпочел, чтобы эта группа была включена не по линии НСНП, а по линии нашей организации, как законспирированной, с одной стороны, и более ценной по своему составу, с другой. Я не знаю участников группы и только догадываюсь, кто в ней работает. Мог бы через Н. С.[46] связаться с ними, но не хочу этого делать помимо Вас»…

Закржевский хитрил. От неизвестного нам марсельского «линейца» он знал многое, мог знать о Сметанине из своей картотеки. Не доверяя Скоблину и «линии» вообще, от предложения Закржевского мы решительно уклонились и приняли меры к обеспечению независимости Марсельского отделения от происков Закржевского и его подручных.

* * *

Дела «подполья» тревожили нас все больше и больше. Туманный лик «Организации», ее цели, интриги, стремление подмять под себя все мало-мальски активное в среде национальной эмиграции, агитация против генерала Миллера, словом, все вместе взятое заставляло нас крепко задуматься и сделать должные выводы.

19 ноября 1933 года Закржевский сообщил весьма интересную новость:

«Я считаю, что организация почти закончилась в смысле ее роста и ее внутренней структуры и сейчас, в самом недалеком будущем, должна будет начать более серьезную работу».

Итак, основная организационная работа по «Внутренней линии» была завершена. Следуя пунктам а) и д)

разведывательной работы, «Организация» пронизала своей агентурой не только РОВС, но и НСНП во Франции и Болгарии. В захвате НСНП Закржевский был так уверен, что не считал нужным скрывать намерения таинственного «Центра». 29 ноября 1933 года он писал Рончевскому:

«Я хотел бы всем сердцем превращения Внутренней Линии не только во Внутреннюю Линию Вр., но и АА. Со временем так и случится».

Следовательно, намечались новые цели и акции. Нужно было что-то предпринимать для противодействия.

Вечером 30 ноября мы долго совещались. В итоге у нас сложилось уже не предположение, а твердое убеждение в том, что «Вн. линия» — не что иное как провокационная организация крупного масштаба… Возглавление ее белым генералом, тринадцать лет назад бывшим начальником штаба П. Н. Врангеля, нас не убеждало в ее доброкачественности. Период с 1920 года был достаточно богат примерами измены белых генералов и их перехода в стан красных — Достовалов, Кельчевский, Добровольский, Секретов и другие. Свежа была память о таинственном исчезновении Монкевица.

Мы пришли к заключению, что ни княжеский титул, ни генеральский чин не могут быть гарантией от советской провокации. Наоборот, именно высокого полета птицы были наиболее выгодны ОГПУ для обеспечения успешной деятельности в военной среде, привыкшей к чинопочитанию и вере в честь своих генералов.

Было решено повидаться с генералом Миллером и попытаться выяснить, знает ли он о «Внутренней линии» и не принимает ли он ее за контрразведку 1-го Отдела РОВСа?

* * *

Деликатная и трудная миссия выпала на мою долю. О поездке к Миллеру по линии РОВСа, т. е. через Шатилова, не могло быть речи. Можно было действовать только по линии НСНП. О желательности моей встречи с Миллером Рончевский сообщил герцогу С. Н. Лейхтенбергскому, председателю НСНП и главе Отдела Союза во Франции. В свою очередь, герцог обратился с просьбой к Е. К. Миллеру принять меня по делам провинциальных групп НСНП. Генерал охотно согласился и назначил встречу утром в воскресенье 3 декабря.

Ранним утром 2 декабря я приехал ночным поездом в Париж. Позавтракав в кафе около Лионского вокзала, я отправился в

управление РОВСа на рю дю Колизе. Поднявшись по лестнице, я постучал в дверь. Ответа не было. Слегка нажал на дверь, она поддалась. Вошел в просторную комнату. На столах стояли пишущие машинки, лежали какие-то папки с делами. О, как легко было войти в штаб «белогвардейцев»! Не найдя ни души, я погрузился в чтение утренней газеты.

Вдруг хлопнула дверь, и передо мною вырос незнакомец:

— Кто вы такой? Что вы здесь делаете?

— Я — Прянишников. Только что из Лиона.

Лицо вопрошавшего преобразилось, стало любезным. Он представился:

— Селиверстов, Михаил Иванович.

— Очень рад познакомиться. Приехал я по делам НСНП. Хочу повидать герцога Лейхтенбергского и генерала Миллера. Временем располагаю, и прежде всего решил зайти в управление РОВСа.

— Вот и хорошо. Скоро придет Павел Николаевич. Он будет рад вашему визиту.

О намерении повидать Е. К. Миллера мы решили не скрывать. И мой визит Шатилову предназначался для усыпления бдительности «Вн. линии».

Вскоре появился Шатилов. Он пригласил меня в свой кабинет. Расспрашивал о делах в провинции, о Рончевском. Отвечая, я старательно обходил подводные камни и делал вид, что ничего не знал о переписке из двух углов. Рассказывая о нашей успешной деятельности в Лионском районе, отмечал некоторые трудности и, главное, недостаток денег. Беседа была непродолжительной.

В 12 часов дня я встретился с герцогом Лейхтенбергским в книжном магазине, где он служил. Закончив служебные дела, Сергей Николаевич пригласил меня на обед к себе в Буа-Коломб. Из разговоров с этим милым порядочным человеком я заключил, что он ничего не знал о тайной деятельности опекавших его Закржевского и Селиверстова.

* * *

Зная пунктуальность Е. К. Миллера, ровно в 9 часов утра 3 декабря, я нажал кнопку звонка его квартиры на рю Ренар. Генерал вышел навстречу, любезно пригласил сесть.

Сумрачное утро, струившееся в окно, как-то особенно подчеркивало бедность квартиры и всю ее беженскую скромность, так не отвечавшую высокому положению ее хозяина. Да и сам

хозяин был одет очень скромно, на его брюках можно было обнаружить следы тщательной штопки.

За чашкой кофе началась двухчасовая беседа. Я описал генералу обстановку в провинции, наши успехи и трудности, недостаток денег. Сказал, что было бы хорошо, если бы начальство РОВСа способствовало вступлению в НСНП чинов РОВСа, склонных к политической деятельности, но при условии невмешательства во внутреннюю жизнь молодой организации.

Несколько удивленный, Миллер ответил, что горячо сочувствует деятельности молодых сил. Хотя приказ генерала Врангеля № 82 о запрете чинам РОВСа вступать в политические партии остается в силе, в отношении НСНП сделано исключение. Одновременное состояние в обеих организациях не противоречит духу и общему направлению их деятельности. О вмешательстве РОВСа в дела НСНП не может быть и речи. Так же и НСНП должен воздерживаться от вмешательства в дела РОВСа.

С большим удовлетворением Миллер отметил деятельность центра НСНП в Белграде, занятого разработкой учебных пособий, дающих членам НСНП ценные политические познания.

Генерал был хорошо наслышан о нашей работе на юго-востоке Франции, хвалил Рончевского, сумевшего в краткий срок расширить НСНП.

Отвечая на вопросы генерала, я попутно называл ему фамилии некоторых чинов «Вн. линии» и давал ему понять, что тут далеко не все гладко. Миллер задумывался, но явного беспокойства по поводу названных лиц у него не возникло. О переписке из двух углов я умолчал — мы еще не были уверены в том, что настал подходящий момент для раскрытия всего нам известного о тайном сообществе Шатилова.

Сердечно простившись с генералом, я вышел на улицу и поспешил на вокзал. Сидя в поезде, уносившем меня обратно в Лион, мысленно подводил итоги встрече с генералом. Конечно, он что-то знает о наличии «контрразведки». Но он не знает, что эта «контрразведка» есть та «Внутренняя линия», что поставила себя над ним — без его ведома. Он искренно сочувствует деятельности НСНП и не претендует на то, чтобы кто-то из РОВСа управлял его деятельностью. Если сам глава РОВСа не претендует на возглавление НСНП, то почему один из его ближайших помощников тайно стремится к возглавлению? Если «Вн. линия» прячется от Миллера, то не значит ли вообще, что она не только враждебна ему, но и чужда РОВСу?

Поздно вечером 3 декабря состоялось летучее собрание нашей тройки. Мы сошлись в том, что Е. К. Миллер еще ничего не знал о «Вн. линии».

На мою поездку эта оккультная сила откликнулась письмом Закржевского от 5 декабря 1933 года:

«Прошу в срочном порядке осветить мне причины (мотивы), а равно и результаты поездки одного из вашей троицы в Ч.[47] *проведенной вами как-то странно, с моей точки зрения, т. е. из этой поездки старались сделать какой-то секрет от меня, провели ее по линии Светлова*[48] *к ЕК, почти минуя 115 (всего 15 м. беседы). Все это кажется мне странным. Можно было бы меня предупредить о таком приезде, каковой я постарался бы использовать для освещения и выяснения „спорных“ вопросов идеологии и инструкции путем обстоятельной беседы приехавшего с 115».*

Более обстоятельная беседа с Шатиловым и Закржевским по «спорным» вопросам в мои планы не входила. А письмо Закржевского ясно говорило о тревоге, охватившей заправил «Вн. линии», не рассказал ли я Е. К. Миллеру о ее делах. Пока что их опасения были напрасными. Требовались более веские доказательства, нужно было собирать дальнейшие данные о работе «Организации». И Рончевский послал Закржевскому успокоительную отписку.

Не имея намерений вмешиваться во внутренние дела РОВСа даже по такому важному вопросу, как наличие в нем тайной «Организации», мы решили положить предел ее влиянию и деятельности в лоне НСНП.

Исполнительное Бюро НСНП было поставлено в известность о существовании «Вн. линии» и ее делах. После этого оно на многие вещи стало смотреть так, как было нужно. Многое ему стало понятным — группы НСНП, возглавленные агентами «Вн. линии», были не только мертворожденными, но и просто вредными для его дальнейшего развития.

Борьба в подполье

Вернувшись из Франции в Белград, М. А. Георгиевский поделился впечатлениями о поездке с коллегами по Исполнительному Бюро. Обстановка требовала перемен на верхах НСНП и переноса всего центрального управления в Белград.

Вести о предстоявших переменах дошли до сведения «Организации». Ей они сразу пришлись не по душе. В конце октября в письме без даты за № 392 Закржевский писал Рончевскому:

«МАГ[49] по возвращении к себе домой доложил в том духе, что наш Павлов прибрал АА к рукам во Франции и в Париже и что нужно освободиться от этой опеки и вообще от Светлова и прислал совершенно неприличное письмо Светлову, требуя выбора нового председателя Совета и окончательного переноса всего центра в Сербию. Все это совершенно не соответствует нашим видам… помощь Павлова руководствуется здесь только интересами подготовки нам смены, и помощь эта бескорыстна, такое положение грозит создать раскол, и вот почему: Ч.[50] никогда не согласится на полный отрыв от Вр-а, который ему помогает словом и делом, Ч. не может допустить передачи всей власти и переноса политического центра в Сербию, ибо это означало бы увядание Союза… в порядке нашей работы по Вр., я прошу Вас в данном случае быть исключительно твердым и поддержать Париж и Светлова. С его уходом порвется последняя ниточка, связывающая духовно Вр. и АА. Этого допустить нельзя. Если разрыв станет неизбежным, то мы все (т. е. АА в СЛ[51]) войдем под фирму Бюро Съездов Нац. Групп, дабы после 2-го съезда в декабре войти автоматически в „национальный Союз“ без всяких прибавлений и поколений…»

Наша тройка наотрез отказалась участвовать в расколе НСНП. Учитывая наши сильные позиции в Лионском районе, «Вн. линия» была вынуждена бить отбой.

Намеченные Исполнительным Бюро перемены прошли гладко: уступив место председателя В. М. Байдалакову, герцог С. Н. Лейхтенбергский согласился и впредь возглавлять Отдел НСНП во Франции.

Эта крупная неудача «Вн. линии» в общем не нарушила ее больших планов. Намеченный на декабрь второй съезд национальных группировок по каким-то соображениям был отложен до весны 1934 года.

Тем временем агенты «Вн. линии» продолжали сеять рознь в среде НСНП, повторно распространяя слухи о связи

М. А. Георгиевского «с бывшим, если не настоящим чекистом Тиволовичем», о чем Закржевский впервые писал 31 августа. В письме от 29 октября от членов НСНП, одновременно состоявших в «Организации», Закржевский требовал «в порядке нашей Внутренней линии» выполнять ее предписания и «не слишком доверять тому, что Вам пишут из Исп. бюро».

Вскоре после моей поездки к генералу Миллеру, в Лион пожаловал Закржевский. Он хотел получить обратно «Идеологию» и инструкции «Организации», но натолкнулся на решительный отказ.

— Ростислав Петрович, вы знаете инструкции. Вот, кстати, пункт об исполнении приговора относительно лиц, вошедших в «Организацию» с целью провокации или предательства? — угрожающе спросил Закржевский.

— Мы — организация. Если с кем-либо из нас что-нибудь случится, ответит Шатилов, — резко возразил Рончевский.

Закржевский смолк, больше не настаивал и ни с чем вернулся восвояси. Теперь мы ожидали окончательного разрыва «Вн. линии» с нами, но его пока не произошло.

После отъезда Закржевского я рассказал по телефону герцогу С. Н. Лейхтенбергскому о том, что такое «Вн. линия», и предупредил его о подводных камнях, которые ему следовало обходить. Мой телефонный разговор вскоре стал известен Закржевскому. Он тотчас же потребовал от Рончевского отвести меня от каких бы то ни было дел «Вн. линии». На деле отвод ничего не менял. Как и раньше, Рончевский осведомлял меня о делах «Организации», читал мне ее письма. Вместе мы продолжали придумывать меры борьбы с нею.

* * *

Стремление Шатилова обеспечить себе наилучшие условия для возглавления подготовлявшегося им руководящего политического центра побудили его посетить Бельфор и Лион — два важнейших узла в сети «Вн. линии».

28 февраля Шатилов приехал в Бельфор. На собрании чинов РОВСа он читал доклад о международном положении. Непосвященные в тайны «линии» офицеры заверяли в своей преданности генерала Миллера. Посвященные же в тайны «линейцы», во главе с Мишутушкиным, получали указания Шатилова, как вести себя на предстоявшем съезде.

2 марта Шатилов прибыл в Лион. Вместо угроз он привез нам веточку мира и вежливую просьбу вернуть ему документы

«Организации». Видимо, желая задобрить нас, он дал понять, что не прочь стать членом НСНП, о чем письмом от 13 февраля 1934 года нас предварительно известил Закржевский:

«Павлов обещал мне приехать к Вам 2-го вечером и пробыть 3-го и 4-го с таким расчетом, чтобы он мог вечером 4-го уехать. Вы можете поднести ему значок и просить разрешения зачислить его членом АА — отказа в этом не встретите».

Собеседование нашей тройки с Шатиловым состоялось в кафе на Пляс де ля Мэри в Виллербане. Встретили мы его любезно, оказав все знаки внимания, полагавшиеся его высокопревосходительству. Поначалу обстановка была дружественной и непринужденной.

Начались вопросы. Шатилов отвечал спокойно и уверенно, достаточно убедительно защищая отдельные положения инструкций. Наконец, был задан последний и самый важный вопрос: **кому полезна и зачем нужна такая секретная, прячущаяся от всех непосвященных, претендующая на возглавление эмиграции организация?**

Потеряв обычное хладнокровие, Шатилов смутился. Он лишь утверждал, что «Вн. линия» наилучшим образом сможет обеспечить единство национальной эмиграции. Его ответ нас нисколько не убедил. Нового к уже известному мы не узнали. Самое важное для нас было то, что о порочности «Организации» мы говорили с ее главой.

Беседа оборвалась. Простились мы с ним холодно. «Идеологию» и переписку из двух углов Рончевский не вернул. Разрешения о зачислении его в члены НСНП мы не просили и значка Союза ему не поднесли.

* * *

Началась подготовка к второму съезду национальных группировок. Рончевский дополнительно сообщил М. А. Георгиевскому последние новости о деятельности «Вн. линии». Мы просили его обязательно приехать в Париж на съезд. Его присутствие было тем более необходимо, что оно было крайне нежелательно для «Вн. линии».

Съезд состоялся с 31 марта по 3 апреля 1934 года в просторном зале Общества Галлиполийцев на рю де ля Фезандери. На съезд прибыли представители национальных организаций из Болгарии, Югославии, Чехословакии, Бельгии и Франции. Всего было 49 делегатов, получивших полномочия от 84 организаций и групп. Были представлены НСНП, Российский

Имперский Союз, кружки «Белая Идея», скауты НОРР, «Русский Сокол», Казачий Союз и другие группы. Часть делегатов — чины «Внутренней линии», прикрывшиеся удобными вывесками чужих, опекаемых ими организаций.

Председателем съезда был избран капитан А. А. Браунер, чин «Вн. линии» и председатель Отдела НСНП в Болгарии; генеральным секретарем — ротмистр А. Н. Коморовский, начальник «Вн. линии» в IV Отделе РОВСа в Югославии; председателем организационной комиссии — журналист В. М. Левитский. Таким образом, все командные высоты были заняты людьми Шатилова.

Первым приветствовал съезд генерал Миллер, призывавший «преодолеть разлады и изжить сомнения в наших силах». Но не он, как лицо первоприсутствующее, был героем дня. Второй съезд был детищем Шатилова, он был на нем центральной фигурой. Стараниями «Вн. линии» генерал Миллер был оттерт на задний план.

Следуя тону, заданному Шатиловым, В. М. Левитский повел атаку против Миллера. Еще до съезда в письме Рончевскому он с тревогой и возмущением писал, что «почти решен вопрос о передаче всей политической работы в РОВСе Цурикову, вернее компании Струве. Это грозит нам непротивленческой жвачкой и вообще ерундой».

Против намерения Е. К. Миллера вручить руководство политической работой Н. А. Цурикову Левитский выступал не только письменно. Видимо, полагаясь на безусловный успех начинаний Шатилова, страстным поклонником которого он был, Левитский, не стесняясь присутствия Е. К. Миллера, произнес на съезде резкую речь о необходимости политизации РОВСа и замене Миллера более молодым возглавителем.

Речи выступавших были полны пафоса. Ораторы один за другим патетически призывали к борьбе с коммунизмом и объединению эмиграции. Но главное заключалось не в пламенных речах, а в практических мероприятиях. Целью съезда было создание руководящего центра национальных организаций под номинальным возглавлением Левитского и фактическим управлением Шатилова. В этом направлении и работала среди делегатов агентура «Вн. линии».

Со своей стороны, члены НСНП во главе с М. А. Георгиевским разработали меры противодействия. Первая мера состояла в провале кандидатуры Левитского на пост председателя запланированного руководящего центра. Вторая мера — не допустить создания такого центра, в котором агенты «Вн. линии» получили бы от съезда мандат на возглавление 84 организаций.

Воспользовавшись докладом В. А. Ларионова на тему «Боевая антикоммунистическая платформа», члены НСНП выдвинули его кандидатуру. Подавляющим большинством съезд избрал Ларионова. Левитский был вне себя. Хотя Ларионов и был давнишним чином «Вн. линии», Шатилова это явно не устраивало.

Решение второй задачи облегчило сопротивление главы Имперского Союза Н. Н. Рузского и возражения председателя кружков «Белая Идея» капитана С. В. Иегулова. Когда длившиеся несколько часов переговоры о названии центра утомили его участников, я предложил компромисс — назвать центр «Постоянным Совещанием национальных организаций и групп». Н. Н. Рузский и С. В. Иегулов поддержали мое предложение. Растерявшийся представитель «Внутренней линии» М. И. Селиверстов присоединился тоже.

Внешне казалось — и волки сыты, и овцы целы. На деле же волки «Вн. линии» очутились у разбитого корыта. «Постоянное Совещание» оказалось мертворожденным.

Так провалился план Шатилова объединить в своих руках многочисленные организации Зарубежья. Потерпев на съезде поражение в закулисных схватках с НСНП, в мае 1934 года «Вн. линия» порвала отношения с Рончевским.

15–19 апреля 1934 года в Белграде состоялся третий съезд НСНП. Был принят новый устав, давший возможность приступить к исключению из Союза всех известных нам агентов «Внутренней линии», особенно тех, кто по поручению Шатилова и Закржевского открывал на местах липовые представительства и отделения НСНП.

Естественно, руководители «Вн. линии» не могли отнестись равнодушно к изгнанию ее агентов. Скрытая в РОВСе и прикрывавшаяся добрым именем РОВСа, «Организация» устно и письменно распространяла повсюду легенду о борьбе НСНП против РОВСа. Тайные «линейцы», козыряя своей принадлежностью к РОВСу, вели среди его чинов агитацию против НСНП. Борьба в подполье приняла новые формы.

* * *

Как-то днем, в перерыве между заседаниями съезда, Рончевский, Альтов и я вышли из зала на лестничную площадку. После длительного заседания было приятно затянуться папиросой. Обмениваясь впечатлениями, мы не сразу заметили, как вблизи от нас выросли фигуры Надежды Плевицкой и ее мужа

Скоблина. Повернувшись к ним, мы застыли, удивленные неожиданной встречей. Мрачным, испытующим взглядом взирал на нас Скоблин. Что-то враждебное мелькнуло молнией на выразительном лице Плевицкой, когда она смерила взором сперва Рончевского, затем меня. Короткая, но памятная минута. Разошлись, не обронив ни слова.

Кризис на верхах РОВСа

Второй съезд национальных группировок произвел на Е. К. Миллера угнетающее впечатление. Всплыли на поверхность и стали очевидными интриги Шатилова и его сторонников. Бессонными ночами он размышлял о происходивших событиях, присматриваясь к окружавшей его пустоте. Встал вопрос — что делать? Уйти на покой или оставаться на посту стража кутеповского наследства?

По меньшей мере нужно было отдохнуть от тяжелых переживаний. Так советовали ему знаменитый профессор И. П. Алексинский и другие врачи. 27 апреля в газете «Возрождение» появилось сообщение Е. К. Миллера о том, что вследствие переутомления в течение нескольких месяцев он не сможет возглавлять РОВС. На это время он возлагал исполнение обязанностей председателя РОВСа на своего первого заместителя, генерала Абрамова. В начале мая он вызвал Абрамова из Софии в Париж.

Май и июнь 1934 года были для Е. К. Миллера особенно трудными и напряженными. Отощавшая казна РОВСа вынуждала к предельному сокращению расходов на управление. Это обозначало и какие-то перемены в личном составе ближайших сотрудников. Миллер колебался и не сразу нашел решение. Не раз он совещался с Абрамовым и вторым заместителем, вице-адмиралом Кедровым. Русский Париж был взволнован. Поползли слухи об уходе Е. К. Миллера на покой. Кто-то станет на место первоприсутствующего?

В эти дни «Внутренняя линия» была близка к достижению заветной цели — захвату высшего поста в РОВСе. Едва скрывая радость, 15 мая Закржевский писал одному из своих агентов во Франции:

«Генерал Абрамов приехал для принятия должности. Можно предполагать, что он останется и впредь руководить делами Союза, а Е. К. М. по возвращении своем из отпуска будет только почетным председателем».

Вопрос о преемнике Е. К. Миллера стал злобой дня русского Парижа. Обе большие газеты, «Возрождение» и «Последние Новости», обсуждали дела РОВСа и преподносили сенсации. Генералы Розанов и Лукомский предложили старшим генералам созвать совещание для избрания преемника Миллеру. Редактор военного журнала «Часовой» В. В. Орехов, сторонник Шатилова, приветствовал идею генеральского совещания:

«…возникшая недавно мысль о военном совещании была

встречена с большим удовлетворением значительной частью русского офицерства. Основание для этого — заявления ряда видных генералов и полученные нами письма от руководителей воинских организаций и отдельных воинских чинов».

Но недолго думая Е. К. Миллер категорически отверг такое предложение. 17 мая он решил остаться на своем посту. А редакции «Часового» он предложил покинуть ее комнату в управлении РОВСа и искать новое пристанище.

* * *

18 мая 1934 года Шатилов написал пространное письмо одному из начальников отделов РОВСа[52]. В начале письма он отметил «постоянные колебания Е. К. М.», которые «могли со дня на день в корне изменить положение» в пользу «Внутренней линии».

Указывая на необходимость сокращения расходов, Шатилов писал:

«…мне пришлось согласиться с высказываемыми тобой и Ф. Ф. Абрамовым пожеланиями о совмещении должностей Начальника 1-го Отдела и Нач. Штаба Председателя РОВСа. Эта комбинация давала возможность произвести наибольшие сокращения».

При такой комбинации Шатилов становился бы начальником штаба Миллера со всеми удобствами для дальнейшей деятельности в качестве главы «Вн. линии». Е. К. Миллер думал иначе. Вызывая Абрамова в Париж, он собирался передать бразды правления ему, как своему первому заместителю.

«…За несколько дней до приезда Абрамова, — писал дальше Шатилов, — *мне сообщил Кусонский, что от лично близкого Е. К. М. лица он узнал, что Е. К. собирался сложить с себя должность возглавителя РОВСа и что Ф. Ф. А. вызван в Париж именно для передачи ему этой должности. Т. к. Е. К. М. со мной по этому вопросу не разговаривал, то я не счел возможным к нему по этому вопросу обращаться».*

Против возвышения Шатилова были многие генералы, но особенно резко возражал адмирал Кедров. Как дальше писал Шатилов:

«Кедров мне заявил, что он знает, что дело не в болезни, что именно я стремлюсь к уходу Миллера и к замене его Ф. Ф. и что это я затеял всю историю… В тот же день Кедров был в Галлиполийском собрании и широко делился своими соображениями о том, что заместительство председателя РОВСа Абрамовым для

многих, и в том числе для него неприемлемо, т. к. известно, что Ф. Ф. собирается перенести центр в Софию…

Одновременно он высказывал нежелательность перенесения центра в Болгарию, т. к. и этом случае в Париже я буду играть главнейшую роль по РОВСу…»

«… Теперь наступила третья стадия. Уже официально заявлено, что Е. К. никуда не уходит и сохраняет за собой председательствование. Вчера, при передаче мне на заключение проекта сметы по 1-му Отделу, он мне заявил категорически, что сохраняет за собой должность Председателя и что его нач-ком канцелярии будет Кусонский.

…Не могу еще понять, остается ли в силе решение Е. К. о передаче Ф. Ф. начальствования над отделами или же нет. Возможно, что сейчас уже отпадает и этот вопрос, так же, как и вопрос о передаче казны…

Ему представляется совершенно реальным то положение, что, в случае передачи им должности Ф.Ф. и в случае его решения переехать в Софию, мое возросшее значение вызовет, будто бы, такие потрясения в РОВСе, что ему будет грозить полный развал. Лично я учитываю вполне, что нападки на меня усилятся, но ведь Ф. Ф., во-первых, не обязан выезжать в Софию, а затем дело стоит не так угрожающе. Мне представляется, что для нас значительно большим потрясением был бы переход председательствования к Кедрову… Как только появились первые газетные выступления, я доложил Е. К., в присутствии Абрамова, что если он не отдаст немедленно же приказ о назначении Ф. Ф., то нам не избежать и продолжения интриги, и газетных выступлений, неблагоприятных нынешнему составу командования. На это я получил заявление, что это не мое дело, и что Е. К. по этому вопросу будет говорить только с Абрамовым. Между тем обстановка сгущалась. Газетные выступления возобновились… Даже „Возрождение“ высказывалось об уходе Е. К. как о шаге, который неизбежен. Выступления эти имеют характер действий, направленных и против Абрамова, так как вместо того, чтобы пояснить его положение, как единственного, законного заместителя Е. К. М., газеты высказывались о его связи со мной, что ему ставится в вину нашими будто бы широкими кругами, или же назывались для постоянного замещения другие лица…»

«…Большинство старых генералов, так или иначе, действительно настроены против меня… Моей связью с организациями молодежи был недоволен и Е. К. Хотя он этого и не высказывал мне прямо, но всегда относился критически к моим усилиям их поддерживать. Даже для осуществления съезда он хотел мне воспрепятствовать, не соглашаясь сначала вызвать

Браунера и Коморовского… Сам Е. К. высказывал мне не раз и совсем недавно, что по многим вопросам мы с ним совершенно расходимся во взглядах. Надо к этому добавить, что со времени моего заявления Е. К. о необходимости для ликвидации ведущейся кампании немедленного же приказа о назначении ген. Абрамова, отношение ко мне с его стороны заметно изменилось. Старых добрых отношений как не бывало… ясно, что моя персона для Е. К., стала поперек тому решению, которое он принял для передачи должности Ф. Ф. А. Совершенно ясно для меня, что Е. К. М. сильно устал и хотел бы отойти совсем. Однако Ф. Ф. предполагал в случае перехода к нему председательствования переехать в Болгарию…»

«…Сложившаяся обстановка и изменение ко мне отношения Е. К. вынудили меня, исключительно в целях облегчения его задачи, написать ему письмо, в котором я предлагал Е. К. освободить меня от обязанностей Н-ка отдела. Вчера Е. К. мне сказал, что он переговорил по поводу моего письма с Ф. Ф. А., ***который ему заявил, что он не считает возможным принять временное председательствование РОВСом при условии моего ухода…*** *На этом разговор был окончен, и по желанию Ф. Ф. А., я пока что остаюсь».*

В конце письма, в понятных адресату выражениях, Шатилов сообщал:

«Хочу теперь упомянуть, как я расцениваю сложившуюся для нас обстановку. Прежде всего, для меня ясно, что ***в ней совершенно не участвуют те наши силы, которые вполне лояльны к возглавлению.*** *Они ждут прежде всего распоряжений и ясного осведомления»…*

Действительно, в среде чинов «Вн. линии» во французской провинции царили недоумение и растерянность. Как только мог, Закржевский пытался объяснить своим агентам положение вещей. В письме некоему Бутову 19 мая он сообщал:

«На основании частных сведений, уход Е. К. — дело рук П. Н. Ш., что именно П. Н. настоял на выписке Ф. Ф. А., как лица, находящегося в близких с П. Н. отношениях, и что П. Н. Ш. делает это, дабы захватить в свои руки руководство РОВСом».

31 мая Закржевский писал одному из своих агентов:

«Ничего радостного или нового вам сообщить не могу, кроме разве полного отхода от всяких дел Лукомского и зачисления в распоряжение Арсеньева[53] его начальника канцелярии[54], вместо которого теперь подписывает Кусонский. К Хрущову[55] иду завтра и напишу вам непременно в субботу. Письмо Хрущова не могу прислать, т. к. не осталось ни одной копии — постараюсь взять у Хрущова тот же экземпляр, что дал ему для проверки. Тогда

вышлю».

Так, «лояльные силы» осведомлялись копиями письма Шатилова от 18 мая. Конечно, о такой информации «наших сил» Миллер не знал. Передав временное председательствование Абрамову, Е. К. Миллер выехал из Парижа на отдых.

Воспользовавшись отъездом Миллера, Абрамов поспешил распустить контрразведывательный отдел бывшего жандармского генерала Н. И. Глобачева, основанный Миллером в 1930 году после похищения Кутепова. Этот отдел, находившийся под общим наблюдением генерала А. М. Драгомирова, обошелся РОВСу не в одну сотню тысяч франков. У Глобачева была широкая сеть агентуры во Франции и других странах, занятая поисками агентов ОГПУ в среде эмиграции. А разогнать аппарат Глобачева «линейным» генералам было крайне необходимо. Это от агентов Глобачева в Чехословакии дошли до Миллера сведения о проекте создания при РОВСе особого политического органа, независимого от главы РОВСа и возглавленного Шатиловым. Впрочем, решение о разгоне контрразведки Глобачева Абрамов принимал не один. В эти недели он был гостем Шатилова в его аньерской квартире.

* * *

Приезд генерала Абрамова в Париж не отвечал интересам французского министерства иностранных дел. В то время Франция стремилась к союзу с СССР, и оно считало «присутствие этого нового руководителя на нашей территории несовместимым с правилами гостеприимства в силу ориентации РОВСа». И в письме министерству внутренних дел оно рекомендовало посоветовать «этому иностранцу покинуть Францию без каких-либо объяснений».

Со своей стороны, и министерство внутренних дел, по каким-то соображениям, сочло нежелательным дальнейшее пребывание Шатилова во Франции. Было решено предложить обоим русским генералам добровольно уехать из Франции, а если они того не пожелают, то будет издано распоряжение об их высылке.

15 июня префектура полиции пригласила Шатилова и Абрамова в Управление общей информации, где им было сказано о принятом в их отношении решении. Оба были удивлены. Не имея возможности покинуть Францию немедленно, они просили об отсрочке с тем, чтобы выяснить вопрос в министерстве иностранных дел.

Извещенный о действиях французских властей, Е. К. Миллер был вынужден прервать отдых и вернуться в Париж. Как истый

джентльмен, он заступился за своих ближайших помощников. 21 июня он был принят, вместе с Шатиловым и Абрамовым, шефом кабинета министра иностранных дел. Французские власти, всегда благожелательно относившиеся к хорошо известному им Миллеру, пошли ему навстречу, и высылка генералов была отложена до нового распоряжения.

В эти хлопотливые и неприятные дни Е. К. Миллер принял решение об отставке Шатилова. С одной стороны, давление французских властей не оставляло возможности сохранять Шатилова на его посту. С другой стороны, интриги Шатилова и его стремление захватить командные высоты в эмиграции вызывали вполне обоснованное беспокойство. Новая обстановка окончательно рассеяла сомнения главы РОВСа.

27 июня Шатилов подал Е. К. Миллеру рапорт с ходатайством об освобождении от занимаемой должности. В тот же день Шатилов известил префектуру полиции об уходе с поста начальника 1-го Отдела РОВСа.

Зачисляя официально Шатилова в свое распоряжение, Миллер позолотил пилюлю. В приказе от 29 июня он принес Павлу Николаевичу «глубокую благодарность» и выражал надежду, что и впредь он будет трудиться на пользу РОВСа. Одновременно Миллер назначил на место Шатилова генерала-от-кавалерии И. Е. Эрдели.

17 июля генерал Абрамов уехал в Софию. Отстраненному от дел РОВСа Шатилову власти разрешили остаться во Франции.

* * *

В воскресенье 2 июля Е. К. Миллер и его жена были в отъезде. Их слуга Дмитрий отправился в церковь. В половине одиннадцатого остававшийся в квартире ротмистр А. М. Изюмов был вызван по телефону француженкой, приглашавшей его от имени генерала О. на свидание в церковь. Изюмов поехал, но в церкви генерала О. не обнаружил. Никто из прихожан не видел генерала в этот день. Изюмов недоумевал. Тем временем слуга вернулся домой. Входная дверь в квартиру была взломана, засов валялся на полу передней. Кто-то интересовался бумагами генерала Миллера. Таинственные налетчики унесли пачку семейных документов и кое-какие бумаги из официальной переписки генерала.

* * *

30 сентября вечером на площадке второго этажа в доме № 29 на рю дю Колизе взорвалась бомба, начиненная черным порохом. Взрывом сорвало входную дверь канцелярии РОВСа. На полу были найдены два письма, отпечатанные на русской пишущей машинке. В письмах содержались угрозы генералу Миллеру и его сотрудникам — генералу Эрдели, адмиралу Кедрову и другим. Анонимные авторы, укрывшиеся подписью «Доброволец Единого Фронта», угрожали дальнейшими действиями в случае, если генерал Миллер и другие укрыватели преступлений Шатилова не отойдут добровольно от возглавления РОВСа.

Анонимы провокационно связали воедино «Союз Добровольцев», состоявший из сторонников генерала А. И. Деникина, и газету «Единый Фронт» лейтенанта А Н. Павлова. Редакция газеты начисто отрицала причастность «Единого Фронта» к взрыву. Тем более — добровольцы Деникина. Виновников покушения французская полиция найти не смогла.

Генерал Эрдели и «организация»

Иван Егорович Эрдели, родившийся в 1870 году, был однокашником Е. К. Миллера по Николаевскому кадетскому корпусу и Николаевскому кавалерийскому училищу. Выпущенный в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк в 1890 году, он стал и однополчанином Миллера.

В 1897 году он окончил Николаевскую академию Генерального штаба и начал блестящую карьеру. С 1905 по 1907 год он состоял в Комитете государственной обороны, в 1910–1912 годах командовал лейб-гвардии Драгунским полком, в 1911 году был зачислен в свиту Его Величества. Первую мировую войну начал в должности генерал-квартирмейстера 9-й армии генерала Лечицкого, командовал на фронте 14-й кавалерийской и 64-й пехотной дивизиями, 18-м армейским корпусом. В 1917 году был командующим 11-й и Особой армий. В августе поддержал «мятеж» генерала Корнилова и был заключен Временным правительством Керенского в Быховскую тюрьму. В ноябре 1917 года бежал на Дон и присоединился к Добровольческой армии Корнилова, проделал с нею первый и второй кубанские походы. В 1918–1919 годах был Главноначальствующим на Северном Кавказе.

Элегантный гвардеец, с отличными манерами светского человека, Эрдели вместе с тем был скромным, обаятельным, честным и прямым человеком, не терпевшим ссор, подсиживаний и интриг. В военной среде он пользовался всеобщим уважением.

Приняв должность, в течение трех недель, с 9 по 30 сентября, Эрдели объезжал группы РОВСа во Франции. На собраниях знакомился с офицерами и начальниками групп, выслушивал их доклады, делился новостями.

После собрания в Лионе Рончевский в краткой беседе наедине предупредил Эрдели о наличии в РОВСе подозрительной тайной «Вн. линии».

* * *

Перед своим отъездом в провинцию Эрдели заблаговременно списывался с начальниками местных групп РОВСа. Списываясь, он не указывал адресов, где предполагал остановиться, ибо в большинстве случаев он был гостем начальников групп или кого-нибудь из давних сослуживцев. Лишь для Марселя и Лиона он дал свой адрес. В обоих городах то были отели, расположенные

около вокзалов и носившие одно и то же название «Терминюс».

В обоих отелях он получил одинаковые анонимные письма, напечатанные на русской машинке, с угрозами из одного и того же источника:

«Ваше высокопревосходительство, вы что-то очень ретиво принялись за объединение офицерства. Остерегитесь. Как бы вам не было худо».

В Марселе письмо было доставлено обычной почтой. В Лионе письмо принес неизвестный посланец, вручивший его администрации отеля.

Генерал Эрдели прочел эти подметные письма и никакого значения им не придал. Уничтожив их, вернулся в Париж и даже не доложил о них генералу Миллеру.

* * *

Тотчас после назначения Эрдели Закржевский приступил к перестройке и приспособлению «Организации» к невыгодно обернувшейся обстановке. Враждебность к Миллеру была сразу же распространена и на Эрдели.

3 июля 1934 года Закржевский писал подполковнику Мишутушкину:

«Оценка положения, данная вами, вполне соответствует истинному положению вещей у нас. Председатель Вр. возомнил себя спасителем отечества после приятных слов о нем и о Вр., сказанных ему „союзниками“, почему об уходе его сейчас нет речи, Ф. Ф. уезжает к себе. Новая власть в лице Э. уже опутывается отколовшимися первопоходниками, младороссами и прочими, ибо сам Э. слаб и склонен со всеми мириться. Развязка в головке наступит гораздо быстрее, чем я этого ожидал. ***Вчера видел В. А. Л.[56], который говорит о необходимости готовиться к революционному действию в отношении песочников.*** *Вполне разделяя его взгляд, я прошу вас подготовить возможно большее количество единомышленников, понимающих, что в момент, когда назревают решительные события, нам навязывается бездарное руководство, ничего не видящее и растрачивающее последнее достояние. Подготовка должна пройти совершенно незаметно и скрытно. О времени и способах действия вы будете своевременно извещены. Пока не предпринимайте ничего самостоятельно, ибо это могло бы быть во вред общему делу (вовне, конечно, но внутри продолжайте усиленную работу). Связь со 115 полная. Причины ухода Павлова: он, с одной стороны, совершенно разошелся с председателем Вр. в оценке положения Вр., настаивал на переносе*

центра, во-вторых, желал отвести удары от самого Вр., в-третьих — потерял, по его собственному выражению, сердце, ибо, ***если отбросить Ф. Ф., Кусонского и Скоблина, и нас, — всё остальное к нему полубезразлично, полувраждебно.*** *Уходом он развязал себе руки и получил значительную свободу. Плохого в этом нет, пока мы будем держаться наших целей и нашего дела. Вот почему то, о чем вы говорите, — т. е.* ***о создании отдела с Павловым во главе, должно быть проведено в порядке расширения существующего нашего внутреннего аппарата,*** *но наружу оно вылезать не должно, ибо не получит ни разрешения властей, ни признания со стороны кого бы то ни было, приведет к расколу и распадению. Кроме того, затруднит и положение самого Павлова, который не пойдет на такой резкий шаг* ***сейчас*** *. Начатая военно-политическая работа во Вр. заглохнет по официальной линии, ибо Э. ни черта не смыслит, а денег на нее отпускаться не будет. Поэтому ваш разговор с Непосредственным*[57] *полубеспредметен. Нажимать я сейчас не могу; личные отношения мои с Э. отвратительны, ибо я имел неосторожность, когда его фамилия появилась в „Последних Нов.“, подать ему рапорт очень резкий, на который ответа не получил.*

Дела АА надо продолжать, смотря на него не как на отделение АА2, а как на ячейку людей, которых вы с Э-лем общими усилиями направляете в русло общерусского большого дела. Фирма здесь не играет роли, общий смысл письма вам понятен. В этом же духе пишите по вашим знакомым, адреса коих вы знаете, и привлекайте к работе. Когда нас будет много, можно будет провести то, что мы хотим. ***В силу ряда причин, повторяю, развал самой головки произойдет быстрее, чем можно было ожидать.*** *Прилагаю 50 фр. и сводки от 22, 23, 24, 26 июня — 5 листов».*

* * *

О деятельности «контрразведки» Эрдели узнал из первых «агентурных сводок» Закржевского. Он сразу обнаружил неладное в работе этого крупного агента «Вн. линии». И 15 июля отписал Закржевскому:

«… 1) сообщите мне список лиц, коим ваши сводки считаете необходимым посылать, и число экземпляров сводок; 2) этот список будет мною рассмотрен, сохранен или дополнен, затем утвержден и по этому утвержденному списку вам надлежит сообразить рассылку ваших сводок; всякая рассылка вне утвержденного списка сводок не разрешается и на вашей ответственности. Сообщите, какие выборки вы отправляете в

Болгарию. Со следующей почтой пришлю вам адрес мой, вместо ген. Кусонского».

В тот же день Кусонский сообщал Закржевскому:

«К сожалению, одна фраза в вашем письме не позволяет мне показать его Ив. Ег…. Необходимо избежать того, что могло бы внести некоторые шероховатости в мои с ним отношения. Что касается несвоевременной передачи вам сведений по поводу налета на квартиру ЕКМ, то, очевидно, П. Н. упустил из виду, что нужно было осведомить именно вас, сам же он знал о происшедшем от меня тотчас же».

Видимо, у Эрдели были веские соображения, когда он давал свой адрес, чтобы, минуя Кусонского, получать «сводки» непосредственно от Закржевского. О переписке Кусонского с Закржевским он мог догадываться. Но он, конечно, не знал, что Кусонский оставался в тесной связи с отведенным от дел РОВСа Павлом Николаевичем. И Кусонский, конечно, не сказал Эрдели, что о налете на квартиру Миллера он сообщил Шатилову тотчас же после происшествия! Незримые руководители продолжали действовать…

18 июля Закржевский сообщил из городка Оссегор о порядке рассылки «сводок». Но ни слова не написал о том, что эти «сводки» он продолжал доставлять Шатилову. Требований Эрдели он не выполнил. В ответ на отписку генерал призвал Закржевского к порядку:

«Неясно, кому пересылаются данные в провинции… Все внимание должно быть обращено на большевиков и их работу в эмиграции и в среде РОВСа. Сведения в самом фельетонном изложении не интересны. Это не сведения, а скверные сплетни».

Утаив имена своих агентов в провинции, 26 июля Закржевский сообщил о своем отказе прекратить слежку за неугодными «Вн. линии» генералами Стоговым, Витковским и другими лицами.

5 августа 1934 года Эрдели писал Закржевскому:

«…Ваши указания о Н. Н. Стогове в его лжи к ген. Миллеру я проверил. Ваше это донесение является неверным, вернее, ложью. Всё вместе взятое, в связи с вашими последними донесениями, показывает ясно, что доверия у меня к вам нет. А так как ваши рапорты основаны исключительно на доверии, то вывод ясен».

С пачкой «сводок» Закржевского Эрдели пришел в кабинет Е. К. Миллера и показал их ему.

— Евгений Карлович, читать эту литературу я не желаю и поощрять ее не хочу.

— А кто этот Дмитриев? — спросил Миллер, разглядывая подпись под письмами.

— Это — капитан Закржевский, корниловский артиллерист.

— Да, такого агента нам не нужно. И вообще эту работу по «Внутренней линии» надо прекратить. Рассчитайся с ним по почтовым расходам и больше дел с ним не имей.

* * *

8 августа Закржевский с тревогой писал Ларионову:

«Дорогой Виктор Александрович, прошу вас постараться повидать скорее П. Н. и прочитать ему настоящее письмо. До сего дня, т. е. почти 1 месяц, как я уехал, я не получал никаких указаний от него по вопросу о дальнейшей работе, а от Лопатина[58] не получил вообще ни одной строчки, ни одного подтверждения всему мною посланному и никаких результатов по ряду вопросов, кои были заданы мной через него. В результате моего письма № 305 Ивану Егоровичу, копия коего была мною послана Лопатину для доклада Павлу Николаевичу Шатилову, мною получено сегодня… Здесь все пропитаны величайшей ненавистью к Е. К-чу, вплоть до того, чтобы требовать его ухода, окончательно и поскорее. Прошу вас скорее поделиться со мной результатами вашей беседы с П. Н. и дать мне его указания. У меня совершенно опускаются руки, как раз именно сейчас в руки даются возможности, которых не было раньше, нужны средства и т. д. Прилагаю для передачи П. Н-чу сводки от 3 августа о совещании в Бухаресте и беседу с Богдановичем[59] и для Пушкаря — сводку от 3 августа, а всего 5 листов…»

В конце сентября Закржевский сообщал своей агентуре:

«Ваш покорный слуга уже не занимает той официальной должности при Отделе. Тем не менее, мы своего дела не оставим и будем и впредь работать… Виделся дважды с 115. Говорит о необходимости от всего отмежеваться и продолжать работу как ни в чем не бывало. Итак, мы продолжаем жить, как будто ничего не случилось. Работать осторожно, не вызывая ничьего внимания, как бы в подполье».

Но одного подполья было мало. Для прикрытия все-таки нужна была некая официальность. Выход вскоре был найден. С ведома генералов Шатилова и Абрамова, при деятельном участии капитана Фосса, работа по «Вн. линии» вновь была поручена Закржевскому. С декабря 1934 года, минуя генерала Эрдели, он был подчинен непосредственно Е. К. Миллеру. Докладчиком по делам «Вн. линии» был назначен Скоблин, о котором Шатилов знал, что ему можно было кое-что поручить. А после визита Фосса к генералу Миллеру в мае 1935 года позиции Скоблина настолько

окрепли, что присутствие Закржевского в Париже стало ненужным. В сентябре 1935 года он вернулся к Фоссу в Софию.

* * *

15 и 16 декабря 1934 года в ограде церквей на рю Дарю и рю д'Одесса неизвестные лица распространяли листовки с воззванием за подписью начальника 1-го Отдела РОВСа Ивана Эрдели. Автором этой листовки генерал не был. Возмущенный, Эрдели сообщил печати о принятии им мер для обнаружения авторов фальшивки. Их он, конечно, не обнаружил…

А 12 февраля 1935 года Закржевский писал Мишутушкину:

«Мне пришла в голову мысль на время приостановить атаки на Вр. и в то же время получить косвенное подтверждение о наличии связи у „Последних Новостей“ и Союза Добровольцев с общественниками[60], а именно: предложите Баргину[61] немедленно послать по своей новой линии следующее: „Здешний генерал из Р.О.В.С. а получил письмо из Парижа, в котором говорится приблизительно следующее: что упорно держится слух о предстоящем уходе Е.К.М. (полностью), и что последний передает бразды правления И.Э. (полностью). И.Э.[62] по вступлении собирает „военный совет“ по специальному подбору, и этот „совет“ выбирает главнокомандующим А.И.Д. (полностью), и что И.Э. является ставленником А.И. Д-на[63], что вызывает большую тревогу в кругах „правоверных““. Если это сообщение верно, то было бы большой тактической ошибкой вести в настоящий момент кампанию против И.Э., который ***делает такое полезное дело, как предстоящий совершенно неминуемый раскол в ОВС-е.*** *Наоборот, мне думается, что всякая кампания, которая вредит его личному авторитету и имени, может заставить Е. К. М-ра пересмотреть вопрос о своем заместительстве, не в пользу Э. на этот раз.* ***Я уверен, что это сообщение заинтересует общественников».***

В апреле 1935 года, ссылаясь на необходимость экономии денежных средств, Е. К. Миллер уволил Эрдели с должности начальника 1-го Отдела РОВСа и принял на себя его обязанности. Руководство «Внутренней линией» во Франции поручил Скоблину. Незримые руководители воспрянули духом.

Е. К. Миллер в окружении Скоблиных

Ревностно и молитвенно праздновали корниловцы день святых Флора и Лавра. Поминая своего доблестного шефа, генерала Лавра Георгиевича Корнилова, ежегодно служили они панихиды по павшим и молебны о здравствующих. Затем собирались на трапезу, приглашали на торжество виднейших белых генералов и старших корниловцев — Деникина, Богаевского, Кутепова. Вспоминались боевые подвиги, произносились патриотические речи, провозглашались заздравные тосты.

После четырехлетнего отсутствия, в 1928 году Скоблин вновь стал хозяином в своем полку, а Плевицкая — любимой матерью-командиршей. На полковых праздниках они задавали тон: Скоблин произносил пламенные патриотические речи, Плевицкая покоряла за душу хватающими русскими народными песнями.

6 сентября 1931 года корниловцы праздновали день святых Флора и Лавра. На банкет были приглашены генералы Миллер, Шатилов, Стогов, Фок, Пешня, Репьев, адмирал Кедров. Царило приподнятое праздничное настроение. Обращаясь к Е. К. Миллеру, Скоблин с пафосом сказал:

— Сегодня мне хочется дать доказательство нашей преданности нашему Главе, работающему в столь трудной и морально тяжелой обстановке. По нашей добровольческой традиции, от имени общества офицеров полка, я прошу его превосходительство генерала Миллера зачислить себя в списки нашего полка.

Под громкие крики «Ура!» до глубины души растроганному Миллеру была поднесена корниловская розетка. По воле Скоблина он стал старшим корниловцем. Отвечая на бурю приветствий и благодаря за оказанную честь, Миллер заявил:

— РОВС одним своим существованием осознается советской властью, как наибольшая угроза и опасность. Мы достигли этого десятилетней верностью заветам основателей и вдохновителей борьбы за Россию.

Снова крики «Ура!» Праздник удался на славу. В прекрасном расположении духа вернулся Миллер домой. В этот день славные корниловцы стали для него близкими и родными[64].

* * *

Скромной и трудной была жизнь большинства белых

эмигрантов. Заработки подчас едва обеспечивали их самые насущные нужды. Лишь немногие могли приобрести автомобиль. Для еще меньшего числа собственный домик был пределом мечтаний.

Счастливцы, сумевшие накопить трудовые франки, искали места подешевле. Таким местом был городок Озуар-ля-Феррьер, в сорока километрах от Парижа; тут можно было купить или выстроить собственными руками домик на небольшом клочке земли. Несколько десятков эмигрантских семей поселилось в этом городке. Среди них и чета Скоблиных.

В конце мая 1930 года в бюро Д. М. Шнейдера, торговца недвижимым имуществом, вошел моложавый господин. Осторожно и обстоятельно он расспросил об условиях продажи имущества, о котором узнал из объявления в газете «Последние Новости». Назвав себя, Скоблин условился о предварительном осмотре дома. Плевицкая ожидала его на улице в темно-сером автомобиле марки «Ситроен» 1925 года.

Осмотрев дом № 345 на авеню Марешаль Пэтен, в течение пяти минут принял решение. Немного поторговавшись, сошлись на 82 тысячах франков. 7 июня был подписан договор. Скоблин внес 10 тысяч наличными и обязался выплачивать остальное по 9 тысяч в год.

Никто не спрашивал, откуда у них деньги. Известно было, что Скоблин нигде не служил, что его жена давала концерты, а раз так, то все в порядке. Ведь несомненно доходными казались турне Плевицкой по городам Прибалтики и Финляндии. Да и в богатую Америку ездили не без успеха. На фоне эмигрантской бедности Скоблины выглядели зажиточными: собственный дом, собственный автомобиль, разъезды по всей Европе, концерты, встречи с однополчанами в разных странах, банкеты, всеэмигрантская известность, поклонение, почет и уважение.

В 1934 году в Озуар началась постройка Свято-Троицкой церкви для окормления небольшой русской колонии. Скоблины щедро жертвовали на церковь. Плевицкая часто посещала службы. Первым настоятелем прихода и ее духовником был о. Александр Чекан, в прошлом офицер-артиллерист, женатый на дочери генерала Миллера.

* * *

Возвращаясь из поездок, Скоблин докладывал Миллеру о виденном и слышанном. Рассказывал о быте белых воинов в других странах, о встречах со старшими начальниками.

Высказывал благие пожелания. И нашептывал против себе неугодных.

Часто по воскресным дням Скоблин заезжал за четой Миллеров и увозил их к себе в Озуар. У входа в дом чету Миллеров с радостной улыбкой встречала Надежда Васильевна.

В небольшом дворике росли три русские березки, так остро напоминавшие о покинутой родине. Солнечным днем усаживались в их тени. Домашняя обстановка располагала к задушевным беседам. Скоблин подробно повествовал о прошлом Корниловского полка, его походах, боях, тяжких подчас потерях. Вместе мечтали о радостном будущем России. Миллер слушал, и еще ближе его сердцу становились корниловцы, покрывшие себя немеркнущей славой. Восхищаясь боевыми подвигами Скоблина, Миллер проникся к нему исключительным доверием.

Надежда Васильевна трогательно ухаживала за дорогим гостем. Особенно в дни, когда Наталья Николаевна Миллер оставалась дома. Своего гостя Скоблины усаживали на шезлонг под ярко-желтым зонтом. Круглый садовый стол был покрыт белоснежной скатертью. Вкусные яства, приготовленные умелыми руками опытной хозяйки, возбуждали аппетит. Чаруя старика ослепительной улыбкой, ласково глядя ему в глаза, Плевицкая умно, тонко и настойчиво располагала его к себе, не снижаясь даже до легкого флирта.

В беседе за столом Надежда Васильевна певучим голосом вставляла свое слово в мудреные разговоры генералов:

— Милый Евгений Карлович, как вы всегда умеете так ясно и просто объяснить самые трудные вопросы. Даже я, глупая женщина, и то начинаю понимать непонятное.

— Ну, вы-то умная женщина и такая талантливая, — отвечал Миллер, польщенный вниманием певицы.

Вечером Скоблин отвозил Миллера домой. В пути опять беседовали на политические и военные темы. Говорили о задачах борьбы с коммунизмом, обсуждали новости русского Парижа, вести о жизни в России.

И Миллер открыл Скоблиным двери своего дома, сердечно к ним привязался, полюбил их как родных, честно и благородно.

* * *

Вечером 27 февраля 1935 года Скоблины возвращались домой. В Венсенском лесу на их автомобиль налетел быстро мчавшийся грузовик. Машина Скоблиных была разбита вдребезги. Несмотря на серьезность катастрофы, Скоблины пострадали

мало. После первой помощи в ближайшем госпитале их перевезли в Галлиполийское собрание, где они провели ночь. На следующее утро генерал Миллер поместил их в клинику «Мирабо». У Плевицкой — нервный шок и ушибы. У Скоблина — надлом правой ключицы и звездообразная трещина в правой лопатке. Отеческими стараниями Е. К. Миллера чета Скоблиных была обставлена вниманием врачей и отличным уходом.

Лечили их профессор И. П. Алексинский и директор клиники доктор Б. М. Жирмунский. Они быстро поправились и 17 марта покинули клинику. За восемнадцатидневное пребывание в отдельной палате Скоблины заплатили 4156 франков. Кроме того, щедрые гонорары получили пользовавшие Скоблина хирурги. В расходах не стеснялись, хотя еще и не получили компенсации от страховой компании.

Выписавшись из клиники, Скоблин несколько раз являлся к Жирмунскому для перевязок. В мае он посетил доктора в последний раз, приехав в клинику в новеньком «Пежо».

* * *

Ежегодно, начиная с 1930 года, Скоблины посещали группы РОВСа, рассеянные по Европе. Особенно часто они бывали в Софии, где их восторженно принимали и чествовали.

Прикрываясь официальной вывеской III Отдела РОВСа, софийский центр «Вн. линии» устраивал торжественные собрания и банкеты. После высокопарных речей и заздравных тостов пели добровольческие песни, запевала Плевицкая. От нее белые воины получали заряд душевной бодрости, слушая вдохновенно исполняемую ностальгическую песню «Замело тебя снегом, Россия»…

А в тиши секретных совещаний с Фоссом Скоблины договаривали то, что не умещалось в тесные рамки шифрованной и эзоповской переписки между Озуаром и Софией.

В среде однополчан Скоблин энергично внедрял идею офицерской элиты, достойной быть в рядах «Вн. линии». Объезжая группы корниловцев в Югославии, Бельгии, Болгарии, Финляндии, незримыми нитями агентуры связывал их воедино. Был он ревностным проводником идеи, ярко выраженной Закржевским некоему «Вениамину Васильевичу» в письме от 1 июня 1934 года:

«…оказалось совершенно необходимым внутри нашего Союза создать вторую высшую ступень для немногих поначалу, которая могла бы быть костяком для ставшего дряблым тела Союза.

Выражаясь грубо, большевистским языком, это ГПУ внутри компартии. Если сравнить членов РОВСа с коммунистами, то, мы, члены внутренней организации, являемся в отношении их чем-то вроде чекистов. *Не пугайтесь слов, приведенных здесь только для пояснения. Когда мы вырастем и охватим весь Союз, отбросив из него все ненужное и дряблое, все колеблющееся и не наше, тогда мы будем реальной силой, которая будет играть решающую роль в жизни самого Союза так и вне его — и в эмиграции, и в СССР. Я все откладывал пересылку Вам положений названной организации, пока не получил для этого благословения нашего генерала[65]. Сейчас, ввиду острой необходимости, скорого объединения преданнейших чинов армии в тесную, дружную семью, такое благословение получил, почему и пересылаю Вам положения эти на 10 листах, прошу в них разобраться и, на основании имеющихся там положений о привлечении новых членов, привлечь членов из числа наиболее достойных, о коих вы мне сообщите, а равно об их годности и способности для того или иного вида работы».*

«Ненужное и дряблое», не согласное с его деятельностью, Скоблин беспощадно выметал из полка. Не щадил и старейших первопоходников: в начале 1934 года он исключил доблестных офицеров, полковника М. Н. Левитова, бывшего командира 2-го Корниловского полка, капитана Д. А. Возовика. Иные уходили из полка сами.

Зато возвышал и приближал к себе готовых бездумно выполнять любые распоряжения. Такими в Париже были полковник Г. З. Трошин и адъютант капитан П. Я. Григуль, в Болгарии полковник Кондратьев, в Лионе назначенный летом 1933 года помощником Скоблина полковник С. Е. Киреев, в Гельсингфорсе капитан Батуев. И многие другие помельче. Из добровольческих «цветных» полков Корниловский поставил в «линию» наибольшее число офицеров.

О принадлежности Скоблина к тайной «Организации» Шатилова Е. К. Миллер не знал. Доверяя Скоблину, 15 сентября 1933 года глава РОВСа назначил его начальником группы чинов 1-го армейского корпуса в Париже.

«Внешняя линия» РОВСа

10 мая 1933 года генералы Скоблин, Туркул, Пешня, Фок и полковник Сокольский представили Е. К. Миллеру меморандум. Недовольные видимой пассивностью РОВСа, они требовали от Миллера возобновления активной работы в СССР. С каждым из них Миллер беседовал отдельно. Скоблин же настаивал на проведении террористических актов с похвальной целью — поднять дух борцов.

Упреки авторов меморандума не были справедливыми. Бездеятельным Миллер не был. 9 июля 1932 года он обратился к чешскому деятелю, русофилу К. П. Крамаржу с просьбой добыть 50 тысяч франков для покупки небольшого корабля. На этом корабле Миллер предполагал отправить в СССР десятка два офицеров с заданием поднять на юге крестьянское восстание. Из этого проекта ничего не получилось. 17 июля Крамарж ответил, что ему не удалось найти нужные деньги. С другой стороны, Миллер и Кедров усомнились в благонадежности намеченных к отправке эмиссаров и особенно полковника Жолондковского, представителя «Вн. линии» в Румынии.

Изучив и пересмотрев методы погибшего Кутепова, Миллер решил приступить к организации в СССР тайных опорных пунктов и ячеек. Для лучшего охранения тайны Миллер перенес центр работы из Парижа в Финляндию. В те годы в Выборге, неподалеку от советской границы, проживал генерал Северин Цезаревич Добровольский. Бывший в 1917 году военным прокурором 11-й армии, в конце 1918 года Добровольский бежал от власти большевиков из Петрограда в Финляндию. После возникновения Северного антибольшевистского фронта Добровольский прибыл в Архангельск. 26 мая 1919 года Миллер назначил его на пост военного прокурора Северной области. Крах на Севере вынудил Добровольского вернуться в Финляндию.

В течение многих лет Миллер и Добровольский поддерживали дружественную переписку. И когда Миллер приступил к осуществлению намеченных планов, то в лице Добровольского, старого соратника и бескомпромиссного врага большевиков, он нашел прекрасного помощника.

Добровольский установил деловые отношения со Вторым отделом Генерального штаба Финляндии. Он помог Е. К. Миллеру войти в тесный контакт со служившим во Втором отделе подполковником Мальмбергом. Финны были готовы сотрудничать с РОВСом и вполне доверяли Добровольскому. Кое-какие начинания уже осуществлялись Миллером и до подачи

генеральского меморандума.

14 сентября 1933 года Северов[66] известил Ивана Ивановича[67]:

«Сегодня я был вызван местным представителем полковника Мальмберга, который сообщил мне ответ последнего на наши предложения о совместной работе. Полковник Мальмбер хочет, чтобы Вы писали ему непосредственно; он хочет ознакомиться с делом детально, то есть, кто будет работать, и в чем будет состоять эта работа. Согласно его заявлению, я заключил, что полковник Мальмберг уже вошел в сношения с Вами…»

Выслушав проекты Скоблина о посылке людей в СССР, Миллер решил привлечь и его к секретной работе.

19 сентября 1933 года он сообщил Добровольскому:

«Был бы рад писать полковнику Мальмбергу непосредственно. Прошу Вас сообщить мне адрес, по которому я должен ему писать. Вам нужно поторопиться, так как Петр Петрович[68] думает быть в Вашей стране в октябре. ***С сегодняшнего дня я назначаю Петра Петровича моим представителем по секретной работе в Финляндии.*** *Поэтому сообщаю Вам, что все мои прежние распоряжения отменяются».*

Затруднения с получением виз не позволили Скоблину выехать в октябре, и его поездку в Финляндию пришлось отсрочить. Тем временем Е. К. Миллер продолжал контакты с финнами. 4 ноября 1933 года он писал Добровольскому:

«…Вчера я отправил полковнику Мальмбергу письмо на немецком языке. Н. Ский[69] хотел сам написать Вам, что мы нуждаемся в содействии по следующим пунктам: способствовать поездкам наших посланцев и указать им лиц, поддерживающих в СССР дружеские отношения с финнами. Вот что больше всего интересует Н. Ского».

Финны согласились помогать посланцам Миллера, но категорически отказались назвать имена и адреса своих агентов в СССР. 26 октября 1933 года Добровольский писал Миллеру:

«Ответы на Ваши, вернее Н. Ского, вопросы таковы: 1) Ваши посланцы смогут ездить туда с гарантией возвращения; 2) в новой резиденции, за колючей проволокой, невозможно оказать им прямую помощь, ибо здешняя фирма работает очень конспиративно и ограждает свои коммерческие интересы, опасаясь провала своих агентов».

В январе 1934 года Скоблины выехали в Финляндию с письмом Миллера Добровольскому:

«Наконец генералу Скоблину удалось выехать из Парижа. Его отъезд, сперва назначенный на конец декабря, был отложен из-за болезни его жены, Надежды Васильевны Плевицкой, ее концерты в

балтийских странах поэтому отложены на несколько недель. Я очень доволен тем, что будете беседовать с ним. Он также будет иметь возможность ознакомиться с положением в Финляндии, местом отправки наших эмиссаров. Кроме того, он должен войти в контакт с подполковником Мальмбергом, свидание с которым я прошу Вас устроить.

Во время пребывания в Париже полковника Свенсона[70], я с ним не говорил относительно Скоблина, потому что в этот момент не знал, сможет ли последний получить визу. Поэтому я разговаривал с ним только о Вас, считая, что, благодаря Вашему посредничеству, Скоблин войдет в контакт с нужными нам лицами.

В будущем люди, посылаемые Скоблиным с поручениями, будут направляться к Вам с тем, чтобы Вы устраивали им переходы границы».

Вернувшись из Финляндии, Скоблин устно доложил Миллеру о встречах с финнами и Добровольским. Переговоры прошли успешно. 19 февраля 1934 года Добровольский писал Миллеру:

«В предыдущем письме я вкратце описал поездку в Гельсингфорс. Мы с Н. С-ким встретили самый теплый прием, и нужно думать, что будущей весной нам удастся наладить коммерческое сотрудничество со здешними фирмами».

Достигнутым соглашением Миллер был доволен. Но, как человек осторожный и искушенный в делах разведки, он постоянно напоминал Добровольскому о возможности советской провокации. 15 марта 1934 года он писал ему по этому поводу:

«Опасность связей с организациями, существующими в СССР, была уже признана генералом Кутеповым, понявшим, что их желание установить с ним контакт имело целью раскрытие его работы. По такому пути мы не пойдем никогда».

Только не знал он, что сам был уже опутан сетью советской агентуры.

Неудачный поход эмиссаров

Закржевский старательно собирал сведения об активистах, готовых идти на работу в России. В 1933 году летом Рончевский, Альтов и я опросили членов НСНП в отделениях и группах Лионского района. Данные о желавших подвига в подпольной борьбе были посланы Закржевскому, занесшему их имена и адреса в свою обширную картотеку.

После второго съезда национальных группировок, задержавшийся в Париже генеральный секретарь Исполнительного Бюро НСНП М. А. Георгиевский получил от РОВСа предложение предоставить в его распоряжение одного из наших активистов. Не найдя кандидата в Париже, Георгиевский приехал к нам в Лион, чтобы посовещаться и наметить подходящего человека. Хотя мы в тот момент не знали новой роли Скоблина при Миллере, тем не менее исходившее от Миллера предложение восторгов у нас не вызвало. Нас беспокоило наличие «Вн. линии» и ее связи со Скоблиным. Отказать Миллеру, пользовавшемуся нашим полным доверием и уважением, мы не могли. После тягостных размышлений и многочасовых совещаний было решено предоставить члена НСНП РОВСу. Памятуя гибель Флоровского и Ирошникова, одновременно решили, что если эта попытка сотрудничества с РОВСом окажется неудачной, то никакой совместной тайной работы впредь больше не будет.

Выбор пал на Григория Емельяновича Прилуцкого, члена небольшой группы в городке Пеаж-де-Руссийон. Участник Гражданской войны в рядах конной разведки 3-го Дроздовского пехотного полка, корнет Прилуцкий был смелым офицером, жаждавшим идти по стопам Марии Захарченко-Шульц. Мы вызвали его в Лион. На наше предложение он ответил восторженным согласием. Приняв меры к сохранению тайны, мы проводили его в Париж.

В Париже Прилуцкий явился к Ларионову. В это время Ларионов возглавлял молодежный кружок «Белая Идея», основанный его однополчанином, марковским артиллеристом Сергеем Владимировичем Иегуловым. Подобно Ларионову, Иегулов был давнишним чином «Вн. линии». Но по своему независимому характеру и смелым высказываниям мнений, не совпадавших с практикой «Вн. линии», Иегулов оказался неподходящим для возглавления «Белой Идеи». Скоблин добился его замены Ларионовым. Обиженный и возмущенный, Иегулов вступил в НСНП, увлекся его идеями и стал особенно резким

критиком РОВСа, Ларионова и подчиненного «Вн. линии» кружка «Белая Идея».

Ларионов готовил Прилуцкого к походу, делясь своим опытом и знаниями. Одновременно с Прилуцким готовился Всеволод Михайлович Насонов, деятельный член «Белой Идеи», уроженец Петрограда, в недавнем прошлом офицер Красной армии. Насонов был назначен старшим, что несколько обижало Прилуцкого, никогда в Красной армии не служившего.

Насонов и Прилуцкий получили благословение от генерала Миллера. Выехали они в Финляндию с югославскими паспортами, которые вручил им Скоблин. Только Прилуцкий был несколько удивлен, зачем Скоблину понадобилось фотокарточек больше, чем требовалось для паспорта.

4 июня, по просьбе Скоблина, Миллер перевел Добровольскому 3200 французских франков на расходы по отправке эмиссаров.

В Выборге их встретил Добровольский. Коренастый мужчина выше среднего роста, со светлыми и умными глазами русского интеллигента, генерал произвел на Прилуцкого прекрасное впечатление. Добровольский был одержим идеей борьбы с коммунизмом, он был редактором боевого антикоммунистического журнала «Клич».

Для начала Добровольский пригласил Прилуцкого и Насонова на пикник, устроенный его двумя сыновьями. А на следующий день приступили к тщательной подготовке похода в СССР. Эмиссары Миллера изучали вопросы, интересовавшие генеральный штаб Финляндии. Тут Прилуцкий невольно вспомнил слова Скоблина, сказанные перед отъездом из Парижа: «Деньги приходят с работой…»

От РОВСа эмиссары получили задание организовать опорный пункт и вернуться за границу.

Тихой белой июньской ночью 1934 года проводник финн перевел Прилуцкого и Насонова через границу. Он провел их в обход пограничных препятствий и заграждений. Пожелав успеха, он распрощался с ними. Посланцы Миллера двинулись дальше на Ленинград. Шли днем и ночью. Дошли до полустанка, что недалеко от станции Левашово. Утомленные длинным переходом, повалились на перрон и заснули.

Пробуждение утром 18 июня было драматичным. Около них стояли местные жители, удивленные спавшими чужаками, да еще обутыми в ботинки заграничного производства. Они вызвали милиционера. Арестованных повели на допрос. На пути в здание милиции эмиссары решили бежать.

Выхватив парабеллумы, они выстрелили в воздух, оттолкнули

милиционера и бросились наутек. На бегу отстреливались от преследователей. Бежали по-молодому быстро. Ускользнули от преследователей, прятались в лесу, в оврагах, в кустарниках. Переправились обратно через речку Сестру и с облегченным сердцем вышли к финскому пограничному посту.

Доставленные в Выборг, они рассказали Добровольскому о своей неудаче. Финны были удивлены и обеспокоены провалом на маршруте, который они считали сравнительно безопасным.

После переговоров с финнами, 12 июля 1934 года Добровольский доносил Миллеру:

«Поскольку дружественная фирма[71] не отказывается от сотрудничества с нами в будущем и только просит обождать до более подходящего времени, я считаю нужным теперь заняться сортировкой товаров[72]. Здешние акционеры[73] ограничили наши коммерческие возможности точными рамками, исключив игрушки[74] из перевозимых товаров. Мы должны считаться с этими пожеланиями, если хотим продолжать совместную работу. И только тогда, когда дела наших конкурентов[75] будут расстроены, мы сможем посылать на их рынок большее количество товаров, в том числе игрушки, в которых тогда наши акционеры не увидят ничего неподходящего. Я изложил это Петру Петровичу, который, как мне кажется, склонен предвосхищать события и выходить за рамки, установленные контрактом, который вы мне прислали через здешних акционеров».

Прочтя письмо, Миллер ответил 10 сентября:

«На этот раз ограничимся целями, не выходящими за рамки, определенные нашими акционерами».

* * *

Потрясенные пережитой опасностью и провалом похода, Прилуцкий и Насонов были вынуждены вернуться во Францию. Плыли назад в трюме парохода — на более удобное путешествие Скоблин денег не дал. Он буквально рвал и метал — так был недоволен их возвращением. И приказал Ларионову немедленно отстранить Прилуцкого от дальнейшей работы.

В столовой Галлиполийского собрания в Париже Прилуцкого и Насонова в узком кругу чествовали скромным банкетом. Пили много. Пили и после банкета в кругу членов «Белой Идеи». Пили и искали виновников провала. Переложили вину с больной головы на здоровую. Прилуцкому виновником назвали Рончевского.

* * *

Был жаркий день. Августовское солнце накалило мостовые Лиона… В это воскресенье члены Лионского отделения НСНП выехали из города на прогулку в Десин. Весело проводя время, мы еще не знали о неудаче, постигшей Прилуцкого.

Нежданно на пути от трамвайной остановки к десинскому каналу выросла худощавая фигура Прилуцкого. На нем не было лица. Возбужденный, на грани сумасшествия, он бессвязно лепетал о только что пережитом. В лицо Рончевскому он бросил обвинение в предательстве и, казалось, готов был стереть его с лица земли.

Дважды и подолгу я беседовал с Прилуцким. Сперва у себя в меблированной комнате в доме № 59 на Бульвар де Бротто. Затем в комнате Прилуцкого в Пеаж-де-Руссийон. Мои попытки восстановить картину похода в СССР натолкнулись на нежелание Прилуцкого рассказать обо всем подробно и без утайки. Вспоминая о бегстве в Финляндию, он говорил отрывочно, перебрасываясь с одной детали на другую. Нервно дрожа, он держал руку в правом, тяжело отвисавшем кармане. Пыша злобой, называл имя Рончевского, неуважительно отзывался о Георгиевском. С трудом мне удалось расположить его к себе. Несколько успокоившись, в изнеможении, он произнес упавшим голосом:

— Борис Витальевич, я сгорел.

Прилуцкий был сломлен. Исчезла былая жизнерадостность, пережитый под Левашовом страх породил в нем подозрительность к людям, создал психологическую неуравновешенность на всю остальную жизнь. Тяжелое душевное состояние вызывало тягу забыться, и он много пил. Продолжая прозябать в Пеаж-де-Руссийон, вскоре он отошел от НСНП.

Полковник Х. обвиняет генерала ХХ

20 февраля 1932 года на вечеринке Союза первопоходников в Париже полковник Корниловского полка Борис Маркович Федосенко встретился со своим давнишним приятелем и однополчанином подполковником Магденко.

После нескольких рюмок водки языки развязались, заговорили приятели по душам.

— Хорошо ты живешь. Процветаешь, значит, недурно зарабатываешь? — спросил Федосенко.

— Да, жаловаться не могу. Вот что, дорогой, хочу сказать тебе кое-что по секрету. Только пусть это останется между нами.

— Ладно, никому не скажу.

— Влез я в тайные дела. Не изменяя нашему белому делу, я зарабатываю на большевиках. Уже несколько лет морочу им голову и получаю за это большие деньги. О моей связи с берлинскими большевиками знает генерал фон Лампе.

— Вот как! — удивился Федосенко.

— Да, и вижусь я там не с мелкой сошкой, а с заправилами советской разведки. На днях вернулся я из Берлина для доклада генералу Миллеру. Ну, почему бы и тебе не сорвать с них чуточку деньжат? Я помогу тебе, дам ход.

Федосенко задумался. Предложение и в самом деле было заманчивым.

— Только вот что: дай честное слово офицера, что ты никому ничего не скажешь, особенно разведке генерала Миллера. Учти, что около него двойные агенты.

— Ладно, слово даю. Согласен.

На том и порешили. Магденко устроил поездку Федосенко в Берлин. 12 апреля Федосенко встретился в немецкой столице с крупным советским агентом, Георгием Ивановичем Ивановым. Договорились о сборе сведений на верхах РОВСа. Федосенко было положено жалованье — 1500 франков в месяц или 60 долларов по тогдашнему курсу. Дали ему кличку Крот.

Перед отъездом Федосенко из Берлина Магденко посвятил его в тайны советской разведки:

— Слушай внимательно, Борис. Важное есть дело, очень важное. Большевики готовят убийство президента Думера. Уже давно обрабатывают какого-то сумасшедшего эмигранта. Ну и должен выглядеть убийца не как какой-то анархист, а как наш брат белогвардеец. Понимаешь, чем это пахнет для всех наших эмигрантов? Ведь это будет удар по эмиграции. Что-то надо сделать.

Понимая всю опасность затеянного большевиками убийства, изумленный Федосенко слушал и в первую минуту не знал, что сказать.

— Да, нужно что-то предпринять. Но что и как? Тут придется хорошенько подумать о мерах.

— Да, конечно… Но это не всё, — продолжал Магденко. — Вот что еще, Борис. Ты Скоблина хорошо знаешь? Ты ведь опять в полку?

— Скоблина? Николая Владимировича? Ну, слава Богу, конечно.

— Ну, так вот, — произнес Магденко многозначительно. — Понял? Будь осторожен! Он уже давно у них…

* * *

14 апреля Федосенко вернулся в Париж. Немедля он послал комиссару полиции Енисейского дворца анонимное письмо о готовившемся на Думера покушении. Советовал усилить охрану президента. Полиция не придала значения анонимке и мер не приняла. 6 мая президент Франции погиб от руки маньяка Горгулова.

Опасаясь новых покушений на похоронах Думера, вечером 11 мая Федосенко появился в квартире генерала Миллера. Он поведал главе РОВСа о своей связи с советской разведкой и о слышанном в Берлине. Миллер посоветовал ему, строевому офицеру, немедленно порвать связь с красными, а о возможности новых покушений донести непосредственно полиции. Генерал обещал Федосенко об этом разговоре никому не говорить.

Федосенко отправился к комиссару политической полиции Фо-Па-Биде и рассказал ему об обстоятельствах гибели Думера.

Тем временем Е. К. Миллер затребовал от Шатилова справку о Федосенко, о чем немедленно узнал Скоблин. К своему большому удивлению, 1 июня Федосенко получил от Скоблина пневматичку с вызовом для объяснений, «по делам службы». В 8 часов 30 минут вечера 2 июня в Галлиполийском собрании Скоблин наедине разговаривал с Федосенко. И говорил Скоблин так, словно Миллер посвятил его в свой разговор с Федосенко. В противоположность Миллеру, Скоблин советовал Федосенко связи с большевиками не прерывать. И засыпал его множеством вопросов, пытаясь узнать все подробности.

4 июня в кафе «Франсис» на Пляс д'Альма состоялась вторая встреча Скоблина с Федосенко. Опять подробный допрос. И ровно через шесть дней после второго свидания берлинский Иванов

известил Федосенко о прекращении переписки. Подведя итоги, Федосенко подумал:

«Сначала ему, Скоблину, нужно было мое личное подтверждение, что это именно я, и никто другой, поставил генерала Миллера в известность. Об этом передается немедленно местному агенту. Тот просит Скоблина выяснить, как именно и в каких выражениях Магденко мог проболтаться мне. Надо принять меры. Попробую опередить»[76].

И Федосенко вторично посетил Фо-Па-Биде. Рассказал ему обо всем слышанном в Берлине. Выслушав его, Фо-Па-Биде сказал — 90 процентов за то, что Скоблин служит красным.

Федосенко посвятил в это дело председателя Союза первопоходников генерала Говорова. Сообщению о Скоблине Говоров не удивился. Но за связь с красными Говоров исключил Федосенко из Союза первопоходников.

13 июля Федосенко получил от Скоблина заказное письмо с вложением приказа по Корниловскому полку за № 126 от 10 июля. В приказе значился единственный параграф об исключении Федосенко из полка за связь с большевистской агентурой. Об исключении из полка Федосенко сообщил Иванову в Берлин. Но Иванов окончательно порвал связь с Федосенко, чьи повторные письма он оставил без ответа… Единственным утешением для Федосенко были 300 долларов, сорванных с Иванова.

Словно прокаженный, отвергнутый всеми, жил Федосенко в Париже. А осенью 1934 года, стремясь к восстановлению доброго имени, решил дать делу новый ход. Он составил подробный рапорт на тридцати страницах убористой машинописи с семью приложениями. Копию рапорта он вручил контрразведчику корнету К. А. Половцову. С содержанием рапорта Половцов ознакомил сотрудника газеты «Возрождение» Н. Н. Алексеева. Узнал о рапорте лейтенант А. Н. Павлов и рассказал о нем генералу Эрдели. Обеспокоенный начальник 1-го Отдела РОВСа вызвал Федосенко к себе и принял его датированный 2 февраля 1935 года рапорт. Прочитав рапорт, Эрдели поручил Половцову неофициальное расследование дел Скоблина. 6 февраля Половцов представил Эрдели свои заключения, неблагоприятные для Скоблина.

Прочитал рапорт Федосенко и Е. К. Миллер. Он был крайне возмущен и тотчас распорядился расследовать дела, но никак не Скоблина, а именно Федосенко.

Полковник военно-судебного ведомства Григорьев собрал свидетельские показания, порочившие Федосенко и обвинявшие его в связях с красными во время Гражданской войны и в присвоении казенных денег в Крыму. Разумеется, никаких новых

сведений о берлинских беседах Федосенко расследование Григорьева не принесло, а Скоблина оно ни в коей мере не коснулось.

Расследование дела корнетом Половцовым Миллер приказал прекратить, а самого Половцова уволил от занимаемой должности. Строго выговаривал Миллер Эрдели и Половцову за проявленную ими инициативу. Твердо был уверен Миллер в том, что Федосенко — заведомый прохвост, а Скоблин — вне всяких подозрений.

* * *

26 января 1935 года, за подписью «Али-Баба», в «Возрождении» появилась статья Н. Н. Алексеева о полковнике Х. и генерале ХХ. Он писал:

«Если, действительно верно, ХХ. виноват, то РОВСу нанесен тяжкий удар. Нет — посеяно сомнение, которое при замалчивании так же губительно отразится на дальнейших судьбах РОВСа. В этом деле должен пострадать либо обвиняемый, либо обвинитель, либо оба они. Но это не может и не должно закончиться безрезультатно».

В кругах РОВСа статья Алексеева вызвала бурю возмущения. Даже Эрдели, получивший рапорт Федосенко, письмом в редакцию «Возрождения» сообщил:

«…полковник Х. ко мне не являлся, никакого прошения мне не подавал и никаких данных мне не сообщал, почему у меня и не было оснований для производства какого бы то ни было расследования… всю ответственность за провокационные инсинуации по адресу одного из старых членов РОВСа, первопоходника генерала ХХ., приведенные в статье „Отклики“, возлагаю на ее автора и его осведомителя, полковника Х.»

Редакция «Возрождения» поспешила согласиться с письмом Эрдели и назвала полковника Х. большевистским агентом.

А 31 января в «Возрождении» было напечатано письмо корниловцев за подписью полковника Трошина, восторженно отзывавшихся о генерале ХХ.:

«Мы, корниловцы, все, как один, встаем на защиту доброго имени того, кто в течение всего боевого периода Гражданской войны вел нас к выполнению нашего долга… Пусть все знают, что генерал ХХ. — не один, он — это все корниловцы. Мы также горячо возражаем против всякого расследования, каковое рекомендует Али-Баба в отношении генерала ХХ. Наш начальник вне подозрений…»

Софийский официоз «Вн. линии» — «Вестник Общества Галлиполийцев» — в номере от 15 февраля 1935 года поддержал Скоблина:

«Провокация против пользующегося безупречной репутацией генерала нас не удивляет… Находящиеся в Париже корниловцы письмом в том же „Возрождении“ дали достойный отпор клевете. Мы это горячо приветствуем…»

И «Часовой» Орехова, противника Миллера и сторонника Шатилова, подкреплял протест корниловцев в мартовском номере 1935 года:

«…Отметим лишь полное достоинства письмо корниловской группы в Париже и то доверие, которое было единодушно выражено ген. — майору Н. В. Скоблину на очередном собрании командиров частей и начальников групп I армейского корпуса в Париже. К выражению этого доверия, уважения и симпатии присоединяется и „Часовой“ и просит Николая Владимировича полностью располагать нашей скромной помощью, если бы она потребовалась в деле защиты его доброго имени».

* * *

18 февраля Скоблин обратился к Е. К. Миллеру с просьбой созвать суд чести для рассмотрения выдвинутого против него обвинения. Просьбу Скоблина Миллер отклонил. Сообщая об этом генералу Витковскому письмом от 22 марта 1935 года, Миллер еще раз подчеркнул безупречную репутацию командира корниловцев.

Ответом Миллера Скоблин был польщен. Но все же 22 апреля подал новый рапорт, настаивая на созыве суда чести. Наконец, 11 июня Миллер согласился созвать суд чести для генералов. Суд чести при управлении 1-го Отдела РОВСа, под председательством генерала Н. Н. Стогова и при участии генералов Репьева, Черячукина, Ставицкого и Твердого, рассмотрел представленные материалы и допросил свидетелей полковника Федосенко. Скоблин на разбирательстве не присутствовал, и суд удовольствовался его показаниями, данными полковнику Григорьеву. 6 июля суд решил:

«Признать возведенные г. Федосенко обвинения против ген.-м. Скоблина необоснованными и ничем не подтвержденными…»

Обрадованный Миллер в частном письме от 10 июля писал Скоблину:

«Примите от меня сердечные приветствия по случаю

окончания этого неприятного для Вас, Надежды Васильевны и всех нас дела».

* * *

Подполье «Вн. линии» грудью встало на защиту Скоблина. 22 февраля 1935 года Закржевский писал своему агенту в Южин:

«Мы переживаем исключительно тяжелое время. С одной стороны, налицо новая попытка скомпрометировать доблестного ген. Скоблина, с другой стороны, идет усиленное выдвижение А И. Д.[77] при помощи еврейских денег. Переплетение советской агентуры в лице Федосенко и так называемого Добровольческого Союза (Колтышев, Дончиков и Ко.) совершенно очевидно и не требует доказательств…»

В письме от 18 марта 1935 года другому корреспонденту Закржевский сообщал:

«…Почти три года Федосенко молчал… и вдруг выступил против генерала ХХ., т. е. Скоблина, обвиняя его в работе на большевиков. Доказательства? Будто бы слова того же берлинского резидента ГПУ о том, что ген. Скоблин у них работает, и несколько маленьких записок от генерала в мае-июне 1932 г., назначающих встречи. Вот и всё. По просьбе ген. Скоблина назначено следствие… конечно, Федосенко остается ***для нас*** *агентом большевиков».*

22 марта 1935 года он осведомлял своего конфидента Мишутушкина о неприятном для «Вн. линии» происшествии в Париже:

«…Из разговоров с Илецким[78] выяснилось, что какая-то сволочь внушила Патриарху[79] мысль о том, что вся последняя борьба вокруг Вр., в том числе Федосенко, ХХ. и т. п. — есть результат борьбы двух разведок — таковой Георгиевича (в лице Половцова) и остатков таковой Дмитриева, причем некрасивая роль во всём этом отводилась Дмитриеву. Вот в какой обстановке приходится работать. Меры приняты».

Скоблин и финны

Скоблин был очень недоволен финнами. Считал их слишком осторожными и хотел действовать по собственному усмотрению. Он намеревался отправить в СССР очередную группку эмиссаров. Отправка не состоялась, так как для них не удалось вовремя добыть югославские паспорта. Было решено отложить ее до весны 1935 года.

Между тем, на горизонте тайной работы возникли новые трудности. Финны поставили Добровольскому условие отправлять в СССР только одиночных агентов. Кроме того, советы значительно усилили наблюдение в пограничной полосе. 27 июня 1935 года Добровольский писал Миллеру:

«…после 5 июня новые порядки установлены на таможне наших конкурентов, и тем самым товары подпадают под такой контроль, что почти невозможно переправить даже мышь. Я Вас прошу соблюдать все условия контракта, заключенного Вами для отправки товаров сюда. Я Вам пишу обо всём этом потому, что Петр Петрович лишь изредка дает знать о себе, а также для того, чтобы Вы поддержали меня в отношении отправок только одного комми вместо двух».

В 1935 году второй отдел генерального штаба Финляндии отказался вообще от сотрудничества с РОВСом. Его решение мотивировалось точными сведениями о том, что, по сообщениям Разведупра из Парижа, проекты отправок эмиссаров в СССР становились известными советскому военному атташе в Гельсингфорсе.

Встревоженный Добровольский 26 августа 1935 года сообщал Миллеру:

«Сегодня около полудня меня посетил местный представитель дружественной фирмы, просивший меня немедленно известить Вас или Петра Петровича об их решении прекратить все связи с нами. Документ, который он мне показал в доверительном порядке, указывает, что ***уже летом прошлого*** *года местный представитель наших конкурентов был в курсе отправки двух образцов товаров[80] и что он получил задание выявить их и наблюдать за их дальнейшими действиями. Затем, то же лицо было уведомлено о возможности отправки сюда, следующей осенью, новых товаров. Равным образом он получил задание еще пристальнее наблюдать за этой новой отправкой. Нужно отметить, что именно из Вашей страны был дан сигнал о том, что новые товары должны прибыть на мой адрес.*

Совсем не желая плохо думать о нашей фирме, и в частности

о Петре Петровиче, который произвел здесь самое лучшее впечатление, наши друзья категорически отказались от работы с нами. Они просили меня самым серьезным образом привлечь Ваше внимание к тому, что наши конкуренты располагают у Вас возможностями следить внимательно за нашей торговлей».

В большом письме от 10 октября 1935 года Добровольский сообщал Миллеру:

«наше главное бюро находится под наблюдением наших конкурентов». Ссылаясь на разговоры с представителем финской контрразведки, он писал, что сам по себе провал похода Прилуцкого и Насонова не очень обеспокоил финнов. Но когда их контрразведка установила, что советский военный атташе в Гельсингфорсе располагает сведениями, о намеченной Париже отправке очередного «коммивояжера», то ей стало ясно неблагополучие в центре РОВСа. Финны указали Добровольскому, что совместная работа может быть возобновлена «только при условии изменения положения в центре».

Добровольский и бывший в этот момент в Финляндии Скоблин беседовали с финским контрразведчиком. Добровольский писал, что финский контрразведчик «с большим почтением и уважением относится к Петру Петровичу, но считает, что его личность слишком известна нашим конкурентам, которые решили любыми средствами сокрушить П. П.».

Отказ финнов от сотрудничества с центром РОВСа навел Добровольского на мысль использовать для тайной работы русских эмигрантов, живших в Финляндии. К тому же у Скоблина была здесь группа корниловцев, среди которых были активисты, готовые идти в Россию.

В конце письма Добровольский ясно намекал о подозрениях финнов в отношении Скоблина:

«Я решил больше не писать П. П. о наших торговых делах. Предупредите его об этом, ибо я не хочу, чтобы он сердился на меня. Я очень уважаю его, у меня к нему полное доверие, но ***нужно принять меры для выяснения его окружения и сорвать маску с негодяев, мешающих его работе и навлекших подозрения против него».***

Казалось бы, Миллер должен был теперь заняться самым тщательным расследованием дел Скоблина и его окружения. Тем более, что сведения финнов поступили уже после нашумевшего в печати выступления полковника Х. против генерала ХХ. Но разогнанной генералом Абрамовым контрразведки Н. И. Глобачева под рукой уже не было. Да и в ее делах отсутствовали какие-либо указания на неблагонадежность Скоблина. Тревожные письма Добровольского не поколебали

доверия Миллера к Скоблину. 1 ноября 1935 года он разъяснял Добровольскому, что Скоблин — постоянная жертва клеветы и интриг. В частности и в особенности — кампания полковника Федосенко, бывшего, по собственным признаниям, советским агентом. И случайную автомобильную катастрофу Скоблиных в Венсенском лесу Миллер считал покушением ОГПУ на Скоблина.

* * *

Итак, Скоблин остался во главе «Внешней линии» РОВСа. Его усердию мешали финны. Летом 1936 года, под прикрытием концертов Плевицкой, он приехал в Финляндию с целью подготовить новую экспедицию в СССР. 2 июня 1936 года Добровольский писал Миллеру:

«Петр Петрович изучил со мной в деталях все интересующие нас вопросы. Представитель дружественной фирмы принял Петра Петровича самым сердечным образом. Несомненно, и это было ясно полностью, что он не потерял доверия к Петру Петровичу и к нашей фирме, несмотря на то, что в прошлом мы потерпели неудачу».

Естественно, после этого письма Миллер укрепился в своем доверии к Скоблину. Но оказанный финнами в Выборге «сердечный прием» не отражал их действительного отношения к Скоблину. Прошло еще полтора месяца, и финны сообщили Добровольскому о своем окончательном отказе от сотрудничества с РОВСом на Карельском перешейке. 26 июля 1936 года Добровольский писал Миллеру:

«Наш общий друг сообщил мне, что в настоящее время здесь невозможна какая-либо работа. Положение на ближайшем рынке наших конкурентов таково, что коммивояжеры рискуют немедленно попасть в руки таможенников. По этой причине они перестали сами посылать своих собственных комми и категорически отказываются содействовать отправке наших. Что касается другого торгового района, по поводу которого директор[81] разговаривал с Петром Петровичем, то этот вопрос может быть решен только самим директором».

Финны знали точно о недоступности советской границы на Карельском перешейке, «ближнем рынке конкурентов» РОВСа. Вся граница была заплетена восемью рядами колючей проволоки, на особо важных направлениях были устроены пулеметные гнезда, вдоль границы ходили патрули со сторожевыми собаками.

Оставался трудный путь через леса и глушь севернее Ладожского озера, через малонаселенные местности. 12 сентября

1936 года Добровольский писал Миллеру:

«Директор предоставил избрать одну из трех возможностей: а) отправить коммивояжеров в город, расположенный значительно севернее торгового центра интересующего нас рынка. Директор и я находим этот путь трудным для осуществления; б) совершить путешествие под видом туристов при помощи „Интуриста“; в) директор не знает о цели поездки Вашего комми. Но в случае, если ему будет поручен только сбор информации, он предлагает получить ее через свою собственную фирму, представитель которой может войти в контакт с Вашим представителем на рынке конкурентов».

26 сентября Миллер ответил Добровольскому:

«В первую очередь кажется приемлемым только пункт А. Затем, на втором месте, следует использовать пункт В. Что касается пункта Б, то он исключается целиком».

Отклоняя использование «Интуриста», Миллер также знал, что данный момент на «рынке конкурентов» у РОВСа агентов не было. Он надеялся на устройство опорных пунктов в будущем. Потому и предпочитал первый вариант.

В своих переговорах с финнами Скоблин настаивал на посылке агентов по кратчайшему, но и самому опасному пути, пролегавшему через Карельский перешеек. Финны настаивали на посылке через «Интуриста». Переговоры зашли в тупик, и отправка эмиссаров была перенесена на весну 1937 года.

Не добившись соглашения с финнами, Скоблин решил организовать переход границы собственными средствами. По этому поводу Миллер решил посоветоваться с генералом Абрамовым и 18 апреля 1937 года писал ему:

«…отклоняя длиннейший путь и „Интурист“, Скоблин хочет провести отправку другим способом. Действительно, уже во время своей поездки в Финляндию минувшим летом, Скоблин встретился с людьми, с которыми он в постоянной связи через местную группу Корниловского полка. От них он получил немало интересных сведений о СССР, которые отправил Фоссу. …друзья Добровольского, не желая принимать никакого активного участия в отправке наших комми, хотели бы выразить нам симпатию и добиться нашего отказа от их помощи в нашей работе… Таким образом, Н. В. С. будет продолжать подготовку своих людей к походу по новому пути, без сотрудничества с нашими официальными друзьями».

19 апреля 1937 года Абрамов отвечал Миллеру:

«…торговые операции Лукашева [82] *уже однажды потерпели полный провал. Не вижу ничего, что могло бы при настоящем положении улучшить шансы. Наоборот, конкуренция заметно*

усилилась, и шансы на успех сведены к нулю. Также не нахожу полезным рисковать несомненно редкими образцами. В случае, если у Лукашева будут реальные данные по купле-продаже чего-либо стоящего, то я думаю, лучше двигаться группами, а не в одиночку. Не зная проектов Лукашева, очень затрудняюсь высказать более точно свое мнение. О ценности товаров Лукашева можно судить по тому, что нам уже поставил наш новый компаньон [83] *, чьи товары обещают быть еще лучшего качества и более свежими.*

Я отлично понимаю, что противопоставить Лукашеву отказ значит предоставить ему козырь против Вас. Поэтому я думаю, что лучше всего предоставить выбор ему самому, указав всё же на максимальную сумму, которая, дабы не обескровить нас, не должна, по-моему, превышать 5000 франков. Я включаю в эту сумму также расходы на содержание коммивояжера Лукашева до и после операции».

Скоблин составил смету по отправке одного эмиссара из 12 статей на общую сумму 5200 франков.

Но отправок больше не было. Финны крепко держались курса, принятого в отношении РОВСа.

«Бунт маршалов»

Бомбы не рвались, револьверы не стреляли, на фронте борьбы с коммунизмом царило затишье. Боевые генералы, привыкшие к грохоту пушек и треску пулеметов, томились от эмигрантского безделья и возмущались пассивностью РОВСа. Им было невдомек, что без активной поддержки граничивших с СССР стран никакой революционной борьбы быть не может. И в лице Миллера нашли козла отпущения.

23 февраля 1935 года в Париже произошло событие, известное на обиходном языке РОВСа как «бунт маршалов». Тринадцать старших начальников, во главе с генералами Скоблиным, Туркулом и Фоком, предъявили Е. К. Миллеру меморандум, носивший ультимативный характер. Генералы требовали от главы РОВСа превращения его в политический центр всего национально настроенного Зарубежья. Подписи Шатилова под меморандумом не было. Но также было ясно, что и на этот раз проводилась та же линия поведения, которой он держался в бытность свою начальником 1-го Отдела РОВСа, созвав, при помощи своей «Внутренней линии», два съезда национальных группировок. Цель была всё та же — заставить Миллера покинуть пост председателя РОВСа.

В «бунте маршалов» Скоблин играл двойную роль. Вместе с остальными генералами он составлял меморандум и поставил под ним свою подпись. И одновременно о всех шагах «маршалов» осведомлял Миллера.

Естественно, Миллер еще больше расположился к Скоблину. Часто встречаясь с ним, да еще в интимной обстановке виллы в Озуар, он истолковал его поведение как яркое проявление лояльности, не слишком частое в окружавшей его пустоте. Роль лояльного соглядатая пришлась Миллеру по душе и, словно награду, в мае 1935 года он вручил Скоблину руководство «Внутренней линией».

Накануне подачи меморандума Миллеру, Закржевский писал 18 февраля Мишутушкину о своем участии в подготовке к дворцовому перевороту:

«В субботу я имел гостя, нашего человека из Монтаржи — сотника Павла Петровича Кудинова[84], — приезжавшего сюда по делам И.О.Р.Р., которую он представляет там. Мне пришлось побывать и у начальника И.О.Р.Р.[85] сегодня днем, и я с ним коснулся и многих других вопросов — он ярый поклонник 115, и на этот раз считает, что вопросы дисциплины должны отойти на второй план, и что этот план действий должен быть выработан

группой людей друг другу верящих и проведен в жизнь без замедления. Я ему конечно себя целиком не раскрывал, хотя ему и небезызвестно о прошлой моей роли, но говорили мы основательно, и я в нем нашел довольно неожиданно нового союзника, пусть даже временного только, и только для достижения одной цели. Завтра еду к К-ру Лавровцев[86], у которого проведу ночь и день. Сегодня вечером буду говорить с АВТ[87], который просил почему-то приехать (а он-то меня ругал раньше), как видите, всё налаживается…»

Хотя Миллер отверг требования «маршалов», тем не менее его авторитету был нанесен сильный удар. «Вн. линия» была очень довольна, и 13 марта Закржевский писал некоему Рейну:

«…Нужно закрепить успех, чтобы о нем не забыли, и идти дальше. Это требует нашего руководства, которого мы хотим и которому верим[88]. Пусть Патриарх[89] остается вне руководить, но пусть делают другие. К этому мы и идем сейчас…»

Шатилов, официально отчисленный «в распоряжение» Миллера и де факто устраненный из РОВСа, в течение целого года не получал никаких поручений. 12 июня 1935 года он написал Миллеру письмо с жалобами на неполучение от него сведений о жизни РОВСа. Нужды у него в этом, конечно, не было. Он не только знал почти все, но и сам через Закржевского и Скоблина руководил подкопом под Миллера. Как-то ему нужно было отгородиться от собственной «Организации», и он писал:

«…Было еще одно дело, которое осталось на моих руках и которое простым решением Эрдели пожелал ликвидировать. Я говорю об организации Закржевского, связанного с Фоссом. Я принял меры к тому, чтобы, получив незаслуженные моральные удары, он не пошел бы по неправильному пути… и чтобы не повторились те ошибки, которые сделал Закржевский вскоре после моего ***отчисления****. Я подбадривал Закржевского и направлял за получением инструкций в Болгарию»…*

Но от Миллера не ускользнуло желание Шатилова продолжать руководство «Вн. линией». В заготовленном проекте ответа Миллер подчеркнул продолжение работы Закржевского вопреки его приказу, и он укорял Шатилова:

«Согласись, что даже принимая во внимание Твои самые лучшие намерения, это было не корректно в отношении меня».

Увы, «лучшие намерения» были как раз наихудшими. Подобно дамоклову мечу, они повисли над головой Миллера.

Мало-помалу Миллер стал присматриваться к работе таинственной, прятавшейся от него «Организации». Летом 1935 года адмирал Кедров принес ему для ознакомления экземпляр «Идеологии», полученный им из Югославии. Наличие

инструкций, преподанных чинам «Организации», фактически делало «Идеологию» уставом. Так и называли ее некоторые осведомленные о ней люди.

Ознакомившись с документом, Миллер недоумевал, размышляя о таинственной подписи: «Центр, 1 Октября 1933 года».

* * *

Один офицер, корреспондент Закржевского, которому стали не по сердцу слежка за соратниками и шпионаж за начальниками, обратился за разъяснениями к полковнику Станиславскому, начальнику канцелярии 1-го Отдела РОВСа. Ознакомившись с уставом «Вн. линии», Станиславский и некоторые близкие к Миллеру лица считали деятельность «Вн. линии» вредной и советовали ему распустить ее. С мнением своих помощников Миллер не согласился. Он находил нецелесообразным роспуск организованной Шатиловым агентуры. Понимая недоброкачественность этой, возникшей без его ведома тайной организации, Миллер считал, что если он прикажет прекратить ее деятельность, то она будет продолжать свою работу бесконтрольно, под неизвестным ему руководством. Поэтому он решил поставить «Организацию» под свой контроль и назначил Скоблина ее начальником.

В декабре 1935 и в феврале 1936 года Миллер издал собственные руководящие указания работникам «Вн. линии». Он требовал от них вести наблюдение за большевистской агентурой, не допуская ее проникновения в среду РОВСа. Равным образом им вменялось в обязанность наблюдение за враждебными РОВСу просоветскими организациями. Он приказал назначать на работу по «Вн. линии» офицеров с ведома и по выбору начальников местных групп РОВСа. При этом не должны были назначаться чины РОВСа, ставшие членами НСНП. Словом, все его посильные меры были прямо противоположны интересам «Организации», чины которой в своем подавляющем большинстве оставались ему неизвестными.

Расследуя дела «Вн. линии», Миллер обратился к генералу Абрамову с длинным и страстным письмом. В нем он выражал не только недоумение и горечь по поводу тщательно оберегавшихся от него тайн «Вн. линии», но и задавал ему ряд кардинально важных вопросов. Увы, на эти вопросы он получил от Абрамова уклончивые и явно неудовлетворительные ответы.

Естественно, Е. К. Миллер заинтересовался личным составом

«Вн. линии». Неоднократно он требовал от Скоблина, как начальника «Вн. линии», представления списка ее чинов. Ему удалось получить список 26 чинов «линии», живших в провинции. Но Скоблин, унаследовавший картотеку Закржевского после его отъезда в Софию, утаил от Миллера фамилии других и особенно тех важнейших «линейцев», которые проживали и действовали в Париже.

* * *

Генералы, неудовлетворенные деятельностью Миллера, продолжали фрондировать. Агентура «Вн. линии» на местах своими слухами и толками разжигала недовольство чинов РОВСа «старческой головкой».

Словно рыба в воде, чувствовал себя Скоблин, разжигавший генеральскую фронду. Особенно он был занят обработкой Туркула, своего соперника по доблести в боях на полях Северной Таврии. Часто встречаясь с ним, он настраивал его против Миллера. А Миллера — против Туркула. Охваченный активизмом, Туркул во весь голос требовал решительных действий, его соратники-дроздовцы волновались и бурлили. Туркул искал новые возможности и нашел их в Берлине. Связи его были окутаны тайной. Французские власти считали Туркула загадочной и сомнительной личностью и подозревали его в связях с гитлеровской Германией.

Назревал новый кризис, грозивший РОВСу расколом. Подогревая настроения Туркула, Скоблин толкал его к выходу из РОВСа. Тем самым одним неудобным для него соперником становилось бы меньше.

Е. К. Миллер и НСНП

НСНП, объединивший в своих рядах многих младших офицеров РОВСа и подросшую в эмиграции молодежь, относился к РОВСу как к старшему брату, с доверием и уважением. И генерал Миллер был благорасположен к Союзу. Летом 1933 года через начальника своей канцелярии генерала Н. Н. Стогова он письменно одобрил направление газеты «За Россию» и рекомендовал выписывать ее всем воинским организациям, библиотекам и отдельным воинским чинам.

Но агентура «Вн. линии» не дремала. Недовольная провалом попыток подчинить НСНП своему тайному «Центру», она провоцировала недоразумения и недоброжелательство между РОВСом и НСНП.

Осведомленное Рончевским о «Вн. линии». Исполнительное Бюро Союза приняло посильные меры к очищению его рядов от ее агентов. В знак протеста, в некоторых городах покидали НСНП целые группки офицеров, следовавших приказам своих старших — чинов «линии». Так было в Лионе, где приближенный Скоблина полковник Киреев увел из Лионского отделения Союза группу корниловцев, среди которых были способные к политической деятельности люди.

Наиболее ярко проявилась деятельность «незримых» в Болгарии, ибо тут председателем Отдела НСНП был близкий к Фоссу «линеец» А. А. Браунер, чье смещение с поста было чувствительным ударом по «Вн. линии».

7 декабря 1934 года в своем циркулярном письме председателям отделов и членам Совета Исп. Бюро НСНП сообщало:

> «С Российским Обще-Воинским Союзом в целом наш Союз находится в дружеских отношениях и деловом контакте. К сожалению, приходится установить, что некоторые представители РОВСа на местах не придерживаются указаний об их взаимоотношениях с Союзом, данных из Центра, не понимая нашей сущности и общности наших задач и проявляют непонятное недоброжелательство к нашему общему делу, доходя до сознательного причинения вреда Союзу».

Ниже оно привело выдержку из письма нового председателя Отдела НСНП в Болгарии, Дмитрия Михайловича Завжалова:

«…Та преступная работа, которая проделана и делается

известными Вам кругами, значительно подрывает в массе желание работать, подрывает ее фундамент, веру в дело, развращает людей. Сегодня член РОВСа записывается в ту или иную организацию, с предварительного благословения; завтра ему приказано подать рапорт об уходе. Я имею в виду деятельность по второй, „специальной“ линии; эти фигуранты скользкие и не совсем чистые… Мне вчера говорил один член Союза, которому приказано подать заявление об уходе: „Ведь идеология Союза — моя идеология. Расходиться с Союзом — я ни в чем не расхожусь. А мне приказано выйти; подать заявление не могу, у меня нет причин выходить из Союза, значит, я окажусь сволочью…“

Даже при отрицательном отношении генералов Миллера и Эрдели к организации Закржевского, ее агентура провоцировала инциденты, обвиняя членов НСНП в непочтительном отношении к РОВСу и тем настраивая высшее руководство РОВСа против НСНП. Цель была понятна — не допустить роста Союза за счет офицеров РОВСа, склонных к политической деятельности. Средство — провоцирование инцидентов и недоверия к НСНП.

30 декабря 1934 года Центральное Правление Отдела НСНП во Франции разослало циркуляр группам Союза:

> „…многие члены групп Союза в провинции обращаются к нам с недоуменными вопросами по поводу якобы имевшего места охлаждения между НСНП и РОВСоюзом. Видимость охлаждения создалась благодаря некоторым выступлениям Начальника 1-го Отдела РОВСа и его циркулярным распоряжением, идущим, на первый взгляд, вразрез с аналогичным циркуляром Генерала Шатилова (циркуляр № 2171 от 22 сентября 1933 г.)“

Для выяснения смущения, вызванного этим распоряжением, представители Центрального Правления Отдела — В. Д. Поремский, М. А. Павлов и С. П. Рождественский — имели продолжительную беседу с руководителями РОВСа ген. Миллером и ген. Эрдели. Из разговора выяснилось, что указанное распоряжение явилось следствием желания начальника 1-го Отдела контролировать (как это предполагалось и в циркуляре ген. — Шатилова) вступление чинов РОВСа в НСНП и не допускать к работе последнего лиц, к таковой неподготовленных и неспособных. Поэтому отныне всем чинам РОВСа, **лишь вновь вступающим,** придется подавать рапорт с мотивированной просьбой о вхождении в НСНП…

…Не вдаваясь в объяснения этого настойчивого желания контроля вступления в наши ряды чинов РОВСа, мы должны

преклониться перед решением его начальников, дабы не вносить смуту и раскол. Мы должны продолжать настойчиво, в меру сил и возможностей, нашу политику деятельного сотрудничества и дружеского контакта, ибо наше дружественное отношение диктуется не велениями тактики или материальной заинтересованности, а исходит из основ нашей идеологии. Посему всякая безответственная публичная критика РОВСа будет неизменно караться. Это не мешает нам, однако, везде и всюду подчеркивать нашу полную самостоятельность. Все спорные вопросы и недоразумения следует направлять в Центр, ибо, по достигнутому соглашению, таковые недоразумения должны разрешаться путем непосредственных переговоров между руководителями НСНП и РОВСа».

Такое решение, немедленно ставшее известным заправилам «Вн. линии», их явно не устраивало. И они продолжали сеять рознь и распространять злостные слухи, настраивая чинов РОВСа и его начальников против НСНП.

* * *

18 июля 1935 года Парижское отделение НСНП устроило в зале на авеню Ош открытое собрание на тему «От двуглавого орла до красного знамени».

Основной доклад прочитал Р. П. Рончевский. Подробно и убедительно он проанализировал пеструю идеологию и пробольшевистскую тактику младоросской партии Александра Казем-Бека, которая призывала к установлению «советской монархии» в России и распространяла злостную дезинформацию о положении в России.

Собрание прошло успешно. «Второй советской партии», шумевшей в эмиграции и пытавшейся увести эмигрантскую молодежь в советское лоно под стягом самозванного императора Кирилла Владимировича, был нанесен чувствительный удар, от которого она не оправилась.

* * *

Свою поездку в Париж Рончевский использовал для принятия дальнейших мер против «Вн. линии». Он и председатель Отдела НСНП во Франции В. Д. Поремский посетили генерала Миллера и вели с ним продолжительную беседу о подозрительной деятельности «Вн. линии» и странностях в жизни и деятельности

Скоблина.

Рончевский привел генералу собранные нами сведения о Скоблине, как полученные от разных лиц из Парижа, так и исходившие из разных провинциальных источников. Видное место в разговоре занял провал похода Прилуцкого и Насонова из Выборга в Ленинград. Мы тогда не знали о подозрениях финской контрразведки. Но вышло так, что предупреждение Миллеру о неблагополучии этой отправки было доведено до него за месяц до тревожных писем Добровольского. Обвинения генерала ХХ. полковником Х., известные нам по газетной шумихе, Рончевский обошел молчанием.

Е. К. Миллер внимательно выслушал Рончевского. А затем по-отечески мягко упрекал своих визитеров за то, что, по молодости лет и горячности, они возводили напраслину на боевого и заслуженного генерала.

Было решено в ближайшем будущем устроить встречу председателя НСНП В. М. Байдалакова с генералом Миллером.

* * *

С 25 по 27 декабря 1935 года в Париже состоялся 4-й поместный съезд Отдела НСНП во Франции, на который прибыл из Белграда В. М. Байдалаков.

Как было ранее условлено, Байдалаков посетил Миллера в его кабинете на рю дю Колизе. Чтобы никто не мог подслушивать их разговор, у двери кабинета встали Р. П. Рончевский и М. А. Павлов. Байдалаков горько жаловался на злостную, разлагательскую работу «Вн. линии» против НСНП, неизменно прикрывавшейся добрым именем РОВСа. Как на одно из ее дел, он указал на крайне неприятный инцидент между РОВСом и НСНП, спровоцированный агентом «Вн. линии» в Риуперу, капитаном В. И. Войтеховичем. Он повторил ранее сказанное Рончевским о деятельности Скоблина и его вине в провале экспедиции Прилуцкого и Насонова. Но Миллер встал на защиту «боевого и заслуженного, израненного в боях командира легендарных корниловцев».

Расставаясь с Миллером, Байдалаков обещал представить документы, подтверждавшие его рассказ о странной работе «линейцев».

9 января 1936 года Миллер обратился с письмом к В Д. Поремскому:

«В последнюю свою беседу с В. М. Байдалаковым, он говорил мне, что вы готовы, в связи с недоразумением, имевшим место с

кап. Войтеховичем, рассказать мне все обстоятельства разбора этого дела, а также принести и показать материалы, касающиеся взаимоотношений РОВС и НСНП и нарекания на чинов первого»…

Капитан Виктор Иванович Войтехович, чин РОВСа и агент Закржевского в окруженном горами городке Риуперу, стал представителем НСНП во время насыщения его чинами «Вн. линии». Незадолго до 4-го поместного съезда член Центрального Правления Отдела НСНП Борис Михайлович Виноградов разъезжал по французской провинции с докладами о целях и задачах Союза. Выступал он и в Риуперу. В частном разговоре с ротмистром Брежневым Виноградов коснулся аполитичности РОВСа, как воинской организации. При этом разговоре Войтехович не присутствовал. Узнав о нем от Брежнева, он представил его в нарочито извращенном виде по официальной линии РОВСа. В изложении Войтеховича получалось, что НСНП нападает на РОВС и в оскорбительных выражениях отзывается о его руководителях.

Следственная комиссия НСНП установила лживость сведений, распространявшихся Войтеховичем и другими «линейцами» среди чинов РОВСа. Следствие также доказало принадлежность Войтеховича к тайной политической «Организации». И как чин «Вн. линии» Войтехович был исключен из НСНП.

Но Миллер, военный до мозга костей, был склонен защищать «линейца» Войтеховича только потому, что он — чин РОВСа.

Под знаком таких настроений Миллера 13 января 1936 года произошла его первая встреча с Поремским в присутствии генерала П. А. Кусонского. Передав Миллеру документы следствия по делу Войтеховича, Поремский выразил сожаление по поводу происходящих трений и подчеркнул готовность НСНП всячески способствовать изживанию нежелательных явлений, нарушающих добрые взаимоотношения РОВСа и НСНП. В заключение Поремский заявил, что все было бы просто, если бы не действия злой третьей силы, использующей то флаг РОВСа, то флаг НСНП, и видимо недостаточно понимаемой руководством РОВСа.

Несколькими днями позже, опять в присутствии Кусонского, состоялась вторая беседа Поремского с Миллером. Поремский подробно описал работу «Вн. линии» и представил главе РОВСа предварительные сведения НСНП о связанном с ее деятельностью делом Линицкого — Коморовского, разыгравшемся в Белграде. Так же подробно он рассказал все нам известное о разрушительной деятельности Закржевского во Франции, о его интригах в среде НСНП и попытке взрыва изнутри Отдела во

Франции летом 1934 года. Теперь же, в связи с событиями в Белграде, «Вн. линия» стремится вбить клин между РОВСом и НСНП с тем, чтобы окончательно их поссорить. Для большей убедительности Поремский привел ряд известных ему случаев самой жестокой и оскорбительной критики РОВСа и самого Миллера чинами «Вн. линии». В заключение второй беседы Поремский изложил рабочую гипотезу — «Внутренняя линия» есть организация большевистского контроля над национальной частью Зарубежья. На доводы Поремского генералы реагировали вяло. Рабочая гипотеза не произвела на Миллера должного впечатления. Отвечая, он допускал возможность ошибок в действиях контрразведчиков и отмахивался от «Вн. линии», словно не хотел поверить в ее существование.

Все же вторая беседа не была совсем безрезультатной. Видимо, Миллер заинтересовался и просил Поремского подкрепить рассказы документами. В начале февраля Поремский вручил ему копию «Идеологии» и копии писем Закржевского Рончевскому. Беседа на этот раз велась с глазу на глаз, И Миллер уже не выражал никаких сомнений в наличии «стоявшего над РОВСом и НСНП» таинственного ордена, обязывавшего каждого своего члена всегда помнить, что «Организация и ее работа для него является главной осью его политической жизни».

Озадаченный Миллер с большим вниманием отнесся к дополнительным разъяснениям Поремского. Перечитывая несколько раз наиболее поразившие его откровения Закржевского, генерал повторял:

— Это вижу впервые. Странно. Удивительно.

Миллер благодарил Поремского. Прощаясь, крепко пожал руку.

После этой беседы Миллер издал дополнительные распоряжения по РОВСу об усилении своего контроля над «Внутренней линией» во Франции.

Дело Линицкого-Коморовского

Русский Белград был крупным центром Зарубежья. К счастью для эмигрантов, Югославия не признавала советского правительства законной властью России. Благодаря покровительству короля Александра, воспитывавшегося в Пажеском корпусе в Петрограде и признательного России за ее братскую помощь в роковом 1914 году, около 30 тысяч русских эмигрантов нашли убежище в Югославии. Многие устроились на службу в правительственных учреждениях. Воинские части армии Врангеля получили работу на строительстве дорог, некоторые из них охраняли границы королевства сербов, хорватов и словенцев.

По сравнению с эмиграцией в других странах, здешние русские эмигранты чувствовали себя на привилегированном положении.

Крупнейшими организациями эмигрантов были IV Отдел РОВСа под начальством генерала Ивана Гавриловича Барбовича и Югославянский Отдел НСНП, принявшего в начале 1936 года новое наименование — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения — НТСНП. В Белграде находилось Исполнительное Бюро Совета НТСНП. Местонахождение центра НТСНП в стране, не признававшей власти большевиков, казалось бы, благоприятствовало его безопасности. Но в действительности безопасность оказалась относительной. Органы НКВД протянули свои щупальцы и сюда, завербовав к себе на службу эмигрантов, состоявших в рядах РОВСа.

5 декабря 1935 года в Белграде вспыхнуло нашумевшее в эмиграции дело Линицкого — Коморовского.

Ранним утром 3 декабря в казенной квартире инженера-химика, председателя НТСНП В. М. Байдалакова раздался настойчивый, повторный звонок.

Байдалаков отворил дверь. Вошедший представился:

— Я из криминальной полиции.

— Чем могу быть полезным? — спросил изумленный Байдалаков.

Оглядев внимательно скромное жилище Байдалакова, полицейский чин неожиданно заключил:

— Значит, это — не криминальное дело. Вот что: от агента мы знаем, что сегодня днем будет ограблена Ваша квартира, а завтра вечером квартира Марии Пепескул, когда она будет на балу. Уберите Ваши ценные вещи и бумаги, предупредите госпожу Пепескул. Мы возьмем под наблюдение Вашу и ее квартиры.

Подумав немного, полицейский спросил:

— Скажите, не знаете ли вы, кто пригласил ее на бал?

Вечером на балу выяснилось, что пригласил ее ротмистр Альбин Николаевич Коморовский, секретарь генерала Барбовича.

Мария Дмитриевна Пепескул в это время была казначеем Исполнительного Бюро НТСНП. Незадолго до событий Коморовский обратил свое благосклонное внимание на незамужнюю женщину. Встревоженный, Байдалаков не раз пытался убедить ее в опасности увлечения Коморовским, известным руководству НТСНП крупным агентом «Внутренней линии». Но все деликатные попытки отговорить ее от рискованной связи успехом не увенчались. С каждым новым днем крепли и углублялись ее отношения с Коморовским. Было решено на заседаниях Исполнительного Бюро в ее присутствии ничего секретного не говорить.

Днем 3 декабря налетчики проникли в квартиру Байдалакова. В ночь с 4 на 5 декабря они пытались войти в квартиру Пепескул и были пойманы с поличным — дамской сумочкой, украденной у Пепескул на балу, с ключом от ее квартиры. Идя по следам налетчиков, полиция пришла к Линицкому, у которого были обнаружены вещи, похищенные у Байдалакова.

5 декабря полиция арестовала доктора Леонида Леопольдовича Линицкого, капитана Ивана Андреевича Шклярова, военного чиновника Дракина и ротмистра Коморовского.

12 декабря в Белград прибыл из Вены тайный советский курьер, торговец Самуил Яковлевич Иншлихт, не знавший об арестах. Полиция нашла у него письмо, адресованное Линицкому советской разведкой, с инструкциями о работе в среде эмигрантов. В свою очередь был арестован и Иншлихт. Арестованные, заподозренные в военном шпионаже, были преданы Суду защиты государства.

Линицкий и Шкляров с большой легкостью проникли в РОВС. С ведома и при содействии Коморовского, оба они вступили в 1933 году в Белградское отделение Общества Галлиполийцев, и уже 21 июня были кооптированы в состав правления. С 3 января 1934 года и вплоть до ареста Линицкий состоял действительным членом правления. В ноябре 1934 года он занял весьма удобный пост секретаря правления, через него шла вся переписка местного отделения Общества Галлиполийцев. В то же время он был частым гостем Коморовского в управлении IV Отдела РОВСа. Здесь через его руки проходили доверительные бумаги РОВСа.

Тесть Линицкого Дракин вступил в Общество Галлиполийцев в январе 1934 года. Вскоре он снял комнату в квартире генерала

Барбовича и переехал с женой к нему для постоянного наблюдения за деятельностью своего ничего не подозревавшего хозяина.

Собраниями галлиполийцев в Белграде руководил Коморовский, проводник политического курса «Внутренней линии» и начальник ее сети в Югославии. На собраниях выступали не только галлиполийцы. Читали доклады гости: руководители НТСНП В. М. Байдалаков и М. А. Георгиевский, представитель Лиги Обера Г. Г. Миткевич и члены многих других эмигрантских организаций.

Обычно Коморовский оглашал свой еженедельный политический бюллетень, представлявший «полную картину происходящих событий».

В начале 1935 года Линицкий стал помощником Коморовского. Выступая с краткими еженедельными информационными сообщениями, в тон Коморовскому Линицкий призывал эмиграцию к активным действиям. Он требовал проведения террористических актов против советской власти. Он поддерживал высказанный Коморовским «принцип малых дел, которые в сумме дают великие достижения… есть высший героизм, более трогательный и более трагический. **Это героизм борцов, гибнущих без фанфар и реляций в борьбе с врагом низким и жестоким. Это героизм высокой духовной ценности, ибо имена гибнущих только случайно становятся известны широкой массе»…**

Слушая пламенные призывы Линицкого, кто смел бы усомниться в белизне его риз?

* * *

16 ноября 1936 года Суд защиты государства, заседавший девять дней при закрытых дверях, вынес решение по этому делу.

Линицкий, виновный в нарушении закона о защите общественной безопасности и порядка в государстве, был приговорен к двум годам и восьми месяцам каторжных работ, двум с половиной годам лишения прав и высылке из Югославии навсегда;

Шкляров, укравший сумочку М. Д. Пепескул, был осужден на 10 месяцев тюремного заключения и к изгнанию из Югославии навсегда;

Иншлихт — к трем годам строгого тюремного заключения, трем годам лишения прав и к изгнанию из Югославии за принадлежность к шпионской организации.

Коморовский, не подпавший под статьи уголовного уложения, был выслан в административном порядке в Болгарию. Югославские власти оценили по достоинству скользкую личность Коморовского. Высылая его из страны, они не дали ему нансеновского паспорта.

В Софии Коморовского встретили с распростертыми объятиями Фосс и его помощники. Изгнанному из Югославии Коморовскому они поручили работу среди русской молодежи в Болгарии, уже подмятой незримыми руководителями.

Расследование сенатора Трегубова

Встревоженный арестами чинов РОВСа в Белграде, генерал Миллер назначил комиссию для расследования этого дела. В комиссию вошли: председателем сенатор С. М. Трегубов, членами генерального штаба генерал-майоры Черемисинов и Тараканов. Е. К. Миллер требовал выяснения дел и обнаружения всех виновных в работе на большевиков не только в Белграде, но и в других странах с тем, чтобы удалить из РОВСа всех вольных или невольных пособников советской власти.

Трегубов присутствовал на закрытых заседаниях суда И, помимо собственного расследования в среде РОВСа, мог ознакомиться со всеми подробностями судебного процесса. По завершении работ комиссии Трегубов представил Миллеру объемистый доклад.

25 марта 1937 года начальник канцелярии РОВСа генерал Кусонский подписал и разослал помеченный «Не для печати» циркуляр начальникам отделов и подотделов РОВСа. Осуждая предателей Линицкого, Шклярова и Дракина, канцелярия РОВСа рукой Кусонского защищала Коморовского:

> «…расследованием с точностью установлена полная неосновательность распространявшихся врагами ротмистра Коморовского слухов о том, что по его вине погибли многие офицеры, чины Русского Обще-Воинского Союза и члены Национального Союза Нового Поколения, посылавшиеся в СССР. Фамилии их всех и условия отправления из Югославии вполне установлены. Ротм. Коморовский в отправке большинства из них участия не принимал, а постигшие многих из них неудачи объясняются, главным образом, отсутствием конспирации со стороны самих пострадавших».

Не пролив ни слезинки по якобы по собственной вине погибшим активистам, Кусонский упрекал его лишь в доверии к Линицкому и в некорректном поведении в отношении генерала Барбовича.

В заключение Кусонский утверждал:

> «…Ротмистр Коморовский, уже понесший тяжкую кару, превышающую его вину, отнюдь не был предателем, каковым он представляется своим врагам, но и не показал себя таким выдающимся офицером,

каким считали его начальники и друзья».

Подкрепляя Кусонского, «Галлиполийский Вестник», официоз «Вн. линии», в номере от 20 мая 1937 года пером Н. Плавинского категорически утверждал:

> «…Никаких интересных для себя сведений Линицкий, несмотря на **кажущееся приятельство** с Коморовским, получить от него не мог, как выяснилось в суде и следственной комиссии».

Еще до окончания судебного процесса, 11 сентября 1936 года сенатор Трегубов писал генералу Миллеру:

«..лицо, ведшее следствие, вручило мне также протокол очной ставки Линицкого с Коморовским, перевод которого на русский язык прилагается. Я очень удивлен тем, что в этом протоколе обнаружил точный и полный список лиц, отправленных в советскую Россию. Линицкий назвал имена, которые я не мог узнать в ходе производившегося мною расследования. От кого он мог бы узнать их? Линицкий утверждал, что от Коморовского».

Заявление Линицкого

(Выдержка из протокола очной ставки между доктором Линицким и ротмистром Коморовским от 5 января 1936 года. Перевод с сербского):

> «Я утверждаю, что в течение нашей совместной работы я получил от вас, помимо всевозможных сведений, имена 14 русских эмигрантов, посланных в СССР, и указания о целях отправки их. Так, вы дали мне сведения относительно отправки в советскую Россию следующих лиц: Богдановича, Димитриева, Андреева, братьев Северьяновых, Марии Чавчавадзе, Буркова, Иванова, Стафиевского, Цечко, Полякова, Трофимова, Платонова, Петровского. Равным образом вы мне указали, что РОВС намеревался отправить в СССР Китина и Бакуревича».

Коморовский ответил, что Линицкий лжет.

* * *

Комиссия Трегубова опросила многих офицеров, причастных к тайной деятельности РОВСа.

8 марта 1936 года капитан Борис Карпов, член тайной организации «Фаланга», представил комиссии свои показания. «Фаланга» отправляла эмиссаров в Россию. Пять членов «Фаланги» были переправлены в Россию через Румынию под руководством проживавшего в Бухаресте генерала Геруа. Эти отправки прошли благополучно. Один из вернувшихся в Югославию в 1933 году, Северьянов, просил дать ему в помощь еще двух человек. За неимением кандидатов в РОВСе, генерал Барбович обратился к Байдалакову. НТСНП предоставил «Фаланге» Ирошникова и Флоровского. На этот раз отправка производилась не через генерала Геруа, а при посредстве полковника Жолондковского, агента «Вн. линии» в Бухаресте. Эмиссары погибли. Тем не менее Коморовский известил Карпова о том, что Ирошников и Флоровский живы. Откуда Коморовский получил такие вести, Карпов узнать не смог. Коморовский осведомил его также и о провале отправки двух офицеров, проведенной через Жолондковского: офицеры были арестованы в Ленинграде и погибли от руки НКВД.

Подполковник Е. Месснер, участвовавший в делах «Фаланги», подтвердил свидетельство Карпова своими письменными показаниями от 19 апреля 1936 года:

«Я знаю, что в течение нескольких лет группа лиц занималась отправками офицеров в советскую Россию; ею было отправлено около десяти человек. Отправки производились через Румынию, и переход границы всегда удавался. Никакой измены не было. Если впоследствии некоторые эмиссары и погибли, то в силу опасности их работы или в бою. В конце 1932 года эта группа прекратила отправки эмиссаров, ибо эта работа должна была проводиться в тесном контакте с РОВСом. Однако ***группа считала, что ведение дела РОВСом не давало никакой гарантии.*** *Основаниями для ее впечатлений были: чрезмерная централизация, пользование почтой для связи, хранение документов и писем в архивах, выполнение работы плохо подготовленными людьми, не имевшими никакого опыта в деле. Как пример таких недостатков, можно привести письменный запрос из центра о маршруте и дорожных расходах эмиссаров. Это требование мотивировалось желанием центра вести учет предоставленных средств».*

Сбоку на документе генерал Миллер написал:

«Кто требовал этого?»

* * *

25 мая 1936 года юнкер Гавриил Орлов дал комиссии свои показания. В феврале полиция «арестовала» Орлова на два дня и подсадила его к Коморовскому и Линицкому.

Первый день Орлов провел в большой камере с Коморовским в обществе сорока арестованных. Орлов и Коморовский были давними знакомыми. Завязалась беседа. Коморовский жаловался Орлову, что его спровоцировал Линицкий, которому он оказал слишком большое доверие. Он признал, что с Линицким виделся часто и что у него с ним была очная ставка.

На следующий день Орлова перевели в небольшую камеру, где в числе арестованных был Линицкий. В лице Орлова Линицкий нашел приятного собеседника. Ему он поведал:

— Я коммунист-идеалист. Как коммунист, я — агент большевиков. Моя задача состоит в работе по разложению русских эмигрантских организаций путем провокации.

— Разве эти организации опасны большевикам? — спросил Орлов.

— Видите ли, отсюда засылают в СССР агентов с поручениями саботажа, уничтожения важных строек или порчи турбин. Впрочем, — продолжал Линицкий, — я занимался и другими делами. Как-то раз, в компании с Коморовским, я сделал несколько снимков Панчевского железнодорожного моста. Да откуда-то взявшийся жандарм помешал мне закончить работу.

Под утро Линицкий разбудил Орлова и сказал:

— Все же Коморовский дурак. Он был слишком доверчив.

Но никто из знавших Коморовского не считал его дураком. Наоборот, это был умный и дельный человек. Он был своевременно предупрежден женщиной-врачом Лисовой, учившейся с Линицким в университете. Она писала Коморовскому, что Линицкий — беспринципный человек, лишенный белогвардейского патриотического чувства, и что на него нельзя полагаться. Тем не менее он стал правой рукой Коморовского.

* * *

На суде Линицкий признал, что собирал сведения о русской эмиграции и получал за это деньги от Феликса, советского агента в Праге. Летом 1935 года Коморовский спросил, какому Богу поклонялся Линицкий? Тот ответил — богу Кремля. И тотчас же донес об этом разговоре Феликсу. Узнав об этом, Феликс решил закрепить молчание Коморовского. Он рекомендовал Линицкому забраться в квартиру Коморовского, напечатать на его пишущей

машинке письмо по старой орфографии и отправить письмо советскому посольству в Софии. Но до такого письма дело не дошло — нужды в нем не было.

Подведя итоги расследованию, комиссия Трегубова пришла к тревожному выводу:

«…выходит, что, **помимо направлявшейся Линицким шпионской организации, должна существовать другая, более замаскированная большевистская организация, поставившая целью сбор сведений о видных лицах русской эмиграции. Поэтому следует рекомендовать различным русским организациям всё больше и больше уделять внимания большевистским провокациям, щупальца которых всё больше и больше проникают в среду РОВСа».**

Выводы Трегубова и циркуляр Кусонского расходились в диаметрально противоположных направлениях…

Борьба Е. К. Миллера с «Внутренней линией»

Неоднократные предупреждения со стороны НТСНП, обвинение полковником Федосенко Скоблина в работе на большевиков, странности в деятельности «Внутренней линии», дело Линицкого — Коморовского и заключения комиссии Трегубова встревожили Миллера.

«Линия» по-прежнему пряталась от него, сведения о ней были далеко не полными. Скоблин, которому он доверил руководство «Вн. линией» во Франции, сообщал о ее делах только то, что считал нужным. Всей правды Миллер не знал, как и не знал он о содержании секретной переписки между Скоблиным и Фоссом. В начале 1936 года он отдал себе отчет в явной недоброкачественности «Линии» и намеревался покончить с нею.

29 января 1936 года Скоблин писал Фоссу:

«…Миллер проявляет большое неудовольствие „Внутренней линией“. Каждый рапорт, присылаемый из Болгарии, тщательно изучается Кусонским, который затем докладывает Миллеру. Так было и со злосчастной информацией от 20 декабря, которая вызвала следующую резолюцию: „Я не имею ничего против возвращения Закржевского, но хочу предупредить вас, что вопрос существования Внутренней линии подвергнется самому решительному пересмотру и реорганизации мною. И потому пусть Закржевский не рассчитывает получать какие бы то ни было суммы, ибо вполне возможно, что само существование Внутренней линии будет прекращено“. Я думаю, что это будет — упразднение Внутренней линии».

Уклонение Скоблина от представления полного списка «линейцев» во Франции, естественно, вызвало у Миллера понятное раздражение. Началось охлаждение в их отношениях. 26 декабря 1936 года Миллер отрешил Скоблина от обязанностей руководителя «Внутренней линии». Да и сам Скоблин был не прочь отойти от официального возглавления «Линии». К тому были важные соображения на близкое будущее.

* * *

В 1936 году, под личиной австрийского антиквара, в Гааге проживал начальник советской военной контрразведки на Западную Европу комдив В. Г. Кривицкий.

В начале декабря в Гаагу прилетел специальный курьер от начальника ИНО НКВД Слуцкого, вручивший Кривицкому короткое послание на фотопленке. Проявив пленку, Кривицкий прочел:

«Отберите из ваших людей двух человек, способных сыграть роль немецких офицеров. Они должны обладать достаточно представительной наружностью, чтобы сойти за военных атташе, должны изъясняться как военные, и быть исключительно надежными и смелыми. Отправьте их ко мне в срочном порядке. Это чрезвычайно важно. Через несколько дней надеюсь увидеться с вами в Париже».

Вскоре Слуцкий и Кривицкий обедали в персидском ресторане около Пляс де л'Опера в Париже. Как военный, Кривицкий не хотел ослаблять свою сеть в Германии, тем более отдавая своих лучших агентов в распоряжение НКВД. Но Слуцкий многозначительно сказал, что приказ исходит от самого товарища Ежова. Пришлось покориться, и два лучших агента были вызваны в Париж. В течение нескольких недель они сидели в Париже без дела. Затем их поблагодарили и сказали, что намеченные было действия переносятся на более позднее время.

* * *

28 декабря 1936 года генерал Миллер письменно известил подполковника Мишутушкина о переменах:

«Генерал-майор Скоблин должен был известить Вас, что, в силу его повторных просьб, он освобожден мною от обязанностей начальника Внутренней линии. В будущем я прошу Вас обращаться ко мне непосредственно по всем вопросам, относящимся к этой работе. Я категорически запрещаю личному составу Внутренней линии исполнять приказания других лиц, даже и тех, кто в прошлом руководили Внутренней линией».

По существу, распоряжение Миллера Мишутушкину было актом отчаяния и одновременно объявлением войны Шатилову, Скоблину и за ними стоявшим. «Линия» умирать не собиралась. Вопреки Миллеру, Скоблин и прочие главари «Вн. линии» продолжали за кулисами руководить ею.

По-настоящему у Миллера не было чувства реальности. Чины РОВСа, привлеченные в «элиту», давшие свою подпись под «Идеологией», знавшие, что выход из «Организации» грозит им смертью, скомпрометированные неблаговидными поступками в отношении самого Миллера и непричастных к «Линии» честных начальников, этому приказу не подчинились. Простым росчерком

пера распустить «Линию» или руководить ею Миллер был не в состоянии.

Софийский центр «Вн. линии» был вообще недосягаем для Миллера. Комиссия Трегубова так и не смогла допросить Коморовского, укрытого генералом Абрамовым и Фоссом в Софии после окончания белградского процесса. Миллер даже не смог распорядиться о дознании по новому местожительству Коморовского.

Казалось бы, Миллер должен был созвать честных генералов, рассказать им о «линии» и назначить комиссии по всем отделам РОВСа для выяснения всех чинов и дел таинственной «Организации». Но до этого он не додумался. И пытаясь лично руководить ею, хотя бы только во Франции, он толкал ее на еще более ожесточенное сопротивление.

Прежде всего Скоблин принимал меры противодействия, особенно в среде корниловцев, давшей в «Линию» немало офицеров не только во Франции, но и в Бельгии, Болгарии, Эстонии, Латвии, Польше и Финляндии.

В январе 1937 года Миллер решил назначить капитана Киселева начальником группы корниловцев в Финляндии вместо преданного Скоблину капитана Батуева.

И 25 января 1937 года Скоблин сообщал Добровольскому:

«В течение последних недель я много говорил с Е. К. М. о положении в моей гельсингфорсской группе. Я категорически заявил Е. К. М., тотчас после назначения Киселева, что не потерплю ухода Батуева, и предупредил его, что отдам распоряжения, которые будут неприятны для Миллера, то есть, считая нахождение Альтфана[90] на его посту вредным, я прикажу моей группе не подчиняться Миллеру и перейти под мое личное командование».

Это был явный бунт, с которым Миллер справиться не мог. Скоблин был в состоянии увести из подчинения Миллеру не только группу в Гельсингфорсе, но и в других местах.

Освобожденный от официальных обязанностей по «Вн. линии», Скоблин развернул вовсю работу по подрыву авторитета своего начальника. В том же письме он настраивал Добровольского против Миллера:

«…ему некогда заниматься делом, которым он обязан заниматься, будучи на своем посту. Наконец, это становится до такой степени раздражающим, что едва удерживаешься от того, чтобы не наговорить ему неприятностей. Его туманная политика в Союзе в последнее время сильно пошатнула его авторитет в среде наших офицеров. Вот почему мы, командиры отборных частей, всего три человека в Париже, составили блок, чтобы не

дать рассыпаться в прах тому, что с таким трудом мы создали в годы Гражданской войны. Сознаю, что некоторые наши действия могут со стороны показаться несовместимыми с воинской дисциплиной… Я буду держать вас в курсе наших дел. Прежде всего, мы требуем отстранения нашего командира корпуса, генерала Витковского, законченного лентяя. Как бы это ни казалось странным, но когда поднимаешь такие вопросы перед Е. К. М., когда начинаешь доказывать ему о неспособности того или иного начальника, то у него только один ответ: решение, ранее принятое, изменить невозможно…»

«Бунт маршалов» продолжался. Скоблин плел интриги всюду, где только мог. Подговорил командира марковцев генерала Пешню. И особенно преуспел в обработке возглавителя дроздовцев генерала Туркула. В парижском кафе «Мариньян» на Елисейских Полях только и были разговоры о бездарности «старческой головки». Спровоцированный Скоблиным, Туркул с жаром убеждал своих дроздовцев в необходимости боевой работы и ясной политической программы. 7 января 1936 года он писал некоему Михаилу Михайловичу:

«…Некоторое время тому назад Скоблин, Пешня и я часто встречались и разговаривали о занимавшем нас вопросе… Мы не знали, как и когда развернутся события. Мы могли лишь предвидеть их и, ожидая их, нам было необходимо быть готовыми, едиными. Наше главное руководство должно было перейти к генералу Абрамову, человеку родному по духу и спаянному с нами кровью».

Распаляемый Скоблиным, летом 1936 года Туркул перешел от слов к делу. Он организовал Русский Национальный Союз Участников Войны. 16 июля в зале Лас-Каз под председательством Туркул а состоялось первое открытое собрание Союза, возвестившее о его политической программе и целях. Выражая недовольство пассивностью РОВСа, Туркул и его соратники, полковник В. В. Чернощеков, капитан Б. В. Тряпкин и другие, призывали к активным действиям против советской власти. В тон ему вещал о неумирающей белой идее капитан Ларионов, неизвестный Миллеру видный чин «Вн. линии».

В действиях Туркула Миллер усмотрел нарушение дисциплины. Вернувшись из водолечебного курорта Баньоль-де-л'Орн, Миллер вызвал 27 июля Туркула на рю дю Колизе для объяснений. Разговор был резким и неприятным. Туркул заявил о своем уходе из РОВСа, и Миллер на следующий день исключил его из списков.

Генерал Витковский пытался примирить Миллера с Туркулом и образовал комиссию, в которую вошли Скоблин и полковники

Соколовский и Ягубов. Примирения достичь не удалось.

3 августа в Галлиполийском Собрании состоялась экстренная встреча дроздовцев. Царило возбуждение, по адресу Миллера было отпущено много горьких, жестоких и несправедливых упреков. Дроздовцы постановили выйти из РОВСа. Однако Миллер не признал постановления и решил по-прежнему считать их чинами РОВСа.

Обычно благожелательно настроенная к РОВСу газета «Возрождение» встала на сторону Туркула. А враждебная РОВСу газета «Последние Новости» пером Н. Вакара писала:

«Неожиданно в июле перешли в нападение „активисты“. Генерала Миллера, видно, было решено побить собственным его оружием. Ген. А. В. Туркул, мечтающий занять место ген. Миллера, произвел нападение врасплох».

Скоблин довольно улыбался. Интрига развивалась успешно. Были рады в КРО НКВД — разложение крупнейшей эмигрантской организации шло полным ходом.

Международная обстановка и РОВС

В 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер. Его враждебность к коммунизму породила у многих эмигрантов надежды на возможность совместной с немцами борьбы с коммунизмом. Толки о неизбежной войне СССР на два фронта — против Гитлера и Японии — стали не стихавшей злобой дня.

Увы, эмигранты не читали откровений Гитлера в его книге «Майн кампф». Гитлер мечтал не столько об уничтожении коммунизма, сколько об истреблении «унтерменшей» и заселении благородной арийской расой огромного «жизненного пространства» в завоеванной России.

Гитлер нисколько не был заинтересован в сотрудничестве с российскими националистами. Все попытки эмигрантов добиться «союза» с немцами неизменно терпели неудачу. Но были и неисправимые оптимисты, безотчетно верившие в «освободительную» миссию Гитлера.

В кругах РОВСа настроение к Гитлеру было скорее сдержанным и выжидательным. Генерал Миллер был благожелательно настроен к Франции, союзнице России в Первой мировой войне. Но Франция, подписавшая 2 мая 1935 года договор о взаимопомощи с СССР, партнером белых эмигрантов быть никак не могла. Постепенно, под влиянием эмигрантских настроений и в поисках выхода из тупика, Миллер склонился к мысли о сотрудничестве гитлеровской Германией. Скоблин знал об этих думах Миллера и одобрял намечавшийся новый курс.

7 августа 1936 года Миллер писал Добровольскому:

«Очень прошу Вас убедить Вашего первого ученика в том, что у них совсем не верны оценки поведения начальников крупнейшей эмигрантской организации, когда судят по их географическому положению. Наоборот, они неоднократно пытались установить отношения с тем, чтобы показать им, по меньшей мере то, что собою представляет эта эмигрантская масса, сгруппированная в ряде стран. Иван Иванович[91] хотел бы встретиться на нейтральной почве с персоной, подобной вашему первому ученику».

Под первым учеником подразумевался немецкий офицер, служивший в Берлине в военном министерстве и одно время бравший у Добровольского уроки русского языка. Итак, Миллер был готов к встрече с немецкими военными.

На ту же тему 28 января 1937 года он сообщил Добровольскому интересную и одновременно расхолаживающую новость:

«Три месяца назад Иван Иванович обратился непосредственно с

просьбой через местного Веристу[92] *немецкого типа. Эта просьба была оставлена без ответа. Иван Иванович был бы очень рад, если бы Вы смогли указать ему, каким образом, даже отсюда, он мог бы начать переговоры по интересующему нас вопросу. Пока что у меня имеются основания считать, что их связи и даже их деньги направляются типам вроде Туркула с тем, чтобы в результате было разложение РОВСа. Кажется, в Берлине симпатизируют Масальскому, Меллер-Закомельскому и прочим мерзавцам.*

К несчастью, из всего происходящего можно заключить, что там не хотят пожать протянутую нами руку, и что там берут верх сторонники захвата Украины или, по меньшей мере, украинские самостийники».

В отношении Туркула Миллер заблуждался также, как и в отношении немцев. Казалось бы, начальник II Отдела РОВСа в Берлине генерал фон Лампе был обязан осведомить о делах Туркула и о немецких настроениях. Связанный со Скоблиным не по официальной линии, 6 ноября 1936 года фон Лампе писал ему конфиденциально:

«…Пусть это останется между нами. Мне пишут из Парижа (не Миллер и не Кусонский), что главная поддержка Туркула — это его немецкие связи. Я знаю положение этого вопроса здесь и очень сомневаюсь, чтобы это было так».

Фон Лампе упорно, но безрезультатно пытался разузнать о связях Туркула и источнике средств, дававшем ему возможность издавать в Париже боевую газету «Сигнал» и вести независимую от РОВСа политику. Поездки Туркула в Берлин, его речи на собраниях местной группы РНСУВ и пронацистской группировки «Русское Национал-Социалистическое Движение», похвальные высказывания по адресу Гитлера и иные жесты как будто указывали на его связи с немцами. Французские власти косо смотрели на Туркула и нисколько не сомневались в его прогитлеровских симпатиях. Но никаких доказательств его связей не было. Тогда ни французам, ни Миллеру не было известно о сотрудничестве Туркула с генералом Осима, японским военным атташе в Берлине. Предвидя войну в будущем с СССР, в своих собственных целях, японцы сочли полезным сотрудничество с организацией Туркула. Толки о немецких связях оказались удобной ширмой как для японцев, так и для Туркула. Именно разрыв Туркула с РОВСом и открыл возможность сотрудничества с японцами, знавшими от поляков о неблагополучии в РОВСе.

* * *

В июле 1936 года в Испании вспыхнула гражданская война, всколыхнувшая русскую эмиграцию. Просоветский Союз Возвращения на Родину поставлял добровольцев в интернациональные бригады, защищавшие красное правительство Испании. Советский Союз посылал красным оружие, снаряжение, своих инструкторов, летчиков, танкистов и чекистов.

На стороне франкистской Испании были фашистская Италия и национал-социалистическая Германия, отправившие свои легионы на помощь Франко.

В эти дни белое русское офицерство воспрянуло духом — как будто открывалась возможность принять участие в борьбе с коммунизмом. Но это оказалось совсем не простым делом.

Не раз генерал Миллер совещался со старшими начальниками РОВСа в Париже об отправке добровольцев в армию Франко. Их желания сразу же натолкнулись на недоверие штаба Франко к каким бы то ни было русским. Дело осложнялось и тем, что из уважения к приютившей их Франции отправки добровольцев нужно было проводить скрытно.

Скоблин немедленно изъявил согласие предоставить своих корниловцев, а генерал Пешня — марковцев. Туркул, в принципе согласный с отправкой добровольцев, но уже занятый в другом месте, своего благословения дроздовцам не дал. Возглавитель алексеевцев в Париже, полковник Мацылев, отрицательно относившийся к Скоблину и его деятельности, вообще уклонился от предоставления своих однополчан.

Поздней осенью Миллер получил из Бургоса ответ штаба Франко на предложения РОВСа. 25 декабря 1936 года он издал циркуляр № 845, извещавший о порядке приема в армию Франко. Добровольцы принимались в Испанский Иностранный Легион с понижением в чинах. Они должны были сами добираться до территории Франко, иметь подписанные генералом Миллером удостоверения о благонадежности и переходить границу Испании по указаниям Миллера.

* * *

Подполковник Сергей Николаевич Благовещенский, участник Гражданской войны на юге России и непримиримый враг коммунизма, преуспел за рубежом. В 1936 году он был директором страховой компании «Стандарт-Юнион» в Париже.

С Благовещенским был хорошо знаком капитан Петр Пантелеймонович Савин, активист, чин «Внутренней линии», сотрудник Скоблина, расположивший к себе генерала Миллера.

Содействуя Миллеру, Благовещенский и Савин тоже искали путей к Франко. В конце ноября 1936 года Благовещенскому удалось вступить в переговоры с посольством франкистской Испании в Риме. Секретарь посольства Феррари Форнс сообщил в Саламанку о предложениях русских белых эмигрантов. Штаб Франко согласился принять представителей РОВСа, и вскоре из Саламанки пришло разрешение выдать визы Скоблину, Благовещенскому и Савину.

Скоблин, занятый своими тайными делами, под предлогом болезни Плевицкой, от поездки в Испанию уклонился. Конечно, об этом Миллера он не предупредил. Благовещенскому вместо себя он рекомендовал Шатилова. Полагая, что Шатилов, как бывший в Крыму начальник штаба Врангеля, представит интересы РОВСа лучше Скоблина, Благовещенский сразу же принял его предложение. Разумеется, согласился и Шатилов. Было решено переписать на него визу Скоблина. На просьбу Благовещенского испанцы откликнулись согласием.

Так при содействии Скоблина, отстраненный от дел РОВСа глава «Внутренней линии» вновь вторгся в деятельность Миллера. На свидании со Скоблиным и Савиным в кафе на рю де ля Конвансион, что вблизи от вокзала Мирабо, Миллер был поставлен перед свершившимся фактом. Участие Шатилова в испанской акции РОВСа Миллеру никак не улыбалось. Он резко выговаривал Скоблину за неуместную инициативу. Он считал, что переговоры мог бы успешно вести полковник А. А. Зайцов Но визы были уже выписаны, и скрепя сердце Миллеру пришлось поручить Шатилову возглавление делегации. На расходы по поездке Миллер выдал Шатилову 3000 франков. Часть расходов принял на себя состоятельный Благовещенский.

Утром 26 декабря 1936 года от Кэ Вольтер отошел автомобиль, в котором ехали Шатилов, Благовещенский и Савин. По приезде в Ниццу они посетили здешнее итальянское консульство для исправления неточностей, вкравшихся при выдаче виз в Париже. Добравшись до Рима, делегация отправилась в Саламанку на испанском самолете Здесь, по поручению Миллера, уточнялись подробности переброски добровольцев небольшими группами и выяснялись возможности оплаты их путевых расходов правительством Франко.

На обратном пути в Париж, по желанию Шатилова, делегация заехала в Озуар-ля-Феррьер поделиться новостями со Скоблиным. А доклад Миллеру о переговорах с испанцами глава «Линии» сделал позже. Получив от Шатилова денежный отчет, с дополнительными претензиями на 700 франков, Миллер был возмущен до крайности 22 мая 1937 года он писал генералу

Абрамову:

«…П. Н. Шатилов заявил мне, что не будет безвозмездно заниматься этими делами, т. е. организацией отрядов для посылки туда. Тем не менее продолжает интересоваться этим вопросом и старается добыть под него деньги. Все эти проекты, по крайней мере сейчас, я отношу к области фантазии. Ибо весь его план зависит от субсидии, которая должна быть получена от лиц, которые, по его словам, готовы дать из принципа на противокоммунистическую работу… Во всей этой комбинации меня беспокоит та тайна, которою окружаются лица, желающие дать 10–15 тысяч франков в месяц, и желание П. Н. оставить за собою право распоряжаться этими деньгами… Опыт его путешествия в Испанию с тем лицом[93], которое ему, как и мне, открыло путь туда, уже показал, увы, что П. Н. неисправим во всём, что касается денег. Он мне представил такой счет своих расходов! Тогда как от его спутника знаю, что они всё это путешествие сделали за счет лиц, которые их пригласили туда. У меня не хватило мужества устроить очную ставку между Шатиловым и его спутником… Я не могу, да и не хочу заниматься вопросом, как он будет давать отчет в своих расходах тем, которые ему дадут деньги… Но поскольку этот вопрос своей финансовой стороной связан с П. Н. Ш., моя душа не может быть спокойной».

О любви Шатилова к деньгам Миллер знал хорошо. Шатилов любил красивую жизнь, был он обладателем комфортабельной квартиры, каких не было у других белых генералов. Беспокойство Миллера было понятным, и он решил отказаться от услуг Шатилова, тем более, что тот занялся в Испании делами по собственному усмотрению.

29 апреля 1937 года Е. К. Миллер писал Савину:

«Многоуважаемый Петр Пантелеймонович! В субботу я переговорил с Михаилом Александровичем, и он не отклонил моего предложения, но хотел с Вами переговорить более основательно и подробно, так как ведь работа может идти успешно только ежели будет полное согласие и согласованность между ним и Вами. Будьте любезны списаться относительно свидания. Его адрес: рю де Бретань, Севран (Трефль), Сен-э-Уаз, М. Пешня. Его отношение к вопросу вообще благоприятное, так что, надеюсь, при учете ошибок прошлого, работа, хотя бы, может быть, и в скромных размерах, сможет продолжаться. Уважающий Вас Е. Миллер».

Об отводе Шатилова и замене его генералом Пешней были извещены представитель генерала Франко в Париже Филипп Родес, Баррер в Сен-Жан-де-Люз и полковник Тронкозо в Ируне.

* * *

Генерал Пешня и Савин встретились и договорились о порядке переброски добровольцев. При участии адъютанта Скоблина капитана Григуля, группы, по восемь человек каждая, формировались в Галлиполийском собрании на рю де ля Фезандери.

Первая группа корниловцев, под начальством капитана Белина, выезжала с вокзала Кэ д'Орсе поездом в восемь часов утра. Провожая группу, Савин приказал им не занимать отдельного купе, сидеть порознь, поддерживать между собой зрительную связь и ничем не привлекать внимания полиции. В это время правительство Леона Блюма приказало арестовывать молодых людей из французской организации кагуляров, симпатизировавших Франко и переходивших границу, чтобы стать под его знамена.

Отправив группу, Савин поспешил автомобилем в Биариц. Здешний испанский консул сообщил ему о трудностях перехода франко-испанской границы. Вечером поезд с группой Белина прибыл в Биариц, где добровольцы должны были выйти из поезда и далее следовать намеченным было маршрутом. Савин, явившись на вокзал, приказал группе ехать дальше в Сен-Жан-де-Люз, доплатив за билеты в вагоне.

Об отправке групп Савин посылал «коммерческие» телеграммы французу Барреру, директору консервной фабрики в Сен-Жан-де-Люз, сочувствовавшему движению Франко и дружившему с испанским консулом. В телеграммах коротко значилось:

«ВОСЕМЬ ЯЩИКОВ КОНСЕРВОВ ПОЛУЧЕНЫ».

Баррер заказывал номера в скромном отеле, где приехавшие могли пообедать и переночевать. Хозяйка отеля устраивала прибывших по комнатам, накрывала стол в своей жилой половине и принимала их как своих личных друзей. Приходивший на обед Баррер знакомился с офицерами. Все они произвели на него хорошее впечатление. Затем, зная нужные тропы, переправлял их через пограничную речку Бидосса в пограничный испанский городок Ирун, где их встречал франкистский полковник Тронкозо. Отсюда добровольцы следовали в Памплону и далее на фронт.

Так под носом французской пограничной стражи Савину удалось переправить к Франко четыре группы по восемь человек. Тем временем в русской печати Парижа стали появляться сообщения о подвигах русских добровольцев в армии Франко. В журнале «Часовой» печатались корреспонденции Белогорского, в одиночном порядке и по собственному почину отправившегося в Испанию Франко. Белогорский, в действительности генерал Шинкаренко, и полковник Болтин, в свою очередь писавший в «Часовом» под псевдонимом Гренадер, был устроен Григулем по просьбе Шатилова в одну из переправленных Савиным групп. Шум в печати привлек внимание французских властей к нелегальным переходам франко-испанской границы.

Пограничные власти усилили наблюдение. И пятая группа, под начальством капитана Максимовича, была задержана жандармами в Сен-Жан-де-Люз.

После провала пятой группы отправки добровольцев РОВСа из Парижа были прекращены.

* * *

В одиночном порядке прибыл в армию Франко генерал Фок, один из бунтовавших против Е. К. Миллера «маршалов» РОВСа. В бою под Кинто опытный и влюбленный в свое военное дело Фок командовал артиллерией в одном из отрядов франкистов. Красные одержали верх, франкисты дрогнули и побежали. В руки красных попал чемодан Фока, в котором были письма и документы, свидетельствовавшие о его разрыве с генералом Миллером. Доставленные в Москву, эти бумаги были использованы советской печатью для пропаганды против «оголтелой белогвардейщины». Несколькими неделями спустя в своем последнем бою генерал Фок пал смертью храбрых.

Последнее лето Е. К. Миллера

Казалось бы, генерал фон Лампе, непосредственно подчиненный главе РОВСа, должен был сам запросить Миллера о делах в Париже. Но, по хорошо ему самому известной причине, фон Лампе 14 февраля 1937 года обратился к Кусонскому с вопросом:

«…Я узнал о „моральном разрыве“ между Е. К. М. и Скоблиным. В чем дело, и что верно в этом? Если бы не было дела Туркула, то это не имело бы значения».

Кусонский Миллера также не спрашивал — о положении в Париже он был осведомлен хорошо. 18 февраля он ответил фон Лампе:

«„…Морального разрыва“ еще нет, но уже можно заметить некоторый отрыв, и Ск. недоволен Е. К. потому, что последний не „продвигает его вперед“, на что он рассчитывал, зная о неспособности Витковского. Ск. готов войти в блок с Туркулом, хотя в свое время был резко враждебен к действиям последнего и отлично видел, что из авантюры Туркула ничего не выйдет».

Развивая свои интриги, Скоблин всячески стремился оттеснить или нейтрализовать всех неугодных «Внутренней линии» генералов — Эрдели, Стогова, Витковского и, конечно, динамичного Туркула, чей разрыв с РОВСом мог быть отнюдь не навсегда. Ушедший из РОВСа Туркул хранил в себе неизвестные Скоблину тайны РНСУВ. Под предлогом передачи информации о положении в СССР, Скоблин продолжал встречаться с Туркулом в кафе «Мариньян». Он сообщал Туркулу новости РОВСа, возбуждал против Миллера, но в тайны Туркула не проник.

Летом 1937 года действия Скоблина и Плевицкой приняли решительный характер. «Мать-командирша» корниловцев, в 1934 году открыто поносившая почтенного Эрдели в кругу офицеров в собрании Общества Галлиполийцев, энергично взялась за Миллера. Нисколько и никого не стесняясь, она говорила галлиполийцам, восторженным поклонникам ее таланта:

— Нужно сменить Миллера. Главнокомандующим должен быть Шатилов.

Этим летом верхи «Внутренней линии» развернули в подполье лихорадочную деятельность. Скоблин и Плевицкая посылали в разные места, и особенно часто в Софию, письма на условном жаргоне, в важных случаях прибегая к шифру.

Отлучившись из Парижа, 20 августа 1937 года Скоблин писал своему ближайшему помощнику в Корниловском объединении, полковнику Г. З. Трошину:

«… Что ни говори, но Шатилов думает нашими думами, тем более его возраст есть гарантия, и он не потерял надежды на возвращение домой. Полагаю, что нам удастся поставить Шатилова вместо Витковского, но это трудно, не обойтись без энергичного нажима, тем более, что мы, старшие начальники будем каждый тянуть в свою сторону. Тем не менее, не все потеряно, и мы еще сможем добиться возвращения Шатилова… ясно, что Шатилов не остается бездеятельным, он кое-что делает. Я немного в курсе его дел и по моем возвращении расскажу тебе то, что знаю. Всё же пока что могу сказать тебе, что он ведет свою работу в Испании».

В тон Скоблину звучал софийский центр. Пером старшего алексеевца, генерала М. А. Зинкевича, писавшего Скоблину в тот же день 20 августа, «Линия» заявляла:

«…Нужно употребить все усилия к тому, чтобы привлечь генерала Шатилова к сотрудничеству в нашей работе. Все мы ощущаем двусмысленность ситуации, заключающейся в том, что от нашей деятельности отведен самый способный из наших генералов… В близком будущем, благодаря изменениям, вносимым в устав РОВСа, у генерала Шатилова не будет никаких причин к тому, чтобы не вступить в него опять. Может быть, позже удастся поставить его на пост председателя Высшего Совета, место, подходящее ему по праву. Прошу тебя не разглашать никому моих планов, ибо, если они провалятся, то отвечать за это будешь ты».

Итак, в Софии продолжались заговоры против Миллера, составлялся проект нового устава с возведением Шатилова на подобающее ему место…

* * *

Не зная намерений своего старшего алексеевца и его дружбы со Скоблиным, начальник группы алексеевцев в Париже полковник Сергей Александрович Мацылев писал 4 июня 1937 года генералу Зинкевичу:

«…Пока что невозможно расшифровать Скоблина. Сейчас даже Евгений Карлович, имевший к нему полное доверие, начинает разбираться. Но сколько времени понадобилось для этого, и сколько глупостей было совершено под влиянием Скоблина».

8 августа он вновь писал Зинкевичу:

«…Лавры Туркула не дают Скоблину спокойно спать. Лично я считаю, что его деятельность в Париже причинила много зла. Генерал Скоблин — человек скользкий, он всячески хочет играть

роль. Скоблин очень близок к генералу Миллеру, который, под его влиянием, наделал много глупостей».

* * *

17 марта 1937 года Кусонский информировал Абрамова:

«…Недавно у меня был с визитом один офицер Корниловского полка (я не считаю его умным), который некогда был очень связан со Скоблиным… Мой посетитель спросил меня, откуда Туркул и Скоблин получают так много денег. Я объяснил ему, что первый дает обеды и что он получает, не знаю откуда, субсидии на свои поездки и газету. Что касается второго, то он живет на доходы от концертов своей жены. Мой посетитель начал подсчитывать, сколько Плевицкая может добыть своим трудом (не знаю, откуда у него сведения о ее доходах), и он заключил, что Скоблин не может жить на заработки жены так, как он живет.

Таким образом, видимо ведутся дискуссии о Ск. и его образе жизни, не отвечающем его ресурсам. В какой степени они обоснованы, я не знаю, может быть, это только зависть бедного к богатому…»

Подсчитывал ли Миллер доходы и расходы Скоблиных, сообщил ли ему Кусонский о визите корниловца так, как он отписал Абрамову?

Так или иначе, но поведение Скоблина начало внушать Миллеру опасения. Пытаясь поставить под свой контроль «Внутреннюю линию», Миллер всё больше и больше убеждался в своем бессилии. Известные ему «линейцы» его приказов не исполняли. «Линия» продолжала свою работу по подрыву престижа Миллера и, где возможно, сеяла среди чинов РОВСа ненависть к нему. Одновременно «линейцы» провоцировали неприятные инциденты между РОВСом и НТСНП, удачно ведшим свою пропагандную и организационную работу во многих странах мира.

Летом 1937 года Миллер совершил поездку по группам РОВСа во Франции. Видимо, хотел лично убедиться в положении дел на местах.

Прибыл он и в Лион. В помещении французского Союза Комбаттантов состоялось собрание местной группы РОВСа, на которое пришли и члены НТСНП, не прекратившие своих связей с воинскими организациями.

Офицерская аудитория тепло приветствовала главу РОВСа. Глухим, усталым голосом Миллер говорил о международной обстановке, об угрозе новой мировой войны и о задачах РОВСа по

сохранению кадров для дальнейшей борьбы с большевиками.

Офицеры задавали вопросы по докладу генерала. Миллер отвечал лаконично, точно, убедительно. Вдруг корниловец, подполковник Гречко, задал генералу вопрос:

— Ваше превосходительство, а что делается для того, чтобы прекратить деятельность тех лиц, которые вызывают трения между РОВСом и НТСНП?

Миллер ничего не ответил. Опустив голову, он застыл в безмолвии. В эту минуту стоявший рядом со мной Рончевский выхватил из кармана пиджака письма Закржевского. Еще мгновение, и он огласил бы документы, Миллеру уже известные. Я схватил выше локтя руку Рончевского и шепнул ему:

— Не надо. Ты видишь, в каком он состоянии? Все понятно без слов…

— Да, ты прав, тут не место для разоблачений, — ответил остывший Рончевский и спрятал бумаги в карман.

* * *

После собрания Рончевский и я зашли в кафе и обсудили происшедшее. Конечно, поездка Миллера связана с делами «линейцев» и попытками его выяснить неясное. Но доставленные нами сведения об «Организации», при всей своей странности и серьезности, еще не убеждали Миллера в самом страшном для него и РОВСа. И за отсутствием прямых улик мы сами считали их недостаточно убедительными для того, чтобы в открытую утверждать наличие советской провокации. Зная это, руководители «линейцев» не раз подталкивали нас на преждевременное выступление.

Член нашей тройки, корниловский подпоручик Альтов-Артамонов неоднократно подстрекал нас к преждевременным разоблачениям, из которых мог бы выйти просто пшик. Несколько неприятных споров, когда Альтов, продолжая действовать в Лионском отделении НТСНП в роли агента «Вн. линии», настаивал на оглашении писем Закржевского, обострили наши с ним отношения. Понимая его стремления и цели стоящих за ним, мы решили не исключать его из НТСНП — до поры до времени. Но отвели его от управления половиной Лионского района, поставив на его место Глеба Бабикова, верного человека, преданного члена НТСНП. Исчерпав свои возможности и не добившись нужного «Линии» результата. Альтов к 1937 году сам отошел от НТСНП. В дальнейшем он вел злостную кампанию против НТСНП и особенно против Рончевского, исполняя приказы

начальника корниловцев в Лионе, полковника Киреева.

* * *

Все больше и острее ощущал Миллер пустоту вокруг себя. Не на кого было опереться. Замкнувшись в себе, он не пытался найти честных и верных. А их было много…

Похищение Е. К. Миллера

В начале июля 1937 года в Париж приехал заместитель начальника ИНО НКВД Шпигельгласс. Встретившись с Кривицким в ресторане на бульваре Монпарнас, Шпигельгласс поведал ему, что прибыл сюда с миссией величайшей важности.

Поделившись московскими новостями и рассказав о деле «изменника» Тухачевского, Шпигельгласс приоткрыл важную тайну: собрания антисоветского кружка А. И. Гучкова в Париже посещал их агент, доносивший ГПУ о деятельности этого кружка и его связях с РОВСом. Имени осведомителя Шпигельгласс не назвал.

Два агента, позаимствованных у Кривицкого на роли немецких офицеров, поступили в распоряжение Шпигельгласса.

* * *

18 и 19 сентября 1937 года корниловцы торжественно праздновали 20-летие своего полка. После молебна в храме на рю Дарю, с выносом полкового знамени, в зале собрания Союза Галлиполийцев на рю де ля Фезандери состоялся юбилейный банкет. Присутствовали многие генералы, общественные и политические деятели, представители печати.

Генералы Миллер и Деникин произнесли приветственные речи, прославлявшие подвиги доблестных корниловцев. Подчеркивая свое уважение к вождям Белого движения, им в высокопарных тонах отвечал Скоблин. Пела патриотические песни Плевицкая. Банкет удался на славу. Гости и хозяева расходились в приподнятом настроении.

* * *

Около 9 часов утра 22 сентября 1937 года Е. К. Миллер вышел из своей квартиры в Булонь-сюр-Сен. Внешне он был спокоен. Никто из семьи не заметил на его лице следов тревоги или озабоченности. Уходя, сказал, что заедет на Восточный вокзал, чтобы купить железнодорожные плацкарты для невестки Ольги. Васильевны и внучки, собиравшихся домой в Белград. Как обычно, никого из своих домашних он не посвятил в распорядок своего делового дня.

Несколько позже, чем обычно, Е. К. Миллер появился в

управлении РОВСа на рю дю Колизе. Было около 11 часов, когда он, зайдя в кабинет генерала Кусонского, сказал ему, что еще до завтрака хотел бы поговорить с ним. В начале первого Миллер пригласил к себе Кусонского и сказал:

— У меня сегодня много беготни. Сейчас я должен ехать на свидание и на завтрак. Может быть, после этого я вернусь в управление. Не сочтите меня, Павел Алексеевич, за сумасшедшего. Но я оставлю на всякий случай записку, которую прошу не вскрывать.

— За сумасшедшего вас не считаю. Записку, конечно, не вскрою и завтра утром верну вам ее нераспечатанной, — ответил Кусонский.

В четверть первого Миллер вышел из управления, не оставив на столе бумаг, что он обычно делал, когда рассчитывал вернуться после завтрака. Было тепло, и генерал оставил в канцелярии габардиновое пальто. Не взял с собой портфеля и бумажника, в котором были железнодорожные плацкарты и немного денег.

К тревожным словам своего начальника Кусонский отнесся безучастно. Вернувшись в свой кабинет, он положил записку в «наиболее верное место», никому о ней ничего не сказав. Занимался делами до 2 часов 45 минут дня, после чего отправился домой на завтрак. Будучи дома, не осведомился, вернулся ли глава РОВСа в управление.

Настал вечер. К 8 часам в помещение РОВСа стали приходить члены Общества Северян, соратники Е. К. Миллера по Гражданской войне на Севере России. На их собрании должен был присутствовать и Е. К. Миллер. Необычная задержка пунктуального главы РОВСа побудила служащего управления поручика В. В. Асмолова протелефонировать на его квартиру. Обеспокоенная Н. Н. Миллер ответила, что в течение всего дня мужа она не видела; не приехал он к обеду и, вопреки своему правилу, не известил ее о задержке заблаговременно.

В 9 часов Н. Н. Миллер позвонила Асмолову и просила его известить полицию. Встревоженный Асмолов в 9 часов 15 минут отправил уборщика помещений РОВСа И. Н. Попова с запиской к Кусонскому. Около половины одиннадцатого Попов вручил записку Кусонскому. Тем временем Асмолов по телефону узнал что Миллера не видели и в Галлиполийском собрании. Едва он кончил разговор, как раздался звонок от адмирала Кедрова, узнавшего от Н. Н. Миллер о безвестном отсутствии ее мужа. Асмолов рассказал Кедрову, что знал, и сообщил, что Кусонский направляется в канцелярию РОВСа. Адмирал решил также немедля приехать на рю дю Колизе.

Кусонский появился в канцелярии около 11 часов. Пройдя в свой кабинет, он открыл ящик стола и извлек из него записку генерала Миллера. Вскрыв конверт, Кусонский прочитал:

«У меня сегодня в 12. 30 час. дня рандеву с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он должен везти меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в Прибалтийских странах — полковником Штроманом, и с г. Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку. Генерал Е. Миллер. 22 сентября 1937 г.»

Закончив чтение записки, Кусонский пометил, как на ней, так и на конверте: «Вскрыт 22.9. в 23 часа». Решил послать за Скоблиным. Пять минут спустя в кабинет быстрым шагом вошел адмирал Кедров.

— В чем дело, что случилось?

— Прочтите, — ответил Кусонский, протягивая записку без вести пропавшего. Чем больше читал Кедров, тем большее изумление было у него на лице. Возмущенный столь поздним вскрытием записки, адмирал даже не знал, что сказать ближайшему сотруднику Миллера по поводу его непростительной «оплошности».

Сперва Кедров и Кусонский решили известить полицию. Но затем усомнились в правильности такого решения: «А что, если генерал Миллер лежит где-нибудь за городом раненый в автомобильной катастрофе и не имеет возможности дать знать? Ведь Скоблин должен знать об этом свидании и может дать нам необходимые указания».

Нести записку в полицию, тем подтверждая наветы французской левой печати о связях РОВСа с гитлеровской Германией, показалось им излишней и опасной поспешностью: «Прошло и так около 12 часов со времени ухода генерала Миллера. Потеряем еще час». И решили послать за Скоблиным, но не знали, где он находился.

Тем временем адъютант Корниловского полка штабс-капитан Григуль сообщил полковнику Мацылеву об исчезновении Миллера. От него же Мацылев узнал, что Скоблины заночевали в отеле «Пакс», дом № 145 на авеню Виктор Гюго.

Заподозрив неладное, Мацылев позвонил Кусонскому в управление РОВСа и предложил свою помощь. Кусонский согласился. Около половины первого Мацылев приехал на рю дю Колизе, где застал, помимо Кусонского, чету Кедровых. По их встревоженным лицам Мацылев заключил, что хороших вестей нет. Узнав, что Кусонский и Кедров поджидали возвращения

С. С. Зилоти и В. В. Асмолова, посланных в Озуар, Мацылев сказал:

— Не ищите Скоблина в Озуар. Он с женой в отеле «Пакс».

— Сергей Александрович, немедленно съездите туда, разбудите Скоблина и привезите его сюда, — приказал Кедров.

О записке Миллера Мацылев еще не знал. Сев в первое попавшееся такси, он помчался в отель «Пакс». Постучал в дверь номера.

— Кто там? — раздался недовольный голос Скоблина.

— Это Мацылев. Я приехал с рю дю Колизе. Адмирал Кедров приказал вам немедленно прибыть в управление. Исчез генерал Миллер.

— Обождите меня внизу. Оденусь и выйду.

Пять минут спустя Скоблин, в коричневом костюме, без шляпы, с черным переброшенным на руку пальто, присоединился к Мацылеву.

На пути в управление Мацылев рассказал, что ему известно о пропаже Миллера. Скоблин спокойно слушал. Только отрывочно, с оттенком удивления, спрашивал о подробностях.

Приехали в управление. Поднялись по темной лестнице и вошли: первым Скоблин, за ним Мацылев. Пройдя в кабинет Кусонского, Скоблин закрыл за собой дверь. Мацылев остался в передней комнате с О. С. Кедровой.

Поздоровавшись, Скоблин спросил:

— Что случилось?

— Видите ли, Николай Владимирович, мы обеспокоены отсутствием известий о генерале Миллере. Он исчез бесследно. Но, прежде чем идти в полицию, мы хотели бы выяснить, что вы знаете о нем. Когда вы сегодня видели генерала Миллера?

— Сегодня я генерала Миллера не видел. Видел его вчера, когда заходил в управление.

— А нам известно, что сегодня у вас было с ним свидание.

— Ничего подобного, никакого свидания не было.

— Но нам известно даже время и место свидания, половина первого, угол Жасмен и Раффе.

— Ничего подобного. Не знаю таких улиц… Жасмен? Раффе? В половине первого… позвольте… где я был в это время?.. Ага, в половине первого мы с женой завтракали в ресторане Сердечного… А потом, в 4 часа с Трошиным поехали благодарить генерала Деникина за внимание к корниловцам. В 5 часов заехали к генералу Миллеру.

— Подумайте хорошенько. Вспомните, — повысив голос, продолжал Кедров. — Мы знаем, что у вас было свидание с генералом Миллером в 12 часов 30 минут дня на углу Жасмен и

Раффе.

— Ничего подобного! Я с ним не виделся.

— Ну, тогда поедем в полицию и известим ее об исчезновении Евгения Карловича.

Скоблин не возражал. Вместе с Кедровым он вышел из кабинета Кусонского. За ними, надевая на ходу пальто, последовал Кусонский.

— Сергей Александрович, — обратился Кедров к Мацылеву, — сейчас мы все поедем в ближайший комиссариат полиции и заявим об исчезновении генерала Миллера.

— Михаил Александрович, — позвал Кедрова Кусонский, — можно вас на минуточку? — И увлек адмирала обратно в кабинет, словно желая поделиться впечатлениями о разговоре со Скоблиным.

В этот миг Скоблин быстрыми шагами направился к выходной двери, открыл ее, сбежал по лестнице и вышел на улицу.

Спустившиеся за ним Кедров, Кусонский и Мацылев вышли тоже на улицу. Скоблина и след простыл.

— Он бежал! — Взволнованно воскликнул Кедров. Часы показывали 2 часа 15 минут.

* * *

Мацылев недоумевал. Но тотчас понял, что Кедров и Кусонский что-то знают:

— Ваше превосходительство, если мне верите, скажите, в чем дело?

— Да, вы правы, — ответил Кедров. — Вы должны знать тоже.

Кусонский вынул из бумажника записку Миллера и дал ее Мацылеву. При свете уличного фонаря Мацылев внимательно прочитал записку. Впервые у него в голове мелькнуло подозрение против Скоблина.

— Поедем в «Пакс». Вероятно, Скоблин там, — предложил Мацылев.

Сев в такси, втроем помчались на авеню Виктор Гюго. Мацылев один вошел в отель. Постучал в дверь Скоблиных и распахнул ее. В номере тускло светила электрическая лампочка, на кровати лежала полуодетая, бледная, взволнованная Плевицкая.

— Что случилось? Где Коля? Где Евгений Карлович? Вы должны мне все сказать! Вы увезли моего мужа? Что вы с ним сделали?

— Успокойтесь, я хочу сказать…

— Вы его в чем-то подозреваете? Скажите мне, ведь он человек самолюбивый, он может застрелиться, — истерически взвизгивала Плевицкая.

— Надежда Васильевна, я приехал к вам потому, что надеялся застать его здесь. Неожиданно для нас, он выбежал из управления и куда-то исчез. Ничего больше сказать не могу, не знаю. Я спешу. Внизу в такси меня ожидают Кедров и Кусонский. Мы едем в полицию, чтобы заявить об исчезновении генерала Миллера. До свидания!

Окончательно убедившись в бегстве Скоблина, Кедров, Кусонский и Мацылев отправились в полицейский комиссариат, что на углу рю де ля Помп и авеню Анри Мартен. Полусонным и недоумевавшим полицейским заявили о безвестном отсутствии генерала. Часы показывали 3 часа 15 минут 23 сентября.

Вспомнили об автомобиле Скоблина. Выйдя из комиссариата, съездили в гараж на рю Лоншан. Автомобиль с табличкой 1988 ОУ5 оказался на месте. Гаражист сказал, что Скоблин не приходил.

* * *

Ускользнув из управления РОВСа, Скоблин поспешил в гараж на рю Першинг, вблизи от Порт де Терн. Здесь по ночам работал полковник Воробьев, женатый на его сестре. Но в эту ночь Воробьев отдыхал дома, вдалеке от гаража. Узнав об этом от работавшего в гараже француза, он был озадачен. Оставив в отеле свой бумажник, Скоблин оказался без денег. Вернуться в «Пакс» он не рискнул. Вспомнил, что поблизости, в Нёйи, в доме № 27 на рю де Вилье, находится небольшой книжный магазин «Кама», принадлежащий корниловцу капитану Кривошееву. Он бросился туда.

Осторожно, но настойчиво, Скоблин постучал в окно магазина. Проснувшись и не зажигая света, Мария Кривошеева вышла из спальни в магазин и выглянула на улицу.

— Кто там?

— Можно видеть господина Кривошеева?

— А это вы, Николай Владимирович?

— Да, это я. Где ваш муж?

— Он работает в городе. А который час?

— Около трех.

— Тогда вы найдете его около метро Ришелье-Друо. Там он продает газеты.

— Можно попросить у вас стакан воды?

— Пожалуйста, прошу вас. — И пригласила Скоблина войти в магазин.

— Знаете, у меня большая неприятность. Потерял бумажник. Совершенно без денег. Хотел бы попросить у вашего мужа сто франков.

Кривошеева принесла ему воды. Скоблин жадными глотками осушил стакан.

— Николай Владимирович, может быть, вам нужно больше?

— Если можете дать двести, то дайте. Верну вам завтра вечером.

— Вот двести франков. И не беспокойтесь об отдаче. Мы можем подождать.

— Спасибо большое. Простите за столь поздний визит и беспокойство.

Прощаясь, поцеловал руку Кривошеевой. Вышел из магазина и быстрыми шагами удалился в сторону бульвара Бино. Растаяв в ночной темноте, он исчез навсегда. Полиция нигде не обнаружила его следов.

Спешно покинули Францию Шпигельгласс, Штроман и Вернер.

Неудавшееся алиби

В 5 часов 15 минут утра 23 сентября полицейские инспекторы Брентен и Альберти приехали в «Пакс» и допросили Плевицкую. Французским языком она не владела, и ее показания переводил Мацылев. Она сразу же уточнила, что в роковой для Миллера час она с мужем завтракала в русском ресторане Сердечного, в доме № 64 на рю Лоншан. Затем муж отвез ее в модный дом «Каролина», где она заказала платья. Тем временем муж ожидал ее на улице, сидя в автомобиле. Закончив дела в «Каролине», они отправились на Северный вокзал провожать друзей, уезжавших в Брюссель.

Брентен и Альберти привезли Плевицкую к комиссару судебной полиции Андре Рошу. В свою очередь Рош допросил Плевицкую. Твердо и уверенно она отмечала время: она и муж вышли из отеля «Пакс» в 12 часов; в 12 часов 20 минут Скоблин пришел в гараж в доме № 125 на рю Лоншан и взял свой автомобиль; в 12 часов 25 минут они приехали в ресторан Сердечного, вышли из него в 12 часов 50 минут, приехали в модный дом в 12 часов 55 минут, вышли из него в 13 часов 35 минут и в 14 часов прибыли на Северный вокзал.

Рош немедленно проверил показания Плевицкой. Хозяин отеля «Пакс» Буайе показал, что Скоблины вышли из своего пятого номера в 11 часов. Служащий гаража сказал, что Скоблин взял свою машину в 11 часов 20 минут. Лакей ресторана Сердечного Зереньян, официантка Новак и судомойка Леонард в один голос утверждали, что Скоблины появились 22 сентября около 11 часов 25 минут. Вопреки обыкновению, они не заняли мест за столиком, а присели к бару и заказали два сандвича с икрой. Было видно, что они торопились, и в 11 часов 50 минут покинули ресторан.

Владелец модного дома «Каролина» Эпштейн показал, что Плевицкая пришла одна в 11 часов 55 минут. Она сказала, что муж ожидает ее на улице в автомобиле. Эпштейн предложил ей пригласить Скоблина в магазин, но Плевицкая ответила, что это не нужно, зашла она всего на несколько минут. Ушла она, однако, в 13 часов 30 минут, заказав платьев на 2700 франков и вручив Эпштейну 900 франков задатка. Пять минут спустя после ее ухода в «Каролину» поднялся Скоблин.

Полиции стало ясно, что на вокзал они прибыли раздельно: Плевицкая приехала на такси и вышла на перрон Северного вокзала на пять минут раньше запоздавшего Скоблина.

Итак, между 11 часами 55 минутами и 13 часами 35

минутами обнаружились один час сорок минут — время, вполне достаточное для доставки генерала Миллера в руки «немцев».

Сличив показания Плевицкой с показаниями свидетелей, полиция убедилась в наличии тщательно подготовленного Скоблиными алиби.

К подготовке алиби Скоблин приступил уже в понедельник 20 сентября. В этот день он уговорил дочь генерала Корнилова Наталью Лавровну Шапрон, приезжавшую в Париж на празднование 20-летия полка, вернуться в Брюссель 22 сентября поездом, отходившим в 14 часов 15 минут. Тем самым его присутствие на вокзале в момент исчезновения Миллера должно было отвести от него какое бы то ни было подозрение.

* * *

После первого допроса у комиссара Роша Плевицкая покинула отель «Пакс». Пришла в собрание Общества Галлиполийцев. Коротко поговорила с адъютантом Скоблина П. Я. Григулем и ушла, сказав, что возвращается в «Пакс».

Но в отель она не вернулась. Потрясенная событием, она металась по Парижу в поисках выхода из положения. Словно магнитом, тянуло ее в Сен-Клу, кого-то видела там, а, может быть, и не видела…

Потеряв обычное самообладание, постаревшая, в слезах, она посетила своего врача, доктора Чекунова. Рассказала о пропаже двух генералов и просила помочь ей. Жена Чекунова позвонила по телефону инженеру Леониду Райгородскому, дружески расположенному к Плевицкой. Она привезла заплаканную Плевицкую к дому в Отёй, где жили Райгородские. Узнав, в чем дело, Райгородский приютил Плевицкую на ночлег в своей квартире.

* * *

Райгородский и проживавший в Берлине состоятельный М. Я. Эйтингтон были женаты на сестрах. Оба были поклонниками таланта Плевицкой. А у Эйтингтона с Плевицкой были какие-то особые отношения нелюбовного свойства. В 1930 году, после похищения генерала Кутепова, в издательстве «Таир» вышла книжка Плевицкой «Мой путь с песней» с трогательной надписью: «Нежно любимому другу М. Я. Эйтингтон посвящаю».

* * *

Утром 24 сентября Райгородский усадил Плевицкую в свой автомобиль. Подъехали к церкви в Отёй. Остановились. Плевицкая вышла из автомобиля. К ней подошли двое неизвестных. Завязался вполголоса короткий разговор. Под конец Райгородский услышал мужской голос:

— Не волнуйтесь, Надежда Васильевна. Все будет хорошо. А Россия вам этого не забудет.

Узнавши из газет об исчезновении генералов, далекий от политики Райгородский не на шутку испугался. Не желая быть втянутым в это дело, о свидании у церкви в Отёй он полиции не сообщил и отвез Плевицкую в собрание Общества Галлиполийцев[94].

* * *

В доме на рю де ля Фезандери консьержем служил П. Я. Григуль. Войдя в его комнату, Плевицкая бросилась ему на шею и рыдая повторяла:

— Коля пропал, Коля пропал, не знаю, где он…

— Успокойтесь, Надежда Васильевна. Ведь дело идет о жизни генерала Миллера и чести вашего мужа. А вы где-то пропадали целую ночь.

— Объявите в газетах, что я никуда не убегала. Всю ночь блуждала по городу.

Григуль поднялся наверх в собрание, позвонил в полицию. Прибывшие в автомобиле двое полицейских предложили Плевицкой ехать в комиссариат.

— Петр Яковлевич, не оставляйте меня одну, проводите туда, — умоляющим голосом лепетала Плевицкая.

Полицейские не возражали. К Григулю присоединились сестра Скоблина и ее муж, полковник Воробьев. Плевицкая умоляла, чтобы ее сопровождала и дочь Григуля Любовь, ученица коммерческой школы. Узнав, что Люба может быть отличной переводчицей, полицейские охотно согласились.

Но Люба была нужна Плевицкой не только как переводчица. Во время допроса, когда следователи то подходили к телефону, то рылись в бумагах, то выходили в соседнюю комнату, Плевицкая улучила удобный момент и сказала девушке:

— Слушай, Люба, моя сумка полна вещей, едва, едва закрывается. Можешь ли ты переложить к себе кое-что?

Ничего не подозревая, юная Люба положила в свою сумку

фотографии Плевицкой, с надписью на одной из них, «Любимому до гроба мужу», ключ от номера отеля «Пакс» и красновато-коричневый бумажник с небольшой записной книжкой «ажанда». Взяла и позабыла. И лишь собираясь 27 сентября на международную выставку, Люба обнаружила эти предметы и рассказала отцу о происшествии в кабинете следователя.

Обеспокоенный Григуль рассмотрел их. Узнал не раз виданную записную книжку Скоблина. Отправился в комиссариат и вручил вещи следственным властям.

* * *

Полицейский комиссар Рош еще раз тщательно и подробно допросил Плевицкую. Нового она ничего не прибавила. После допроса ее посадили в женскую тюрьму Петит Рокет, что рядом с известным всему миру кладбищем Пер-Лашез. При аресте у нее обнаружили 50 английских фунтов и 7 тысяч франков.

Подводя итоги, Рош писал в своем рапорте:

«Если бы часы, указанные мадам Скоблиной, были проверены не сразу же на следующий день, а спустя несколько недель после похищения, то свидетели не могли бы показать столь точно… не будь письма, оставленного генералом Миллером, представленное алиби оказалось бы неоспоримым, и в отношении Скоблиных нельзя было бы высказать какое бы то ни было подозрение».

* * *

Предав своего начальника в руки врага, Скоблин заметал следы преступления. В сопровождении своих ближайших помощников, подполковника Трошина и штабс-капитана Григуля, он отправился в Севр к генералу Деникину. В 4 часа они появились в квартире Деникиных.

— Ваше превосходительство, разрешите от имени корниловцев покорнейше благодарить вас за то, что вы посетили наш праздник. Все мы были так рады, а ваши слова о беспримерной доблести полка растрогали всех корниловцев до глубины души…

— Встречам со славными корниловцами я всегда рад, — отвечал Антон Иванович.

— Ваше превосходительство, очень прошу вас принять участие в праздновании юбилея моей группой в Брюсселе. Ваше присутствие будет так приятно нашим брюссельцам.

Деникин был удивлен неожиданным приглашением. Ведь Скоблин мог пригласить его и раньше, за столом банкета. Деникин уклонился от приглашения и учтиво благодарил за честь.

Скоблин настаивал:

— Если хотите, мы завтра же утром выедем на автомобиле в Брюссель. — И, запнувшись, добавил, — а генерал Миллер с нами не поедет.

— Деникин благодарил еще раз, но ехать не пожелал.

Час спустя Скоблин, Трошин и Григуль посетили квартиру генерала Миллера в Булони. Ехать к Миллеру Скоблин не хотел, но уступил настояниям своих спутников. Как-никак, а благодарить Миллера следовало, хочешь — не хочешь, но нанести визит было нужно. Тем больше подтверждалось бы и хитроумное алиби.

— Николай Владимирович, Евгения Карловича дома нет, — сказала ничего не подозревавшая Наталия Николаевна.

— Очень жаль. А мы приехали поблагодарить Евгения Карловича за все добрые слова, сказанные нашим корниловцам. Это было так мило с его стороны. Пожалуйста, передайте ему нашу сердечную благодарность.

Скоблин, человек редкостной выдержки, внешне был спокоен. Ничто не выдавало его свидания с Миллером на углу Жасмен и Раффе. Он спросил невестку Миллеров:

— Ольга Васильевна, вы действительно уезжаете в Белград?

— Да. Вчера Евгений Карлович купил мне и моей девочке билеты, а сегодня должен привезти плацкарты.

Скоблин отвел глаза в сторону, взглянув на кресло, в котором не раз сиживал генерал Миллер.

Но это мимолетное беспокойство тотчас же уступило место его обычному самообладанию. Прощаясь, он пожелал ей счастливого пути.

* * *

Переступив порог тюремной одиночки, Плевицкая подошла к койке и бессильно опустилась на твердое ложе. Забылась тяжелым сном. А наутро встала полная решимости бороться. Вспомнила об адвокате М. М. Филоненко, выигравшем процесс против страховой компании после автомобильной катастрофы в Венсенском лесу. И написала ему отчаянное письмо, умоляя взять на себя защиту ее в суде.

Филоненко согласился, но сразу же спросил:

— Прежде чем взяться за ваше дело, я должен знать всю правду. Иначе я не могу вас защищать. Скажите все что знаете.

— Клянусь вам, я ничего не знала и не знаю, — трижды перекрестившись ответила Плевицкая.

* * *

1 октября во Дворце Правосудия Плевицкую подвергли суровому допросу. Следователь Марша пригласил в свой кабинет жену сына генерала Миллера. Встреча с Плевицкой была волнующей и драматичной.

— Вы знаете, что случилось. Вы должны помочь найти наших мужей, — сказала взволнованная Н. Н. Миллер.

— Нет, я ничего не знаю. Я ни в чем не повинна, — со слезами на глазах отвечала Плевицкая.

— Скажите всю правду, все, что знаете!

— Я ничего не знаю. Как вы могли этому поверить?

— Где вы провели весь день 23 сентября? — вмешался Марша.

— Сама не знаю. Ходила по всему городу, была в Булонском лесу, в Сен-Клу. Мне все чудилось, что встречу мужа.

— Почему же вы не пришли к мадам Миллер, в семью, с которой были так близки?

— Не знаю. Об этом совсем не думала.

— Где вы завтракали и обедали в тот день?

— Я не ела весь день. Была в кафе на площади Жанны д'Арк около Тюйлерийского сада. Надеялась, что сюда придет мой муж, здесь мы бывали часто.

— Были ли у вашего мужа деньги, когда он уходил из отеля «Пакс»?

— Нет, у него ничего не было. Уходя с Мацылевым, он оставил в отеле бумажник со всеми нашими деньгами.

Марша вынул записную книжку Скоблина. При виде этой нежданно появившейся книжки Плевицкая смутилась. Впившись в нее глазами, с тревогой ожидала вопроса.

Наряду с пустяковыми записями, на страничке с датой 22 сентября, рукой Скоблина было записано: «Передать Е. К. о свидании в 12 ч. 30 м. — 12 час. Поговорим». На этой же страничке таинственные знаки: «3 П 67 гри».

— Что это значит? — впившись глазами в Плевицкую, спросил Марша.

— Ничего не знаю, ничего не понимаю, — отвечала, тяжело дыша, взволнованная Плевицкая.

— Итак, — продолжал следователь, — все ясно. Ваш муж заманил генерала Миллера на свидание. Он — виновник. А вы — сообщница. На какие деньги жили вы и ваш муж?

— Я давала концерты, хорошо зарабатывала, особенно в турне по Прибалтике, в Финляндии, на Балканах.

— Но мы знаем, что вы жили выше ваших средств.

— Нет, нет. А когда нам не хватало денег, мой друг Эйтингтон выручал нас. Он — богатый человек, присылал нам деньги из Берлина. А сколько, точно не помню. Это знал мой муж, он вел наши денежные дела.

Марша перелистал книжку Скоблина. На одной из страничек было записано:

«Особо секретным денежным письмом. Шифр: пользоваться Евангелием от Иоанна, глава XI. Числитель обозначает стих, знаменатель букву. При химическом способе: двухпроцентный раствор серной кислоты. Писать между строк белым пером. Проявлять утюгом. Письмо зашифровывается: милостивый государь без многоуважаемый».

Разоблачение «Внутренней линии»

Весть о похищении генерала Миллера застала меня в Тамарис-сюр-Мэр, уютном городке Французской Ривьеры. Я поспешил вернуться в Лион. Рончевский и я были единодушного мнения — дольше терпеть преступные дела «Внутренней линии» было нельзя. Мы знали, что обезглавленный РОВС не был в состоянии разоблачить «Вн. линию». В ближайшем окружении похищенного Миллера не было ни одного генерала, понимавшего необходимость тщательного расследования ее темных дел. На рю дю Колизе не было ни Стогова, ни Эрдели. На пути к полному захвату РОВСа оставалась одинокая фигура честного Витковского, о «Вн. линии» ничего не знавшего. За долгие годы кропотливой работы «Организация» Шатилова пропитала своей агентурой ткань РОВСа, стала его нервной системой. Вовлеченные в нее честные офицеры постепенно свыклись со своей двойной ролью «глаз и ушей РОВСа». Шатиловский «орден» свято хранил свои тайны под лозунгом, распространенным на весь РОВС: «сора из избы не выносить». И даже при Миллере не весь сор дела Линицкого — Коморовского был вынесен из избы РОВСа: циркуляр, подписанный Кусонским, обелял Коморовского — вопреки ясным заключениям комиссии Трегубова.

Традиционно понимаемые в РОВСе понятия о воинской чести и добром имени организации не способствовали раскрытию дел «Вн. линии». Даже благонамеренные начальники были склонны скрывать и затушевывать неблаговидные дела.

К тому же речь шла не только о РОВСе, но и об интересах организаций, в которые проникли щупальца незримых «объединителей».

Наше мнение о необходимости публичного разоблачения «Вн. линии» было поддержано центром НТСНП в Белграде и Центральным Правлением Отдела во Франции. По вечерам, перечитывая письма Закржевского и «Идеологию», мы составляли доклад «Внутренняя линия». Тем временем Парижское отделение НТСНП готовилось к открытому собранию на тему: «О методах и целях большевистской провокации в эмиграции».

9 октября в набитом до отказа зале Социального Музея на рю Лас-Кас Николай Степанович Мельников огласил декларацию Центрального Правления Отдела:

> «Вся русская эмиграция взволнована сейчас исчезновением генерала Е. К. Миллера. Наш Союз в лице Председателя РОВСа потерял доброго друга, лично

относившегося к нам с неизменной и глубокой симпатией. Этот удар, нанесенный большевиками РОВСу, фактически нанесен всей национальной эмиграции, ибо основным мотивом преступления несомненно являлось желание большевиков провести на руководящие посты РОВСа людей, тесно связанных с конспиративной организацией, именуемой „Внутренняя линия“. На пути осуществления этого плана стоял генерал Миллер, которого надо было заменить своим человеком».

Цель же «Внутренней линии» заключалась:

«1) в насыщении своими агентами всех национальных русских организаций в эмиграции,

2) в объединении этих организаций под единым руководством и контролем „Внутренней линии“, которая к этому времени должна была занять все командные посты в РОВСе и использовать его доблестный флаг,

3) в полной изоляции и дискредитировании НТСНП, как организации, ускользнувшей от ее контроля и ведущей самостоятельную непримиримую и решительную борьбу с поработителями России.

До сего времени мы не вскрывали публично эту организацию, считая, что такое вскрытие может быть принято как интрига и клевета против самого РОВСа. Но о существовании и подрывной и подозрительной работе „Внутренней линии“ мы своевременно сообщали ответственным руководителям РОВСа и других организаций. Предавая гласности часть имеющихся у нас данных, мы настойчиво подчеркиваем, что большинство рядовых сотрудников в этой „Внутренней линии“ — честные и порядочные люди, поверившие своим руководителям — людям с именами и боевыми заслугами в прошлом.

Цель нашего собрания: 1) Рассказать эмиграции о методах и работе „Вн. линии“ у нас в НТСНП; 2) Заставить всех честных и обманутых членов „Вн. линии“ подумать над своей работой, честно сознаться в своих заблуждениях и тем самым вскрыть до конца эту преступную работу (3-го „Треста“)…»

Затем председатель собрания Серафим Павлович Рождественский предоставил слово Игорю Алексеевичу Брянскому, прочитавшему доклад «О провокации». Брянский

отметил наличие развитой сети агентов-информаторов НКВД, приносящих большевикам большую пользу. НКВД очень хорошо осведомлен о происходящем в эмиграции. Но информация сама по себе недостаточна для пресечения ее антикоммунистической деятельности. Лучшее и наиболее надежное средство — провокация. И если агентом-информатором может быть кто угодно, то провокатор должен быть умным, ловким и тонким комбинатором, прекрасно владеющим собой, подходящим к среде, в которой работает. И чем больше его личный авторитет, тем успешнее и его работа.

Провокация может быть идеологической, тактической и технической. Но это разделение — условно. На практике все три способа взаимно переплетаются и друг друга дополняют.

Брянский привел наиболее яркие примеры провокационной деятельности ОГПУ и НКВД: первый «Трест» с его добротно выглядевшими Якушевым-Федоровым и генералом Потаповым; второй «Трест» с бывшими царскими офицерами полковниками Поповым и де Роберти; «вторая советская партия» младороссов, осененная знаменем монархии и получившая благословение от зарубежного «императора» Кирилла Владимировича.

Перейдя к «Внутренней линии», он представил аудитории схему пирамидальной тайной организации, построенной на основах строжайшей дисциплины, иерархичности и слепой веры в руководителей. Для такой организации офицеры РОВСа — лучший человеческий материал. Впрочем, «Внутренняя линия» вербовала агентов также в среде иных организаций, в том числе и в НТСНП.

Настал момент и для моего доклада. Поднимаясь на трибуну, я, естественно, волновался, ибо отдавал себе отчет в важности моего разоблачительного доклада и его далеко идущих последствий. Но это был только миг. Опираясь на факты и документы, я обрисовал положение в эмиграции и тот интерес, который к ней проявляла советская власть. Для успеха провокации НКВД было необходимо завербовать видных белых генералов и при их посредстве создать тайную организацию, отвечавшую его стремлениям управлять эмиграцией.

Шаг за шагом я описал известные нам тогда обстоятельства возникновения «Вн. линии» и ту часть ее деятельности, которая попала в поле нашего зрения. Приводя откровения Закржевского, я подчеркнул, что «Организация» мнила себя стоящей над РОВСом и НТСНП, что она ускользала от генерала Миллера, что у нее был свой возглавленный генералом Шатиловым таинственный «Центр», стремившийся объединить под своей эгидой все активные национальные организации. При имени

Шатилова по залу пробежало заметное волнение. Аудитория внимательно слушала. Изредка члены «линейского» кружка «Белая Идея», во главе с В. А. Ларионовым, подавали не слишком громкие реплики: «Чепуха! Ложь!», не находившие отклика в напряженно слушавшей аудитории.

Я рассказал о попытке «Вн. линии» захватить в свои руки закрытую работу группы НТСНП в порту Марселя, снабжавшей советских моряков пропагандной литературой. Именно тогда, из письма Закржевского от 12 октября 1933 года, нам впервые стало известно участие Скоблина в деятельности «Вн. линии». Позже мы узнали, что он был одним из ее возглавителей. Отсюда и убедительное доказательство ее порочности и опасности для эмиграции.

Я отметил исключительную важность записки генерала Миллера, сорвавшей маску с лица предателя и провокатора. Не будь ее, Скоблин оттеснил бы генерала Витковского и в легальном порядке стал бы начальником 1-го Отдела РОВСа. Прославлявшийся как молодой, энергичный и боевой генерал, он приобрел бы в эмиграции огромный вес и большой авторитет…

Закончил я призывом председателя НТСНП В. М. Байдалакова: «„Внутреннюю линию“ выжигать каленым железом!»

* * *

Русское Зарубежье было глубоко взволновано. В газетах появились отчеты о собрании. «Возрождение» и газета организации Туркула воспроизвели мой доклад точно. Но этого нельзя было сказать о «Последних Новостях» П. Н. Милюкова. Репортер этой газеты Н. Вакар исказил ряд положений доклада и вообще стремился вызвать скептицизм у читателей, утверждая, что доклад «был полон инсинуаций». Он назвал В. М. Левитского одним из руководителей «Вн. линии», тем извратив мой доклад. Увы, редакция «Последних Новостей», враждебно настроенная против НТСНП, не понимала, что в данный момент, к удовольствию НКВД, она невольно лила воду на большевистскую мельницу.

«Внутренняя линия» обороняется

В Лионе доклад «Внутренняя линия» прочитал Р. П. Рончевский. Местные «линейцы» возбуждали здешнюю русскую колонию и особенно чинов РОВСа против НТСНП. В городах французской провинции группы НТСНП устраивали открытые собрания, тысячи эмигрантов прослушали наш доклад о «линии». На собрании в Туркуане в прениях выступил деятель местной русской колонии Семперович. Он подтвердил правоту НТСНП, рассказав, что, будучи чином «Вн. линии», по приказу Шатилова вступил в НТСНП и на втором съезде национальных группировок представлял русскую колонию Туркуана.

Но такие признания отнюдь не были частыми. Встревоженные разоблачениями, чины «Вн. линии» сомкнули ряды и, прикрываясь своей принадлежностью к РОВСу, защищали свою «Организацию», настраивая всех кого возможно против НТСНП.

* * *

Во второй половине октября я читал доклад в Виши, Валянс и Марселе. В Виши местный очаг «второй советской партии» младороссов поднялся на защиту «Вн. линии». Неоднократно прерывая доклад шумными возгласами, младороссы пытались сорвать собрание. Председатель местной группы Союза Дексбах едва справился с беспорядком в зале. Всё же доклад был полностью оглашен, его приветствовали те, кто понимал важность борьбы с большевистской провокацией.

Доклад в небольшой русской колонии в Валянс, где не было просоветских организаций, был выслушан благожелательно. Аудитория благодарила и тепло провожала меня до квартиры Б. Дубровина, руководителя местной группы НТСНП.

На следующее утро, 31 октября, ранним поездом я выехал из Валянс в Марсель, где была многочисленная русская колония. Встретивший меня на вокзале В. Ф. Сметанин с тревогой в голосе сообщил:

— Из разных источников дошли сведения о готовящейся против нас демонстрации. Младороссы, заодно с возвращенцами, намерены сорвать собрание. В среде местной группы РОВСа настроение скорее враждебное. А нас, вместе с приехавшими из Тулона членами Союза, слишком мало для охраны порядка в зале. Не лучше ли отменить собрание?

— Нет, Василий Федорович. Отменить никак нельзя. Тем

лучше, что к младороссам присоединяются возвращенцы. Даже если и сорвут собрание, то всем будет ясно, какие силы защищают «Внутреннюю линию».

Посовещавшись, мы решили наиболее удобно разместить свои силы в зале и предупредили полицию о возможности кулачного побоища.

Едва я начал доклад, как возвращенцы и младороссы, вооружившись стульями, с криками и отборными ругательствами ринулись к столу президиума. Сметанин и я сохраняли спокойствие. Тем временем члены Союза, расположившиеся позади демонстрантов, вырвали стулья из их рук и грозно на них прикрикнули. Кучно сидевшая, довольно многочисленная группа чинов РОВСа, узрев, кто же выступает против доклада, встала на нашу сторону. Порядок был восстановлен. Доклад был выслушан до конца без единого возгласа протеста. Вопросов не задавали, всё было ясно. По окончании собрания, у выхода из зала, атаман марсельской казачьей станицы обрушился с кулаками на председателя местных возвращенцев.

* * *

В дни, когда Шатилов и Закржевский занимались расширением сети «Вн. линии» во Франции, в Софии возник ее официоз, прикрывшийся удобной вывеской — «Вестник Общества Галлиполийцев». Первый номер журнала вышел 15 августа 1933 года. В нем отмечался «рыцарский» жест Шатилова, вызвавшего генерала Мельницкого на дуэль.

Редакция журнала, в лице генерал-майора Михаила Михайловича Зинкевича и штабс-капитана Николая Ивановича Плавинского, разместилась в знакомом читателю доме № 17 на улице Оборище, там же, где помещались канцелярия IV Отдела РОВСа и центр «Вн. линии» в Болгарии.

Под контролем Плавинского находилась русская печать в Софии. И был Плавинский местным подобием Главлита. На последних страницах газет «За Россию» (НТСНП), «Голос Труда» (Союза Трудящихся Христиан), «Голос России» (Ивана Солоневича) значилось: «Ответственный редактор Н. Плавинский».

Главная тематика «Вестника» — проповедь активизма. Авторы — видные деятели «Внутренней линии»: генералы Скоблин и Зинкевич, штабс-капитаны Браунер и Плавинский, ротмистр Коморовский, капитан Ларионов. Писали и близкие к «Вестнику» штатские публицисты Н. А. Цуриков и

В. М. Левитский. На страницах журнала, в понятных для чинов эзоповских выражениях, воспевалась тайная «линейная» элита:

«Огромное число чинов РОВСа… считает недостаточной ведущуюся в настоящее время противобольшевистскую борьбу… Другое стремление среди наших чинов — это вера в непроявившиеся еще силы нашего молодого командного состава… (Скоблин);

РОВС выделяет из себя активный элемент (Ларионов);

Главное — сохранено какое-то действенное, жизнеспособное, жизнеактивное ядро… Галлиполийские общества и отдельные члены часто играют в жизни русских колоний первенствующую роль». (Плавинский.)

В отделениях Общества Галлиполийцев чины «линии» чувствовали себя как рыба в воде. Они задавали тон на местах, выполняя указания тайного «Центра» по дискредитации генералов Миллера, Стогова, Эрдели, Витковского, руководителей НТСНП и вообще всех неугодных «Линии» эмигрантов. Они до небес превозносили Шатилова и сообщали редакции журнала, что его уход с поста начальника 1-го Отдела «живо переживается чинами РОВСа». Они же провоцировали инциденты между РОВСом и НТСНП. 18 августа 1937 года, за месяц до похищения генерала Миллера, редакция журнала возвестила проекте собственной реконструкции:

«Вестник, в сущности, помимо даже воли редакции, ходом вещей становится органом всего РОВСа».

Собственного печатного органа у РОВСа никогда не было. Претендуя на возвышение, «Вестник» не испросил на то разрешения генерала Миллера. В этом нужды не было. Ибо ход вещей неумолимо вел к гибели Миллера — в эти дни Скоблин и Плевицкая подготовляли похищение 70-летнего старика, ставшего «Линии» поперек дороги. Синхронизация — полная, уверенность в успехе — абсолютная.

Записка Миллера провалила Скоблина. Не слишком смущенная его бегством, спустя неделю после похищения, редакция «Вестника» дезинформировала чинов РОВСа: «Роль Скоблина пока не выяснена».

А редактору «Голоса России» Ивану Солоневичу «весьма компетентное лицо» — генерал Абрамов — внушило, что со стороны Скоблина предательства не могло быть. И Солоневич, со свойственным ему бурным темпераментом, в номере от 28 сентября начисто и безапелляционно отрицал факт похищения Миллера Скоблиным.

Чем дальше от Парижа, тем выше вздымались волны

дезинформации. Рекорд побило «Бессарабское Слово» от 16 октября:

«…в большом зале Социального Музея состоялось публичное собрание, созванное РОВСом. Ораторы РОВСа выступили с сенсационными разоблачениями о НТСНП — тайной организации внутри РОВСа, подрывающей его существование… После перерыва выступил Прянишников, которого считают председателем тайной организации НТСНП…»

* * *

Доклады НТСНП о «Внутренней линии» натолкнулись на яростное сопротивление ее чинов. «Галлиполийский Вестник» в № 53 категорически отрицал независимость «Вн. линии» от генерала Миллера, нарочито преуменьшал роль предателя Скоблина и всячески отмахивался от неприятных, «случайно попавших» к нам ее документов. «Вестник» старался представить «Организацию» как вспомогательный аппарат при РОВСе, боровшийся с происками ОГПУ. И, конечно, делалось всё, чтобы представить Скоблина как случайного, одиночного советского агента, даже не интересовавшегося деятельностью «Внутренней линии».

В статье В. Ларионова «Недостойная болтовня» не было ни одного аргумента, опровергавшего наши утверждения и доказательства. Было лишь возмущение разоблачением «Линии»:

«…Я не хочу разбирать всю нагроможденную „иксом“ Прянишниковым чепуху, всё хрупкое, подтасованное здание фантастических преувеличений больного воображения и просто клеветы».

«Удар в спину» — так назвал свою длинную статью капитан В. В. Полянский, ближайший помощник Шатилова по созыву съездов национальных группировок. Подразумевая удар в спину РОВСа, Полянский защищал Шатилова и «Линию» — до предела наивно и эмоционально, но не убедительно.

Но на защиту «Линии» не встал Н. И. Плавинский. Не написал в ее пользу ни одной строки. В том же номере «Вестника» Зинкевич был вынужден сообщить, что Плавинский, «в силу своей крайней занятости», просил освободить его от участия в редактировании журнала. Зинкевич выражал уверенность в том, что Плавинский не прекратит сотрудничества в «Вестнике». Однако Плавинский не оправдал его надежд. Прозрение Плавинского было очевидным и окончательным.

* * *

С каждым новым днем для эмигрантов становилась ясной порочная деятельность «Внутренней линии». Газеты «Возрождение», «Последние Новости», орган Туркула «Сигнал», многие лица и организации по достоинству оценили вред, нанесенный «незримыми руководителями». И «Вестник», несмотря на призывы «линейцев» к редакции, был вынужден умолкнуть, якобы, «из-за отвращения к полемике».

1 апреля 1938 года «Вестник» подвел итоги:

«РОВС пережил еще один удар, и этот удар… только закалил в борьбе, научил и сплотил то основное ядро, которое составляет его силу».

«Внутренняя линия» умирать не собиралась…

Интервью Шатилова

6 ноября 1937 года Парижское отделение НТСНП устроило открытое собрание с докладом И. А. Брянского «Правда о третьем Тресте».

Поводом к собранию послужило интервью П. Н. Шатилова, данное сотруднику «Последних Новостей». Опубликованное газетой 13 октября, это интервью было попыткой Шатилова опровергнуть мой доклад «Внутренняя линия». Защищаясь от разоблачений, Шатилов лгал отчаянно и бессовестно.

Брянский, еще раз указавший, что работа «Внутренней линии» могла быть выгодной только большевикам, обнаружил в интервью Шатилова и письмах в редакцию «Последних Новостей» новые данные:

«Опытный прокурор или гражданский истец, базируясь только на заявлениях и письмах ген. Шатилова и кап. Закржевского, опубликованных в „Последних Новостях“, смогли бы построить совершенно уничтожающий для названных лиц обвинительный акт».

Интервью Шатилова Брянский подверг тщательному анализу. Протестуя против «клеветы», Шатилов утверждал, что «Внутренняя линия» возникла в 1926–1927 годах «по личной инициативе генерала Кутепова», что «просто генерал Кутепов подобрал несколько надежных офицеров и поручил им наблюдать за тем, чтобы в нашу среду не проникали большевистские агенты». Ложь № 1.

Он утверждал, что «на этих офицерах лежала задача укреплять авторитет начальников». Наделе изнутри подрывали авторитет генералов Миллера, Эрдели и других, но возвеличивали его, главу «Вн. линии». Ложь № 2.

Он утверждал, что чинам «линии», переселившимся во Францию, было предложено «сохранять связь с Софией и одновременно обслуживать ген. Кутепова, привлеченного Вел. кн. Николаем Николаевичем для специальной деятельности». Обслуживать Кутепова? Нет, поддерживая с ним связь, курьеры доносили в Софию о его деятельности. Ложь № 3.

Он утверждал, что после похищения Кутепова к нему прибыл капитан Закржевский, доложивший, что «им получен из Софии приказ возглавить группу офицеров, ранее обслуживавших генерала Кутепова… Ему было приказано осведомлять меня, как начальника 1-го Отдела, и ген. Глобачева, ведшего в то время самостоятельное расследование по делу о похищении ген. Кутепова». На самом деле такой группы при Кутепове не было.

Направляя Закржевского в распоряжение Шатилова, Фосс 28 февраля 1930 года писал: «Ваша задача будет вам объяснена». Объяснена Шатиловым и никем другим. Ложь № 4.

Он утверждал: «Я членом организации не состоял, но по внутренней переписке организации, руководство которой в значительной части было возложено на меня (я принимал доклады, давал задания и указания), мое имя также обозначалось псевдонимом». А псевдонимов у Шатилова было больше, чем у кого бы то ни было из «линейцев»: Павлов, 115, Хрущов, Второв, Востротин, Воевода, Наш генерал. Он не пояснил, кто возложил на него руководство «Вн. линией», умолчал и о том, что «Линия» почитала себя стоящей над РОВСом и НСНП. Будучи ее главой, стремился преуменьшить свою истинную роль. Ложь № 5.

Он утверждал: «Цели „Внутренней линии“… имели исключительно местное — зарубежное значение, и такими оставались всё время. Свою работу ген. Кутепов вел по другим каналам». Но известно, что софийский центр занимался отправками офицеров в СССР через Румынию, и именно этой деятельностью Фосса Кутепов был недоволен. Ложь № 6.

Он категорически утверждал, что «в мое время ген. Скоблин никакого абсолютно участия в деятельности „Внутренней линии“ не принимал». Именно Скоблин пронизал агентурой «линейцев» объединение Корниловского полка. Ложь № 7.

Он также категорически опровергал «заявление г. Прянишникова о том, будто генерал Миллер не знал о существовании „Внутренней линии“». Явная подтасовка — это мое заявление относилось к концу 1933 года в связи с поездкой к генералу Миллеру. И лишь в феврале 1936 года Миллер получил от нас копии писем Закржевского. Ложь № 8.

Он утверждал, что после ухода с поста начальника 1-го Отдела, «автоматически прекратилась и моя связь с „В. Л.“» Связь с Закржевским не прерывалась и после ухода. Шатилов получал донесения Закржевского и продолжал руководить его работой. Ложь № 9.

Он отрицал наличие устава «Вн. линии»: «Поскольку существовал какой-то устав „Внутренней линии“, я его не соблюдал и „обещания“ не приносил… Однако, и устава никакого не было». И это вопреки очевидности — знаменитая «Идеология» с инструкциями были изданы с его ведома. Ложь № 10.

Он сказал: «Месяца два спустя после моего ухода… я узнал от ген. Миллера, что он приказал деятельность „В. Л.“ прекратить». Миллер и Эрдели отказались от «услуг» Закржевского, но они тогда не знали, что имели дело с тайной, укрывавшейся от них «Организацией». Ложь № 11.

Он заявил: «Спустя, примерно, год я узнал от некоторых начальников 1-го корпуса, с которыми встречался, что „В. Л.“ возобновила работу и что во главе ее поставлен ген. Скоблин». Своей работы «Линия» не прекращала. А о «возобновлении» он мог узнать только от Скоблина, который, при поддержке генерала Абрамова и участии приезжавшего в Париж Фосса, с согласия Миллера возглавил «Вн. линию». Скоблин был своим человеком в «линии», ни в коем случае чужака на свои верхи тайная «Организация» не допустила бы. Неспроста «Линия» грудью отстаивала Скоблина от обвинений полковника Федосенко в связях с большевиками. Ложь № 12.

Свое повествование Шатилов закончил заявлением, что в 1936 году «ген. Миллер лично руководил ею. Но „В. Л.“ восстановилась не полностью» Наоборот, расширялась, прячась от Миллера. Ложь № 13.

На следующий день, 14 октября, «Последние Новости» опубликовали его письмо в редакцию:

«А по вопросу об управлении „Внутренней линией“ ген. Миллером, после ухода моего с должности начальника 1-го Отдела РОВСа, его сотрудники считают, что в мое изложение вкралась неточность, что я подтверждаю: ген. Миллер, **как и я**, никогда во главе „Линии“ не стоял и ею не управлял. Он имел к ней отношение только как „начальник 1-го Отдела“. Еще раз отрицал свое возглавление. Ложь № 14.

И заключил так: „Внутренняя линия“, по моему убеждению, давно умерла. Но я не хочу отмежеваться от тех, кто бескорыстно и с полным сознанием долга принимал участие в этой работе». Ложь № 15, самая важная. Извещая о смерти «Организации», Шатилов не только оправдывал ее темную деятельность, но этим оправданием словно призывал ее чинов к продолжению работы в подполье.

Конечно, уходить в небытие «Вн. линия» отнюдь не собиралась. Она продолжала жить и отчаянно сопротивлялась, борясь за сохранение завоеванных в РОВСе позиций. Лживые заявления Шатилова и были предназначены для ее спасения и уклонения от настоящего, тщательного расследования всех ее возглавителей, всех ее чинов и всех ее дел.

Письмом в редакцию, напечатанном «Последними Новостями» 23 октября, Закржевский поддержал своего главу:

«…Мы оберегали РОВС и помогали его возглавлению… И обратите внимание: за указанный период, с осени 1930 по осень 1935 г., у нас не было ни крупных потрясений, ни похищений. Значит, мы свою роль выполняли честно и в достаточной мере бдительно… ген. Миллер не только знал о работе „Внутренней

линии“, но знал всех ее чинов, доверял ей и неоднократно пользовался ее услугами…»

В своей лжи Закржевский не уступал главе «Линии». Известно, как относился генерал Эрдели к «услугам» Закржевского. И доверием Миллера «Линия» не пользовалась. А возглавлению Скоблин помогал «бунтом маршалов». Из заявлений, опубликованных «Возрождением» 15 октября, было ясно, что такие старшие начальники, как адмирал Кедров, генералы Витковский и Пешня, не только не пользовались «услугами» радетелей РОВСа, но ничего вообще о ней и не знали.

2. Генерал Миллер был похищен ее крупным агентом Скоблиным;

3. На пост руководителя «Вн. линии» Скоблин был назначен по настоянию софийского центра;

4. Скоблин был допущен к руководству секретной работой РОВСа в СССР;

5. Провокационное окружение Коморовского и его истинная роль в белградских событиях своевременно раскрыты не были;

6. «Линейцы» провоцировали конфликты между РОВСом и НТСНП.

Представленный Брянским пассив «Линии» не включал всех ее темных дел. Тем не менее, выводы были убийственными. Преданная гласности на открытых собраниях НТСНП, потерпевшая неудачи на страницах эмигрантской печати, «Линия» была вынуждена умолкнуть, сославшись на отвращение к полемике.

Смолк и Шатилов. Его самозащита обернулась самообвинением. По интервью Шатилова Брянский нанес сокрушительный удар.

Акции против руководителей НТСНП

В 1933 году Рончевский и Альтов получили от Закржевского задание найти источник, из которого можно было бы почерпнуть сильные яды, нужные якобы для «закрытой работы» против большевиков. Месяц спустя Рончевский сообщил, что поиски увенчались успехом.

Закржевский ответил: «…уже не требуется, уже всё раздобыто и будет использовано».

Вскоре тяжело заболел таинственной болезнью неугодный «линейцам» В. Д. Поремский, «ставленник Исп. Бюро», председатель Отдела во Франции. Врачи не смогли поставить точного диагноза и пришли к заключению, что налицо отравление крови неизвестным ядом. В тайну отравления проникнуть не удалось. Но из-за болезни По-ремский не смог присутствовать на III съезде НТСНП в Белграде. Вместо него ездил М. И. Селиверстов известный по «Вн. линии» под кличкой Надёжин.

* * *

«Внутренняя линия», не знавшая о решении руководства НТСНП прекратить совместную с РОВСом закрытую работу, пыталась втянуть Союз в свое очередное предприятие.

Летом 1935 года начальник русской секции разведывательного отдела польского генерального штаба полковник Несбржицкий беседовал с приехавшим в Варшаву М. А. Георгиевским. Несбржицкий сообщил, что у польской разведки имеются доказательства неблагополучия возле генерала Харжевского. Далее он сказал, что Харжевский вскоре получит от РОВСа деньги на продолжение закрытой работы, и посоветовал НТСНП воздержаться от связей с Харжевским.

Через месяц после этого разговора Исполнительное Бюро получило от возглавителей Отдела НТСНП в Чехословакии письмо, в котором говорилось:

«…ген. Харжевский предлагает участвовать в активном предприятии. Ставится условием, чтобы участниками были возглавители Отдела Брунст и Вергун. Средствами предприятие обеспечено с излишком».

Исп. Бюро наотрез отказалось от этого предложения. Подвергать смертельной опасности талантливых руководителей было совершенно неприемлемо даже в случае, если бы «Вн.

линия» была честной организацией. Гибель Ирошникова и Флоровского, провал отправки Прилуцкого были вполне достаточными доводами против принятия предложения Харжевского и без предупреждений Несбржицкого.

Так эта история изложена в доверительном циркуляре Исп. Бюро № 205 от 9 марта 1936 года. «Внутренняя линия» через своего агента на почте перехватила этот циркуляр, предназначенный только для членов Совета НТСНП.

Циркуляр был доставлен репортеру «Последних Новостей» Н. Вакару, который и опубликовал в номере от 2 ноября 1937 года статью «Нацмальчики». Из этого пространного документа, описывавшего деятельность «Вн. линии», Вакар привел длинные выдержки, сопроводив их собственными злостными и легкомысленными комментариями.

По поводу этой статьи Центральное Правление Отдела НТСНП во Франции сообщило 2 января 1938 года:

«…В секретном циркуляре Исп. Бюро № 205 фамилии ген. Харжевского не упоминалось. Было лишь указание „ген. Х.“ (не Ха, а икс), что „Внутренняя линия“ расшифровала это как ген. Харжевский. Это уже ее дело, за что она и должна нести ответственность, как и за кражу (на почте) и опубликование нашего секретного циркуляра».

* * *

Профессор М. А. Георгиевский был лидером НТСНП в полном смысле этого слова. Широкие общие познания, политический опыт, острый аналитический ум и дипломатические способности выдвинули его на первое место в НТСНП. Вместе с тем он неизменно поддерживал авторитет председателя Союза В. М. Байдалакова, подчеркивая, что сам он — лишь генеральный секретарь Исполнительного Бюро.

«Вн. линия» относилась к нему крайне враждебно. «Линейцы» обвиняли Георгиевского в грандомании, в стремлении к борьбе с РОВСом. Они распространяли порочащие его слухи, вплоть до навета о связи с каким-то Тиволовичем, сотрудником чекиста Крошко. Враждебность «Вн. линии» к Георгиевскому усилилась после переноса центра НСНП в Белград и принятия мер к очищению Союза от ее агентуры.

Летом 1934 года «Вн. линия» пыталась захватить в свои руки газету НСНП «За Россию», печатавшуюся в Софии, заменив ее редактора, Дмитрия Михайловича Завжалова, одним из своих агентов.

Осенью 1934 года Исполнительное Бюро командировало в Софию проф. М. А. Георгиевского, с заданием очистить ряды Союза от «линейцев». После совещаний с Центральным Правлением Отдела, Георгиевский разговаривал с генералом Абрамовым и другими деятелями РОВСа. Он категорически заявил о неприемлемости для НСНП деятельности незримых руководителей в его среде, какими бы благовидными целями эта деятельность ни прикрывалась.

Видное место в беседах занял вопрос о «закрытой работе». И Абрамов был вынужден признать, что резидент «Линии» в Бухаресте «полковник Жолондковский истратил уже около полутора миллионов франков и загубил десятки лучших жизней».

Гибель лучших жизней «линеец» Коморовский возвел в «принцип малых дел». Это он вещал в Белграде о высшем героизме «одиноких борцов, гибнущих без фанфар и реляций в борьбе с врагом низким и жестоким. Это героизм высокой духовной ценности, **ибо имена гибнущих только случайно становятся известными широкой массе…»** [95].

Так втихую губили доверчивых офицеров, шедших во имя подвига в Россию и кончавших свою жизнь в застенках НКВД.

* * *

После обеда в офицерском собрании РОВСа в Софии Георгиевский заболел. В течение двух суток он мучился от отравления неизвестным ядом, и лишь железное здоровье спасло его от смерти.

* * *

После дела Линицкого — Коморовского стало ясно, что для центра НТСНП не было полной безопасности и в Белграде. Вскоре жизнь дала тому новые доказательства.

Влюбленная в Коморовского Мария Пепескул уверовала в его полную невиновность. Она растеряла прежние «новопоколенские» взгляды и, в силу своей цельной женской натуры, на всё и вся стала смотреть глазами любовника.

В. М. Байдалаков предложил ей уйти из Исполнительного Бюро. 4 марта 1936 года она подала заявление с просьбой освободить ее от обязанностей казначея Исп. Бюро. Затем она порвала с НТСНП и вступила в белградский отдел Русского Христианского Движения, пронизанного агентурой «Вн. линии» и

ей подчиненного. Уйдя из Союза, вдохновляемая «Вн. линией», Мария Пепескул занялась подрывной работой. В течение почти двух лет она стремилась сколотить оппозицию руководству НТСНП. Встречаясь с членами Белградского отделения, она агитировала против Исп. Бюро, всячески подрывая авторитет Байдалакова и Георгиевского.

Исп. Бюро было вынуждено заняться негласным расследованием ее деятельности. Выяснилось, что действовала она по указке «Вн. линии». После предварительной подготовки М. Пепескул предлагала намеченным кандидатам вступить в тайную боевую организацию, причем давала им для ознакомления «Идеологию» и инструкции чинам «Вн. линии». Ей удалось завербовать лишь одного члена Белградского отделения — влюбленного в нее А. П. Черташа. Завербованный Черташ, в свою очередь, уговаривал других членов вступить в «Организацию». Члены Союза, не поддавшиеся уговорам Черташа, сообщали руководителям всё, что узнавали о его подрывной деятельности. В марте 1937 года он был исключен из Союза.

В сентябре 1937 года Пепескул и Черташ приступили к созданию в лоне Союза своей конспиративной группы. Цель — ликвидация возглавления НТСНП. Работали они осторожно и последовательно. Исподволь вели агитацию среди членов Союза. О беседах с заговорщиками члены Союза сообщали своему руководству. Чтобы лучше знать о планах и намерениях заговорщиков, руководители НТСНП поручили одному члену прикинуться их сторонником. Несколько позже ему в помощь был дан второй член Союза, присоединившийся к заговорщикам по рекомендации первого.

Предварительная подготовка закончена. Пепескул и Черташ посвящают неофитов в свои планы устранения Георгиевского и Байдалакова. 10 октября Пепескул изложила две основные стороны плана: убийство Георгиевского, что, — легко, и захват центрального руководства НТСНП, что — значительно труднее.

В субботу 23 октября состоялось последнее конспиративное собрание. Пепескул предложила застрелить Георгиевского и эту задачу принимала на себя:

— Для меня убийство Георгиевского — вопрос, в принципе решенный полтора года назад.

Затем обсуждали план увоза Георгиевского в автомобиле. Рассматривали способы отравления цианистым калием, туберкулезными бациллами и толченым бриллиантом.

— Бриллиантовая пыль, — сказала Пепескул, — средство незаметное, но верное. Я — инженер-химик, знаю это хорошо. Могу достать агатовую ступку в моей лаборатории и приготовить

пыль.

На том и порешили. Срок выполнения: две-три недели.

Но Пепескул и Черташ не знали, что их заговор был подслушан при помощи микрофона четырьмя членами Союза, сидевшими в соседнем помещении. Был составлен протокол этого конспиративного собрания. Изучив его, руководство Союза передало материалы югославской полиции.

10 ноября полиция арестовала четырех участников собрания. 12 ноября для дачи показаний были вызваны М. А. Георгиевский и Г. П. Перфильев, а 13 ноября — А. И. Занкович, переводивший материалы на сербский язык. 14 ноября из провинции прибыли В. М. Байдалаков и член Исп. Бюро К. Д. Вергун. После данных Байдалаковым объяснений были отпущены с допроса Георгиевский, а через три дня и все остальные члены Союза.

Пепескул и Черташ были интернированы в провинцию.

Так закончилась попытка ликвидации руководства НТСНП, по времени почти совпавшая с похищением генерала Миллера.

Французское следствие

Похищение генерала Миллера и бегство Скоблина дали парижской печати обильную пищу. Правые и умеренные французские газеты указывали пальцем на НКВД — вдохновителей и организаторов похищения. Газеты «Народного Фронта» — коммунистическая «Юманите» и социалистическая «Попюлер» — наоборот, утверждали, что похищение Миллера — дело рук гитлеровских агентов, действовавших в среде белой эмиграции.

Советское агентство ТАСС подхватило сообщения левых французских газет и добавило к ним собственные вымыслы и инсинуации. 30 сентября 1937 года «Правда» вещала:

«Всё отчетливее выясняются связи Скоблина с гитлеровским гестапо и звериная злоба и ненависть, которую питал Скоблин к Советскому Союзу. Ряд газет приводит заявление директора одного из парижских банков, который сообщил, что… Скоблин располагал крупными средствами и часто менял в банке иностранную валюту. Из заявления банкира вытекает, что источником средств Скоблина являлась гитлеровская Германия».

В трудной обстановке слухов, толков и злостной дезинформации французские власти приступили к расследованию «Дела Миллера».

В первые же дни после похищения были произведены обыски и выемки документов: в квартире генерала Миллера 3-бис, авеню Жан-Баптист Клеман в Булонь-сюр-Сен; в помещении Общества Галлиполийцев 81, рю де ля Фезандери; в канцелярии РОВСа 29, рю дю Колизе; в помещении Русского Национального. Союза Участников Войны 87, рю Оливье де Серр; в помещении Русского Исторического Союза (РИС) 44–46, рю Дюрантон; в квартирах подполковника Трошина, лейтенанта А. Н. Павлова, капитана П. П. Савина, Багговута-Коломийцева, Кацмана и многих других лиц, проживавших в Париже и его пригородах.

Тщательные обыски были проведены в доме Скоблиных в Озуар-ля-Феррьер и в отеле «Пакс», где часто останавливались Скоблины.

Власти захватили огромное количество документов на русском языке. Понадобилась целая группа переводчиков, денно и нощно работавшая под руководством присяжного переводчика Цацкина.

Из поступивших к ним опечатанных и занумерованных пакетов у властей постепенно стала выясняться картина жизни русских организаций.

Но, как писал в своем рапорте полицейский комиссар Андре Рош, «изучение этих многочисленных документов было в достаточной мере разочаровывающим. Ни один из них не имел отношения к исчезновению генерала Миллера. Нигде не обнаруживалось хотя бы неясного следа проекта похищения главы РОВСа».

В своем предварительном доверительном рапорте секретарь следственных властей П. Тастевен сообщал 14 декабря 1937 года о трех выдвинутых следствием гипотезах.

Гипотезу о похищении Миллера своими подчиненными власти «отклонили целиком, ибо, по сложности событий, макиавеллизму и законченности выполнения, похищение генерала Миллера может быть делом рук тайной, прекрасно организованной и дисциплинированной ассоциации, обладающей мощными финансовыми средствами».

Гипотезу о похищении Миллера фашистами, будь то итальянскими, испанскими или немецкими, власти отвергли тоже. Изучение документов указывало на полную непричастность итальянских и испанских фашистов. Значительно больше внимания власти уделили национал-социалистам. Бездоказательно подозревая генерала Туркула в связях с немцами, власти учли его поездки в Германию. Мимо внимания следователей также не прошло дезинформационное сообщение социалистической газеты «Попюлер», немедленно подхваченное агентством ТАСС и перепечатанное в несколько измененном виде в «Правде» от 25 сентября 1937 года:

«Газета заявляет, что исчезновение генерала Миллера было проведено с целью поставить во главе белой эмиграции более подходящего для Гитлера человека, что, несомненно, в интересах той части белой эмиграции, которая связана с фашистской Германией. „Попюлер“ передает далее небезынтересные сведения о положении внутри „Российского общевоинского союза“. Миллер, по словам газеты, не проявлял того рвения и горячности в отношении службы Гитлеру и генералу Франко, которых хотели бы от него некоторые из главарей „РОВСа“. Миллер будто бы отказался обратиться с воззванием к членам „РОВСа“ вступить в войска испанских мятежников. Некий генерал, которого газета обозначает буквой „Т“, недавно тайно отправился в Германию. В Германии „Т“ тесно связан с белогвардейским генералом Глазенапом. По возвращении из Германии „Т“ имел встречу с Миллером. После этой встречи Миллер говорил некоторым из своих друзей, что он испытывает тревогу за свою дальнейшую судьбу».

Расшифровать букву Т было не трудно, то был навет на

Туркула. Но никакого свидания с Миллером у него не было. И никому, кроме Кусонского, Миллер не высказывал своей тревоги.

Следствие отвело от Туркула злостный навет: «…тщательно проверенные и изученные его поездки и сношения далеки от того, чтобы отвести ему первостепенную роль… По испанскому вопросу у Туркула, однако, было то же мнение, что и у генерала Миллера».

И в доказательство Тастевен цитировал письмо Туркула 28 июня 1937 года, отправленное берлинскому единомышленнику Сергею Владимировичу:

«Испанский вопрос: наше сотрудничество в Испании должно быть лишь символическим — сформирование небольшого отряда. Наше сотрудничество, в силу текущих политических обстоятельств, в большом масштабе невозможно… Мы приветствуем добровольцев, борющихся в армии Франко, но ни один член Союза не имеет права выезжать туда без моего ведома и разрешения».

Ведя интригу против Туркула, Скоблин прикидывался его другом. Часто они сиживали в кафе «Мариньян», обсуждая политические события и дела РОВСа. Однажды за чашкой кофе Скоблин предложил Туркулу и его жене съездить летом 1937 года в его автомобиле в Финляндию с явно благочестивой целью — посетить Валаамский монастырь, расположенный на одном из островов Ладожского озера. Тогда в этом месте советско-финская граница проходила по оси озера. Близость Валаама от советской земли не располагала Туркула к такому путешествию, и любезное приглашение Скоблина он отклонил.

После похищения Миллера Туркул писал генералу Абрамову:

«…Уменя нет больше сомнений в том, что Скоблин сыграл роль провокатора в моем выходе из РОВСа, восстанавливая Миллера против меня рассказами о моих высказываниях по его адресу. Цель его состояла в подготовке к занятию высокого поста в РОВСе для того, чтобы руководить деятельностью РОВСа в направлении, указанном ему большевиками».

Далее Тастевен отмечал провал попытки Скоблина переложить вину с больной головы на здоровую:

«По аналогии с делом Кутепова, когда на следующий день после похищения русская пресса в Париже, по подстрекательству Скоблина, обвиняла полковника Зайцова в преступлении, крайне левая парижская пресса, по стопам московской „Правды“, обвиняла генерала Туркула в похищении Миллера, что и дало ему основание сказать: „Если бы бедняга Миллер не оставил своей знаменитой записки, Плевицкая прогуливалась бы на свободе, а я сидел бы в тюрьме… Если вы хотите найти похитителей генерала Миллера,

то ищите их среди членов „Внутренней линии“, активных ее членов“».

В скобках Тастевен комментировал: «замечание, не лишенное прозорливости».

Зная о провале Скоблина, НКВД пытался свалить вину на гестапо, использовав для этого полковника Трошина, «чья ненависть к большевикам и пронемецкие симпатии не внушают сомнений. Грубоватый солдат, круглый невежда в делах политических, Трошин был предан душой и телом своему полковому командиру, генералу Скоблину. Почти каждый день он писал ему рапорты обо всем, что ему приходилось слышать или узнавать.

После исчезновения генерала Миллера, настоящие авторы или сообщники похищения пытались использовать простоватость и поразительную наивность Трошина, внушив ему мысль о причастности немецких фашистов.

Действительно, Кацман, исключенный Трошиным из Корниловского полка в 1932 году, явился к нему и, под предлогом оказания ему материальной помощи, пригласил его в „офисину“ З.-К.[96] и Шварца, 44–46 рю Дюрантон. Принятый З.-К., Трошин был огорошен вопросом: „Ты поддерживаешь отношения с немцами. Нужно их прервать и работать с французами“. Трошин согласился на это устно и письменно.

Несколько дней спустя Трошина посетили бывший в 1922 году в Праге советский агент Вычек и „невозвращенец“ Крючков-Ангарский, которые рассказали ему о наличии доказательств невиновности Скоблина и предложили ему взять на себя защиту последнего, как командира Корниловского полка. Не найдись среди корниловцев нескольких прозорливых людей, Трошин попался бы на этот грубый прием, и Скоблин-предатель, защищаемый Трошиным-германофилом, означало бы, что исчезновение генерала Миллера — дело рук гестапо».

Изучив факты, следствие пришло к заключению, что гипотеза об участии немецких фашистов «должна быть также окончательно отклонена».

Оставалась лишь третья гипотеза — похищение Миллера агентами НКВД. В этом направлении следственные власти и устремили свои усилия:

«Действительно, большевики всегда недобрым оком взирали на белые русские организации, представлявшие собой антикоммунистические ядра, которые, в особом случае, могли бы образовать отряды для сотрудничества с националистами всех стран, где могли бы вспыхнуть революционные волнения, вызванные коммунистической пропагандой. Также они всегда

пытались разваливать или уничтожать такие группировки, в частности РОВС, как наиболее мощную, к тому же по своей структуре военизированную».

В докладе Тастевена проходят вереницы советских агентов, названо множество имен, но наибольшее внимание уделено Скоблину и Плевицкой.

Видное место в докладе Тастевена занимает личность и деятельность генерала Шатилова, чья «кандидатура на пост председателя РОВСа выдвигалась Скоблиным и его друзьями», что документально доказывали письмо Скоблина Трошину от 20 августа 1937 года и письмо Скоблину от генерала Зинкевича от того же 20 августа, найденное при обыске в отеле «Пакс».

На основании документов и показаний многих лиц о роли Шатилова, Тастевен утверждал в своем рапорте:

«Не подлежит отрицанию то, что около генерала Миллера должны были находиться крупные агенты ГПУ. Действительно, ничто не доказывает того, что Скоблин был единственным и даже самым важным… генерал Миллер находился в сети, расставленной большевиками. Очевидно, что его ***похищение бесспорно является делом рук ГПУ****, которое, благодаря количеству своих агентов, введенных в РОВС и в ближайшее окружение его председателя, не имело особых трудностей для завлечения его в ловушку».*

* * *

Следствие подтвердило подлинность записки Миллера и подстроенное Скоблиным свидание с мифическими немцами. 27 декабря 1937 года был составлен общий доклад следственных властей, представлявший собой «объективное изучение фактов», на основе которых был сделан вывод, «исключающий какие бы то ни было гипотезы».

Архив в доме Скоблиных

После бегства Скоблина и ареста Плевицкой следственные власти опечатали их дом в Озуар-ля-Феррьер. Затем полиция произвела несколько обысков с изъятием огромного количества документов. Но среди бумаг не оказалось данных о средствах и расходах Скоблиных. Допрошенная Плевицкая сказала, что счетная книга, которую вел Скоблин, должна находиться в их доме.

В 3 часа дня 14 октября у дома с желтыми ставнями остановился автомобиль. Два полицейских в штатском и Плевицкая вышли из автомобиля. Осунувшаяся и постаревшая в тюрьме, она с грустью взирала на свое былое хозяйство. Дорожки в дворике были засыпаны осенней листвой, на грядках небольшого огорода поникла красная ботва. Соломенная шторка на одном из окон оборвалась и косо висела на ржавом гвоздике. Прошло так мало времени с той поры, когда здесь припеваючи жили Скоблины, но уже следы заброшенности виднелись в садике, на стенах дома, на открытых воротах опустевшего гаража. Не подозревая о судьбе хозяев, по дворику мирно разгуливали петух и две курицы. Вдруг с радостным мяуканием к Плевицкой бросились ее любимые кошки. Лаская их, Плевицкая тихо плакала, вспоминала счастливые дни, прожитые здесь с любимым Коленькой.

Еще несколько минут, и к дому подкатили автомобили, из которых вышли прибывшие из Мэлэн судебный следователь Ляпорт и из Парижа защитник Плевицкой, мэтр М. М. Филоненко, и представитель гражданского иска, мэтр А. Н. Стрельников. В присутствии Плевицкой начался обыск.

* * *

Бесчисленное количество писем, секретные доклады, список соединений Красной армии, донесения о деятельности русских эмигрантских организаций и политических деятелей, списки чинов РОВСа с адресами по округам Парижа, записка о гарнизоне Варшавы и вооружении польской армии, отчет о работе большевистских агентов в среде эмиграции во Франции за июнь-сентябрь 1934 года, графики агентурной сети, донесения о деятельности управительных органов РОВСа, список начальников групп 1-го армейского корпуса в районе Парижа, переписка с генералом Добровольским, смета расходов по отправке в СССР

белого эмиссара и многое, многое другое неопровержимо свидетельствовало о наличии в доме Скоблиных крупного осведомительного центра.

Часть документов проливала свет на подлинное отношение Скоблина к генералу Миллеру. Так, на секретном докладе о намерениях Германии после освобождения от пут Версальского договора рукой Скоблина было написано карандашом: «Старцу Миллеру не показывать».

В своих письмах Добровольскому Скоблин усердно и планомерно подрывал авторитет Миллера. Добровольский поддался влиянию Скоблина, и 14 августа 1937 года писал ему в тон:

«…нельзя переделать людей, особенно тогда, когда они достигли почтенного возраста. Обо всем мы переговорим при встрече… мой бывший начальник должен понять, что я буду вынужден бросить его дела. Кстати, мне кажется, что он ограничивается лишь приветами, не желая оказать мне малейшую помощь».

Давнишнее предупреждение финской контрразведки было забыто, Добровольский вновь не сомневался в Скоблине. И в том же письме писал:

«…На днях я также узнал, что вы намереваетесь приехать сюда осенью, чтобы дать несколько концертов по случаю 25-й годовщины артистической деятельности нашей дорогой Надежды Васильевны. Н. А. Б.[97] писал мне, что он лично берет на себя все хлопоты в Гельсингфорсе, оставляя за мною приготовления в Выборге и Териоках».

В тот же день Добровольский сообщал Миллеру:

«…Что касается наших торговых дел, которые, в силу обстановки, сложившейся на рынках наших конкурентов[98], должны быть вскоре возобновлены, то я не хочу говорить о них, надеясь на то, что П. П.[99], как он мне писал, прибудет сюда автомобилем: Мы тогда с ним договоримся устно. С другой стороны, директора[100] изложат ему сами новые методы работы, а я расскажу ему о моих новых проектах».

Записка генерала Миллера расстроила эти планы. Скоблин, предав Миллера, бежал, его жена и сообщница очутилась в тюрьме. «Торговые дела» были преданы забвению. И генерал Добровольский, до глубины души пораженный изменой «Петра Петровича», оплакивал своего похищенного начальника.

В бумагах озуарского архива был обнаружен поражающий воображение документ: секретное письмо Миллера, в котором он просил Скоблина назвать имена трех генералов, способных, в случае нужды, принять на себя обязанности председателя РОВСа.

Так велико было доверие Миллера к Скоблину, что, несмотря на странные дела «Внутренней линии», он оставлял предателя на посту руководителя секретной работой РОВСа в СССР.

* * *

Уезжая в 1935 году из Парижа в Софию, Закржевский захватил с собою лишь небольшую часть своего объемистого архива. Несколько чемоданов, набитых документами, он отправил Скоблину. Чин «Вн. линии», полковник Корниловского артиллерийского дивизиона Петренко доставил эти чемоданы в Озуар-ля-Феррьер и сложил их на чердаке виллы Скоблиных. А три чемодана и ящик с бумагами, до передачи своему кузену Вонлярскому, Закржевский сдал Савину на временное хранение.

Эти чемоданы и ящик Савин отвез к себе в деревню Вели, что в 75 километрах от Парижа. Там они хранились до осени 1937 года.

Узнав из испанских газет о похищении генерала Миллера, Савин в начале октября вернулся в Париж. Прочитав в парижских газетах об изъятии на вилле Скоблиных множества документов, в том числе и бумаг «Вн. линии», Савин вспомнил о находившихся на его попечении чемоданах Закржевского.

Вспомнили о них и руководители «Вн. линии». По их поручению в ресторан жены Савина на рю Эмиль Золя явился спешно приехавший из провинции Вонлярский и потребовал от Савина немедленно доставить ему чемоданы. Савин ответил, что эти чемоданы, возможно, уже изъяты французской полицией. Неудовлетворенный, Вонлярский ретировался. На следующий день с повторным требованием пришел другой агент «Вн. линии», Н. Ф. Руднев. Савин отказал и Рудневу. Он решил считать бумаги «линейцев» своей «военной добычей».

О чемоданах он рассказал Благовещенскому. Посовещавшись, они выехали в деревню Вели, погрузили в автомобиль имущество «линейцев», вернулись в Париж и спрятали чемоданы у полковника французской армии Бегу в доме неподалеку от Порт де Сен-Клу. Тут бумаги Закржевского пролежали до лета 1938 года.

Вызванный следственными властями, Савин не раз побывал у следователя Марша. Сообщил он следствию и свою версию похищения главы РОВСа красным испанским агентом маркизом Мендес де Севилья, с которым в апреле 1937 года Е. К. Миллера познакомил Шатилов. После нескольких очных ставок Савин счел небезопасным свое пребывание в Париже. Известив об этом

Марша, он покинул Францию.

24 февраля 1938 года он отправил из Рима письмо генералу Деникину, в котором сообщал о маркизе как похитителе генерала Миллера. Подобные письма Савин написал генералам Архангельскому и Абрамову и журналисту И. Солоневичу. Только Архангельский откликнулся, сообщив, что визу в Бельгию он выслать Савину не может.

После прихода к власти кабинета Эдуарда Даладье, сменившего возглавленное социалистом Леоном Блюмом правительство «Народного Фронта», Савин возвратился во Францию и поселился в доме на рю де Вож в Каннах.

По его просьбе Благовещенский привез в Канны чемоданы и ящик Закржевского. Открыв чемоданы, Савин приступил к изучению объемистой переписки Закржевского за 1929–1935 годы. Отобрав наиболее интересные и изобличающие «линейцев» документы, Савин составил брошюру «Гибель генерала Миллера». Бумагами самой «Вн. линии», в том числе ответами Закржевского на вопросы Рончевского, он ярко описал деятельность Шатилова как ее главы.

Брошюра, в количестве только ста экземпляров, была отпечатана летом 1939 года в парижской типографии «Модерн», 45, рю Конпан. И в первые же дни она стала библиографической редкостью.

Один экземпляр Савин отправил Шатилову. Именно его Савин и обвинял в похищении Е. К. Миллера. И одновременно, вопреки очевидности, он обелял Скоблина, представив его тоже жертвой Шатилова.

* * *

Итак, у Скоблина были найдены не все бумаги Закржевского. Но и того, что было обнаружено, вполне хватало для определения места и роли Скоблина в «Организации».

Письма писались условным языком, действующие лица и агенты «Линии» значились под кличками. Часть документов была шифрованной. Скоблин пользовался тремя шифрами: цифровым, буквенным и смешанным.

Секретные связи Скоблиных с генералом Абрамовым, Фоссом и Закржевским в Софии, ротмистром Коморовским и журналистом Ксюниным в Белграде, подполковником Мишутушкиным в Бельфоре подтверждались многими, в том числе частично или полностью шифрованными письмами.

Когда в Белграде вскрылись дела Линицкого и Коморовского,

Скоблин написал Ксюнину тревожное письмо. После похищения Миллера и бегства Скоблина Ксюнин покончил жизнь самоубийством.

* * *

В переписке с Мишутушкиным Скоблин, как до него Закржевский, выражал недовольство внутренним положением в РОВСе. «Бездарность его начальников — факт и горькая правда»… А потому «следует удалить и заменить часть начальников, и срочно, как этого желает большинство». Под большинством подразумевалась «Внутренняя линия».

* * *

Скоблин живо интересовался делами русской колонии в Париже. Его агенты немедленно доносили ему о всех событиях политической и общественной жизни. После собрания «Свободной трибуны» Баранова, на котором порицалась деятельность генерала Миллера и раздавались крики «Позор Миллеру!», услужливый Трошин сразу же донес Скоблину со слов присутствовавшего на собрании корниловца.

После открытого собрания организации генерала Туркула и благоприятного отзыва о нем газеты «Возрождение» Трошин отписал Скоблину:

«Мне пришлось услышать такие высказывания: если генерал Миллер так нуждается в покое и отдыхе, то ему следует отправиться на кладбище. Будущее за молодыми и сильными. Думаю, что не ветер сейчас, а буря становится неизбежной. Подробности — при нашей встрече».

* * *

Среди прочих бумаг, в кабинете Скоблина были найдены письма Марка Эйтингтона и членов его семьи, адресованные Плевицкой. Эйтингтон был тем самым меценатом, который, по словам Плевицкой, поддерживал Скоблиных в трудные минуты. Состоятельный врач-психиатр, Эйтингтон проживал в Берлине и имел отношение к торговле советскими мехами, его брат сбывал меха, тем пополняя валютные фонды СССР. В сентябре 1937 года он с женой, бывшей артисткой московского Художественного

театра, приехал в Париж по делам и остановился в отеле «Георг V». Из отеля он позвонил в Озуар и разговаривал со Скоблиными. В 6 часов утра 20 сентября, за два дня до похищения Миллера, Эйтингтон уехал во Флоренцию и далее в Палестину. В столь ранний час Скоблины провожали его на Лионском вокзале.

Будучи вне досягаемости для французских следственных властей, Эйтингтон допрошен не был. Ускользнул важный свидетель, и вместе с ним тайна его меценатства.

* * *

По поручению следователя Марша, эксперт-счетовод Феврие тщательно обследовал найденную в Озуар приходно-расходную книгу Скоблиных. Записи показали, что расходы значительно превышали доходы, и источника дополнительных доходов Феврие установить не смог. Велик был разрыв между доходами и расходами: за 1936 и 1937 годы доходы выразились 45 тысячами франков, а только за первые шесть месяцев 1937 года Скоблины истратили 56 тысяч. Так же не были сбалансированы доходы и расходы за 1931–1935 годы. Их никак не покрывали и 60 тысяч, полученные Скоблиными в виде компенсации за автомобильную катастрофу в Венсенском лесу.

Вывод Феврие — Скоблины жили выше средств, доходы от концертов Плевицкой никак не покрывали всех их расходов.

Советское дно Парижа

27 мая 1929 года в Брюсселе бельгийская Сюртэ Женераль приняла заявление бывшего секретного агента ОГПУ, капитана белой армии Александра Николаевича Петрова. Он показал, что в январе 1922 года к нему явился неизвестный человек, спросивший:

— Вы господин Петров?

— Да.

— Вы были комендантом поезда командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского?

— Да.

— А вы вашу жену еще не нашли в России?

— Нет.

— Так вот, поезжайте в Берлин. Там вам дадут адрес вашей жены. Кстати скажу, она вас тоже разыскивает.

Вскоре Петров вошел в дом около Ноллендорфпляц. Петрова встретил известный ему хорошо генерал Достовалов, бывший начальник штаба корпуса генерала Кутепова.

— Не волнуйтесь, Александр Николаевич, — вкрадчиво произнес Достовалов. — Садитесь и хорошенько выслушайте меня. Россия в опасности, иностранцы хотят поделить ее между собой. Были мы с вами в белой армии, а в общем-то воевали на пользу Англии и Франции. Теперь французы укрывают у себя белых, надеясь еще раз использовать их против России. Мы же, 70 процентов офицеров Генерального штаба, создали Красную армию, укрепили ее и выгнали из России интервентов. Знаю вас как способного офицера. Вы должны работать с нами. Нам вы очень нужны.

Затем Достовалов представил Петрову генштабиста Степанова, начальника советской разведки в Берлине.

Усадив Петрова в своем кабинете, Степанов спросил:

— Вы поняли, что вам сказал генерал Достовалов?

— Понял. Но что именно я должен делать?

— Вы должны служить у нас за границей в разведке. Вы хорошо известны белому начальству, пользуетесь их доверием. Будете работать по нашим заданиям.

— Согласен… Делайте со мной что хотите. Только не троньте жену и ребенка!

— А это будет зависеть от вас. Даем вам шесть месяцев. Если будете саботировать, то вам несдобровать! Итак, согласны?

— Да.

— В таком случае вы должны дать нам подписку о верности.

Подавленный угрозами семье, Петров подписал обязательство.

— Для начала мы даем вам 40 долларов в месяц, плюс все расходы по поездкам. Для работы даем вам кличку «Кавказец».

* * *

Помощник Степанова Пиотровский приказал Петрову отправиться в штаб Кутепова:

— Побывайте лично у Кутепова, прислушайтесь ко всему. Узнайте, что там будут говорить о гвардейском полковнике, который должен приехать к нему из России. Кстати, о вашей поездке в штабе Кутепова знают.

Петрову выдали итальянский паспорт на его настоящее имя с пометкой — родился в Триесте.

Весной 1922 года Петров приехал в Велико-Тырново, древнюю столицу Болгарии. Кутепов принял его, но говорили о пустяках. Конечно, о своей службе у красных Петров умолчал. Получил от Кутепова несколько фотографий, на которых были изображены жизнь и быт белых полков в лагерях Галлиполи. Весь второй день Пасхи Петров провел в обществе адъютанта Кутепова, капитана Мащенко, который и сообщил ему по секрету о предстоявшем приезде из России гвардейского полковника, занимавшего крупный пост в Красной армии, для личного свидания с Кутеповым…

Вернувшись в Берлин, Петров доложил Пиотровскому о виденном и слышанном и вручил ему фотографии белых офицеров и солдат, подаренные Кутеповым.

Пиотровский отправил Петрова в Вену. Тамошний резидент ОГПУ товарищ Краснов выдал ему паспорт на имя австрийского гражданина Петрова. В Вене Петров получил приказ выехать в Сербию с заданием выяснить расположение частей армии Врангеля и добыть все приказы командования.

Петров побывал в Белграде и Нови-Саде. На службу к красным он завербовал подполковника Малахова и капитана Отдельной инженерной роты Игоря Владимировича Завадского-Краснопольского. Но если от Малахова толку не было никакого, то в лице Завадского Петров обрел надежного поставщика приказов, которые он переправлял в Вену своему начальнику.

В дальнейшем Петров завербовал в Софии несколько белых офицеров, в том числе полковника Житкевича, бывшего командира Самурского пехотного полка.

Своей ревностной службой Петров снискал доверие советской

разведки. В декабре 1923 года его жену и сына советские власти выпустили из России в Вену. Устраивая семейную жизнь, Петров растратил доверенные ему казенные деньги и был уволен со службы. Но вскоре на его имя в Вену пришло письмо полковника Сорокина, предлагавшего свои услуги советской разведке. И тут интересы разведки возобладали над растратой денег. Пиотровский вновь привлек Петрова к агентурной работе с заданием установить деловой контакт с Сорокиным.

В течение ряда лет Петров вращался в среде русских эмигрантов. Он проник к легитимистам, поддерживавшим зарубежного императора Кирилла Владимировича. В соответствии с целями советской разведки, стремившейся ослабить РОВС, он вербовал офицеров в ряды легитимного Корпуса Императорской армии и флота. При помощи одного завербованного, полковника Тимченко, Петров добывал документы у секретаря В. А. Маклакова, бывшего русского посла в Париже.

Осенью 1928 года он окончательно порвал связи с красными и укрылся с семьей в Бельгийском Конго.

* * *

Разбирая оставшиеся после выемки бумаги похищенного мужа, Н. Н. Миллер обнаружила листок из блокнота с записью 1933 года, предназначавшийся генералу А. М. Драгомирову. Рукой Е. К. Миллера было написано:

«Орган. Завадского-Краснопольского
Желдор. батальона кап. Савин.
Кап. Пилюгин — н-к контрразведки.
1) Разведка — Завадский.
2) К.-разведка — кап. Пилюгин… корн.
3) Автомобиль — Майдачевский, бронеп.
4) Связь — п. Осипов, Кекс. п.
5) Исполнит.,
6) Казначей — п. Трошин, корн. п.
Агенты: Н. Н. Алексеев, Шувалов, Кацман, Нейман, Бострем, Колтыпин-Любский, Катанский».

Слева на полях Миллер записал:

«Кн. Вадбольский.
…Машин.
Толстов.
Шувалов.
Закржевский.

Кацман.

Полк. Полежаев.

Сэн-Лазар 100 Завадский.

Надежда Алексеевна — моды шляп. У нее бывают собрания отделов, и ген. Скоб. с сестрой и супругой. В воскр. собрание и в понед. с ген. Скоблиным».

Позже Миллер вычеркнул фамилии Алексеева, Шувалова и Кацмана. Н. Н. Миллер передала записку следственным властям. Ознакомившись с запиской, следователь Марша придал ей большое значение и распорядился об обыске у владелицы мастерской «Надин». Обыск ничего не дал.

Надежда Алексеевна показала, что Плевицкую знала только как клиентку, изредка посещавшую ее мастерскую. С Завадским она одно время была в интимных отношениях, но уже давно разошлась с ним. Жил Завадский этажом ниже, четыре года назад у него бывали собрания. На вопрос, посещали ли Скоблины эти собрания, Надежда Алексеевна ответила, что у Завадского встречались разные люди, но не могла припомнить, бывали ли Скоблины на собраниях у Завадского.

С рю Сен-Лазар Завадский переселился в дом № 44–46 на рю Дюрантон в гущу проживавших тут многочисленных русских эмигрантов. В квартирах № 117 и 118 Завадский свил свое гнездо, известное под разными вывесками: «Орден Чести», «Русский Исторический Союз» или РИС вкратце, и наконец, «Всероссийский Национальный Центр» — ВНЦ.

* * *

Завадский, однажды перейдя от белых к красным, до 1940 года с этой стези не сходил. Уличенный в передаче Советскому разведывательному центру в Вене секретных сведений о дислокации сербских войск и исключенный из армии Врангеля, Завадский перекочевал в Париж.

Для большего удобства и безопасности он перестраховался, прикрыв деятельность своей офисины тесным сотрудничеством с Сюртэ Насиональ. Он стал осведомителем полицейского комиссара Прето и доверенным сотрудником специального комиссара Фо-Па-Биде, которому было поручено расследование похищения генерала Кутепова.

Наряду с Фо-Па-Биде расследованием похищения Кутепова занималась комиссия под председательством военного юриста Жижина, назначенная Е. К. Миллером. Своими данными она делилась с Фо-Па-Биде, а от него Завадский узнавал всё, что

могло интересовать советскую власть по этому делу.

Черновая запись генерала Миллера свидетельствовала о недостаточном знании организации Завадского. Трошин не был ее казначеем, Савин не был ее членом, Закржевский и Савин состояли во «Внутренней линии», но все они были знакомы между собой и встречались с Завадским.

К организации Завадского принадлежали проживавшие в том же доме братья М. и Б. Шварц и Кацман; бывший советник полпредства СССР в Париже Григорий Зиновьевич Беседовский, на чье имя в этом доме была снята небольшая квартира; Троепольский, Колтыпин-Любский, Кротков и Бострем. При посредстве Беседовского и Колтыпина Завадский был тесно связан с таким крупным, бывшим одно время в Берлине, агентом ОГПУ Багговутом-Коломийцевым, проживавшим в доме № 157 на рю де ля Помп.

В офисине Завадского была обнаружена обширная картотека с карточками на 16 тысяч эмигрантов. Занимались деятели РИС странными делами. Составляли и распространяли разного рода дезинформацию, продавая ее тому, кто больше давал. Специалистом по этой части был Беседовский, редактор невозвращенческой газетки «Борьба», финансировавшейся Багговутом.

После обысков у деятелей РИС следственные власти заключили, что организация Завадского располагала значительными средствами «весьма подозрительного происхождения».

При обыске у Бориса Шварца было установлено наличие в Базельском банке сальдо на 835 тысяч франков; некий Богомолец, бывший агент Интеллидженс сервис и тайный агент румынской полиции, проживавший в доме № 5 на рю Шальгрен, вручил офисине Завадского конверт с 12 тысячами франков; совсем не по назначению поступали к Завадскому деньги от Л. Д. Кутеповой, пожертвованные эмигрантами на розыски ее похищенного мужа; получал Завадский субсидии и от Фо-Па-Биде, прекратившиеся только после исчезновения Миллера и первого обыска в офисине Завадского.

Среди изъятых в доме Скоблиных бумаг было особое досье, всецело посвященное организации Завадского. В этом досье все его сотрудники величались товарищами. С офисиной Завадского Скоблин поддерживал тесные отношения. По ночам он часто встречался с Завадским и Кацманом в маленьких бистро вблизи от вокзала Сен-Лазар. И в бумагах Скоблина Багговут был отмечен как самый могучий и ловкий агент большевиков во Франции.

Борис Шварц, владелец типографии в Париже, был связан с матерым чекистом Думбадзе, вероятно, причастным к похищению Кутепова. Н. Н. Клепинин заведовал у Шварца типографией, муж известной талантливой поэтессы Марины Цветаевой, Сергей Яковлевич Эфрон, был корректором, Кондратьев — рабочим. После убийства неугодного большевикам Игнатия Рейсса в Швейцарии, Думбадзе, Клепинин с женой, Эфрон, Кондратьев и некий Петр Шварценберг, подозревавшиеся в убийстве, бежали в СССР.

Женевский суд, разбиравший дело об убийстве Рейсса, просил французские власти о содействии в розыске убийц. Полиция произвела обыск и выемку документов в помещении Союза Возвращения на Родину в доме № 12 на рю де Бюси. Было установлено, что эта советская организация покровительствовала Плевицкой во время ее турне по Америке в 1927 году.

Следствие распространилось на евразийское движение. Выяснилось, что Эфрон, чета Клепининых и Кондратьев сблизились с группой евразийцев, перешедших на «советскую платформу». Затем они установили сотрудничество с возвращенцами. Против Кондратьева в Корниловском объединении было выдвинуто обвинение в тайных сношениях с большевиками. Но вмешательством Скоблина расследование о Кондратьеве было прекращено.

* * *

Тесную связь с Завадским поддерживал и софийский узел «Внутренней линии». Фосс переписывался с Завадским как до похищения генерала Кутепова, так и после этого страшного удара по РОВСу. Начав свою деятельность во Франции, Закржевский встречался и переписывался с Завадским. 24 января 1930 года Фосс писал Закржевскому:

«К сожалению, от ЗК не имею никаких ответов уже более месяца. Между тем обстоятельства, например, в Каннах, где полк. Тарасевич, приняли очень нехороший оборот, ибо, Тарасович, никем не руководимый, повел недопустимую политику. Прошу вас через ЗК повлиять на Тарасовича, дабы выпрямить взятую им линию поведения… Предупредите ЗК, что упоминавшийся в разоблачениях Петрова какой-то Данилевский (хорошо известный вам его софийский псевдоним Левский), кажется, б. морской офицер и сейчас находится в Бельгии, куда он переехал из Болгарии…»

Итак, Фоссу стали известными показания Петрова бельгийской Сюртэ Женераль. Но в этом документе определена и

роль Завадского, как советского агента. Тем не менее связь «глаз и ушей РОВСа» с Завадским не прервалась и после разоблачений Петрова. А последовавшие за похищением Кутепова неблагоприятные для Завадского сообщения печати не на шутку взволновали Фосса. По его поручению подручный А. А. Браунер 6 февраля 1930 года писал Закржевскому:

«Вчера вам послана бумажка, в которой говорится, чтобы вы прекратили до особого распоряжения всякую связь с ЗК. Вызвано это тем, что вчера из Парижа К. А.[101] получил сведения о том, что, одновременно с исчезновением ген. Кутепова, неизвестно куда девался ЗК. Что отчасти подтверждается и вами, так как в своем письме от 31/1 вы говорите: „Сегодня пятница, и я до сих пор не получил от ЗК ничего“. К. А. очень просит вас в самом спешном порядке узнать все подробности этой комбинации и ему сообщить».

Где был в этот момент Завадский и что он делал, покрыто мраком неизвестности. Но узнав о его добром здравии и благополучии, Фосс благодарил Закржевского за подробную информацию и 12 февраля писал ему:

«…считаю, что ни в коем случае не должно предаваться огласке впечатление, созданное теперешними заместителями[102]. Напротив, надо приложить все старания к укреплению их престижа, хотя бы даже искусственным путем. Передайте об этом ЗК. Кроме того, ***попросите его, чтобы хотя бы он теперь берегся и напрасно не рисковал*** *. Конечно, о Павле Ник. Ш.[103] речи быть не может, ибо это честнейший и преданнейший человек нашему делу».*

* * *

Похищение Миллера, разоблачение «Внутренней линии», добытые французским следствием материалы о весьма разветвленной сети советского шпионажа и провокации в среде эмигрантов повергли в панику руководителей эмигрантских политических и общественных организаций. Парижская группа эсеров утверждала, что в Париже и его окрестностях насчитывалось не менее 1700 провокаторов и осведомителей НКВД. Впрочем, истинное их число было ведомо только НКВД.

Комиссия генерала Эрдели

24 сентября 1937 года генерал Абрамов, находившийся в этот день в Белграде, издал приказ № 1 о вступлении на пост начальника РОВСа, с сохранением за собой должности начальника III Отдела РОВСа и переносом центра из Парижа в Софию. Помощнику начальника РОВСа адмиралу Кедрову было предписано вступить в исполнение обязанностей начальника I Отдела во Франции.

5 октября, по собственной инициативе, адмирал Кедров назначил генерала И. Е. Эрдели председателем Особой комиссии по делу Скоблина. В ее состав вошли членами генерал-лейтенант Н. М. Тихменев, бывший прокурор Московского окружного суда С. Д. Тверской, председатель Союза русских писателей и журналистов во Франции И. И. Тхоржевский и секретарем граф Г. А. Шереметев. 20 октября комиссия приступила к работе.

Возможности комиссии были невелики. Все важнейшие и интересные для расследования документы были в руках следователя Марша и его помощников. Опросить обширную группу русских, ставших профессиональными агентами французской и иных разведок, комиссия не решилась. Собственного разведывательного аппарата у комиссии, естественно, не было. И ограничилась она преимущественно показаниями чинов РОВСа и небольшим количеством поступивших к ней документов. Среди последних наиболее важными и обличающими были письма Закржевского и «Идеология» «Вн. линии», доставленные из Лиона Р. П. Рончевским.

Перед комиссией прошли десятки свидетелей, единодушно клеймивших Скоблина и Плевицкую. Клеймил предателей и Шатилов. Многие диву давались, как в течение стольких лет Скоблин невозбранно интриговал в среде РОВСа, натравливая одних генералов на других. Поголовно все называли Плевицкую злым гением Скоблина, его наставником и руководителем.

Жалко выглядел генерал Кусонский, чье поведение в трагические минуты Е. К. Миллера изумляло и французские следственные власти, и каждого мало-мальски мыслящего эмигранта. Многие были склонны видеть в Кусонском предателя и не верили, чтобы генерал Генерального штаба мог допустить такую непростительную оплошность.

Кусонский преподнес комиссии странное заявление, наводившее на грустные размышления и никак чести ему не делавшее:

«Наиболее близким мне человеком, с которым я часто делился своими мыслями и сомнениями и мнение которого я всегда высоко ценил, является полковник А. В. Станиславский. Так как после всего случившегося многие находили, что мне следовало вскрыть записку тотчас же по выходе генерала Миллера из дверей управления, то я заявляю, что, если бы я даже поделился на этот раз с полковником Станиславским секретом и он самым настоятельным образом стал бы доказывать необходимость вскрыть записку, ***то я всё равно ее не вскрыл бы.***

Хочу заверить, что хотя и убежден, что более раннее вскрытие мною записки генерала Миллера и, следовательно, более ранняя тревога ничуть не изменили бы трагической развязки, но считаю себя виновным в позднем вскрытии упомянутой записки, почему откровенно доложил начальнику Русского Обще-Воинского Союза о недопустимости дальнейшего занятия мною каких-либо ответственных должностей в РОВСе».

Редактор журнала «Часовой», в марте 1935 года пылко выражавший свое доверие к Скоблину и готовность защищать его доброе имя от «клеветы» Федосенко, повернулся на 180 градусов и заявил:

«К Скоблину я лично никогда не питал ни малейшего доверия… он всегда подчеркивал хорошие отношения с генералом Шатиловым. Но за глаза его всегда ругал…»

Гибель генерала Миллера воочию подтвердила правоту полковника Федосенко, его имя было реабилитировано. Его предупреждения генералу Миллеру оказались своевременными и основательными. Но, как отмечала комиссия, глава РОВСа стремился «уберечь Скоблина от обвинений и подозрений в причастности к большевистской агентуре».

Генерал Глобачев, бывший до лета 1934 года начальником контрразведки при управлении РОВСа, в своем письме из Нью-Йорка сообщил комиссии:

«Почему в 1932 году, когда ген. Миллер принимал Федосенко, он ничего мне не сказал о разговоре с ним, и главное, о том, что Федосенко назвал ему, правда, со слов Магденко, имя Скоблина, как советского агента. Неспроста же Магденко сказал про Скоблина, а не про кого-нибудь из других генералов в окружении ген. Миллера. О Магденко в моих делах есть довольно подробные сведения, а о Федосенко почти ничего, кроме того, что он исключен из РОВСа за большевизм. Помню, что я добивался у многих узнать, в чем заключался большевизм Федосенко, но так и не добился. А расскажи мне ген. Миллер, что говорил Федосенко, я бы проверил Скоблина. Приблизительно в то же время я очень был озабочен тем, что говорил невозвращенец Железняк на первых порах своего

бегства из парижского торгпредства. Он сказал, что в окружении ген. Миллера есть один генерал, который состоит на советской службе, и что если бы он назвал его имя, то все были бы поражены. Имени генерала назвать не хотел, очевидно боясь мести. Для меня была задача выяснить этого генерала, но как? В окружении ген. Миллера было много генералов, нельзя же было считать всех предателями. Вот тут-то ген. Миллер мог бы помочь своей откровенностью после разговора с Федосенко».

* * *

Во «Внутренней линии» Скоблин был своим человеком в полном смысле слова. И разоблачения деятельности этого «ордена» не могли пройти мимо внимания комиссии Эрдели, и она была вынуждена заняться ее делами.

Представленную Р. П. Рончевским документацию комиссия признала подлинной. Но по вопросу о качестве «Линии» и ее целей выводы комиссии сводились к обелению «Организации» и выгодному для нее бездоказательному утверждению, что Скоблин был единственным большевистским агентом в ее составе, и что сама «Линия» в целом никакого отношения к похищению генерала Миллера не имела.

Скоблину, завоевавшему доверие Миллера, сообщники, кроме Плевицкой, просто-напросто не были нужны. Скоблин отлично знал, что такое «Вн. линия», и сам он был создателем ее агентуры в собственном Корниловском полку. Именно его полк поставил «Линии» наибольшее, по сравнению с другими полками, число «незримых руководителей».

Суждения комиссии о Закржевском поражали своим недомыслием:

«Трудно без иронического чувства читать письма кап. Закржевского к своим местным представителям по „Вн. линии“. Вся эта бумажная труха излагается в формах директив главнокомандующего своим армиям, но касается большей частью пустяков».

Тон писем Закржевского зависел от воли пославшего. Но эта «труха» всё же убедила комиссию в том, что Шатилов — и впрямь глава «Линии», он же «Павлов», он же «115». И дело шло совсем не о пустяках. Противореча самой себе, комиссия заключила, что именно Шатилов вел интриги против Миллера, и что у «Вн. линии» было два лица: одно открытое для главы РОВСа и другое тайное, тщательно от него скрываемое. Только из полученных от НТСНП документов Миллер убедился в темной игре Шатилова,

стремившегося заменить его на посту председателя РОВСа, ставши и военным и политическим вождем эмиграции.

Но кардинального вопроса, почему «Линия» почитала себя стоящей над РОВСом и НТСНП, комиссия перед собой не поставила. Она не задумалась над таким важным вопросом, **кому же служила «Линия»?**

Она не допросила ни самого Шатилова, ни известных ей Мишутушкина и Селиверстова, ни иных «линейцев». Но Шатилову она дала весьма нелестную характеристику:

«…человек очень честолюбивый, острого ума и отличных способностей, имеет, однако, в своем характере черту склонности к интриге, хорошо известную его сослуживцам. К тому же он не очень разборчив в средствах достижения своих целей — и личных, и идейных…»

Шатилов вполне оправдал это суждение комиссии. В газетном интервью он утверждал, что по «Внутренней линии» он, генерал-от-кавалерии, получал распоряжения из Софии от капитана Фосса!

Комиссия послала запрос в Софию. Фосс представил ей донесение, которое комиссия назвала «отпиской». Фосс писал, что по его поручению Закржевский и Селиверстов привезли Шатилову идею политической работы в РОВСе. Шатилов «воспринял эту мысль очень охотно и стал энергично ее осуществлять», ведя подкоп под Миллера. А параллельно и как бы независимо действовали Скоблин и Плевицкая.

Комиссия установила, что Шатилов и Скоблин не раз бывали на собраниях у Александра Ивановича Гучкова, бывшего думского деятеля и военного министра Временного правительства в кабинете князя Львова. Непримиримый враг большевизма, Гучков интересовался жизнью и возможностями РОВСа, строя свои планы борьбы с узурпаторами. Под влиянием Шатилова и Скоблина сочувственное отношение Гучкова к генералу. Миллеру «… заменилось мнением о старческой слабости и непригодности возглавителя РОВСа. В проекте широкого объединения разных групп эмиграции с весьма далеко стоящими флангами (и особенно длинным левым флангом), которым был занят Гучков, предусматривалась роль возглавителя военного сектора эмиграции. За непригодностью, по мнению Гучкова, ген. Миллера для этой роли, он предназначал ее для ген. Шатилова. Едва ли, однако, такая роль удовлетворяла последнего. Есть признание кап. Закржевского, что их, т. е. его и ген. Шатилова, стремления заключались в том, чтобы создать „общий национальный союз без всяких поколений и разделений“. Одновременное возглавление РОВСа, с одной стороны, и общего национального союза, с

другой, открывали ген. Шатилову пути к наивысшим возможным в эмиграции общественно-политическим достижениям, далеко превосходящим по значению ту роль, которая предназначалась ему Гучковым».

Гучков, скончавшийся до похищения Миллера, о «Вн. линии», конечно, ничего не знал. Но не без оккультного влияния «Линии» он усвоил мысль о непригодности генерала Миллера — в духе писем Закржевского о «старческой головке».

Оценивая тайнодействия в РОВСе, комиссия пришла к заключению:

«Вышеописанная деятельность ген. Шатилова и его Внутр. линии действительно была вредна, как всякий элемент разложения эмиграции и выгодна большевикам. Это была, в некотором отношении, работа НА большевиков».

Не поверив «отписке» Фосса, комиссия восприняла его донесение как искажение действительности и заведомо неверное освещение истории и работы «Вн. линии».

«Комиссия не придала бы ему большого значения, если бы донесение кап. Фосса было направлено в комиссию непосредственно. Но донесение это изложено в виде его рапорта ген. Абрамову и препровождено в комиссию при подписи последнего. В этой надписи ген. Абрамов пишет:

„Изложенное в рапорте кап. Фосса подтверждаю в полной мере. Вся работа кап. Фосса со времени моего вступления в должность начальника III Отдела с 1925 года протекала всегда под непосредственным моим руководством и наблюдением“. *Таким образом, ген. Абрамов берет на себя ответственность за всё содержание донесения кап. Фосса и объединяется с ним во всей порочности этого донесения…»*

Увы, комиссия не попыталась дать такому явлению достойную оценку. Ведь было так ясно — «Линию» возглавляли генералы-заговорщики, прятавшиеся от Миллера.

* * *

Не без закулисного влияния вкрапленных в РОВС «линейцев» и именно их словами, «комиссия Эрдели решительно осудила» разоблачения «Вн. линии» на собраниях НТСНП.

Личность Рончевского в докладе комиссии была обрисована соответствующе самыми мрачными красками:

«Человек крайне властолюбивый, непоколебимо уверенный в превосходстве своего ума и талантов. Страдает манией революционного преследования, повсюду видит руку ГПУ,

секретных агентов, отравленные кинжалы и пр. в духе полицейских фельетонов и романов… Вначале он пользовался полным доверием кап. Закржевского: ему одному из членов Внутр. линии было разрешено связать себя с 12 корреспондентами этой организации. Но уже через несколько месяцев отношения между Рончевским и Закржевским начинают портиться ***на личной почве.*** *По-видимому, это было столкновение двух властолюбий»…*

Переписка из двух углов этого как раз не подтверждала. Но в обычае советской агентуры в эмиграции было вообще стремление сводить спровоцированные ею и ее интригами события к личным отношениям действующих лиц. Не избежал такой трактовки и прошатиловский журнал «Часовой», рукой В. Орехова писавший:

«Начались публичные обсуждения этой темы со всевозможными разоблачениями и неизбежным в таких случаях ***сведением личных счетов.*** *Это — огромная ошибка… Вот почему мы решительно несогласны со всеми публичными выступлениями против „внутренней линии“, независимо от нашего к ней отношения»*[104].

У Рончевского с Шатиловым и Закржевским никаких личных дел не было. Рончевский не претендовал на какую-либо важную роль в «Линии», но пытался, вместе со мною, понять ее сущность и проникнуть в ее сокровенные тайны, что нам в значительной мере и удалось. Памятуя, что провокация боится гласности, как черт ладана, мы сочли своим долгом рассказать о «Вн. линии» то, что нам стало о ней известно.

Такими же мрачными красками было нарисовано Исполнительное Бюро Совета НТСНП, и особенно его генеральный секретарь:

«Человек очень властолюбивый, г. Георгиевский в лице генерала Шатилова видел личного конкурента на роль вождя».

Никаких доказательств тому представлено не было, зато источник их не внушал сомнения — то были нашептывания «линейцев», одетых в мундиры РОВСа. Также голословно комиссия утверждала, что Георгиевский был истинным источником «клеветнического» доклада, мною прочитанного в зале Социального Музея в Париже 9 октября 1937 года.

Решение разоблачить «Вн. линию» после бегства Скоблина было принято Рончевским и мною; оно было поддержано Центральным Правлением Отдела НТСНП во Франции и, в последнюю очередь, Исполнительным Бюро. Именно в наших руках была переписка из двух углов, та апельсиновая корка, на которой поскользнулась «Вн. линия». И без писем Закржевского и «Идеологии» комиссия была бы не в состоянии заняться даже и не всеобъемлющим рассмотрением дел «Вн. линии».

* * *

Комиссия генерала Эрдели закончила свою работу и 28 февраля 1938 года представила свой доклад начальнику I Отдела РОВСа генералу В. К. Витковскому.

Доклад комиссии не был никогда опубликован. Как обычно в РОВСе, и с большой пользой для «Линии», сора из избы решили не выносить.

1 марта Витковский отдал приказ по Отделу, в котором предал гласности только девять выводов комиссии. Параграф пятый приказа гласил:

> «В дополнение к ранее имевшим место указаниям — ныне приказываю так называемую „Внутреннюю линию“ упразднить и всякую деятельность по этой линии прекратить».

* * *

От творившегося в Париже генерал Абрамов в восторге не был. Расследование комиссией Эрдели дел «Внутренней линии» его явно не устраивало. Адмиралу Кедрову он предъявил требование распустить комиссию или, по меньшей мере, заменить генерала Эрдели другим лицом. Кедров навстречу Абрамову не пошел, и отношения между комиссией и Абрамовым сразу же стали неприязненными.

Завершая свои работы, комиссия отправила Абрамову письмо от 25 февраля 1938 года, в котором излагались заключения о «Вн. линии» и ее деятелях. Подчеркивая роль Шатилова в тайных кознях против похищенного Миллера, комиссия сурово отозвалась и о деятельности Абрамова:

«Заключения очевидны. Наименее из них невыгодное могло бы состоять в том, что вы в течение тринадцати лет были непрерывно и умышленно вводимы капитаном Фоссом в заблуждение, совершенно этого не заметив, и что в такое же заблуждение вы были введены и ген. Шатиловым во время вашего приезда в Париж, когда вы у него жили».

Поставленная перед фактами, комиссия не нашла иного выхода, как «вскрыть в докладе со всей откровенностью ваше покровительство „Внутр. линии“. Молчание о нем, с сообщением во всеобщее сведение, что результат трудов комиссии представлен по начальству в Болгарию, не только не могло бы удовлетворить взволнованное общественное мнение, но и

оставило бы в самих членах комиссии сознание бесплодности произведенной работы, заведомой безнаказанности деятелей „Внутр. линии“ и моральной бесцельности и ошибочности оказанного вам доверия».

* * *

В противовес комиссии Эрдели, Абрамов образовал свою особую комиссию по обследованию деятельности «Вн. линии», под председательством полковника Петриченко. «Отлично составленные протоколы и доклады» этой ручной комиссии ничего предосудительного в работе «линейцев» не нашли. Были довольны генерал Абрамов, его подручный Фосс, Закржевский, Браунер, Коморовский и прочие «незримые руководители».

Генерал Ф. Ф. Абрамов

Казак станицы Митякинской, Федор Федорович Абрамов родился в 1870 году. Его отец, отставной войсковой старшина Донского казачьего войска, был не только заботливым и любящим отцом, но и суровым начальником, с малых лет прививавшим сыну воинскую дисциплину и чувство долга. Военным стал Федор Федорович уже в детские годы. По окончании Полтавского кадетского корпуса, Александровского пехотного и Михайловского артиллерийского училищ, в 1891 году Федор Федорович вышел хорунжим в лейб-гвардии 6-ю казачью Его Величества батарею.

В 1898 году по первому разряду был выпущен из Николаевской академии Генерального штаба. Не будучи в душе карьеристом, а человеком долга и безупречно точным и исполнительным офицером, он быстро поднимался по служебной лестнице. Сперва он занимал малые должности в штабе 1-й Донской казачьей дивизии и штабе 14-го армейского корпуса.

Во время русско-японской войны 1904–1905 годов поначалу был в штабе Маньчжурской армии генерала Куропаткина, а затем начальником штаба 4-й Донской казачьей дивизии.

В чине полковника командовал 1-м Санкт-Петербургским уланским полком. Произведенный в генерал-майоры в январе 1914 года, был назначен начальником Тверского кавалерийского училища. Здесь он пробыл недолго. Фронт Первой мировой войны остро нуждался в офицерах Генерального штаба. В 1915 году он занял должность генерал-квартирмейстера 12-й армии генерала Плеве, начальником штаба которой был генерал Е. К. Миллер. Тут впервые, но ненадолго, скрестились служебные пути Миллера и Абрамова. Вскоре он был назначен начальником 4-й Донской казачьей дивизии, а в конце 1916 года командовал 15-й кавалерийской дивизией.

Накануне февральской революции 1917 года Абрамов был назначен начальником штаба Донского Войска. Но, не успев принять должность, был послан на фронт начальником 2-й Туркестанской казачьей дивизии.

Развал фронта вынудил Абрамова вернуться в родные края. В Гражданскую войну служил в Донской армии начальником 1-й Донской казачьей дивизии. После новороссийской катастрофы армий генерала Деникина, в русской армии генерала Врангеля Абрамов возглавил в Крыму Донской корпус, сформированный из остатков Донской армии. В дни крымской эпопеи белых отлично командовал Донским корпусом. Во главе корпуса он был и на

чужбине: в лагерях Чаталджи, на острове Лемнос и в Болгарии.

Высланный одновременно с Кутеповым правительством Стамболийского из Болгарии, с 1923 по 1924 год Абрамов был начальником штаба Врангеля в Сремских Карловцах. По возвращении в Софию он возглавил III Отдел РОВСа.

Похищение Е. К. Миллера застало Абрамова в Белграде, куда он выехал по делам. По каким-то, лично ему известным мотивам, Абрамов не хотел быть главой РОВСа. Зная о результатах секретного опроса в 1936 году генералом Миллером старших генералов РОВСа о возможном ему преемнике, Абрамов сразу же предложил этот пост генералу А. М. Драгомирову, проживавшему в Белграде. Но Драгомиров отклонил предложение. Тогда Абрамов издал свой приказ № 1 о переносе центра РОВСа в Софию. Это решение противоречило соглашению между СССР и Болгарией о недопущении на ее территории возглавления враждебных СССР эмигрантских организаций. Никакие заверения Абрамова в том, что принятое им возглавление РОВСа в Софии будет чисто номинальным, не изменили решения болгарского правительства. Оно предложило Абрамову выехать из Болгарии.

15 ноября 1937 года Абрамов обратился с письмом к проживавшему в Париже заслуженному профессору Николаевской академии Генерального штаба, генерал-лейтенанту А. А. Гулевичу:

«Позволяю себе обратиться к вам с покорнейшей просьбой принять на себя возглавление РОВС. Могу заверить, что принятие вами этой должности будет встречено всеми начальниками отделов РОВС с полным удовлетворением и готовностью быть вам ревностными помощниками во всех ваших начинаниях. Разрешите надеяться на благоприятный ответ. В этом случае вступление ваше в должность желательно было бы произвести до 1 декабря сего года».

Ввиду тягостного положения РОВСа, почтенный и всеми уважаемый генерал не счел для себя возможным отказаться от предложения. 22 ноября генерал Гулевич послал Абрамову телеграмму о своем согласии и просил его немедленно известить телеграммой о назначении на должность председателя РОВСа. Одновременно он ясно дал понять Абрамову, что, по вступлении в должность, первым своим делом считает немедленное и действительное уничтожение «Внутренней линии».

Вопреки своему заверению, быть ревностным помощником Гулевичу во всех его начинаниях Абрамов отнюдь не собирался. Телеграмму Гулевича он обошел молчанием и сразу же приступил к поискам более удобного для «Линии» главы РОВСа. Вновь он обратился к генералу Драгомирову. На сей раз

Драгомиров согласился, но сообщил, что для переноса центра РОВСа в Белград необходимо разрешение югославского правительства. В течение трех месяцев правительство Югославии изучало этот вопрос 18 марта оно известило Драгомирова о своем отказе. Похищение генералов Кутепова и Миллера, дело Линицкого-Коморовского, наличие в РОВСе «Внутренней линии» продиктовали югославским властям мудрое решение.

Узнав о закулисных ходах Абрамова, Гулевич написал ему 28 декабря письмо, частично опубликованное в газете «Возрождение» от 31 декабря 1937 года. Молчание Абрамова Гулевич оценил по достоинству:

> «Не входя в рассмотрение причин, вызывающих столь вредное для дела промедление, я признаю своевременным заявить, что считаю себя освобожденным от принятых 15 ноября обязательств по отношению ко мне, как вас лично, так и начальников отделов РОВС…»

Угодный «Внутренней линии» начальник РОВСа был найден в лице проживавшего в Брюсселе Генерального штаба генерал-лейтенанта Алексея Петровича Архангельского. Во время Первой мировой войны Архангельский ведал в Главном штабе отделом командного состава. Временное правительство назначило его начальником Главного штаба. После большевистского переворота Архангельский оставался на своем посту, а затем был назначен начальником управления, ведавшего командным составом Всероссийского Главного штаба Красной армии. На этом посту он оставался до 15 сентября 1918 года. Посланный народным комиссаром по военным делам Львом Троцким на Южный фронт, он оказался в стане белых. К службе на верхах Красной армии генерал А. И. Деникин отнесся весьма неодобрительно и назначил расследование, окончившееся для Архангельского благоприятным постановлением комиссии. Тем не менее никакой видной роли в белой армии на юге России Архангельский не играл, и его имя ничего не говорило большинству чинов РОВСа. Известно было, что у него были приятельские отношения с генералом Кусонским. 20 марта 1938 года Абрамов отдал приказ о назначении Архангельского с переносом центра РОВСа в Бельгию. В циркуляре начальникам отделов РОВСа от 20 марта, помеченном «Не для печати», Абрамов ни одним словом не обмолвился о несостоявшемся назначении генерала Гулевича…

И всё осталось в РОВСе по-прежнему, с той лишь разницей, что некому было больше заниматься темными делами «Внутренней линии».

* * *

Покидая Россию, генерал Абрамов оставил в Новочеркасске на попечении родственников десятилетнего сына Николая. Как мог генерал Генерального штаба, безупречной репутации и редкой честности, занимавший в стане белых высокие должности, совершить такую чреватую последствиями оплошность?

* * *

Маленький Николай жил в семье тетки и воспитывался в советской среде. Учился в советской школе, состоял в комсомоле, прошел разностороннюю подготовку в Осоавиахиме. Был умелым шофером-механиком, хорошим фотографом, бойко стучал на пишущей машинке, любил спорт и вообще отличался недюжинными способностями. Советская школа привила ему атеистические взгляды на жизнь, преклонение перед сильной советской властью, ненависть к фашизму, презрение к демократии и белогвардейцам.

Осенью 1931 года матрос советского торгового флота Николай Абрамов сошел с корабля в Гамбурге, сел в поезд и прибыл в Берлин. Берлинский полицайпрезидиум направил Николая к генералу фон Лампе для проверки личности и отправки к отцу в Болгарию. Фон Лампе списался с Абрамовым, срочно выславшим Николаю болгарскую визу и деньги на дорогу. Подведомственный фон Лампе полковник фон Гоерц заверил, что никаких подозрений против Николая не было.

Николай приехал в Софию, поселился у отца и три года жил на его иждивении. Суровому, воспитанному царской Россией генералу не по душе были советские взгляды Николая. Он как-то старался перевоспитать сына. Николай поддался уговорам отца и вскоре предложил свои услуги белым. Капитан Фосс привлек его к работе «Внутренней линии», и Николай сразу же проявил себя способным конспиратором. Как сыну видного белого генерала, Николаю открылись двери нескольких национальных организаций. Наибольшее внимание он уделял НСНП. Став членом Софийского отделения Союза, он интересовался буквально всем происходившим в лоне этой организации. Уже в 1933 году члены НСНП были обеспокоены его чрезмерным любопытством и стремлением проникнуть в его тайны.

Неоднократно он советовал создать внутри НСНП тайную организацию, но каждый раз его настойчивые предложения отклонялись. Возникшие против Николая подозрения

превратились в уверенность во время его поездки в Белград. Тут он пытался в беседах с руководителями НСНП выведать интересовавшие его сведения и толкнуть деятельность Союза по пути, подсказанному его настоящими хозяевами. Его попытки изменить тактику НСНП натолкнулись на решительный отпор. Подозревая в нем советского агента и невзирая на его родство с видным белым генералом, М. А. Георгиевский настоял на его исключении из Союза. Генерал Абрамов и чины РОВСа были возмущены решением НСНП, и отношения между двумя организациями, уже омраченные исключением «линейцев», стали еще более неприязненными.

В отместку за свое исключение, с ведома Фосса, Николай начал сеять рознь в среде Софийского отделения. Он открыто прославлял политические таланты исключенных в 1934 году «линейцев», проникших в НСНП в годы его становления, и ратовал за их возвращение в ряды Союза.

Летом 1934 года СССР и Болгария договорились об установлении дипломатических отношений. 23 ноября 1934 года советский полпред Ф. Ф. Раскольников вручил царю Борису верительные грамоты. Прошло немного дней после этого события, и Раскольников заявил протест болгарскому правительству, обвинив некоторых членов НСНП в подготовке покушения на его жизнь. Болгарские власти приняли меры против НСНП. Позже выяснилось, что Николай представил Фоссу такой же список «заговорщиков», какой Раскольников передал болгарским властям.

Провокационная деятельность Николая привлекла к себе внимание болгарской тайной полиции. За ним было установлено наблюдение. К середине 1936 года полиция выявила его связи с резидентом НКВД на Балканах. В дальнейшем она проследила его тайные встречи с проживавшими в Софии чекистами.

В октябре 1938 года Николай Абрамов был арестован. Ему были предъявлены обвинения в связях с советской агентурой. Николай пытался отрицать, но безуспешно. Власти предоставили Николаю недельный срок для размышлений. Осознав, что оправдаться ему не удастся, Николай предпочел покинуть Болгарию. Об отъезде сына хлопотал и отец. Он старался облечь высылку сына в мягкую форму и устроить ее, по возможности, без шума. Получив визу на трехмесячное пребывание во Франции, Николай и его жена уехали из Софии 13 ноября 1938 года. После прибытия Николая во Францию следы его потерялись.

* * *

РОВС, сам генерал Абрамов и люди «Внутренней линии» всячески старались замять скандал. Даже Архангельскому о деле сына Абрамов сообщил с трехмесячным опозданием — 25 февраля 1939 года. Доверительные, «не для печати», бумаги РОВСа свидетельствовали, что сам Фосс в конце 1936 или в начале 1937 года якобы первым обнаружил неблагополучие и начал принимать меры предосторожности, отдаляя Николая от управления III Отдела.

Но шила в мешке не утаишь. Дело Николая Абрамова всплыло на поверхность и произвело на эмиграцию удручающее впечатление. Эмигрантские газеты удивлялись и возмущались поведением генерала Абрамова. В статье «Опять», помещенной в № 50 газеты «Сигнал», ближайший помощник генерала Туркула полковник Н. В. Пятницкий писал:

«…нам решительно непонятно, как генерал Абрамов сам может оставаться в занимаемой должности. Требовать его отставки — не наше дело. Это — дело РОВСа. Но мы высказываем лишь удивление, что генерал Абрамов сам допускает возможным ожидать таких требований…»

В № 18 «Нашей Газеты» ее редактор-издатель Иван Солоневич писал:

«Самым страшным симптомом является всё-таки не факт провокации, а попытки ее замазать и замять».

Скандал вынудил генерала Архангельского заняться келейным расследованием дел Николая Абрамова и «Внутренней линии». В марте он выехал на Балканы и провел в Софии десять дней. Назначенная им «особая комиссия» под председательством генерала Артамонова необычайно быстро рассмотрела деятельность «Вн. линии» и не нашла в ней ничего предосудительного. Она лишь упрекала Фосса в том, что он счел неубедительными имевшиеся против Николая улики.

Вернувшись в Брюссель, Архангельский издал циркуляр начальникам отделов РОВСа, в котором говорилось, что «ни в коем случае не следовало привлекать сына начальника отдела к секретной работе, каким бы он, по своим способностям, знаниям и свойствам не представлялся подходящим и даже незаменимым для этой работы».

В приказе № 9 по РОВСу от 12 апреля 1939 года Архангельский повторил ту же мысль, упрекая Фосса в якобы запоздалом осведомлении генерала Абрамова в отношении его сына.

В приказе № 10, от того 12 апреля, Архангельский прославлял деятельность генерала Абрамова и выражал ему «глубокую благодарность». И конечно, об отставке Абрамова речи

никакой не было.

Обеляя «Внутреннюю линию» Архангельский подчеркнул, что ее работа **«была под постоянным контролем начальника III Отдела».** Эта работа «во многих случаях дала прекрасные результаты, **и продолжение ее представляется совершенно необходимым, но она должна быть впредь реорганизована и поставлена в нормальные рамки существующих воинских организаций и частей, входящих в состав Русского Обще-Воинского Союза.**

Ввиду этого приказываю:

а) действия так называемой „внутренней линии“ в III Отделе Русского Обще-Воинского Союза и там, где вопреки данных ранее указаний, эта организация еще осталась — прекратить и „внутреннюю линию“ уничтожить…»

В параграфе третьем приказа Архангельский объявил благодарность комиссии полковника Петриченко «за отличное выполнение задач» по обелению «Внутренней линии».

В газете «Возрождение» приказы были изложены с выгодными для «Линии» пропусками. В номере 4182 от 5 мая 1939 года пункт «а» был приведен полностью. Но преамбула о совершенной необходимости дальнейшей работы «Вн. линии» и ограничении ее только рамками РОВСа гласности предана не была. После разоблачений «Линии» на собраниях НТСНП и в печати такое решение было вполне логичным. И РОВС остался в цепких руках реорганизованных «незримых руководителей».

Братья Солоневичи, Фосс и Раскольников

7 июня 1934 года в СССР был обнародован закон, каравший смертной казнью советских граждан, пытавшихся бежать за границу.

12 августа того же года Борис Лукьянович Солоневич, врач по профессии, пересек около Сортавалы советско-финскую границу. Двумя днями позже его брат Иван Лукьянович с 18-летним сыном Юрием тоже перешли границу, пройдя путь от Медвежьей Горы до Илломантси. Брели они по лесам и болотам Карелии, по которым в обратном направлении ходили за смертью боевики Кутепова. Перейдя границу, они отдались в руки финских пограничников.

В Гельсингфорсе их подробно опросила финская политическая полиция. Солоневичи рассказали, что им удалось бежать из концентрационных лагерей Беломорско-Балтийского комбината, строившего на костях заключенных канал между Балтийским и Белым морями.

Братья Солоневичи были сыновьями чиновника, ставшего затем редактором «Гродненских Губернских Ведомостей». По окончании средней школы Иван приехал в Петербург в поисках работы. Его бойкое перо понравилось А. М. Ренникову, талантливому фельетонисту монархической газеты «Новое Время», и он устроил Ивана в редакции обозревателем провинциальной печати. В гражданскую войну Иван был на стороне белых, принимая участие в подпольной работе против большевиков. Крах белого движения застал Ивана в Одессе. Заболев тифом, он очнулся уже под властью большевиков. Заметая следы, Иван сменил несколько профессий Как спортсмен, вошел в физкультурное движение, занял в нем видное положение. Сотрудничал в советских газетах, жил под Москвой в Салтыковке, много разъезжал по стране, с удостоверением профсоюзной газеты «Труд» в кармане.

Не найдя ничего подозрительного в их рассказах, финские власти передали братьев на попечение Русского Эмигрантского Комитета в Гельсингфорсе.

* * *

Из Илломантси Иван Солоневич послал в Берлин телеграмму своей жене Тамаре Владимировне, бывшей на свободе и служившей в советском торгпредстве. На другой день он получил

от нее поздравительную телеграмму и деньги телеграфным переводом.

Первое время братья, физически сильные и развитые, работали грузчиками в гельсингфорсском порту. Затем Иван, на редкость талантливый и плодовитый журналист, с большим профессиональным опытом и широкими общественно-политическими знаниями, начал свою заграничную карьеру в парижских «Последних Новостях». Его сто семнадцать статей под общим названием «Россия в концлагере», занимательно написанные, основанные на богатом материале очевидца, печатались дважды в неделю газетой П. Н. Милюкова с 20 января 1935 по 22 марта 1936 года. Они принесли Ивану первые гонорары и, главное, всеэмигрантскую известность и популярность. Антикоммунистическая направленность, яркость и красочность описываемых концлагерных ужасов сразу же выдвинули Ивана Солоневича на первое место среди немногочисленных тогда выходцев из советского рая на земле.

Летом 1936 года все Солоневичи перебрались в Софию. Переезд в Болгарию не был случайностью. Заботами Фосса и его подручных по «Внутренней линии» газета «Голос Труда», издававшаяся от имени находившегося под ее контролем Русского Христианского Трудового Движения, была передана Солоневичам. Сделав себе имя в «Последних Новостях», Солоневич смог приступить к изданию своей газеты «Голос России». При участии всех Солоневичей первый номер газеты вышел в июне 1936 года.

Знакомясь с эмиграцией, Солоневичи часто выступали с докладами на эмигрантских собраниях в Болгарии и Югославии. НТСНП устроил поездку Ивана Солоневича по городам югославской провинции, принесшую заметный доход в его карман. В Белграде с ним беседовали руководители НТСНП, рассказавшие ему в доверительном порядке о «Внутренней линии». К сообщению о незримых руководителях Солоневич отнесся равнодушно.

Знакомство с НТСНП принесло Солоневичу большую пользу — Исполнительное Бюро издало его книгу «Россия в концлагере» в 1936 году Вскоре книга была переведена на несколько иностранных языков. Гонорары Солоневича быстро росли. С каждым новым месяцем увеличивался его капитал, создавая предпосылки к полной от кого бы то ни было зависимости.

* * *

В первые месяцы жизни в Софии Солоневич почтительно относился к своим покровителям из «Внутренней линии». С большим уважением он отзывался о РОВСе и других национальных организациях. Восхвалял белое движение и его вождей. С первых же номеров его газета стала популярной, ею зачитывались, с нетерпением ожидая выхода следующего номера. Быстро рос ее тираж, принося семейству неслыханный по эмигрантским масштабам доход.

Исчерпав советские темы, Солоневич занялся жизнью эмиграции. Покровительственно похлопывая по плечу восторженно относившихся к нему эмигрантов, Солоневич мало-помалу перешел к резкой и подчас неприличной критике эмигрантских организаций и ее лидеров. В эпитетах и выражениях он не стеснялся. Дружеские отношения с РОВСом и людьми из «Внутренней линии» начали портиться.

Заметив перемену политического курса «Голоса России», генералы РОВСа забеспокоились и задались вопросом — не провокатор ли Солоневич?

20 декабря 1936 года генерал Добровольский писал Е. К. Миллеру:

«Еще и в последний раз я прошу обратить внимание на „знаменитых братьев“, работа которых вам кажется полезной. В Гельсингфорсе я был с визитом у весьма компетентного в этом деле лица, которое, со слов директора дружественной фирмы[105], имеет серьезные подозрения, считая, что мы имеем дело с опытными провокаторами, преследующими цель захвата эмигрантской активности, задачу, с которой они справляются блестяще».

Поначалу отказывавшийся на страницах «Голоса России» от каких-либо претензий на водительство, Солоневич бросил в толщу военной эмиграции идею «штабс-капитанского движения». Идея имела успех, многие из рядового офицерства узрели в Иване Солоневиче динамичного вожака. Будоража эмигрантов хлесткими лозунгами и бойкими, остроумными выпадами против оппонентов, Солоневич всё больше и больше завладевал умами восторженных поклонников.

* * *

Будучи еще в Финляндии, Солоневичи познакомились с приезжавшими сюда Скоблиным и Плевицкой. После встречи между Скоблиными и братьями завязалась переписка — условная и шифрованная.

Летом 1937 года братья Солоневичи выехали из Софии во Францию. Некая госпожа Носенко, проживавшая в Швейцарии, в письме генералу Миллеру от 22 июля 1937 года сообщала о своей встрече с братьями и просила его как можно скорее повидаться с ними.

А несколько раньше старшие алексеевцы, председатель Общества Галлиполийцев генерал-майор М. М. Зинкевич и возглавитель алексеевцев в Париже полковник С. А. Мацылев, обменялись письмами о Солоневичах.

Доверительно, только для личного пользования, Зинкевич писал из Софии 10 июня 1937 года:

«Дорогой Сергей Александрович, вы пишете, что у нас нет ничего общего с братьями Солоневичами. Я отлично понимаю мотивы вашего предупреждения. Но, в свою очередь, укажу вам на другую сторону дела. После прибытия своего в Софию братья Солоневичи были взяты под наблюдение местными властями, несмотря на благоприятные сведения, сообщенные финляндской полицией. (Всё же кажется, что финляндский штаб не разделял этого мнения). Это наблюдение установило, самым точным образом, что Борис связан с большевиками. Он был сфотографирован секретной болгарской полицией в момент, когда передавал пакет большевистскому агенту. Впрочем, была под контролем и вся подготовительная работа к свиданию и по прямой связи с Москвой.

К тому же можно удивляться, что полпредство СССР в Софии никогда не протестовало против печатания их газеты „Голос России“».

По-видимому, лояльный к Миллеру Мацылев беседовал с ним после письма Зинкевича. 28 июля Е. К. Миллер в письме к Зинкевичу, отправленном из Туссю-ля-Маделен, защищал Солоневичей от подозрений и сообщал об их предстоявшем визите в Баньоль-де-л’Орн, где он проходил очередной курс лечения.

1 и 2 августа Иван Солоневич был гостем Миллера в Баньоль. А эти же дни Борис Солоневич провел в обществе Скоблиных[106].

Среди бумаг, захваченных в отеле «Пакс», были обнаружены два письма Бориса Солоневича. Перебравшись в Брюссель, Борис написал 23 августа письмо Плевицкой условным текстом относительно своей якобы задуманной женитьбы:

«…Будьте так добры, дорогая Надежда Васильевна, напишите мне и дайте кое-какие подробности о Нил (так я уже называю мою будущую жену). Сообщите мне об ее образовании, характере, темпераменте, ***внешности и росте*** *, о всех ее талантах, в случае их наличия у нее… Наконец,* ***обо всём, что вы могли бы счесть***

интересным для жениха, незнакомого со своей невестой [107]**.**

Я вас прошу довести до конца предпринятое вами дело и „женить молодого человека“. Относительно Нил — нет ли у нее в Бельгии друзей или знакомых, чтобы иметь возможность устроить ее приезд сюда (ясно, что я беру на себя все расходы по путешествию, но об этом вам не нужно ставить Нил в известность) и узреть ее в природном величии. С другой стороны, чтобы не забыть об этом, ***я хочу жениться в этом году.*** *Что касается дел, то издание газеты в Бельгии представляется очень накладным: больше чем на 50 процентов дороже, чем в Софии. По этой же причине Иван Лукьянович уже выехал в Софию.*

Что до меня, то я остаюсь в Брюсселе, где попробую зацепиться. Не знаю, удастся ли мне это; всё же я намерен остаться жить здесь.

Сердечный привет Николаю Владимировичу. А вам, дорогая Надежда Васильевна, приношу мою благодарность и целую ваши ручки.

Б. Солоневич или дядя Боб.

Б. Солоневич, 128, рю Прево, Брюссель 23- VIII.»

Прошло немного дней, и в письме без даты Борис писал:

«Дорогая Надежда Васильевна! С большой радостью я узнал, что в конце сентября вы приедете с Н. В. С. в Брюссель на праздник корниловцев. При этой оказии я расскажу вам о моей неудаче с Нилой. Сердечный привет от опечаленного жениха с разбитым сердцем. Б.»

О какой женитьбе шла речь? Борис Солоневич был женат, его жена Ирина и ребенок остались в СССР. И жениховство в письме было не очень удачным камуфляжем каких-то совместных затей. Установив подозрительные стороны отношений Бориса Солоневича и Плевицкой, французское следствие не смогло точно определить, имели ли эти письма отношение к похищению генерала Миллера.

* * *

Подозревая Солоневичей в стремлении создать третий «трест», генерал Добровольский писал 14 августа Е. К. Миллеру:

«…я весьма удовлетворен статьей генерала Зинкевича, опубликованной в № 48 „Галлиполийского Вестника“ подзаголовком „Неотложная задача“, и особенно местом, в котором рассматривается возможность создания треста, который, применяя психологические методы, сможет довести до

абсурда антикоммунистические настроения эмиграции».

* * *

После похищения Е. К. Миллера Иван Солоневич со всей свойственной ему энергией защищал «Внутреннюю линию» и резко осуждал НТСНП и меня за разоблачение ее деятельности.

Но, защищая Скоблина по настоятельной просьбе генерала Абрамова, уверявшего, что предательство Скоблина — вещь невозможная, Солоневич признался, что «сел в калошу». Такая, вопреки очевидности, защита Скоблина поразила многочисленных читателей и грозила подрывом его газете. Пришлось срочно оправдываться ссылкой на авторитет Абрамова и защищаться самому:

«Я совсем не стыжусь моей первой защиты Скоблина. Слишком взвинчены нервы у Зарубежья и слишком щедро кидает оно обвинения в провокации. Лично я к ним привык. Были обвинения в психологическом тресте, и ходят разговоры о том, что ген. Миллера похитили именно мы с братом».

Но то обстоятельство, что, благодаря генералу Абрамову, Иван «сел в калошу», побудило его занять открыто враждебную позицию по отношению к РОВСу. Нарастал конфликт. Отмежевавшись полностью от РОВСа и его «Внутренней линии», Солоневич пошел походом против всех генералов РОВСа. С каждым новым номером «Голоса России» тон его высказываний становился всё более резким, враждебным и злобным. От былой зависимости от «Внутренней линии» не осталось ни следа. Кстати, тому способствовала и полная материальная независимость газеты. Стремление к дальнейшим успехам и к популярности среди «штабс-капитанов» диктовало Ивану и независимую линию поведения.

* * *

Утром 3 февраля 1938 года в редакцию «Голоса России» вошел неизвестный человек. Он принес пакет, выглядевший как связка книг, и тотчас же удалился. Взрывом спрятанной в пакете адской машины был разорван на куски секретарь Солоневича Н. П. Михайлов. Жена Ивана Тамара Владимировна была тяжело ранена и после страшных мучений скончалась в больнице. Цель покушавшегося и за ним стоявших достигнута не была — Ивана Солоневича в этот момент в комнате не оказалось.

Накануне взрыва Иван много работал и поздно лег спать. Он «проспал свою смерть» и проснулся от взрыва в своей комнате по соседству с редакцией. Вырванная из косяка дверь врезалась в стену в нескольких сантиметрах от головы Солоневича. Он уцелел, а с ним и «Голос России».

Похоронив жену, безопасности ради, Иван Солоневич уехал в Германию и оттуда продолжал редактировать газету. Его нападки на РОВС усилились, бил он по всем — правым и виноватым. И то ли в порыве саморекламы, то ли под воздействием винных паров, он заявил в № 102 «Голоса России»:

«Сейчас нелепо было бы отрицать тот факт, что в национальной части эмиграции я являюсь самой крупной величиной».

Стараниями «Внутренней линии», в лице А. А. Браунера связанной с «Общественной Безопасностью» Болгарии, после выхода № 111 «Голос России» был закрыт.

Но на текущем счету в Софии у Солоневича имелось около 100 тысяч франков и, кроме того, за переведенные на иностранные языки его книги ему причиталось еще около 500 тысяч. Имея такой капитал, через своего уполномоченного в Софии, В. К. Левашова, Солоневич получил разрешение на издание «Нашей Газеты».

Учитывая политический климат гитлеровской Германии, Иван заявил себя антисемитом. И в брошюре «Нашим друзьям» он обязался принять на себя «разработку основных положений „Белой Идеи“ в применении к условиям послесоветской России с учетом итальянского и германского опыта».

В каждом номере «Нашей Газеты» он беспощадно громил РОВС, обвиняя его в попытках задушить «Голос России». В номере 10 «Нашей Газеты» он писал:

«… Так как в этих попытках Скоблин был далеко не одинок, то совершенно позволительно спросить, в какой именно степени эта попытка отражала политику внутренней линии и в какой степени политику ОГПУ… Внутренняя линия влипла с делом Линицкого-Коморовского. Коморовского приютил болгарский РОВС. Выводы сенатора Трегубова о деле Линицкого — Коморовского не опубликованы. Выводы комиссии ген. Эрдели — просто лепет. Приказ генерала Архангельского о роспуске Внутренней линии — только канцелярская отписка. Внутренняя линия продолжает жить и действовать».

Позже, в 1950 году, Иван Солоневич написал письмо в редакцию «Нового Русского Слова», четко выразив свое отношение к ней:

«Внутренняя линия должна быть вырвана с корнем. Вопрос

только в том — как это сделать?»

И, вспоминая о трагичном для него 3 февраля, Солоневич, ссылаясь на сведения гестапо, писал:

«…взрыв был организован „Внутренней линией“, и главным техническим организатором был Николай Абрамов».

* * *

В 1939 году пути братьев вдруг разошлись. Борис восстал против политического курса своего брата. В брошюре «Не могу молчать», изданной в Брюсселе в апреле 1939 года, Борис встал на защиту РОВСа и его генералов. Писания Ивана в «Нашей Газете» он назвал преступлением против русского дела. Многие его возражения были справедливы. Но по его «глубокому убеждению, дело Н. Абрамова нужно было замять во что бы то ни стало».

Борис и «Внутреннюю линию» представил как полезную контрразведку РОВСа, якобы, разоблачившую Н. Абрамова и другого советского агента А. Рыбальченко. Обличая прегрешения Ивана, Борис призывал эмиграцию быть к нему снисходительным:

«И. Л. нужен эмиграции. И. Л. — крупный мыслитель, публицист, и особенно полемист, и именно в этом качестве он нам нужен… какая-то часть деятельности И. Л. уже идет параллельно с работой наших худших врагов. Никто, разумеется, не скажет, что это делается сознательно, но в политике не это важно — важен объективный результат».

* * *

1937 год проходил в СССР под знаком ежовщины, косившей направо и налево кадры ВКП(б) и Красной армии. Чистка перекинулась и за рубежи СССР. Советские дипломаты, вызываемые под благовидным служебным предлогом в Москву, попадали в ежовский застенок и подвергались жесточайшим репрессиям.

Но не всем была охота нести голову на плаху. Не захотел и Федор Федорович Раскольников, полпред в Софии. Вызванный в Москву, он выехал из Софии 1 апреля 1938 года. Но ехал так медленно, что до 5 апреля не успел доехать до советской границы. И в этот день в Москве было принято решение об увольнении Раскольникова с поста полномочного представителя СССР в Болгарии. Естественно, что после увольнения

Раскольников решил не возвращаться под десницу Сталина.

17 июля 1939 года Верховный Суд СССР объявил Раскольникова вне закона и приговорил к высшей мере наказания. Объявленный «врагом народа», Раскольников предал гласности темные дела Сталина и на страницах эмигрантской печати в Париже отверг обвинение в дезертирстве со своего поста.

В гневном «Открытом письме Сталину» бывший соратник Ленина, командовавший после октябрьского переворота Балтийским флотом, а затем перешедший на дипломатическую службу, разоблачал истребительную деятельность советского диктатора:

«Пользуясь тем, что вы никому не доверяете, настоящие агенты гестапо и японской разведки с успехом ловят рыбу в мутной, взбаламученной вами воде, в изобилии подбрасывают вам ложные документы, порочащие самых лучших, талантливых и честных людей.

В созданной вами гнилой атмосфере подозрительности, взаимного недоверия, всеобщего сыска и всемогущества Наркомвнудела, которому вы отдали на растерзание Красную армию и всю страну, любому перехваченному „документу“ верят — или притворяются, что верят — как неоспоримому доказательству.

Подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометирующие честных работников миссии, „внутренняя линия“ РОВСа в лице капитана Фосса добилась разгрома нашего полномочного представительства в Болгарии от шофера М. И. Казакова до военного атташе полковника В. Т. Сухорукова».

12 сентября 1939 года Раскольников умер в Ницце от приключившегося с ним воспаления мозга.

Скоблин и «дело» Тухачевского

11 июня 1937 года весь мир был поражен сообщением ТАСС о молниеносном суде над маршалом М. Н. Тухачевским и семью выдающимися военачальниками РККА — Уборевичем, Якиром, Корком, Эйдеманом, Фельдманом, Примаковым и Путной.

Тухачевский и его товарищи по несчастью якобы сознались в организации заговора против режима Сталина, в связях с военными кругами враждебного СССР государства и в передаче этим кругам информации о Красной армии. На следующий день смертный приговор был приведен в исполнение.

В годы великой профилактической чистки коммунистической партии и других советских организаций Сталин истреблял не только заведомых оппозиционеров. Достаточно было малейшего сомнения в ком-либо или оговора, и любой заподозренный превращался во «врага народа» и обрекался на гибель в застенках НКВД.

Своим существованием и укреплением советский режим был во многом обязан Тухачевскому. Бывший подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, вернувшись из немецкого плена, присоединился к большевикам. Талантливый самородок, Тухачевский успешно командовал красными армиями, победившими Белую армию адмирала Колчака. С неменьшим успехом Тухачевский руководил армиями, нанесшими поражение Белой армии генерала А. И. Деникина. Он подавил опасное для советского режима восстание матросов в Кронштадте, а затем разгромил крестьянскую армию Антонова в. Тамбовской губернии.

Несмотря на все его заслуги, по отношению к Тухачевскому у Сталина было давнишнее недоброжелательство. Во время советско-польской войны 1920 года правофланговые армии Тухачевского приблизились к Варшаве и готовились к решительному удару. Для успеха ему была нужна поддержка Конной армии Буденного и Ворошилова, в то время наступавшей на Львов. Политическим комиссаром этой армии был Сталин. Главное советское командование подчинило кавалерию Буденного и 12-ю армию Тухачевскому с приказом наносить удар на Люблин. Но Сталин не подчинился приказу, и Конная армия продолжала вести безуспешные затяжные бои за Львов против хорошо укрепившейся пехоты поляков.

Действия красных армий в расходящихся направлениях польское командование использовало умело. Сосредоточив ударную группу, поляки обрушились на левый фланг группы

армий Тухачевского и, выходя ему в тыл, нанесли решительное поражение. Чудо на Висле спасло Польшу от превращения в советскую республику.

В 1923 году были изданы доклады Тухачевского о злосчастном походе на Польшу, прочитанные в советской Военной академии. В своем анализе он сравнивал поведение Сталина под Львовом с бездействием генерала Ренненкампфа во время разгрома 2-й русской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года.

Такого сделанного Тухачевским вклада в биографию Сталина диктатор не забыл и не простил. Мстительный, коварный и беспощадный, Сталин ждал только удобного момента и повода к кровавой расправе. К прежнему недовольству Тухачевским добавились вести о толках в среде русских эмигрантов — в нем многие хотели видеть нового Наполеона Бонапарта, способного укротить разбушевавшуюся социальную революцию.

Старшие начальники и глава Политического управления РККА Гамарник были обеспокоены падением морали в войсках вследствие насильственной коллективизации сельского хозяйства. Они не скрывали своего беспокойства настроениями красноармейцев и опасались снижения боеспособности Красной армии.

Различия во взглядах на внутреннюю политику было Сталину вполне достаточно для проведения жестокой чистки командного состава армии. Нужны были и подобающие случаю уважительные причины — измена генералов. А если такой измены не было, то следовало сфабриковать обвинение.

«Доказательство» измены Тухачевского было делом рук НКВД и гестапо. Агент НКВД Скоблин, часто бывавший по делам в Берлине, установил связи с гестапо и начал поставлять немцам сведения о Красной армии. Постепенно его отношения с гестапо углубились. После поездки маршала Тухачевского за границу в 1936 году Скоблин приступил через подручных к распространению слухов о «заговоре» в РККА. Эту ложную информацию Скоблин довел и до ушей гестапо.

Помощник Гиммлера Гайдрих, знавший о намерении Гитлера завоевать за счет России «лебенсраум» для Германии, пришел к мысли о большом действе на благо планов фюрера. В конце 1936 года на совещании с Гитлером и Гиммлером Гайдрих сообщил о полученных от Скоблина сведениях. В дальнейших беседах Гайдрих убедил Гитлера и Гиммлера в пользе вмешательства во внутренние дела СССР. В предвидении войны с СССР было решено обезглавить Красную армию, приписав обреченным военачальникам «заговор» против Сталина.

Техническое выполнение задуманной операции было поручено генералу эсэс Герману Беренсу. В апреле 1937 года в подвальном помещении гестапо на Принц-Альбертштрассе в Берлине была устроена особая секретная лаборатория, занявшаяся изготовлением поддельной переписки Тухачевского и других советских генералов с немецкими военными. Дело облегчалось тем, что в после-версальской Европе установилось тесное сотрудничество между рейхсвером и Красной армией. Из подделанной переписки явствовало, что при осуществлении заговора против Сталина «красный Наполеон» мог рассчитывать на помощь немецкой армии.

В кратчайший срок фальшивые документы были изготовлены так хорошо, что могли сойти за подлинные. Помимо писем и разных документов, были подделаны расписки советских генералов в получении крупных сумм за сведения, доставленные немецкой разведке. На поддельных письмах Тухачевского были все нужные штампы и печати; на письмах были подделаны пометки генералов фон Зекта, Гаммерштейна, главы Абвера адмирала Канариса и других немецких генералов, якобы читавших эти письма. От имени Канариса были изготовлены письма с благодарностью Тухачевскому и другим генералам за доставленные ими сведения о РККА.

Ознакомившись с папкой в красном переплете, Гитлер разрешил Гайдриху подкинуть ее советскому правительству.

Через третьи руки Гайдрих довел сведения о наличии компрометирующей папки до президента Чехословакии Эдуарда Бенеша. В свою очередь, Бенеш дал знать об этом Сталину. Узнав о папке, Сталин поручил Ежову уполномочить одного из агентов приобрести фальшивку за три миллиона рублей. Прибывший к Гайдриху советский эмиссар заявил, что сам Сталин поручил ему ведение переговоров о покупке материалов. Гайдрих получил одобрение Гитлера, и на следующий день Беренс вручил посланцу Ежова папку с фальшивыми документами в обмен на объемистый пакет с тремя миллионами советских рублей.

Впрочем, впоследствии эти деньги немцам не пригодились. Три немецких агента, расплачивавшиеся этими бумажками на территории СССР, были арестованы чинами НКВД. И Гайдрих возмущался, что за фальшивые бумаги советы расплачивались фальшивыми деньгами.

* * *

В конце апреля Тухачевский и другие генералы были плотно

обложены агентурой Ежова. 1 мая Тухачевский появился на параде на Красной площади. Но никто не приветствовал маршала, когда он занял свое место на трибуне вождей. 4 мая ему сообщили, что он назначен главой делегации, отправлявшейся в Лондон на коронацию короля Георга VI. 11 мая он был понижен в должности, с назначением на пост командующего войсками Приволжского военного округа. К месту назначения он не доехал. На пути его арестовали в поезде и доставили в Москву. В эти дни командующий войсками НКВД М. П. Фриновский сообщил своему окружению, что в армии раскрыт заговор, не имевший прецедентов в истории.

Суд состоялся при закрытых дверях, и с «красным Наполеоном» было покончено. Провокация Скоблина повлекла за собой жесточайшую чистку в армии. Около 80 процентов высшего командного состава подверглись репрессиям. Многие погибли в застенках НКВД. Остальные были сосланы в концентрационные лагеря.

Немцы торжествовали — наиболее выдающиеся красные военачальники были уничтожены. Сталин был доволен тоже. Памятуя заветы Ленина, осуждавшего якобинцев за непредвидение контрреволюции и бонапартизма, Сталин смел с лица земли ту среду, из которой, как он думал, мог выйти новый Наполеон.

На скамье подсудимых

В течение многих дней следователь Марша допрашивал Плевицкую. На допросах присутствовали ее защитник, мэтр М. М. Филоненко, гражданские истцы Н. Н. Миллер, К. К. Миллер и их адвокаты, мэтры М. Рибе и Н. А. Стрельников. Были и очные ставки со многими свидетелями. В кабинете Марша побывали генералы Шатилов и Кусонский, адмирал Кедров, полковники Мацылев и Трошин, капитан Григуль, лейтенант Павлов, редактор газеты «Возрождение» Ю. Ф. Семенов. И многие другие появлялись в кабинете Марша со своими свидетельствами. Все в один голос утверждали, что о деятельности своего мужа Плевицкая знала всё.

Плевицкая отрицала. После потрясения первых дней к ней вернулась уверенность, внешне она выглядела элегантно. Осторожно, взвешивая каждое слово, она по-русски отвечала на вопросы следователя. Ее ответы переводили на французский язык присяжные переводчики Н. Цацкин и М. Блюменфельд.

Цепко Плевицкая держалась за алиби. Но 1 марта, прижатая к стене, она ответила следователю:

— Пока я была в модном доме «Каролина», возможно, мой муж мог отлучиться. Но если он уезжал, то не знаю куда.

— Если ваш муж нагнал вас тотчас по выходе из модного дома, то вы были должны перейти улицу, чтобы сесть в автомобиль? — вмешался Рибе.

— Когда я вышла, мужа не было. На Северный вокзал я поехала в такси одна. Минут через десять на своей машине приехал мой муж.

— Вы раньше говорили, что в моторе была неисправность, и что это было причиной задержки выезда от «Каролины», — продолжал Рибе. — Неправда! Вы знали, где был ваш муж и что он делал! Вы ему помогали, вы — соучастница преступления!

— Нет, нет, клянусь! Я ничего не знаю, ничего! — истерично воскликнула Плевицкая и громко, по-бабьи, разрыдалась.

— Если гражданские истцы откажутся от иска, и если следователь прекратит расследование, то я буду просить вас, Надежда Васильевна, рассказать всю правду, — сказал Филоненко.

— Госпожа Миллер, К К. Миллер и мы согласны, — после минутного совещания произнес Рибе.

— Конечно, в таком случае вы заслужите снисхождение, — обещал Марша.

— Теперь вы не должны бояться, умоляем, скажите правду.

Нервная гримаса пробежала по лицу Плевицкой, что-то невнятно про себя пробормотала. И неожиданно для всех сказала:

— Я хочу поговорить наедине с Наталией Николаевной.

— Хорошо, даю вам десять минут, — согласился Марша.

Из кабинета вышли все, оставив двух женщин с глазу на глаз.

— Наталия Николаевна, неужели вы думаете, что я способна на предательство? Ведь я так любила Евгения Карловича, он такой милый, хороший. Помогите мне выйти из тюрьмы. На свободе я разыщу Колю и узнаю, что случилось с Евгением Карловичем.

— А как вы можете это сделать?

— Я поеду в Россию, куда, как говорят, бежал мой муж.

— Да и я думаю, что он там.

— Я в этом уверена, — вырвалось у Плевицкой. Схватив руку Н. Н. Миллер и пытаясь ее поцеловать, дрожащим голосом она продолжала: — Я узнаю, я разыщу его.

У Коли в России остались два брата. Они у большевиков. Я узнаю, где ваш муж.

— Ничего вы не узнаете, вам не скажут.

Ощутив бесполезность тягостного разговора, Н. Н. Миллер отвернулась. Но Плевицкая в исступлении продолжала:

— Вы не верите мне! Я не пала так низко, как вы думаете! Пусть меня накажет Бог, если я лгу вам. Знаете что, я готова ехать в Россию в сопровождении французского инспектора.

— Но ведь это невозможно.

Десять минут истекли. В дверь постучали.

— Я еще хочу остаться вдвоем, — умоляюще сказала Плевицкая. — Я тоже несчастна, ничего не знаю о муже. О, я его ненавижу! Он меня обманул и предал, как предал других. Я в тюрьме, а он счастлив в России…

Н. Н. Миллер встала и отвернулась, направилась к двери. Схватив ее за рукав платья, вся в слезах, Плевицкая умоляла:

— Вы такая чистая и благородная, я вас всегда любила, вами восхищалась. Помогите мне уехать. Клянусь, я разыщу наших мужей.

— Довольно! — оборвал ее Марша. — Будем продолжать.

После этих странных полупризнаний, разбитая и подавленная, исчерпавшая свой артистический талант, Плевицкая впала в безразличие. На вопросы следователя и адвокатов почти не отвечала, устало отмахивалась рукой:

— Никакого алиби для мужа я не подготовляла. Ничего не знаю…

* * *

В конце августа следователь Марша передал материалы следствия в камеру предания суду. Изучив дело, 9 сентября камера постановила предать суду присяжных виновников похищения генерала Миллера: Скоблина, ввиду его безвестного отсутствия, заочно, и его жену как сообщницу.

5 декабря 1938 года в переполненном зале величественного Дворца Правосудия открылся процесс Плевицкой. В свидетельской комнате множество русских лиц. Журналисты, фотографы, художники заняли места поудобнее.

Фотографы упросили защитника Плевицкой снять ее до открытия заседания. Плевицкая охотно согласилась. В сопровождении двух жандармов она стала около скамьи подсудимых, высоко подняв голову. Щелкнули фотоаппараты, запечатлев героиню громкого процесса. В черном шелковом платье, с гладко зачесанными и стянутыми черным шелком волосами, в черных лайковых перчатках и в туфлях черной замши, с переброшенной на левую руку котиковой шубкой, Плевицкая спокойно взирала на быстро рисовавших художников. Она позировала, словно вышла на привычную ей эстраду в ожидании аплодисментов.

В зале появились и заняли свои места жена, сын и брат похищенного Е. К. Миллера. Вновь щелкнули фотоаппараты.

В час дня раздался звон гонга:

— Суд идет!

Все встали. Вошли председатель суда Дельгорг и два заседателя, заняли свои места.

Председатель Дельгорг обратился с краткой речью к присяжным. Он сказал, что дело сбежавшего Скоблина будет разбираться заочно после вердикта по делу его жены. Через переводчика Дельгорг объяснил Плевицкой, что она обвиняется как соучастница в преступлении ее мужа. Плевицкая молча выслушала, кивнула головой и опустилась на скамью.

Член суда Вильм огласил обвинительный акт, начинавшийся словами:

«26 января 1930 года генерал Кутепов, председатель Русского Обще-Воинского Союза, ассоциации с центром в Париже, 29, рю дю Колизе, исчез при таинственных обстоятельствах. Бывший русский офицер стал жертвой похищения; все поиски обнаружить его след остались безрезультатными; виновники не были раскрыты.

22 сентября 1937 года, в свою очередь, исчез его преемник, председатель РОВСа генерал Миллер».

Описав события 22 сентября, мэтр Вильм указал на уличающие Плевицкую факты, на влияние, которое она оказывала

на мужа, на записную книжку Скоблина, которую она пыталась утаить, на продуманное заранее алиби. Назвав ее злым гением Скоблина, всегда во всех делах сопровождавшую его, он закончил словами:

«Полное согласие проявлялось между обоими обвиняемыми, как в повседневной совместной жизни, так и в действиях, которыми были отмечены подготовка и проведение покушения, жертвой которого стал генерал Миллер».

Дельгорг подробно допросил Плевицкую. Перед аудиторией предстало всё ее прошлое, от села Винниково до виллы в Озуар-ля-Феррьер. Дельгорг назвал ее умной, властной женщиной, имевшей большое влияние на мужа.

Переводчик перевел ей сказанное Дельгоргом. Иронически улыбнувшись, Плевицкая возразила:

— Скажите ему спасибо, что сделал меня министром. Но министром я никогда не была. Влияния на мужа не имела.

— Вы ничего не знали о подготовке покушения на генерала Миллера? — спросил Дельгорг.

— Клянусь, не знала ничего, — подняв руку, торжественно произнесла обвиняемая.

— Эксперты установили, что вы и ваш муж жили не по средствам. Значит, деньги поступали к вам из тайных источников?

— Никогда счетами не занималась. Считать я не умела. Все хозяйственные дела вел муж.

— Вы получали деньги от господина Эйтингтона. Кто он такой?

— Очень хороший друг, ученый психиатр. А его жена — бывшая артистка Московского Художественного театра.

— Вы были в интимных отношениях с Эйтингтоном?

— Я никогда не продавалась. Подарки получала от обоих. А если муж одалживал деньги, то этого я не знаю.

— Как же так? Ведь вы сами говорили, что Эйтингтон одевал вас с головы до ног?

— Нет… Так я сказала случайно. Подарки от мадам Эйтингтон получали и другие, например, Жаров с женой.

— Русских нравов я не знаю, — разводя руками сказал Дельгорг. — Но всё-таки странно, что жену русского генерала одевал человек со стороны.

В зале прокатился громкий смех. Обиженная Плевицкая встала и медленно, отчеканивая каждое слово, сказала:

— Своей женской чести я не марала и никогда не получала дары ни за какие интимные дела. Кто знает Эйтингтона, никогда не поверит, что тут были какие-то пикантные происшествия.

* * *

У свидетельского барьера Леонид Райгородский. Он рассказал, как в ночь с 23 на 24 сентября он приютил Плевицкую в своей квартире.

— Где сейчас ваш шурин, господин Эйтингтон?

— Он проживает в Палестине.

— Верно ли, что он с ног до головы одевал Плевицкую и давал Скоблиным большие деньги? — спросил Рибе.

— Марк Эйтингтон — богатый, независимый человек. Помогал ли он Плевицкой деньгами, я не знаю. Через меня эти деньги не проходили. Но Эйтингтон помогал многим. Его отец основал госпиталь в Лейпциге, там его именем названа улица. После смерти он оставил сыновьям 20 миллионов марок. Марк Эйтингтон — почтенный человек, уважаемый ученый, ученик Фрейда, друг принцессы Марии Бонапарт. Он чист как снег.

— А не он ли сбывал в Лондоне и Берлине советскую пушнину?

— Это не он, а его брат. В такой торговле нет ничего предосудительного, но к ней Марк не имел отношения, — волнуясь и раздражаясь, отвечал Райгородский.

* * *

Комиссар судебной полиции Андре Рош не оставил камня на камне от алиби Скоблиных. Он сказал, что Скоблин явился в модный дом «Каролина» пять минут спустя после ухода не дождавшейся его Плевицкой. На пять минут позже Плевицкой вышел он и на перрон Северного вокзала. Значит, приехали раздельно, и тому была причина.

Технический эксперт Эрар, осматривавший автомобиль Скоблина, отверг утверждение Плевицкой о неисправности в моторе. Мотор был в порядке, и опоздание Скоблина вызвано чем-то иным.

* * *

Выслушав показания Роша, Дельгорг обратился к Плевицкой:

— Вам известны обстоятельства исчезновения генерала Миллера. Ради его жены, сына и брата, скажите, где он. Поймите, еще есть время. А после допроса будет поздно. Я уверен, что вы знаете, где Миллер и Скоблин.

— Суду французскому, — всхлипывая отвечала Плевицкая, — я могу смотреть в глаза с чистой совестью. Господь Бог — мой свидетель. Он видит, что я невиновна.

Дельгорг всплеснул руками. Судоговорение продолжалось. Яростные схватки происходили между мэтром Рибе и защитниками Плевицкой мэтрами Филоненко и Швабом. Перед судом выплывали и посторонние дела, вроде неудачной подготовки убийства Льва Троцкого людьми генерала Туркула.

Всё больше процесс становился политическим. Рибе обвинял в похищении советское правительство. Шваб утверждал, что к тому нет решительно никаких доказательств.

«Гаврский след»

В день похищения генерала Миллера от дома № 41–43 по бульвару Монморанси, в котором помещалась школа для советских детей, в послеобеденное время отошел грузовик. В бумагах префектуры полиции грузовик был записан 13 августа 1937 года на имя советского полпреда во Франции, его превосходительства В. П. Потемкина, под номером 235 Х СД. Грузовик прибыл в Гавр и остановился на пристани, к которой был пришвартован советский пароход «Мария Ульянова». Четыре матроса сняли с грузовика тяжелый ящик и подняли его на борт парохода.

В 3 часа 40 минут дня, до прибытия грузовика, корабельный маклер Оливье Колен поднялся на борт «Марии Ульяновой». Когда он разговаривал с капитаном, в каюту вошел матрос и что-то сказал по-русски. Капитан тотчас же вышел из каюты, Колен последовал за ним. Капитан отдавал распоряжения, началась суетливая беготня матросов.

— Что случилось? — спросил Колен.

— Ничего, — отмахнулся капитан.

И, отвечая на вопросы суда, Колен заявил:

— Возможно, что в это время ему доложили о приходе грузовика. Ведь уже в 10 часов утра капитан предупредил меня, что «Мария Ульянова» уйдет раньше. А в 6 часов сказал мне о радиограмме из СССР: «Выходить немедленно». Приказ был подтвержден из Ленинграда через Париж. Без соблюдения паспортных формальностей на пароход поднялись 130 пассажиров. «Мария Ульянова» вышла из порта во время прилива в 8 часов вечера.

Два таможенника подтвердили слова Колена — грузовик пришел около четырех часов дня. Так как груз был дипломатический, то его не проверяли и видели только, как советские матросы переносили большой ящик на пароход.

О случившемся Колен сообщил полицейскому комиссару гаврского порта Шовино. По телефону Шовино доложил начальству в Париж.

Отвечая на вопрос Дельгорга, Шовино подтвердил сведения портовых служащих: ящик внесли на пароход четыре советских матроса.

— Какого размера был ящик? — спросил третий присяжный.

— В длину примерно 1 метр 60 сантиметров.

— Какого роста был генерал Миллер? — продолжал третий присяжный.

— 1 метр 70 сантиметров, — ответил сын похищенного, Николай Евгеньевич.

— Кто обычно грузит багаж на пароходы? — спросил Рибе.

— Портовые грузчики. Меня удивило, что ящик перенесли советские матросы, — пояснил Шовино.

— В наказание за ваши сведения вас перевели из Гавра в Париж?

— Нет, я предпочел уйти в отставку. Начальство Сюртэ Насиональ было раздосадовано вниманием, которое я уделил «Марии Ульяновой».

Недовольный сообщениями Шовино, генеральный секретарь Сюртэ Насиональ Монданель командировал в Гавр инспектора Папена, показавшего суду:

— Чтобы покрыть расстояние от Парижа до Гавра, грузовику нужно около четырех часов. От Парижа до Гавра 226 километров.

— Но это сильная, восьмицилиндровая машина «Форд», она может идти со скоростью 100 километров в час, — возразил Дельгорг.

— Я не верю в этот след, — продолжал Папен. — Ведь на пароход был доставлен не ящик, а чемодан.

— Чемодан, который несли четыре человека? — недоуменно спросил Рибе. — Ведь до Гавра от Парижа не 226 километров, а только 203. Может быть, вас послали в Гавр со специальной целью затушевать данные дознания?

— Нет, так у нас не делается. К тому же ничего подозрительного не было ни в грузовике, ни в чемодане.

— Господин председатель, — обратился к Дельгоргу Рибе, — показания полицейских инспекторов выявили странную картину. Гаврский след явно запутан. Это сделано с ведома бывшего министра внутренних дел господина Маркса Дормуа и господина Монданеля. Прошу вызвать их в суд для дачи показаний.

Суд соглашается.

* * *

8 декабря в суде давал показания Монданель:

— Узнав о похищении генерала Миллера, я оповестил полиции соседних государств и направил инспектора Папена для дознания.

— Зачем? Ведь в Гавре был комиссар Шовино, обративший внимание на загадочное поведение советских служащих? — спросил Рибе.

— В среду 23 сентября у меня имелись записи трех

телефонных сообщений от Шовино. В одной из них значилось, что грузовик прибыл в два часа дня, а в другой — между тремя и четырьмя. Поэтому я послал Папена для выяснения противоречий.

— Вы приказали Папену произвести дознание о деятельности Шовино, после чего он и был уволен?

— Нет, я дознания не производил и судьбу Шовино не решал.

— Отставленный от должности, я прибыл в Париж и разговаривал с господином Монданелем в его кабинете, — заявил Шовино.

— Не помню, чтобы Шовино был у меня после 23 сентября. Такого разговора у меня с ним не было.

— Выйдя из кабинета господина Монданеля, я встретил контролера Фурнье, шедшего с докладом к нему. Мы долго разговаривали, и Фурнье наверное помнит об этом.

— Господин Монданель, а вы не помните? — спросил Дельгорг.

— Не припоминаю.

В зале раздался громкий хохот. Монданель нахмурился, гневно глядя на публику.

— Кто ваш прямой начальник? — спросил Рибе.

— Господин Муатесьё, директор Сюртэ Насиональ.

— Он не говорил вам, что правительство собиралось послать миноносец вдогонку за «Марией Ульяновой»? — продолжал Рибе.

— Нет, не говорил.

— Известно ли вам, что «Мария Ульянова» обычно проходила через Кильский канал? Почему вы не просили немецкие власти произвести обыск на пароходе?

— Не было смысла. Не будучи уверенными в том, что тело Миллера на ее борту, мы не могли обращаться к немецким властям. А гаврский след уверенности не давал.

— А, вы вообще ничего не знали про Кильский канал! Не добившись от вас сведений, семь месяцев спустя, мы непосредственно обратились в немецкое посольство. И от немцев узнали, что «Мария Ульянова» через Кильский канал не проходила.

Монданель молча пожал плечами.

— Почему был уволен Шовино? — спросил Филоненко.

— Не знаю, — ответил Монданель.

— А розыски агентов ГПУ во Франции — в вашем ведении? — спросил Рибе. И огласив длинный список агентов, с указанием их тайных явок и совершенных ими преступлений, Рибе спросил:

— Знали ли вы об этом? Приняли ли меры? Ведь эти люди продолжают жить во Франции.

— Не имею понятия.

— Тогда прошу вас, от моего имени, доложить об этом министру внутренних дел.

* * *

9 декабря технический эксперт Эрар отвечал на вопросы.

— Как велика разница в скоростях грузовика и легковой машины? — спросил четвертый присяжный.

— Это зависит от веса шасси и кузова. Восьмицилиндровый грузовик Форда, мощностью в 21 лошадиную силу, может развивать скорость до 125 километров в час.

— Сколько времени нужно такому грузовику для пробега из Парижа в Гавр? — спросил Рибе.

— Два с половиной часа в сухую погоду и по хорошей дороге.

— Выехав с бульвара Монморанси в час дня, мог грузовик поспеть в Гавр к 3 часам 30 минутам?

— Вполне.

* * *

Обращаясь к суду, мэтр Рибе заявил в тот же день:

— Я утверждаю, что 23 сентября 1937 года, когда газеты сообщили об исчезновении генерала Миллера, полпред Потемкин был приглашен к председателю совета министров. Глава правительства посоветовал Потемкину предложить Москве немедленно вернуть «Марию Ульянову» во Францию. Вскоре Маркс Дормуа сообщил главе правительства по телефону, что советский грузовик прибыл в Гавр в два часа дня и, следовательно, этот след нельзя считать серьезным. Поэтому правительство отказалось от мысли вернуть советский пароход или нагнать его с помощью миноносца. Только к вечеру того дня выяснилось, что грузовик прибыл не в два часа, а между тремя и четырьмя часами. Но было уже поздно. Почему так случилось? А из достоверного источника мне известно, что, выйдя из кабинета главы правительства, Потемкин посетил своего друга, Венсена Ориоля, хранителя печати. После их разговора Маркс Дормуа сообщил главе правительства по телефону о раннем прибытии грузовика в Гавр. Для выяснения этого вопроса я считаю совершенно необходимым допросить господина Маркса Дормуа.

На следующий день Маркс Дормуа явился в суд и вручил Дельгоргу письмо с отказом от дачи показаний:

«…я ничего не знаю по делу, которое слушается в суде присяжных. Кроме того, я считаю невозможным давать объяснения о действиях правительства; если нужно, то отчитываться я могу только перед парламентом и избирательным корпусом… Справедливо гордящаяся своей независимостью, судебная власть не будет упрекать меня за это».

— Об отказе господина Маркса Дормуа можно и не жалеть. Вряд ли его показания могли быть интересными, — сказал прокурор Флаш.

— Колен доставил суду телеграмму, полученную из СССР накануне ухода «Марии Ульяновой». Текст по-русски, перевод по-английски. Если бы я знал хотя бы один из этих языков! — воскликнул Дельгорг.

Филоненко переводит с русского. Шваб — с английского: «Телеграфируйте причину опоздания. Точка. Грузятся ли аэропланы?»

Телеграмма звучала странно. Никаких самолетов на пароход не грузили. «Мария Ульянова» разгружала в Гавре 5522 тюка бараньих кож стоимостью 9 миллионов франков. Оставалось выгрузить последние 600 тюков, когда советские власти отозвали пароход в СССР. Бараньи кожи вернулись в Ленинград и были позже доставлены в Бордо другим советским судном.

Тайна ящика осталась нераскрытой. «Гаврский след» был простой случайностью. Срочная отправка какого-то важного, известного НКВД груза совпала с роковым часом генерала Миллера. Знала же Плевицкая, где искать пропавших генералов. Неспроста она побывала в Сен-Клу в свою последнюю ночь на свободе. Только при допросе на ее обмолвку о прогулке в Сен-Клу следственные власти не обратили должного внимания.

Вердикт

Семь дней длинной вереницей свидетели подходили к барьеру и отвечали на вопросы суда и адвокатов. Много их было — пятьдесят человек. Были вызваны еще четверо свидетелей, высланных до суда из Франции и в суд не явившихся, среди них — генерал Туркул. И еще четверо прислали письменные свидетельства.

Комиссар следственной полиции Пиге, наблюдавший за деятельностью иностранцев в Париже, уверенно заявил:

— Мы проверяли различные следы. Один за другим следы отпадали. Единственно возможным остался след советский.

— Какое впечатление произвел на вас генерал Кусонский? — спросил Шваб. — Верно ли, что он задержал адмирала Кедрова с тем, чтобы Скоблин мог сбежать?

— Своим поведением генерал Кусонский произвел на меня странное впечатление.

Отвечая на дальнейшие расспросы Шваба о свидетелях, со списком в руках, Пиге давал отличные аттестации одним, посредственные — другим и крайне отрицательные людям из офисины Завадского-Краснопольского.

Появление генерала Кусонского у барьера вызвало в зале волнение и любопытство. Опершись обеими руками о барьер, Кусонский повторил уже известный рассказ о его собственной роли в трагический день 22 сентября.

— Как боевой русский генерал, — с иронией в голосе сказал Дельгорг, — вы совершили ряд стратегических ошибок! Ваш начальник ушел на тайное свидание. Неужели записка, переданная с такими словами, не встревожила вас? Но есть другая ошибка, более серьезная: записка Миллера раскрыла вам Скоблина. Доказательство его лжи было в ваших руках. Если бы вы проявили больше сообразительности и проворства, то Скоблин сидел бы тут, рядом с женой! Ошибка, непростительная для доблестного генерала!

Смущенный Кусонский развел руками. Защитники Плевицкой засыпали его множеством вопросов.

— Зачем вы задержали адмирала Кедрова? Не для того ли, чтобы дать Скоблину возможность бежать?

— Прошло четырнадцать месяцев, и всех подробностей припомнить не могу, — с отчаянием в голосе ответил Кусонский.

— Стратегическая ошибка, — вздохнув, иронически заключил Дельгорг.

Сменяя один другого, у барьера отвечали на вопросы суда адмирал Кедров, полковник Мацылев, капитан Григуль.

9 декабря, на пятый день процесса, свидетельствовал генерал Шатилов.

— Считаете ли вы чету Скоблиных виновными? — спросил Дельгорг.

— В этом нет никаких сомнений. Плевицкая знала всё, что делал ее муж. Она была его злым гением. Ее влияние сказывалось решительно во всём: и в политике, и в полковых делах. Скоблин был прирожденным интриганом, он разжигал недовольство против генерала Миллера, обвиняя его в бездеятельности. Несомненно, он и в этом деле выполнял волю жены. Они оба — агенты ГПУ.

— Как относился генерал Миллер к Франции? — спросил А. Н. Стрельников.

— О, он любил Францию как вторую родину. В 1934 году он хотел уйти на покой с поста председателя РОВСа, но генералы убедили его остаться.

— После похищения генерала Кутепова Плевицкая ежедневно посещала мадам Кутепову и была в курсе расследования этого дела. Что вы можете сказать по этому поводу? — спросил Рибе.

— Да, она не покидала мадам Кутепову.

— Бывала она одна у мадам Кутеповой? — спросил Шваб.

— Нет, не одна. Бывали и другие дамы. А Плевицкую я заставал там каждый раз, когда приходил к генеральше.

Плевицкая, внимательно вслушиваясь в слова переводчика, повернулась лицом к присяжным. Отчеканивая каждое слово, она сказала:

— Нет, это не так. О похищении генерала Кутепова мы узнали в Озуар, за обедом. Никогда я не была дружна с Лидией Давыдовной Кутеповой и бывала у нее редко.

— Бывала редко до похищения, а после похищения не выходила из квартиры, — возразил Шатилов.

— Там на лестнице я впервые встретила этого типа! — гневно глядя на свидетеля, продолжала Плевицкая. — Когда я уходила, Лидия Давыдовна ругала его последними словами. Я тогда не знала, кто он такой, и спросила мужа. Он мне сказал — Шатилов. Я и подумала, до чего ж несимпатичный! А Кутепова сама звала, чтобы я приходила чаще.

Плевицкая нагло лгала. И никто, ни судьи, ни адвокаты, ни свидетели не заметили, что в день похищения генерала Кутепова Скоблины никак не могли обедать в Озуар-ля-Феррьер — виллой они обзавелись полгода спустя. Кривил душой и Шатилов.

* * *

У барьера генерал А. И. Деникин. Зал словно наэлектризован — одно имя белого вождя юга России звучало сенсацией.

— Знали ли вы Скоблина? — спросил Дельгорг.

— Знал его по Добровольческой армии, которой я командовал.

— Знали ли вы его в Париже?

— Изредка встречался с ним на собраниях воинских организаций.

— Знали ли вы Плевицкую?

— Нет. Даже не бывал на ее концертах. Незадолго до похищения генерала Миллера Скоблин познакомил меня с нею на банкете корниловцев.

— Был ли у вас с визитом Скоблин 22 сентября? — спросил прокурор Флаш.

— Скоблин, полковник Трошин и капитан Григуль приезжали благодарить меня за участие в банкете корниловцев. В это время генерал Миллер был уже похищен.

— Не предлагал ли вам Скоблин съездить в его автомобиле в Брюссель на праздник корниловцев?

— Он предлагал поездку автомобилем два раза и раньше. А это было его третье предложение.

— Почему вы отказались?

— Я всегда… вернее, с 1927 года подозревал его в большевизанстве.

— Вы опасались его или ее?

— Не доверял обоим.

* * *

У барьера полковник Федосенко. Перед судом разворачивается нашумевшая в 1935 году история обвинения полковником Х. генерала ХХ. в принадлежности к советской агентуре в РОВСе. В этот день Федосенко предстал во всей своей правоте. Обратившись к Н. Н. Миллер, он сказал:

— Простите меня, Наталия Николаевна, но при всем моем уважении к вашему горю, я должен сказать, что генерал Миллер совершил большую ошибку.

Не проронив ни слова, вдова похищенного кивнула головой. По ее щекам текли неутешные слезы.

Появление Г. З. Беседовского у барьера вызвало оживление в зале. Бывший советник советского полпредства, перемахнувший

через забор особняка на рю де Гренель в 1929 году, невозвращенец Беседовский охотно отвечал на вопросы.

— Знали ли вы Плевицкую?

— В полпредстве о Плевицкой я ничего не знал. В полпредстве аппаратом ГПУ на Францию ведал чекист Янович, официально занимавший должность архивариуса. От него я случайно узнал, что деятельность белых организаций освещается изнутри. Главный осведомитель — близкий к Кутепову человек. Его фамилию Янович не назвал. Сказал только, что это генерал, женатый на певице. Тогда я не знал ни генералов, ни певиц.

— Куда девался Янович? — спросил Рибе.

— В 1937 году расстрелян Ежовым.

— Вы бежали, спасая жизнь свою, жены и детей. Когда вы ринулись к выходу, то на вас навели револьверы? — продолжал Рибе.

— Ну, это в порядке вещей.

— Но ведь это происходило в Париже!

— Вы знаете, что полпредство пользуется правами экстерриториальности. На рю де Гренель имеются подземные ходы и глубокие погреба. Я их сам осматривал.

— Но не доходили до конца?

— О, нет, что вы! — под смех зала испуганно ответил Беседовский.

* * *

Странно и вопреки всей очевидности прозвучали показания капитана П. П. Савина, приехавшего на процесс из франкистской Испании. Он утверждал, что генерала Миллера похитил не Скоблин, а агент красного правительства Испании, маркиз Мендес-де-Севилья. С маркизом Миллера познакомил Шатилов. Миллер встречался в кафе «Мариньян» с Мендесом обычно около 12 часов 15 минут дня.

— И был генерал Миллер похищен в кафе? — спросил Рибе.

— У маркиза Мендес-де-Севилья мощная машина. Генерал Миллер не раз прерывал мой доклад, чтобы поспеть на свидание с Мендесом.

— Если маркиз похитил генерала Миллера, то почему бежал Скоблин? — спросил Рибе.

— Скоблин не бежал, а «его бежали». Я не верю в бегство Скоблина. До моего отъезда в Испанию генерал Миллер и генерал Скоблин продолжали сотрудничать в секретной работе. Покажите мне записку генерала Миллера.

Мэтр Филоненко, почуяв в Савине полезного для защиты Плевицкой свидетеля, охотно протянул ему фотокопию знаменитой записки.

— Не узнаю подписи, — пожав плечами, заявил Савин. — У меня имеются письма генерала Миллера.

Савину сказали, что семья генерала Миллера и графологи признали записку подлинной. Но он стоял на своём: Миллер не мог оставить такой записки.

Допрос свидетелей закончен. Мэтр Стрельников, в прошлом офицер Белой армии, отказался от речи против Плевицкой, которая могла бы показаться недостаточно беспристрастной.

Мэтр Рибе ярко и образно описал события 22 сентября. Пункт за пунктом он опроверг ложное алиби Плевицкой, указал на широкую жизнь Скоблиных, на те 30 сребреников, которые, по наущению жены, Скоблин согласился получать за измену белому делу.

Признаки измены наметились уже давно. Генерал Деникин слышал от самого Кутепова, как в один прекрасный день к нему явился Скоблин и рассказал, что его жена хотела вернуться в Россию, и что он лично последует за ней, если отправится туда в качестве агента белых русских. Удивленный, Кутепов уклонился от такого странного предложения.

Цитируя документы следствия, Рибе привел множество фактов из тайной деятельности Миллера и подчеркнул недоверие генерального штаба Финляндии к личности Скоблина.

Вопреки своим заверениям, Плевицкая отнюдь не малограмотная простушка. Она — душа политических интриг, плетшихся в среде русской эмиграции. Многочисленные письма, изъятые на вилле в Озуар, были адресованы ей. Пользуясь псевдонимом «Эльбов», с нею вел условную и шифрованную переписку генерал Абрамов. Вот одно, отправленное ей из Софии письмо генерала Абрамова:

«Милостивая государыня! Нужно, чтобы вы нашли возможность немедленно посетить Бориса Петровича и потребовать от него безотлагательно дать знать Эльбову… Эльбов — единственный хозяин. Что касается номеров 238-1, 238-2, 242-4, 248-1…»

— Шифрованная переписка! — воскликнул Рибе. — Разве это так важно, мэтр Филоненко, что мадам Скоблина делает орфографические ошибки! Но не делают орфографических ошибок, когда пишут шифром, а шифры в письме, адресованном мадам Скоблиной, указывают на секретных агентов. Разве она не знала о политической деятельности своего мужа? Вот как заканчивается это письмо:

«Я не писал вам раньше, так как нужно было выяснить обстановку и изучить все вопросы, которые вы мне задали».

— Наконец, еще одно письмо, от 5 января 1937 года, написанное генералом Абрамовым именно мадам Скоблиной:

«Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Васильевна! Я вас очень благодарю за письмо, в котором вы описали покрой нового платья и добавили несколько доверительных слов… Вы можете заключить из этих строк, написанных, быть может, крайне резко, до какой степени мы принимаем близко к сердцу все выступления против Е. К.[108] *Мы отлично учитываем то, что у Е. К. много недостатков, но у кого их нет, и кто будет делать лучше него?.. Я пишу вам об этом также в доверительном порядке.* ***Я разрешаю вам рассказать об этом Николаю Владимировичу, но только ему одному; это не должно идти дальше».***

— Это значит, что она была подстрекательницей своего мужа. Это как раз то, о чем говорили нам свидетели. И я хочу собрать, словно в букет, те выражения, которые они высказали у барьера. Один из них сказал: она — двигательная сила своего мужа. Другой: она носила генеральские лампасы. Третий: Скоблина звали — генерал Плевицкий. И последнее: она была его злым гением. Вышедшая из рядов Красной армии, она вернулась в ГПУ, чьим двойным агентом была.

И обращаясь к присяжным, Рибе сказал:

— Вы осудите ее, господа, без ненависти, но, конечно, и без жалости!

Зал — под впечатлением горячего, убедительного слова Рибе. Н. Н. Миллер тихонько утирает слезы. Закрыв лицо руками, на скамье застыла Плевицкая. Председатель Дельгорг объявляет перерыв.

* * *

Прокурор Флаш благодарил Рибе за речь, глубоко его взволновавшую и облегчившую ему его собственное слово:

— Чьим агентом был Скоблин? По жене — советским, или по Туркулу — немецким? Генерал Миллер не найден ни живым, ни мертвым. В его смерти сомнений нет. Нет и доказательств. Вот почему можно привлечь Скоблина к суду только по обвинению в насильственном лишении свободы, а Плевицкую — в сообщничестве. Кто руководил Скоблиным, советы, или гестапо, или личные цели, всё это не имеет значения. Важно, что против обвиняемых собраны достаточные улики. Плевицкая помогала Скоблину в похищении генерала Миллера, ее соучастие

предельно ясно и доказано. В ее деле нет смягчающих вину обстоятельств. Поэтому не поддавайтесь чувству сострадания, в данном случае неуместному. Я требую для обвиняемой бессрочной каторги!

Плевицкая вздрогнула. В зале изумление. Никто не ожидал от прокурора требования такой суровой кары.

Пять минут спустя Жан Шваб взывал к милосердию. На русскую эмиграцию он вылил ушат помоев, зачерпнутый из коммунистической газеты «Юманите». Он утверждал, что Миллер не мог оставить записки, что «гаврского следа» не было:

— А генерал Кусонский… Какую роль сыграл он в этом деле? Не был ли он сообщником? И не выдал ли он Скоблина на расправу, удержав Кедрова? В таком деле возможны все догадки. А в материалах следствия нет ни одного документа, обвиняющего в том, что они были советскими агентами. Я надеюсь, господа присяжные, что вы не осудите одинокую, покинутую и обманутую женщину.

* * *

Девятый день процесса. Почти четыре часа, с небольшим перерывом, мэтр Филоненко защищал Плевицкую. Он стремился доказать ее непричастность к похищению, пытался подорвать все улики. Вопреки очевидности он оспаривал даже подлинность записки генерала Миллера. Он убеждал присяжных, говоря, что Кусонский сыграл чрезвычайно подозрительную роль:

— Его показания противоречивы. Он лгал, это очевидно! А почему? Кусонский устранил Скоблина, а его жену посадил на скамью подсудимых. В воскресенье я посетил Плевицкую в тюрьме. Мать-монахиня, от души полюбившая эту женщину, сказала, что все монахини и заключенные будут сегодня молиться об ее оправдании!

Плевицкая беззвучно плачет, котиковая шубка падает с ее плеч.

Председатель суда Дельгорг предоставил подсудимой последнее слово. Плевицкая встала, оперлась о барьер и с трудом, задыхаясь, сказала:

— Да, я сирота. Нет у меня свидетелей. Только Бог, Он знает. Я никогда в жизни моей не сделала никому зла… Кроме любви к мужу, нет у меня ничего. Пусть меня за это судят.

4 часа 15 минут дня. Председатель Дельгорг вручает старейшине присяжных лист с семью вопросами. Пять из них относились к Скоблину и два к Плевицкой: была ли она

сообщницей?

В 4 часа 30 минут присяжные удаляются на совещание. В зале томительное ожидание. Плевицкая сидит с закрытыми глазами.

В 5 часов присяжные приглашают в совещательную комнату Дельгорга, Флаша и, защитников Плевицкой. Спустя десять минут защитники выходят в зал с озабоченными лицами.

В 5 часов 18 минут присяжные выходят из совещательной комнаты. Суд занимает свои места. Вводят Плевицкую.

Приложив руку к сердцу, старейшина поднимается и торжественно произносит:

— Да, виновна по всем пунктам. Большинством одиннадцати против одного. Признаны смягчающие вину обстоятельства.

Плевицкая пошатнулась. Ее лицо окаменело и побледнело. Она тяжело опустилась на скамью.

Обращаясь к присяжным, прокурор Флаш возражает против смягчающих вину обстоятельств:

— Я требую, чтобы вы применили максимальную меру наказания. Приговор должен быть примерным. Пусть те, кто толкнул эту женщину на злодеяние в нашей стране, знают, что рука французского правосудия умеет карать беспощадно!

Защитники вновь взывают к милосердию. Присяжные и члены суда удаляются в совещательную комнату.

5 часов 50 минут. В зал выходят суд и присяжные. Председатель Дельгорг объявляет приговор: двадцать лет каторжных работ и десять лет запрещения проживать во Франции.

В зале возгласы изумления. Плевицкая застыла, закинула назад голову и устремила взгляд в потолок.

* * *

26 июля 1939 года в Сенском суде присяжных заочно судили Скоблина. В 1 час дня в зале суда собралось множество любопытных. Им пришлось ждать до 7 часов вечера, когда тень сбежавшего генерала появилась на скамье подсудимых.

Председатель суда Лемле постучал по пюпитру, взглянул в сторону скамьи подсудимых, словно ища Скоблина.

Секретарь быстро прочитал выдержку из обвинительного акта и приговора по делу Плевицкой.

Переглянувшись с судьями, председатель Лемле огласил приговор: признанный виновным в похищении генерала Миллера, Скоблин присужден к пожизненной каторге; на него, совместно с Плевицкой, возложена уплата судебных издержек по процессу.

Судоговорение длилось две минуты семнадцать секунд.

Конец Плевицкой

После приговора Плевицкая провела в камере бессонную ночь. А утром обрушилась на пришедшего в Петит Рокет мэтра Филоненко:

— Что же это, мэтр? Может быть, я ослышалась, не поняла? И вправду двадцать лет каторги? Так ведь я ж погибла, голубчики! Меня зарезали, родные вы мои… Еще позавчера вы меня успокаивали… А раньше, до суда уверяли, что против меня нет никаких улик, и дело до суда не дойдет. А потом суд присяжных. И двадцать лет! Так это — смерть! Лучше бы меня казнили. Вы молчите? Нужно что-то делать, подать на апелляцию. И немедленно!

— Увы, на решение присяжных апелляции нет. Их решение окончательное.

— Подадим на кассацию!

— Поводов к кассации, увы, нет.

— Так значит, надо умирать? — И раздирающим душу голосом Плевицкая закричала: — Нет, не допущу! Я жить хочу еще! Слышите? Я хочу жить, жить, жить!

Ее сильный голос прорвался сквозь дверь комнаты и разнесся по коридору, отдаваясь под гулкими сводами.

— Надо писать в газетах, призвать общественное мнение, идти к министру, к президенту республики!

Она билась в истерике. Прибежали старушки-монахини, тюремные надсмотрщицы, и унесли лишившуюся чувств Плевицкую.

* * *

На следующий день мэтр И. Л. Френкель получил от Плевицкой письмо с просьбой принять на себя ее защиту. Френкель был озадачен. Посоветовался с мэтрами Филоненко и Швабом и получил их согласие.

Френкель поспешил к своей новой подзащитной. Плевицкая вышла к нему в сопровождении монашенки. Постаревшая, в морщинах, она всё же не забыла навести красоту, ее щеки были напудрены и губы подкрашены.

— Голубчик мой, а я уже думала, что вы не придете. Никто меня не хочет больше знать. Столько друзей было… И вдруг никого. Одна, одна, словно в могиле.

— Надежда Васильевна, только вчера получил ваше письмо и

вот, видите, тотчас же пришел вас повидать.

— Спасибо, добрая душа, что не оставили меня. Люди меня загубили, оклеветали, замарали. А я, вот вам крест святой, никому никакого лиха не делала. Всю жизнь песнями людей тешила. Но вы меня спасете, родненький, я это чувствую. Сам Господь послал вас ко мне, чтобы меня из ада вызволить.

— Сделаю всё, что только возможно. Ваше дело знаю только по газетам. Суд состоялся, приговор вынесен. Остается лишь просить о помиловании.

Затаив дыхание, Плевицкая вслушивалась в каждое слово Френкеля.

— Есть еще один способ — пересмотр процесса. Но это возможно только по личному распоряжению министра юстиции. Кроме того, для пересмотра нужны новые факты, ранее суду неизвестные. Иначе говоря, нужны сенсационные разоблачения.

Опустив низко голову, Плевицкая молчала.

— Используем, что можно. Начнем с кассации. Повод, хоть и слабый, но имеется: один из присяжных не назвал своей профессии.

— Миленький, делайте что хотите. Спасите меня. Я еще жить хочу!

И склонившись на колени, она схватила руки оторопевшего от неожиданности Френкеля и покрыла их поцелуями.

* * *

Прошло шесть месяцев. Просьбу Плевицкой кассационная палата отклонила. Френкель привез в тюрьму неприятную новость. К его удивлению, неудача не потрясла Плевицкую, она спокойно выслушала его. И решила бороться дальше, упросив Френкеля начать дело о пересмотре.

К защите Плевицкой Френкель привлек знаменитого Луи Саффана, председателя Союза французских адвокатов и генерального секретаря Всемирного Союза правозащитников. Саффан проявил большое усердие, всячески помогая Френкелю. Вместе они посетили Плевицкую в тюрьме.

Увидав Саффана, с ленточкой Почетного Легиона в петлице пиджака, Плевицкая обрадовалась и воодушевилась:

— Дорогие мои, большие французы, Богом клянусь, я невиновна. Меня оклеветали русские, друзья немцев. Им досадно было, что я немцев ненавижу и думаю только о благе Франции и моей дорогой России. Они продали свои души немцам. А моя душа чиста, такая, как ее Господь Бог сотворил. Я люблю мою

родину Россию и вторую родину — Францию. Зверей немцев терпеть не могу, чего они ни мне, ни мужу простить не могут. Но вы, добрые французы, меня спасете, не дадите погибнуть. Слезно вас прошу.

И ловя руку Саффана, она пала на колени.

* * *

На пересмотр дела надежд не было. Саффан и Френкель представили меморандум министру юстиции Маршандо и были у него на приеме. Министр сказал, что можно лишь рассчитывать на смягчение кары. Адвокаты поблагодарили министра, но все же оставили у него просьбу о помиловании.

Прошло две недели. Рассмотрев заявление адвокатов, комиссия единодушно отклонила просьбу о пересмотре.

Со всеми предосторожностями Френкель сообщил Плевицкой об очередной неудаче. Плевицкая была в отчаянии. У нее начались сердечные боли. Но больше всего болела душа. Лишенная свободы, она, еще так недавно паривша на высотах Петербурга, имевшая столько друзей в Париже, осталась в полном одиночестве. Все ее таланты, гордость, популярность, слава были растоптаны суровым приговором. Никак не хотелось ей ехать в каторжную тюрьму. Она умоляла Френкеля похлопотать, чтобы ее оставили в Петит Рокет, с которой она освоилась за два года томления в ее стенах.

Френкель часто навещал Плевицкую. Он приносил ей в тюрьму запретные сигареты, баловал ее фруктами и вкусными съедобными. Жена Френкеля посылала ей пудру и губную помаду. Не переставая говорила она о муже. Она верила, что он жив и делает всё для ее спасения. С дрожью в голосе вспоминала мельчайшие подробности последней ночи в отеле «Пакс»:

— Он был так нежен со мной. Он был так ласков, словно предчувствовал, что это наша последняя встреча… Вдруг этот резкий стук в дверь… И всё пропало…

Ночью ее мучили кошмары. Ее истерические крики будили арестанток. Страшила ее своими суровыми порядками каторжная тюрьма:

— Отберут у меня мои платья. Остригут, переоденут в арестантскую одёжу, дадут толстые грубые чулки, деревянные сабо. О, это меня убьет! Неужто это конец? Неужто и вправду нет спасения?

Весной 1939 года Плевицкую увезли в Ренн. Оттуда, через отбывшую свой срок француженку, Плевицкая передала

Френкелю последний привет:

— Она очень больна. Целыми днями молится и подпевает церковному хору. Если бы знала по-французски, то взяли бы ее в певчие. А так приходится ей работать. Она нам рассказывала, будто была настоящей певицей и пела русскому царю. Но никто ей не верит, хотя ее все очень любят.

* * *

Был ясный майский день. Полицейский комиссар Белен, сидя в своем кабинете в здании Сюртэ Насиональ, занимался текущими делами. В дверь постучали.

— Войдите.

— Я — духовник мадам Плевицкой, — сказал вошедший русский священник.

— Несколько раз в год я навещаю ее в тюрьме и стараюсь облегчить ее душевные страдания. Она очень больна. Конец ее близок. Она знает об этом. Прежде чем предстать перед Богом, она очень просит вас повидать ее. Вы — единственный полицейский, кому она доверяет. Прошу вас побывать у нее, и пусть она спокойно закончит свои земные дни. Очень прошу вас сделать это поскорее.

На следующее утро Белен, инспектор Баску и переводчик сели в поезд и выехали в Ренн. Это было в судьбоносный день 10 мая 1940 года, когда армии Гитлера начали свой неудержимый победный марш по полям Голландии, Бельгии и Франции.

Выйдя на вокзале в Ренн, Белен и его спутники вошли в расположенное вблизи громадное серое здание каторжной тюрьмы. Директор тюрьмы разрешил Белену свидание с Плевицкой.

Исхудавшая, постаревшая на двадцать лет, вся в морщинах, Плевицкая несколько часов подряд рассказывала о своей жизни, начиная с детства и кончая днем похищения Миллера.

— Я люблю генерала Скоблина. Он моя самая большая любовь. Жизнь мою отдала бы за него. Три года не вижу его, умираю от тоски по нем. Его нет, нет, нет, ничего не знаю о нем, и это убивает меня. Я скоро умру. Не знаю, где он находится, как, поклявшись, сказала вашим судьям. Но вам одному, миленький мой, хочу открыться, чтоб вы знали, что я утаивала от суда до сих пор.

Мой дорогой муж, генерал Скоблин был очень честолюбив. Вы знаете, был он властным человеком. Его власть на себе знаю. Чуть что спрашивала о его делах, так он сразу начинал орать на

меня. И была я ему покорна, никогда ему не перечила.

Верьте мне, крест святой, верно служил он генералу Кутепову. Несколько лет верен он был и генералу Миллеру. А потом, как пришел Гитлер к власти в 1933 году, так с Колей приключились перемены. Стал он тогда насмехаться над Миллером и захотел занять его место, возглавив РОВС. А врагом Миллера стал он в 1936 году. Тогда правительство Народного Фронта захотело подружиться с СССР. Наперекор Миллеру, Коля мой ратовал за союз белых русских с немецкими вождями, он-то надеялся, что силой восстановят царский строй в России… Тогда же он рассказывал о встречах и разговорах с советскими деятелями. И идеям СССР стал сочувствовать. Ну, тут и я поняла, что Коля изменил генералу Миллеру. А Коля жил на деньги от моих концертов. Я купила ему автомобиль и дом в Озуар-ля-Феррьер… Когда исчез генерал Миллер, в тот страшный день 22 сентября 1937 года, были мы вместе в Париже… Чудилось мне, что муж мой в опасности. Не спалось ему сперва, едва забылся к 11 часам. А потом вздрогнув, словно душил его кошмар, весь в поту, он пробудился. Я нежно обняла его, приласкала. Он плакал, говоря: «Прости меня, Надюша, я несчастный человек. Я — предатель». И стал мне рассказывать: «Я обманул Миллера, сказав, что везу его на политическое свидание. Я отвез его в Сен-Клу, в указанный мне дом, а там он попал в руки врагов. Миллер спокойно сидел в моей машине. Мы въехали в Сен-Клу, вошли в указанную мне виллу. Нас приняли трое мужчин, хорошо говоривших по-русски и по-немецки. Генерала Миллера провели в соседнюю комнату, а я остался в передней. Прошло минут десять, мне предложили уйти. Я спросил: „Могу ли повидать генерала Миллера?“ Меня ввели в небольшой салон. Миллер лежал на диване. Он не шевелился. „Что вы с ним сделали?“ — спросил я. „Он спит, ваше превосходительство, мы сделали ему укол“, ответил по-французски один из этой тройки».

— Я рассказала вам всю правду. И больше ничего не знаю, — закончила Плевицкая свое длинное, обильно политое слезами, повествование.

Белен хотел верить ей, ведь она верила в Бога! Но сомнения не покидали Белена. Он хотел проверить «исповедь» Плевицкой. Но стремительное наступление немецких армий, нежданный обвал Франции и ее капитуляция не позволили Белену обследовать таинственную виллу в Сен-Клу, где трагически оборвалась жизнь генерала Миллера.

* * *

Прошло лето, наступила осень. Догорала жизнь Плевицкой. 5 октября 1940 года она умерла в Центральной тюрьме города Ренн. Французские газеты сухо и коротко известили о конце героини нашумевшего процесса.

В громах Второй мировой войны смерть Плевицкой не привлекла к себе внимания. Вскоре о ней забыли.

Эпилог

1. Микрофон в кабинете генерала Миллера

22 июня 1941 года армии Гитлера обрушили на Советский Союз удар небывалой силы. Советские армии прикрытия, не приведенные своевременно Сталиным в боевую готовность, беспорядочно отбивались, попадали в окружение и быстро отступали под стремительным напором немецких танковых дивизий. 28 июня войска Гитлера взяли Минск.

Блитцкриг застал врасплох советские власти Минска Они не успели провести эвакуацию города. И даже Белорусское управление НКВД не смогло вывезти или уничтожить свои архивы.

Изучая захваченные документы, немцы заинтересовались папкой Третьякова, агента НКВД в Париже. Зихерхайтсдинст быстро обнаружила Третьякова в Париже. Но на длительных и повторных допросах арестованный начисто отрицал принадлежность к советской агентуре. Выяснилось, что Третьяков, бывший офицер русской императорской гвардии, человек безупречной репутации, никакого отношения к НКВД не имел.

Продолжая поиски, Зихерхайтсдинст в июне 1942 года обнаружила нужного ей Третьякова.

Сергей Николаевич Третьяков происходил из московской именитой семьи. Его дед, Сергей Михайлович, бывший московский городской голова, состоятельный человек, основал всемирно известную Третьяковскую художественную галерею. Третьяковым принадлежали Большая Костромская льняная мануфактура и крупные земельные участки и дома в Москве.

Сергей Николаевич был женат на Наталье Саввишне Мамонтовой, девушке из богатейшей московской семьи. У них были две дочери и сын.

Совсем молодым Третьяков вошел в дело своей семьи и успешно руководил фирмой, большая часть акций которой принадлежала его матери. В общественной жизни Москвы он играл видную роль и одно время был гласным городской думы. На московской бирже он занимал одно из первых мест. Он был основателем и первым председателем Всероссийского Объединения льняных фабрикантов.

Блестяще образованный, владевший иностранными языками, внешне красивый, держался он уверенно, с апломбом, хорошо одевался, был отличным оратором, любил преклонение перед собой. Вместе с тем, был он замкнутым, что-то про себя таившим недобрым человеком, к себе не располагавшим.

Во время Первой мировой войны Третьяков был заместителем председателя московского Военно-Промышленного комитета, поставлявшего армии оружие и снабжение. В первые дни февральской революции 1917 года Третьяков выступил в городской думе с резкой речью против только что свергнутой династии Романовых. В сентябре 1917 года Третьяков занял пост председателя Высшего Экономического совещания в последнем коалиционном кабинете А. Ф. Керенского.

Октябрьская революция смела Временное правительство. «Министры-капиталисты» были брошены большевиками в Петропавловскую крепость, среди них был и Третьяков. Весною 1918 года его выпустили на свободу, и он поспешил из Петрограда в родную Москву. Как и большинство богачей, он был разорен большевистской революцией. Делать в Москве было нечего, да и жить опасно. Летом 1918 года он появился в Харькове. Тут он решил, забрав выехавшую на Кавказ семью, покинуть Россию. Расстроенный потерей состояния, он отдавал дань Бахусу в ночных ресторанах Харькова. В конце 1918 года Третьяков с семьей приехал в Париж.

В России пылала Гражданская война. Сибирское правительство адмирала А. В. Колчака предложило Третьякову пост министра торговли и промышленности. В сентябре 1919 года Третьяков приехал в Омск и вступил в управление своим министерством. Но дела Белой армии оборачивались плохо. Непосредственная угроза красных Омску вынудила правительство эвакуироваться в Иркутск. Вместо ушедшего в отставку П. В. Вологодского премьер-министром был назначен В. Н. Пепеляев, предложивший Третьякову пост заместителя председателя совета министров и министра иностранных дел. Третьяков согласился. Вскоре последовал крах белых в Сибири, адмирал Колчак был захвачен красными и расстрелян, а Третьяков покинул Сибирь и вернулся в Париж.

Началась эмигрантская жизнь. Как большинство эмигрантов, Третьяков безотчетно верил в скорое падение власти большевиков и скорое возвращение в Россию. Финансовые и торгово-промышленные деятели, непримиримо враждебные к коммунизму, собрались в 1921 году на съезд и возродили Торгово-Промышленный Союз. Во всех начинаниях Союза Третьяков принимал живейшее участие и фактически стал его руководителем.

В эти дни он остро нуждался в деньгах и влез в большие долги. Считая месье министра кредитоспособным, французские банки дали ему взаймы несколько сот тысяч франков. После зрелого размышления Третьяков доказал свою

кредитоспособность. Он сумел продать бывшую в руках большевиков Большую Костромскую мануфактуру Рябушинским, вовремя вывезшим за границу свои капиталы. Сделка, состоявшаяся в Лондоне, была окутана тайной: сам Третьяков не был крупным акционером фирмы, а от матери, обладательницы львиной доли акций, доверенности он не имел. Полученные от Рябушинских сто тысяч долларов позволили Третьякову рассчитаться с долгами и на несколько лет обеспечить семье безбедное существование.

Шли годы, средства исчерпались, настала острая нужда. Пришлось отказаться от просторной и удобной квартиры. Третьяков с сыном поселились в крохотном номере дешевой гостиницы в Бийянкуре, около Порт де Сен-Клу. Жена торговала парфюмерией, одна из дочерей мастерила дамские шляпки. И вот надменный работодатель, свысока относившийся к подчиненным, сам оказался в подчинении у Миронова, издателя журнала «Иллюстрированная Россия». Разъезжая по Парижу в поездах метро, он собирал подписку на журнал и объявления для журнала. Его угнетало сознание того, что он, знаменитый Третьяков, оказался на побегушках у какого-то мелкотравчатого Миронова.

По делам «Иллюстрированной России» Третьяков часто посещал юридический кабинет И. А. Кириллова, бывшего деятеля Союза городов в Сибири. Здесь он случайно встретился со старым знакомым, инженером Окороковым, управлявшим в Омске министерством торговли. Окороков не скрыл от Третьякова своих связей с большевиками. Вероятно, эта встреча оказалась роковой для Третьякова. В то время Третьяков сильно пил, и не раз можно было его видеть сидевшим на скамье в сквере около Порт де Сен-Клу в состоянии полного опьянения. Однажды он покушался на самоубийство, приняв большую дозу веронала, и умер бы, если бы в критический момент не пришла его дочь, вызвавшая «скорую помощь». В госпитале врачи вернули его к жизни.

В 1934 году, когда генералы Шатилов и Абрамов пытались сместить Е. К. Миллера с поста председателя РОВСа, Третьяков снял сразу три квартиры в доме № 30 на рю дю Колизе. Две из них были на третьем этаже, одна из них как раз над помещением управления РОВСа. В третьей квартире на четвертом этаже поселился он сам с семьей. С той поры он перестал пить и стал примерным трезвенником.

Желая сократить расходы, генерал Миллер искал в это время более дешевое помещение. Узнав об этом, Третьяков предложил генералу квартиру на третьем этаже, расположенную над управлением РОВСа. Цена оказалась подходящей, и в декабре

1934 года управление перешло на третий этаж. В 1936 году понадобилось новое сокращение бюджета, и генерал Миллер принял предложение Третьякова перейти в меньшую и более дешевую квартиру на том же третьем этаже.

После гибели генерала Миллера и переноса центра РОВСа в Брюссель, в помещении, откуда бежал Скоблин, осталось управление 1-го Отдела РОВСа со своим начальником генералом Витковским.

Увеличение штата служащих в управлении потребовало более просторного помещения. И Третьяков предложил Витковскому перейти в большую квартиру на третьем этаже, уже занимавшуюся РОВСом. Третьяков любезно согласился заново покрасить помещение, а заодно спросил, какая комната отводится под кабинет Витковского.

10 июня 1942 года генерала Витковского вызвали в Зихерхайтсполицай, гестаповцы допросили его о Третьякове. Витковский ответил, что знает его как деятеля Торгово-Промышленного Союза и квартирохозяина РОВСа.

17 июня начальник канцелярии 1-го Отдела полковник Мацылев сообщил по телефону Витковскому о прибытии в управление немецких офицеров, желавших переговорить с ним по важному делу. Витковский поспешил в управление. В свой кабинет он пригласил двух немецких офицеров. Один из них сообщил, что утром этого дня у Третьякова был произведен обыск, давший ощутительные результаты. Тщательно осмотрев кабинет Витковского, немцы обнаружили микрофон, спрятанный под плинтусом около камина, как раз напротив его письменного стола. От микрофона тянулся провод к приемному устройству в квартире Третьякова. При дальнейшем осмотре выявились следы более ранней проводки и установки микрофонов в кабинетах генерала Миллера в обеих квартирах третьего этажа.

Жертвой подслушивания оказался не только РОВС. Третьяков позаботился и о своем Торгово-Промышленном Союзе. Он уговорил своих коллег перейти к нему на рю дю Колизе. На заседаниях совета Союза читались интересные доклады, высказывались откровенные мнения о положении в СССР и целях эмиграции. Заседания посещали видные представители различных кругов эмиграции. В квартире, заботами любезного хозяина, появились удобные кресла для особо почетных гостей. Под креслами были найдены микрофоны, все разговоры подслушивались.

Рабочие коммунисты из французского Министерства почт, телеграфов и телефонов провели прямой провод с рю дю Колизе в здание советского полпредства на рю де Гренель. Сидя в своем

кабинете, резидент НКВД в Париже годами подслушивал разговоры виднейших эмигрантов.

Арестованного Третьякова немцы отправили в Германию. 16 июня 1944 года он был расстрелян в концентрационном лагере в Ораниенбурге, вблизи от Берлина.

2. Конец Кусонского

«О недопустимости дальнейшего занятия мною каких-либо должностей в РОВСе» Кусонский забыл очень скоро. После вступления генерала Архангельского в должность начальника РОВСа, Кусонский переехал из Парижа в Брюссель. И опять стал начальником канцелярии РОВСа. Так, благодаря «линейским» генералам, было быстро забыто и прощено его непростительное поведение в роковой для генерала Миллера день.

Летом 1940 года армии Гитлера заняли Бельгию и добрую половину Франции. Под пятой оккупантов оборвалась деятельность русских эмигрантских организаций. Немцы закрыли эмигрантские газеты и журналы. В столице Франции расцвел гитлеровский «Парижский Вестник».

В день вторжения Гитлера в Советский Союз, 22 июня 1941 года, во многих местах эмигрантского рассеяния, оказавшихся под властью гестапо, были арестованы русские эмигранты, чем-то неугодные гитлеровцам. Среди них были заведомые агенты большевиков, большевизаны и подозрительные личности; были и без вины пострадавшие.

33 человека были арестованы в Брюсселе гестаповцами. В большинстве это были белые русские офицеры. Их доставили к зданию гестапо на Рон Пуан де л'Авеню Луиз, посадили в крытые грузовики и отвезли в замок Брондонк, превращенный в каторжную тюрьму. В одном из казематов замка конвоиры отобрали у арестантов штатскую одежду, выдали им штаны и куртки защитного цвета с красной полосой на спине и белыми номерами. Затем объявили, что фамилий у арестантов больше нет, вместо них — номера.

Среди арестованных были генерал Кусонский, Борис Солоневич, поручик М. Колоколов и некий Куксин, подсаженный к заключенным сексот гестапо. Прошла неделя, и трое арестованных были выпущены на волю. В стенах замка остались тридцать русских.

Каждый день заключенных выгоняли на тяжелые земляные работы. Впивались они кирками в землю, копали лопатами, катали тачки с землей, толкали вагонетки.

Погонщики надзиратели жестоко обращались с ними. Но особенно зверствовали и издевались они над Кусонским. Шестидесятилетнему старику эти работы были совсем не по силам. Где и как только возможно, Колоколов старался помочь бывшему белому генералу. Крайне тяжело было старику орудовать лопатой. Когда надзиратели были вдалеке от них,

Колоколов копал землю и за себя, и за Кусонского. Однажды Кусонский хотел передохнуть, стоял недвижно с лопатой и зазевался. Застиг его врасплох лейтенант Штраус, ударил его ногой, хлестнул по лицу перчатками и злобно обругал, в словах не стесняясь. Всякий раз, поравнявшись с Кусонским, лейтенант бил его то кулаком в спину, то ногой ниже поясницы, то хлыстом по лицу. После удара по лицу перчатками Кусонский ушел в себя, погрузился в тяжелые думы, остро переживал оскорбление. Его здоровье ухудшалось, сдавало сердце, он терял аппетит, с каждым новым днем труднее становилось на непосильных работах.

Настал день, когда надзирателей из вермахта сменили молодые солдаты-гестаповцы. Издевательства над заключенными усилились, особенно зверствовали два эсэсовских унтер-офицера.

Один из них как-то спросил Колоколова, не он ли русский генерал? Узнав, что Колоколов только поручик, он крепко выругался по-немецки и отошел. На следующее утро, когда заключенные торопливо бежали на перекличку, Кусонский, едва передвигавший опухшие ноги, отстал от толпы. Эсэсовский унтер подскочил к Кусонскому и безжалостно избил его.

26 августа 1941 года истощенный Кусонский медленно тащился по коридору в амбулаторию за помощью к доктору-австрийцу Зингеру. Выросший словно из-под земли эсэсовский унтер набросился на Кусонского с кулаками. Кусонский упал. Унтер схватил его за ноги и поволок в амбулаторию. Прошло полчаса, и Кусонского не стало. Его тело, с багровым от побоев лицом, было забито в ящик и выброшено в безвестную могилу.

3. Последний путь С. Ц. Добровольского

В ночь на 21 апреля 1945 года, по распоряжению министра внутренних дел Финляндии, коммуниста Лейно, были арестованы и выданы на расправу в СССР 19 человек, из них 17 русских антикоммунистов, в большинстве граждан Финляндии, состоявших в РОВСе и НТСНП.

Арестованных доставили в Москву самолетом и поместили в знаменитую Лубянскую тюрьму. Среди них оказался генерал Северин Цезаревич Добровольский. Трагический конец антисоветской боевой деятельности РОВСа, увенчавшейся предательством Скоблина, не укротил воли Добровольского к борьбе с коммунизмом. Вторая мировая война открыла перед ним новые возможности. Он печатал листовки с призывами к борьбе против диктатуры Сталина и с попутным ветром переправлял их на воздушных шарах в советский тыл.

Как особо важный «военный преступник», Добровольский был предан суду военного трибунала. Суд военный суд скорый, но не милостивый, в ноябре 1945 года приговорил Добровольского к расстрелу.

Остальные пленники НКВД были заочно осуждены ОСО на разные сроки заключения в концлагерях. Некоторые из них побывали в прославившейся своей жестокостью Владимирской тюрьме. Там они встречались и беседовали с В. В. Шульгиным.

В конце 1955 года президент Финляндии Юхо Паасикиви обратился к правительству СССР с просьбой отпустить домой граждан Финляндии. Советы согласились. Одиннадцать человек, в том числе ротмистр Д. Д. Кузьмин-Караваев, марковец капитан В. В. Бастамов и член НТСНП Ф. Ф. Пира, вернулись в Финляндию.

Шестеро заключенных скончались в заточении; двое решили остаться в СССР. На запрос о Добровольском министерство иностранных дел Финляндии получило краткую справку: «Добровольский С. Ц. умер в январе 1946 года». Вероятно, смертный приговор был приведен в исполнение в обычный двухмесячный срок. О последних днях мужественного Добровольского известно только КГБ.

4. Конец генералов Шатилова и Абрамова

В оккупированной Франции гестапо заинтересовалось похищением генерала Миллера. Труп Плевицкой был извлечен из могилы. Вскрытие ее тела не принесло немцам ничего нового.

В ряде городов Франции немцы арестовали чинов РОВСа, причастных к «Внутренней линии». Среди арестованных оказались генерал Шатилов и проживавший в Лионе полковник Киреев, после бегства Скоблина поставленный во главе Объединения корниловцев.

Под арестом и следствием Шатилов пробыл десять месяцев. Умный и предусмотрительный, под документами «Внутренней линии» своей подписи он не ставил. Утверждал, что к основанной генералом Кутеповым «Внутренней линии» имел отношение только как начальник 1-го Отдела РОВСа. А всё остальное сваливал на других, благо были они далеко и не всегда в досягаемости гестапо. Назначенный немцами главой русской эмиграции во Франции Ю. Жеребков, начальник НОРР полковник П. Н. Богданович и генералы РОВСа хлопотали об освобождении Шатилова. Вероятно, гестапо не до конца разобралось в сложных делах «Вн. линии» и отпустило Шатилова на свободу. И, как писал журналист Видокк в парижской газете «О Пилори», Шатилов был «отмыт от каких-либо подозрений».

Разоблаченный в октябре 1937 года и «отмытый» летом 1942 года, он долгое время держался в тени. Но мало-помалу, вместе с уходом вдаль дел минувших, в послевоенные годы вернул себе положение в русской колонии Парижа. Возглавители РОВСа, и особенно генерал фон Лампе, всячески способствовали его реабилитации. Отведенному генералом Миллером от дел РОВСа Шатилову они преподнесли звание почетного члена Союза. 5 мая 1962 года Шатилов умер от рака крови.

Первые годы Второй мировой войны генерал Абрамов проживал в Софии. Он своевременно выбрался из Болгарии, спасаясь от стремительно наступавших армий маршала Толбухина. В ноябре 1944 года Абрамов был кооптирован в Комитет Освобождения Народов России (КОНР), возглавленный генералом А. А. Власовым. В 1948 году он переехал в Соединенные Штаты и поселился в доме пенсионеров Казачьего комитета в городке Фривуд Эйкрс. Вечером 8 марта 1963 года на улице Лэйквуда он погиб под колесами автомобиля.

5. Фосс и гестапо

В жаркий летний день, вскоре после вторжения немцев в СССР, в квартире полковника Жолондковского в Бухаресте царило необычное оживление. Из Софии прибыл капитан Фосс и с ним десятка два молодых людей, воспитанных под наблюдением «Вн. линии» в рядах НОРР и жаждавших борьбы с коммунизмом. В Бухаресте они задержались недолго. Вместе с Фоссом молодые люди отправились в Россию.

Об их деятельности в немецком тылу сведения были нехорошие. Известно, что они побывали в Крыму. В Симферополе при их участии выходила немецкая газета на русском языке. После начавшегося отката армий Гитлера Фосс и его молодые соратники отходили на запад. Они побывали в Умани, в Проскурове, в Виннице и в других городах, ревностно выполняя приказы Фосса. Сам Фосс принимал участие в охране ставки Гитлера в Виннице, за свои дела был он награжден «Железным крестом». Фосс был жестоким проводником варварской гитлеровской политики в России, оказавшейся так на руку Сталину. Фосс охотился за членами Национально-Трудового Союза (НТСНП), мужественно, но безуспешно пытавшимися создать независимую от немцев «третью силу» для освобождения России от коммунизма.

В феврале 1944 года руководитель подполья НТС на юге России Е. И. Мамуков прибыл в Одессу, где была подведомственная ему тайная группа единомышленников. Месяц спустя Фосс узнал о появлении Мамукова в городе. Фосс приступил к сбору сведений о деятельности членов НТС. По его заданию подручные собирали листовки НТС. В Одессе им удалось захватить матрицу листовки, призывавшей студентов и молодежь к борьбе как против большевиков, так и против оккупантов. 4 апреля верный человек предупредил Мамукова и его заместителя Сергея Голубова о том, что Фосс получил ордер на арест обоих в ночь с 4 на 5 апреля. Вечером 4 апреля Мамуков и Голубов поспешно покинули Одессу. Фоссу не удалось арестовать обреченных на концлагерь и, может быть, на смерть. Начавшаяся эвакуация Одессы помешала Фоссу выловить остальных членов одесской группы НТС.

После окончания Второй мировой войны Фосс под фамилией Александрова вынырнул в районе баварского города Кемптена. Затем он переехал в Мюнхен и поселился у некоего Моисеева на Леопольдштрассе. Здесь, под прикрытием вывески «строительной конторы», он занялся привычным делом, на сей раз для

американской контрразведки.

* * *

Возобновившаяся в Мюнхене деятельность Фосса обеспокоила русскую эмиграцию в Нью-Йорке. Один из лидеров Лиги Борьбы за Народную Свободу, Б. И. Николаевский, занялся прошлым «Внутренней линии» и личностью капитана Фосса. В большой статье, напечатанной в газете «Новое Русское Слово» от 16 апреля 1950 года, он напомнил о роли Скоблина в деле Тухачевского: «… руку, которая к нему протянулась из немецкого гестапо с фальшивками о Тухачевском, Сталин пожал не только для того, чтобы взять эти документы. С этого момента начинается вообще полоса сотрудничества сталино-гитлеровских разведок. Это сотрудничество заходило очень далеко, и значение работы кап. Фосса в Софии можно правильно понять, только рассматривая ее в качестве эпизода в этом большом сотрудничестве. Больше того, вся история „Внутренней линии“, вся внутренняя борьба в РОВСе 1930-х годов правильно понята может быть только в свете этой сложной игры советской и гитлеровской разведок».

Статья Николаевского вызвала многочисленные отклики. На страницах «Нового Русского Слова» появились письма П. Лиходея, Ивана Солоневича, статьи Ксении Деникиной и автора этих строк. Взаимно дополняя друг друга, авторы подчеркивали порочность этой тайной «Организации» и роли ее заправил: генералов Шатилова, Абрамова и Скоблина и капитанов Фосса и Закржевского.

6 и 7 октября 1950 года в «Новом Русском Слове» было напечатано обширное письмо в защиту «Внутренней линии». Подписал письмо полковник Ряснянский — по поручению и от имени руководства РОВСа. Сами же возглавители РОВСа, генерал Архангельский и его первый заместитель генерал фон Лампе, от подписи под этим письмом уклонились.

Письмо повторяло лживые доводы и утверждения, уже известные и давно опровергнутые документами самой «Внутренней линии». В частности говорилось, что Шатилов не был главой этой «Организации». Защищая «линейцев» и приводя приказ генерала Витковского о роспуске «Вн. линии», возглавители РОВСа намеренно оборвали на полуфразе § 7 заключений комиссии Эрдели: «Комиссия не может, с другой стороны, не осудить заправил „Внутренней линии“» и опустили ее примечательный конец: «генерала Шатилова, капитана Фосса и капитана Закржевского».

Лживые утверждения защитников «Внутренней линии» были документально опровергнуты статьей К. Деникиной и письмом в редакцию автора этой книги. Посрамленные защитники смолкли. Не подал голоса и Шатилов.

Полемика в печати выявила важное обстоятельство: прячась за спиной Ряснянского, защищали и оправдывали «Линию» сами возглавители РОВСа.

6. Тайны «Внутренней линии»

Прошло 25 лет со дня похищения генерала Миллера. Осенью 1962 года «Новое Русское Слово» опубликовало десять моих статей под общим названием «Гибель генерала Е. К. Миллера». Эту серию статей я подкрепил неизвестными мне до конца 50-х годов документами французского следствия и данными доклада комиссии генерала Эрдели. Казалось мне, что начальник РОВСа генерал фон Лампе и «линейцы» должны были откликнуться резкими и бурными, даже бездоказательными опровержениями. Но фон Лампе предпочел молчание.

Получая отклики от читателей, я не мог ответить им на вопрос, почему старшие начальники РОВСа и «линейцы» в целом никак не реагировали на описание провокационной деятельности «Организации» и ее главы Шатилова.

Пытаясь выяснить неизвестное, я написал для «Нового Русского Слова» новую серию статей под названием «Тайны „Внутренней линии“».

В статьях «Тайна зарождения» и «Генерал Кутепов и „Внутренняя линия“» я развеял упорно распространявшийся «линейцами» миф о ее основании генералом Кутеповым. Я указал, что у колыбели этого «ордена» незримых руководителей стояли Шатилов и Абрамов, генералы Генерального штаба, опытные в делах разведки наставники Фосса и Закржевского.

В третьей статье «Трест» и «Внутренняя линия» я писал:

«Как известно, свою весьма полезную для большевиков деятельность „Трест“ закончил в 1927 году пышным саморазоблачением. Р. Врага и Б. Николаевский вполне основательно считают, что в новой обстановке, сложившейся в связи с переходом к строительству социализма в одной стране, „Тресту“ в СССР не оставалось бы больше места. Хотя у некоторых лиц и организаций, имевших дело с „Трестом“, и возникали сомнения в его доброкачественности, всё же у него еще не были исчерпаны возможности дальнейших провокаций, и он мог бы еще долго морочить голову доверившимся ему людям.

Идя на разоблачение „Треста“, ГПУ имело свои собственные веские соображения в пользу его ликвидации. Ведь вместе с концом нэпа „гибли“ те „предприятия“, которые, по уверениям Якушева, финансировали работу „Треста“.

„Трест“ был гениально задуманной ловушкой для тех, кто пытался организовать из-за рубежа антисоветское подполье или добывать сведения о жизни СССР. Он был основан большевиками в то время, когда их секретные службы были слабы, когда нужно

было в первую очередь обезопасить советский строй внутри самой страны. С 1922 года до 1927 года прошло пять лет — срок вполне достаточный не только для обеспечения внутренней безопасности. Этот срок был более чем достаточен для проникновения в эмигрантские организации и для создания в них разветвленной сети информаторов и даже целых открытых и тайных провокационных организаций».

Документы «Внутренней линии» как раз и подтверждали наличие в РОВСе такой тайной организации. Всё же многое из ее деятельности оставалось тайной, и я призвал здравствовавших еще ее чинов, введенных в заблуждение своими именитыми руководителями, найти способ внести свой вклад в описание ее прошлого.

Этот мой призыв к тем, кто в подполье соучаствовал в травле генерала Миллера и в выдвижении на его место Шатилова, вызвали бурную реакцию у начальника РОВСа генерала фон Лампе. Его близкий сотрудник К. Перепеловский письмом в редакцию «Нового Русского Слова», вопреки известным фактам и документам, пытался опровергнуть мои утверждения. Защищая Шатилова, руководство РОВСа обвинило меня в отсутствии доказательств и атаковало мою фразу: «Если доказанный советский агент работал на ген. Шатилова, то логика говорит просто и ясно — ген. Шатилов был приемлем для НКВД».

В последующей статье «Без полемики» я привел ряд сведений из доверительного предварительного доклада от 14 декабря 1937 года, который был составлен секретарем французских следственных властей П. Тастевеном. Среди них было указание на Плевицкую, в своем кругу требовавшую замены Миллера Шатиловым, и два письма: одно от Скоблина Трошину и другое от генерала Зинкевича Скоблину, написанные за месяц до похищения генерала Миллера.

Письмом в редакцию «Нового Русского Слова» руководство РОВСа не ограничилось. В 146/147 номере журнала «Перекличка» за февраль — март 1964 года была напечатана яростная статья того же Перепеловского в защиту незащитимого Шатилова. Для придания этой статье большей авторитетности, сам фон Лампе приложил руку, распорядившись воспроизвести свой приказ № 48 от 5 мая 1962 года, отданный в связи со смертью Шатилова. Подобно Кольцову в «Правде», фон Лампе старательно и пышно восхвалял Шатилова, простирая на него благодать Врангеля, «начальника и друга». Вопреки правде, фон Лампе утверждал, что сам генерал Врангель назначил Шатилова начальником 1-го Отдела, «чрезвычайно сложного по составу и численности».

На сей раз уже не было и тени сомнения в том, что сам

начальник РОВСа вступился за главу «Внутренней линии». Тогда в статье «„Внутренняя линия“ защищается» я предложил фон Лампе «переадресовать предъявленные ко мне претензии и обвинить французские следственные власти в клевете на Шатилова». Одновременно я предложил фон Лампе либо продолжать защиту «Внутренней линии», либо помочь мне в расследовании ее еще не раскрытых тайн. И вновь воцарилось молчание.

В том же 1964 году вышла в свет книга Н. Свиткова «Внутренняя линия», основанная на материалах моего доклада, доклада И. А. Брянского и брошюры П. П. Савина. Несмотря на недостаточно точное понимание ряда документов и некоторые грубые ошибки, Свитков подробно и в основном верно представил «Организацию» Шатилова во всей ее непривлекательности. Свитков был прав, утверждая, что, вопреки приказам по РОВСу, «Внутренняя линия» распущена не была. В заключение он высказал предположение, что в то время вождем незримых руководителей могло быть «одно из следующих лиц: Лампе, Ряснянский или Орехов».

В моей рецензии на книгу я отметил, что генерал фон Лампе не откликнулся на мой призыв раскрыть тайны «Внутренней линии», и высказал мнение, что после появления книги Свиткова еще труднее будет ему даваться молчание. И он действительно откликнулся заявлением в парижской газете «Русская Мысль» от 22 декабря 1964 года:

> «Настоящим я утверждаю, что так называемая „Внутренняя линия“, упраздненная за несколько лет до моего вступления в должность Начальника РОВСа, ликвидирована была окончательно и никаких ее следов в Союзе нет»

Это категорическое, но ничем не подкрепленное заявление не отвечало на вопросы, поставленные в моих статьях «Тайны „Внутренней линии“». Письмом в редакцию «Нового Русского Слова», опубликованным 7 февраля 1965 года, я задал фон Лампе три вопроса: когда, кем и при каких обстоятельствах была основана «Внутренняя линия»; кем и когда было принято решение о ее упразднении; как проводилось упразднение **тайной** организации?

Ответом было гробовое молчание. 28 мая 1967 года фон Лампе умер в Париже. Известные ему тайны «Внутренней линии» он унес в могилу.

* * *

В годы Второй мировой войны РОВС как антикоммунистическая сила ничем себя не проявил. Лишь одиночки офицеры на свой риск и страх пробивались в Россию вопреки препятствиям со стороны гитлеровских властей, не пускавших эмигрантов на оккупированные русские земли. Никакой серьезной антикоммунистической организации эти одиночки основать не могли.

Возродить белое движение пытался в Югославии генерал-майор Михаил Федорович Скородумов, монархист-легитимист, в РОВСе не состоявший. С согласия немецкого командования на юго-востоке Европы генерал Скородумов сформировал отдельный Русский корпус из ветеранов русской императорской и белых армий. Несколько тысяч добровольцев, в том числе около тридцати генералов и офицеров царского Генерального штаба, вступили в ряды корпуса.

Скородумов отстаивал перед немцами русские национальные интересы. Столкновение этих интересов с идеологией и политикой нацистской Германии привело к смещению и аресту Скородумова. Вместо него командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант Борис Александрович Штейфон.

Русский корпус был одет в немецкие формы, генералы и офицеры принимались с понижением в чинах. Мечтам русских добровольцев о борьбе с коммунизмом на полях России немцы сразу же положили предел. Включив корпус в вермахт, они использовали его для борьбы с красными партизанами И. Тито. В боях Русский корпус понес тяжелые потери. С 12 сентября 1941 года по 12 мая 1945 года через рады корпуса прошли 17 090 человек. За это время были убиты, ранены, пропали без вести и покинули самовольно свои части 11 506 человек. Среди погибших был Генерального штаба генерал-майор М. М. Зинкевич. Принятый немцами на должность батальонного командира в чине оберст-лейтенанта, он был смертельно ранен в бою у городка Бусовача.

7. Легендарная Плевицкая

Канули в вечность три десятка лет. О Плевицкой забыли. И Советский Союз словно отрекся от своей рабоче-крестьянской певицы. А в 1969 году ее имя всплыло на страницах журнала «Советская музыка».

Музыковед И. Нестьев прославлял почвенно-крестьянский стиль Плевицкой, ее народность, отмечал популярность ее песен в среде рабочих Ленинграда. И «не было личности, более романтической, почти легендарной, чем Надежда Васильевна Плевицкая… Казалось бы, рожденная для того, чтобы именно в годы революции посвятить свой талант народу, навсегда покинула родину, не поняв великого смысла происходивших событий».

Небылицу о непонимании «великого смысла» большевистской революции подсказали Нестьеву люди из КГБ. Виновником перехода в стан белых был назван ее второй муж, «военспец» поручик Левицкий, «изменник, повернувший пушки» против Красной армии. Но Надежда Васильевна изменницей не была…

Обходя понятным молчанием «тягостные обстоятельства двадцатилетних скитаний певицы на чужбине», Нестьев утверждал, что суд в Париже безуспешно пытался доказать будто Плевицкая соучаствовала в похищении генерала Миллера. По Нестьеву и за ним стоящим, только Скоблин был повинен в преступлении, певица же пострадала напрасно. Не было и тайного задания московского ГПУ…

В 1970 году издательство «Советский композитор» выпустило книгу И. Нестьева «Звезды русской эстрады», посвященную певицам Варе Паниной, Анастасии Вяльцевой и Надежде Плевицкой. Львиная доля этой книги досталась Плевицкой. В знак своей особой признательности Плевицкой власти разрешили приложить к писаниям Нестьева 65 страниц, выбранных из ее книжек «Дёжкин карагод» и «Мой путь с песней».

Нестьев утверждал, что «инициатором этих публикаций был близкий друг и покровитель артистки врач-психиатр М. Я. Эттинген, на средства которого и было организовано издание книг». В знаменитой надписи «Нежно любимому другу М. Я. Эйтингтон» Нестьев почему-то исказил фамилию укрывшегося в Палестине мецената.

Нестьев восторженно аттестовал Плевицкую:

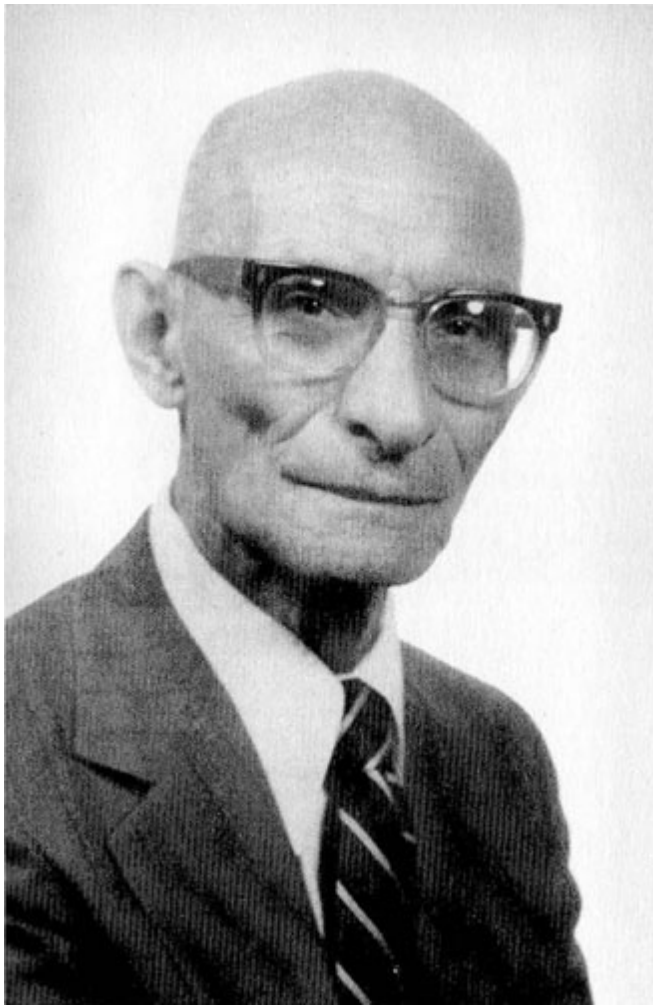
«Сегодня мы вправе утверждать, что песни Надежды Плевицкой принадлежат к классическому наследию русской эстрады, составляют одну из ценных граней многообразной

художественной культуры нации в сложную предреволюционную эпоху. И хотя имя артистки незаслуженно забыто, лучшие ее репертуарные находки и особенно ее исполнительские традиции зажили новой жизнью в искусстве послеоктябрьской поры».

«Реабилитация» Плевицкой ознаменовалась выпуском долгоиграющей пластинки с ее русскими песнями. Легендарная Плевицкая, по воле вождей СССР, восстановлена в своих рабоче-крестьянских правах. Ее песни вновь звучат на необъятных просторах России.

Силвер Спринг, 7 ноября 1978 г.

Иллюстрации



Б. Прянишников

Генерал барон П. Н. Врангель

Генерал Н. В. Скоблин

«Путь с песней». Плевицкая на эстраде

Генерал Врангель награждает Скоблина орденом Св. Николая

М. В. Захарченко-Шульц

Генерал А. П. Кутепов в форме Дроздовского пехотного полка

Генерал Е. К. Миллер

Р. П. Рончевский

Chef de la ligne intérieure succédant à CHATILOFF, qui avait occupé ce poste pendant quelques mois, le Général SKOBLINE, avait comme collaborateurs ZAVADSKY KRASNOPOLSKI dont il sera parlé ci-dessous, agent du Guépéou notoire, qu'il essaya de faire inscrire comme membre du R.O.V.C. (scellé 17 - Perquisition Colisée)

La candidature du Général CHATILOFF comme président du R.O.V.C. était énergiquement mise en avant par SKOBLINE et ses amis, ainsi que le prouvent les documents ci-dessous :

" ..... Quoi qu'on en dise, CHATILOFF pense par
" nos idées, d'autant plus que son âge est une garantie et
" qu'il n'a pas perdu tout espoir de retourner à la maison.
" Je suppose que nous gagnerions à mettre CHATILOFF à la
" place de WITKOVSKY, mais ceci est difficile sans pression
" énergique, d'autant plus que nous autres gradés supérieurs
" tirons chacun de notre côté. Néanmoins, tout n'est pas
" perdu et nous pouvons encore obtenir le retour de CHATI-
" LOFF. " (lettre de SKOBLINE au colonel TROCHINE, du 20 août 1937 - Scellé 6 - perquisition TROCHINE).

".... Il faut employer tous nos efforts pour
" attirer la collaboration du général CHATILOFF dans notre
" travail. Nous ressentons tous la situation équivoque, qui
" consiste à éloigner de notre activité le plus capable de
" nos généraux.....

" Dans un proche avenir, grâce aux transformations
" apportées aux Statuts du R.O.V.C., le général CHATILOFF
" n'aura aucune raison de ne pas y rentrer. Plus tard peut-
" être on réussira à le placer à la présidence du Conseil
" Supérieur, place qui lui revient de droit. Je te prie de
" ne confier mes plans à personne, car s'il échoue, c'est
" toi alors qui en seras responsable..."

(lettre du général ZINKEVITCH de Sofia au général SKOBLINE, du 20 août 1937 - Scellé- perquisition hôtel "Pax")

" ..... Il est évident que CHATILOFF ne reste pas
" inactif et qu'il fait quelque chose. Je suis un peu au cou-
" rant de ses affaires et à mon retour, je te raconterai ce
" que je sais. Cependant, dès maintenant je puis te dire
" qu'il fait son travail par l'intermédiaire de l'Espagne."
(lettre du 20 août 1937 adressée par SKOBLINE au colonel TROCHINE - Scellé 6 - Perquisition TROCHINE).

Фотокопия выдержек из доклада П. Тастевена

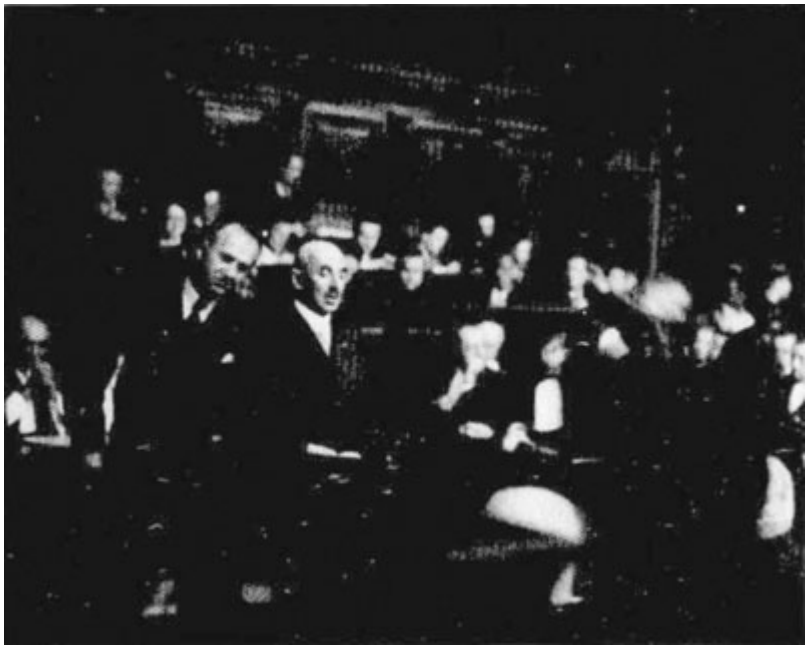
Адмирал М. А. Кедров беседует с репортерами

Плевицкая и следователь П. Марша после допроса

Дом Скоблиных в Озуар-ля-Феррьер

Генерал Деникин у барьера свидетелей

Плевицкая на скамье подсудимых



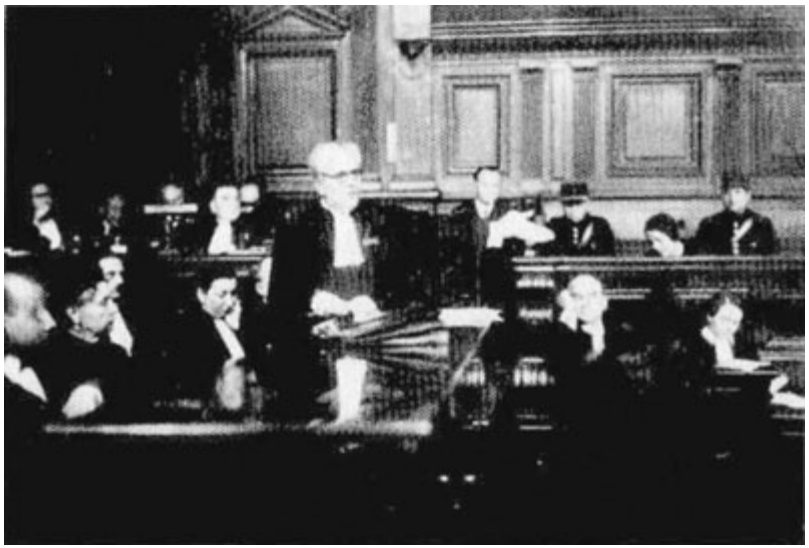
Генерал Кусонский у барьера свидетелей

Н. Н. Миллер, К. К. Миллер, мэтры М. Рибе и А. Н. Стрельников

Генерал Шатилов у барьера свидетелей

Генерал Эрдели у барьера свидетелей

Н. Плевицкая и ее защитники мэтры М. М. Филоненко и Ж. Шваб



Мэтр М. Рибе обвиняет Плевицкую

Библиография

Книги

Ардаматский В. Возмездие: Повесть. М.:Молодая гвардия, 1968.

Беседовский Г. З. На путях к термидору. В 2-х т. Париж, 1930–1931.

Бурышкин П. А. С. Н. Третьяков. Воспоминания. Неизданная рукопись. Париж, 1951 /Из собрания документов Б. И. Николаевского. Хуверовский Институт в Станфорде.

Витковский В. К. В борьбе за Россию. 1963.

Врангель П. Н. Записки. 5-й, 6-й тт. «Белого Дела». Берлин, 1928.

«Генерал Кутепов»: Сборник статей /Под ред. М. А. Критского. Париж.: Издание Комитета имени ген. Кутепова, 1934.

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2-х кн. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1978.

Зайцев А. 1918 год. Очерки по истории русской Гражданской войны. Париж, 1934.

Корниловский ударный полк / Сост. под руководством полковой комиссии и ред. М. А. Критским. Париж, 1936.

Корниловский ударный полк. 1917–1974 / Сост. Левитов М. Н. Париж, 1974.

Ларионов В. А. Боевая вылазка в СССР. Париж: Борьба за Россию, 1931.

Нестьев И. Звезды русской эстрады. М.: Советский композитор, 1970.

Никулин Л. Мертвая зыбь: Роман-хроника. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1965.

Плевицкая Н. Дёжкин карагод. Париж — Берлин: Таир, 1925.

Плевицкая Н. Мой путь с песней. Париж: Таир, 1930.

50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968.

Свитков Н. Внутренняя линия/ С предисловием В. Д. Мержеевского. Сан-Пауло, 1964.

Солоневич И. Россия в концлагере. Издание НТСНП. София, 1936.

Фомин Ф. Записки старого чекиста. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.

Belin, commissaire. «Trente ans de Sûreté Nationale» (Chapitre XXIII). Paris, 1950.

Krivitsky V. G. «Agent dè Staline». Paris, 1940.

Shaplen R. Kreuger: Genius and Swindler /Introduction by John

Kennet Gailbraith. New York: A. Knopf, 1960.

Wolin Simon and Robert M. Slusser. The Soviet Secret Police. Frederick A. Praeger. New York, 1957.

Брошюры

Алексеев Н., Бажанов Б. Похищение генерала А. П. Кутепова большевиками. Вып.1. Париж, 1930.

Бурцев В. Л. В защиту правды. Париж, 1931.

Бурцев В. Л. Большевицкие гангстеры в Париже. Похищение генерала Миллера и генерала Кутепова. Париж, 1939.

Внутренняя линия. (Правда о третьем тресте). Публичные доклады, прочитанные Б. В. Прянишниковым и И. А. Брянским в Париже. Париж: КОВР отдела НТСНП во Франции, 1937.

Иогансен В. Дело генерала Лампе: Сборник документов. Буэнос-Айрес, 1961.

Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М.: Издание Литиздата Народного комиссариата по иностранным делам, 1928.

О провокации/ Доклад И. А. Брянского на открытом собрании 9 октября 1937 г. Париж: КОВР отдела НТСНП во Франции, 1937.

L'enlèvement du Général de Miller par le Général Skobline. Le procès de la Plevitzkaia. Plaidoirie du Maèotre Maurice Ribet devant la Cour D'Assises de la Seine, audiences des 5,6, 7, 10,12, 13,14 décembre 1938. Paris.

Документы

Бубнов. «Отчет о поездке». Составлен 1–5 июля 1928 г. в Гельсингфорсе. Из собрания документов Б. И. Николаевского, Гуверовский Институт в Станфорде.

«Внутренняя линия». Докладная записка НТСНП Ю. Ф. Семенову, редактору газеты «Возрождение». Из архива И. К. Мартыновского-Опишня.

Выдержки из показаний агента Г.П.У. Александра Николаевича Петрова («Кавказца»), данных 27 августа 1929 г. в Брюсселе бельгийской полиции. Из архива К. В. Деникиной.

Доклад Особой комиссии по делу Скоблина от 28 февраля 1938 г.: события 22 сентября 1937 г.; деятельность, связи и служба Скоблина в РОВС и в частях 1-го армейского корпуса; о Внутренней линии. Из архива К. В. Деникиной.

Донесения М. Захарченко-Шульцген. Кутепову. Из архива генерала П. Н. Врангеля, Гуверовский институт в Станфорде.

Идеология Организации. Сов. секретно. Центр, 1 октября 1933 г. Город Париж. I. Цели Организации. II. Вступление в Организацию. III. Обязанности чинов Организации. IV. Привлечение в Организацию новых членов. Из архива К. В. Деникиной.

Из Архива Сев. — Американского Отдела РОВСа. О награждении капитана Фосса гитлеровским «Железным крестом». «Информация Русского Обще-Воинского Союза, Отдел в Северной Америке» № 1 (16), апрель 1970, Нью-Йорк.

Национальные Союзы Русской Молодежи за рубежом. Общая информация Организационного Бюро по объединению и созыву съезда русской национальной молодежи. № 2, 15 апреля 1930 г. Париж.

Опперпут Э. «Как возник Трест» и бумаги №№ 5, 20, 21,22,23,28 и 36. Из собрания документов Б. И. Николаевского, Гуверовский институт в Станфорде.

Павлов М. А. «Белая книга». Документы о взаимоотношениях РОВСа и НТСНП. Подготовлены к печати в 1939 г., но не изданы.

Переписка Особой комиссии по делу Скоблина с генералом Абрамовым. Письмо комиссии от 4 февраля 1938 г., ответ ген. Абрамова от 8 февраля и письмо комиссии от 25 февраля 1938 г. Из архива К. В. Деникиной.

Приказы № 9 и 10 Русскому Обще-Воинскому Союзу от 12 апреля 1939 г. генерала Архангельского, «Не для печати», о деле Н. Абрамова и «Внутренней линии». Из архива К. В. Деникиной.

Три письма Г. Н. Радковича. Из собрания документов

Б. И. Николаевского, Хуверовский институт в Станфорде.

Три разговора с генералом Е. К. Миллером в январе-феврале 1936 г. в изложении В. Д. Поремского. Из архива И. К. Мартыновского-Опишня.

Циркуляр № 55 от 5 апреля 1939 г. генерала Архангельского начальникам отделов и отделений РОВСа. «Не для печати». Из архива К. В. Деникиной.

Affaire Miller. P. Tastevin, secrétaire. Rapport confidentiel du 14 Décembre 1937; Exposé Sommaire de l'Affaire Miller du 27 Décembre 1937; Rapport d'André Roches, commissaire de la Police attaché la Direction de la Police Judiciaire, au Directeur de la Police Judiciaire, du 8 Février 1938; Au sujei du rôle joué par M-me Skobline dite «Plevitzkaia»; autres documents du 15 Novembre el du 1 Février 1938. Из собрания документов Б. И. Николаевского, Гуверовский институт в Станфорде.

Статьи в газетах и журналах

Александрович А. Эмиграция и Внутренняя линия//За Россию. № 64. Январь 1938 г. София.

Амфитеатров А. О Тресте// Возрождение. № 3962,3969, 3972. Апрель 1936 г. Париж.

Амфитеатров А. Взрыв на Мойке. К биографии Ю. Петерса// Возрождение. 27 мая 1936 г. Париж.

Амфитеатров А. Орден Иуды Предателя// Возрождение. 1, 8, 22 августа, 5, 12, 19 сентября, 31 октября, 7, 14 ноября 1936 г. Париж.

Берлин П. Дело Гитлера руками Сталина. Перевод статьи «Советский Союз на пути к бонапартизму?» из немецкого военного журнала «Deutsche Wehr». № 44.1938 г. //Новая Россия. № 57. 1 декабря 1938 г. Париж.

Брейтман Г. Из кафешантана к всероссийской известности// Новое Русское Слово. 20 июня 1971 г. Нью-Йорк.

Бурцев В. В сетях Г. П. У. Исповедь Савинкова// Иллюстрированная Россия. № 42 (127). 15 октября 1927 г. Париж.

Бурцев В. Ответ обвинителям и письма генералов Дьяконова и Корганова// Общее Дело. № 7.1930 г. Париж.

Виноградов Н. К истории Боевой организации ген. А. П. Кутепова// Часовой. № 320 и 321. Июнь и июль 1952 г. Брюссель.

Войцеховский С. Советские «сверх-азефы»: Из истории «Треста». Письмо Потапова ген. Кутепову//Возрождение. № 8. Март-апрель 1950 г. Париж.

Волков В. Из записной книжки исходника: К истории Боевой организации ген. А. П. Кутепова// Часовой. № 313. Ноябрь 1951 г. Брюссель.

Врага Р. Трест// Возрождение. № 7. Январь-февраль 1950 г. Париж.

Врага Р. и С. М. Еще о Тресте. Трест — Внутренняя линия// Возрождение. № 11. Сентябрь-октябрь 1950 г. Париж.

Врага Р. На полях одной книги: Критика книги Дж. Бэйли «Заговорщики»// Русская Мысль. 8,10 и 13 декабря 1960 г. Париж.

Головин Н. Генерал Е. К. Миллер на войне//Часовой. № 27. 15 марта 1930 г. Париж.

ГПУ в Париже :Сообщение о предательстве С. Н. Третьякова//Новое Слово. № 66 (448). 19 августа 1942 г. Берлин.

Деникина К. Внутренняя линия//Новое Русское Слово. 30 мая 1950 г. Нью-Йорк.

Деникина К. О Внутренней линии: По поводу письма С. Рясиянского.// Новое Русское Слово. 15 октября 1950 г. Нью-Йорк.

Дьяконов П. Письмо в редакцию. Наше послесловие// Возрождение. 5 марта 1930 г. Париж.

Зайцов А. К делу Попова и де Роберти//Возрождение. 26 июля 1930 г. Париж.

Зайцов А. Ответ полковника Зайцова//Возрождение. 28 и 29 августа 1930 г. Париж.

Ионов А. Генерал Е. К. Миллер, 1867–1937: Доклад на собрании чинов 2-го Северо-Американского Отдела РОВСа. 3 октября 1937 г. Нью-Йорк.

И. М. О гибели М. В. Захарченко-Шульц: Письмо в редакцию//Часовой. № 324. Ноябрь 1952 г. Брюссель.

Критский М. Последний разговор с генералом Кутеповым// Русская Мысль. № 732. 28 января 1955 г. Париж.

Ланской И. Воспоминания о ген. И. Г. Барбовиче: Письма П. Н. Врангеля//Россия. 23 и 24 марта 1962 г. Нью-Йорк.

Ларионов В. О первых павших// За Россию. Июль, сентябрь, ноябрь. 1934 г. и февраль 1935 г. София.

Лиходей П. Письмо в редакцию и ответ Б. Николаевского// Новое Русское Слово. 30 апреля 1950 г. Нью-Йорк.

Марушевский В. Год на Севере// Белое Дело. 1, 2, 3, и 4 тт. Берлин.

Мельгунов С. Загадки в деле генерала Кутепова//Новое Русское Слово. 3, 4, 5, 6, 7, 10 и 11 октября 1955 г. Нью-Йорк.

Микулич И. Савинков и Опперпут: Глава из готовящейся к печати книги «Борцы и провокаторы»//Новый журнал. № 75. 1964 г. Нью-Йорк.

Миллер Е. Борьба за Россию на Севере//Белое Дело, том 4. Берлин.

Миллер Е. Переписка с В. Л. Бурцевым// Возрождение. 14 августа 1930 г. Париж.

Мягков А. Нужна правда. По поводу легенды о «предварительном» соглашении Б. В. Савинкова //Последние Новости. 13 июня 1925 г. Париж.

Нестьев И. Надежда Плевицкая//Советская музыка. № 2. Февраль 1969 г. Москва.

Николаевский Б. Внутренняя линия и кап. К. А. Фосс. // Бюллетень Лиги Борьбы за Народную Свободу. № 24, вкладка в «Новое Русское Слово». 16 апреля 1950 г. Нью-Йорк.

Николаевский Б. Уроки «Треста»//Народная Правда. Май 1950 г. Париж.

Н. П. В. Процесс Н. В. Плевицкой: Отчеты о заседаниях

Сенского суда присяжных//Последние Новости. 4, 5,6, 7, 8,9,10,11,12, 13, 14 и 15 декабря 1938 г. Париж.

Николаевский Б. Тайна дела Тухачевского: С выдержками из книги Вальтера Хагена «Тайный фронт»//На Рубеже. № 1. Ноябрь 1951 г.

Опишня И. Генерал Кутепов и Внутренняя линия// Возрождение. № 41. Май 1955 г. Париж.

Перепеловский К. О похищении ген. Миллера, о Внутренней линии, о ген. Шатилове и проч.: Письмо в редакцию//Новое Русское Слою. 25 января. 1964. Нью-Йорк.

Перепеловский К. По поводу статей о генералах Миллере и Шатилове/С предисловием Б. К. //Перекличка. № 146/147. Февраль-март. 1964 г. Нью-Йорк.

Процесс Плевицкой. Отчеты о заседаниях Сенского суда присяжных//Возрождение. 9 и 16 декабря 1938 г. Париж.

Прянишников Б. О Внутренней линии//Новое Русское Слово. 16 июня 1950 г. Нью-Йорк.

Прянишников Б. Внутренняя линия: Письмо в редакцию// Новое Русское Слово. 20 октября 1950 г. Нью-Йорк.

Прянишников Б. Тень «Треста»//Новое Русское Слово. 18 октября 1936 г. Нью-Йорк.

Прянишников Б. Гибель генерала Е. К. Миллера//Новое Русское Слово. 9,10,12,13,14,17,19,20,22 и 24 сентября 1962 г. Нью-Йорк.

Прянишников Б. Тайны «Внутренней Линии»// Новое Русское Слово. 30 сентября, 1 и 7 октября 1963 г. Нью-Йорк.

Прянишников Б. Без полемики. Ответ К. Перепеловскому// Новое Русское Слово. 14 февраля 1964 г. Нью-Йорк.

Прянишников Б. Внутренняя линия защищается// Новое Русское Слово. 15 апреля 1964 г. Нью-Йорк.

Прянишников Б. Книга о Внутренней линии: Рецензия на книгу Н. Свиткова//Новое Русское Слово. 22 ноября 1964 г.

Прянишников Б. Внутренняя линия: Письмо в редакцию с вопросами генералу фон Лампе//Новое Русское Слово. 7 февраля 1965 г. Нью-Йорк.

Раскольников Ф. Как меня сделали «врагом народа»// Последние Новости. 26 июля 1939 г. Париж.

Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину//Новая Россия. 1 октября 1939 г. Париж.

Репухов И. Апофеоз Треста//Новое Русское Слово. 13 сентября 1965 г. Нью-Йорк.

Русская героиня. О М. В. Захарченко-Шульц//Часовой. № 320. Июнь 1952 г. Брюссель.

Ростовцев Ф. У истоков дела де Роберти// Возрождение. 4

июля 1930 г. Париж.

Ряснянский С. Внутренняя линия: Письмо в редакцию// Новое Русское Слово. 6 и 7 октября 1950 г. Нью-Йорк.

Семенов Ю. Второй Трест// Возрождение. 10 августа 1935 г. Париж.

Солоневич И. О деятельности Фосса: Письмо в редакцию// Новое Русское Слово. 24 мая 1950 г. Нью-Йорк.

С. Третьяков в руках гестапо: По сообщению из Виши// Новое Русское Слово. 5 августа 1942 г. Нью-Йорк.

Фон Лампе. Заявление//Русская Мысль. 22 декабря 1964 г. Париж; // Новое Русское Слово. 28 декабря 1964 г. Нью-Йорк.

Френкель И. Последние дни Плевицкой//Новое Русское Слово. 23 и 24 августа 1942 г. Нью-Йорк.

Цуриков Н. За Россию. Мария Владиславовна Захарченко-Шульц//Россия. № 12.12 ноября 1927 г. Париж.

Цуриков Н. Памяти павших: Биографические данные А. Болмасова, А. Сольского, Ю. Петерса и С. Соловьева// Россия. 26 мая. 1928. Париж.

Чебышев Н. Трест, история одной провокации// Возрождение. № 3702,3706,3711,3715,3718,3726,3729,3731, 3733, 3738,3740, 3746, 3748, 3754, 3760, 3769, 3774 и 3780 с 28 июля по 9 октября 1935 г.; с биографией М. Захарченко-Шульц в № 3780. Париж.

Mort de la Plevitskaia// Le Temps, le 7 Octobre 1940. Paris.

Примечание.

В настоящую библиографию не включены многие источники, имеющиеся в архиве автора.

notes

Примечания

1

Прянишников Б. Новопоколенцы. Силвер Спринг, 1986. С.15/

2

Возможно, резидент ИНО НКВД в Париже Станислав Глинский. — *Ред.*

3

Семейное прозвище Надежды Васильевны Плевицкой. — *Ред.*

«Известия Курского Совета», 16 августа 1918 года.

5

Вероятно, полковник Жуковский.

Всероссийский Инвалидный Комитет.

7

Великий князь Николай Николаевич.

Радкевич.

Захарченко.

10

Финляндия.

11

Ленинград.

Радкович.

13

Аресты.

14

Якушев.

Дорожинский.

Ланговой.

17

Кутепов.

18

Эстонский штаб

19

Коммунисты.

20

Арестам.

21

То есть — в Польшу.

Радкович.

23

Ларионов.

24

Следует список 75 учреждений в Петрограде и Москве с их адресами.

25

Возможно, псевдоним полковника Зайцева.

Кияковский.

27

Якушев.

28

Опперпут.

29

Некоторые слова не проявились.

Генерала Кутепова.

Отчет приводится в кратком изложении.

Вероятно, Н. Н. Бутаков.

33

Бубнов и Могилевич — вероятно, псевдонимы.

34

Николай Иванович Бухарин.

Захарченко-Шульц.

36

Псевдоним эмиссара.

37

Псевдоним.

38

Генерального штаба генерал-майор, граф А А. Игнатьев был до октябрьской революции военным атташе в Париже.

39

«Часовой» № 27, 15 апреля 1930 г.

ВР — РОВС, вероятно, две первые буквы фамилии ген. Врангеля; АА-НСНП.

А2 — Исполнительное Бюро Совета НСНП.

42

Александр Павлович Кутепов.

115 и Павлов — клички Шатилова.

44

С половины июня по декабрь 1919 года и с июня 1920 до июня 1921 года.

Кирееву.

Николай Скоблин.

47

Париж.

Герцог Лейхтенбергский.

Инициалы М. А. Георгиевского.

50

Париж.

51

СЛ — Франция. Инициалы Сергея Лейхтенбергского. Радкевич.

52

Вероятно, генералу фон Лампе.

Е. К. Миллер.

Н. Н. Стогов.

Шатилов.

Ларионова.

Т. е. с Эрдели.

М. И. Селиверстов.

59

Полковник, начальник НОРР.

Большевиками.

61

С ведома Шатилова, чин «Вн. линии» Беневоленский, кличка Баргин, подчиненный капитану Войтеховичу в Риуперу, был прикомандирован в 1934 году к Союзу Возвращения на Родину.

62

Иван Эрдели.

А. И. Деникина.

«Часовой», № 64–65,1931 г.

Т. е. Шатилова.

Добровольский.

Миллер.

Скоблин.

69

Скоблин.

70

Начальник подполковника Мальмберга.

71

Финны.

72

Эмиссары Миллера.

73

Финны.

Оружие.

Советская власть.

76

Из рапорта полковника Федосенко генералу Эрдели от 2 февраля 1935 г.

77

Ген. А. И. Деникин.

Скоблин.

К. Миллер.

Т. е. Прилуцкого и Насонова.

81

Начальник 2-го отдела генерального штаба Финляндии.

Скоблин.

83

Не выяснен.

Полковник П. Н. Богданович, начальник Национальной Организации Русских Разведчиков.

Атаманского военного училища.

Скоблин.

Генерал А. В. Туркул.

Шатилов.

Миллер.

90

Генерал Владимир Алексеевич Альтфан — начальник групп РОВСа в Финляндии.

91

Е. К. Миллер.

92

Вериста — сенатор В. Н. Новиков, поклонник Муссолини и итальянского фашизма.

Подразумевался С. Н. Благовещенский.

О свидании с советскими агентами Райгородский рассказал своему доброму знакомому, сотруднику газеты «Последние Новости» Андрею Седых, взяв с него предварительно слово о сохранении тайны. В октябре 1976 года А. Седых, уже редактор «Нового Русского Слова», поделился с автором тайной Райгородского, к тому времени уже покойного.

«Вестник Общества Галлиполийцев», № 8,15 февраля 1934 г.

Завадский-Краснопольский.

Корниловец капитан Батуев.

CCCP.

Скоблин.

100

Руководители финской разведки.

101

Фосс.

102

Генерал Миллер и адмирал Кедров.

103

Шатилов.

«Часовой», № 198, 20 октября 1937 г.

105

Начальник финской разведки.

«Возрождение», 6 августа 1937 г.; «Голос России», № 70, 26 окт. 1937.

107

Подчеркнуто во французском тексте письма.

Е. К. Миллер.